Н.П. Бурляев

МОЙ ЛЕРМОНТОВ

ЖИЗНЬ В ТРЁХ ТОМАХ
ИЗБРАННЫЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

I том

Золотой Витязь

Москва
2011

УДК 821.161.1-821Бурляев Н.П.
ББК 84(2Рос=Рус)6я-43
Б91

Бурляев Николай Петрович.
Жизнь в трёх томах. Избранные литературные произведения.
Том I. МОЙ ЛЕРМОНТОВ / Н.П. Бурляев. – М. : О-во сохранения лит. наследия. «Золотой Витязь», 2011. – 464 с. : фот. – ISBN 978-5-902484-41-7. – ISBN 978-5-902484-42-4.

Агентство CIP РГБ

Трёхтомник, выпущенный к 65-летию Н.П. Бурляева – кинорежиссёра, поэта, актёра, общественного деятеля – представляет собой, по словам автора, его «литературную исповедь».

В первый том вошли киноповесть «Сын вольности», по которой Н.П. Бурляев поставил фильм «Лермонтов», и «Дневник кинорежиссёра», рассказывающий о тернистом пути художника, который творит во имя возвышения человеческой души, во благо Отечества.

При оформлении издания использованы кадры из фильмов: «Лермонтов» к/с «Мосфильм» 1986 г. (I том), «Детство Бемби» к/с им. Горького 1987 г. (II том), фотоработы С. Власова, В. Гришина, И. Гневышева, С. Иванова, М. Гнесюка, А. Стрельникова и др.

На фронтисписе первого тома – портрет М.Ю. Лермонтова художника П.Е. Заболотского, 1837 г. и портрет Н.П. Бурляева в роли Лермонтова художника А. Петько.

Издание осуществлено при поддержке
Центрального выставочного комплекса «ЭКСПОЦЕНТР» –
Генерального спонсора Славянского форума искусств «Золотой Витязь».
Автор выражает искреннюю благодарность генеральному директору
ЗАО «ЭКСПОЦЕНТР» Владиславу Леонидовичу Малькевичу

ISBN 978-5-902484-41-7
ISBN 978-5-902484-42-4

© Н.П. Бурляев, 2011.
© Золотой Витязь, 2011.

ЖИЗНЬ В ТРЁХ ТОМАХ

От автора

Вы держите в руках мою жизнь. Она уместилась в три тома литературной исповеди. Всё, что вам предстоит прочитать, написано абсолютно искренне. Человеку дано предвидеть, предчувствовать Божий план о своей судьбе. Свой *план* я ощутил в пять лет от роду. В этот *план* входило и то, что я буду писать. И я писал и складывал в стол, и не торопился с изданием, ибо всегда высоко ценил звание «Русский Писатель». Кроме того я достаточно критически относился ко всему написанному мною. Первая моя книга вышла в 2003 году, когда мне было уже 56 лет. Я озаглавил её строчкой из своего стихотворения – «Одолевая радостью страданья». Так я старался жить всегда и вам того же советую. Радость сердца и вера способны победить любые испытания судьбы. Спустя девять лет, к 65-летию созрел этот трёхтомник. Навсегда сохраню в своём сердце благодарность Владиславу Леонидовичу Малькевичу, содействовавшему собиранию моей жизни в эти три книги.

Каждому человеку дана Господом песня его души. Важно осознать её, услышать в себе и в полный голос пропеть эту песню за краткое время своего пребывания на земле. Во всём, что здесь написано: в поэзии, прозе, публицистике, воспоминаниях, речах – я старался не фальшивя петь песню своей души. Это позволяет мне надеяться на то, что, несмотря на разнообразие жанров, вы ощутите целое, и оно будет небезынтересно для вас. Я давно осознал истинность библейского завета: «Много в мире слов и не одного нет без значения». Этим заветом я руководствовался в своём творчестве: в актёрстве, режиссуре, литературе, драматургии, поэзии – и даже в повседневных общениях. Надеюсь, что все слова, написанные в этой книге, имеют значение, а значит, я могу рассчитывать на заинтересованное прочтение. Здесь почти всё, что я натворил за 45 лет писания: чтобы уж всё разом – с плеч долой. Из фрагментов этой трёхтомной литературной мозаики можно составить представление о целой эпохе длиною в 65 лет.

Первый том – «Мой Лермонтов». Моя песня о М.Ю. Лермонтове. Киноповесть «Сын вольности», на основе которой мне удалось поставить фильм своей судьбы. Параллельно с работой над этим фильмом я вёл «Дневник режиссёра», надеясь, что когда-нибудь он станет неотъемлемой частью фрески создания кинопроизведения, расскажет людям, интересующимся кино, как работали кинематографисты второй половины XX века, как проходили свой тернистый творческий путь и добивались поставленной цели. Не всё, что я хотел, вместилось в фильм. То, что осталось «за кадром», дополняют две статьи.

Второй том – «Фрагменты Божьего искусства» – составился из прозы, поэзии, воспоминаний, статей и речей. Повесть «Близнецы», написанная в 1979 году, публикуется впервые. Проба пера в прозаическом жанре. Рукопись затерялась при переездах, думал, навсегда, но «рукописи не горят», и совсем недавно, спустя 30 лет, она обнаружилась и ныне выносится на ваш суд.

Киноповесть «Пушкин», написанная мною в соавторстве с замечательным пушкиноведом В.Е. Орловым, издана в двух журналах и моей первой книге, но не воплощена на экране по воле чиновников Госкино и Министерства культуры. Это останется на их совести.

Я постарался полнее представить свои поэтические упражнения: поэму «Иван Вольнов», дорогую для меня своей автобиографичностью, исповедальностью, попыткой проследить путь героя от падения к возрождению. Здесь собраны стихотворения, за которые мне не стыдно, написанные в возрасте от двадцати до сорока лет. Впервые я решил представить на суд читателей давно написанную детскую поэтическую пьесу «Бемби», родившуюся благодаря одноимённому фильму вполне неожиданно. Режиссёр попросила меня написать стихотворный текст «от автора-сказочника», потом потребовались стихи для Бемби, для его матери, для Вожака, для Бабочки и Дуба. Так и родилась эта стихотворная философская сказка.

Я вспоминаю о моих друзьях и коллегах, чьи имена уже стали неотъемлемой частью истории русской культуры второй половины XX и начала XXI века. Героями моих воспоминаний являются и выдающиеся личности, с которыми меня свела судьба, люди, с

которыми я работал, дружил, кто формировал моё мировоззрение, окормлял духовное развитие: Святейшие Патриархи Московские и всея Руси Алексий II и Кирилл, Патриархи Сербские Павел и Иериней, Патриарх всея Грузии Илия II.

Бесконечно дорогие для меня – Андрей Тарковский, Николай Мордвинов, Сергей Бондарчук, Никита Михалков, Сергей Герасимов, Лев Кулиджанов, Юрий Завадский. Выдающиеся актёры и режиссёры – Вера Марецкая, Любовь Орлова, Фаина Раневская, Серафима Бирман, Тамара Макарова, Ия Саввина, Наталья Бондарчук, Александр Сокуров, Георгий Жжёнов, Евгений Матвеев, Владимир Васильев и Екатерина Максимова, Борис и Василий Ливановы, Марис Лиепа, Андрей Кончаловский, Алексей Баталов, Пётр Тодоровский, Инна Чурикова и Глеб Панфилов, Алиса Фрейндлих, Юрий Соломин, Анатолий Солоницын, Иван Лапиков, Олег Ефремов, Олег Даль, Михаил Ульянов, Олег Табаков, Анастасия Вертинская, Раиса Недашковская, Вячеслав Тихонов, Николай Губенко, Валентин Гафт... Писатели – Виктор Астафьев, Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Некрасов, Сергей Михалков и Наталья Кончаловская, Ираклий Андроников, Белла Ахмадулина. Выдающиеся композиторы Георгий Свиридов, Вячеслав Овчинников и Борис Петров. Художник Александр Шилов. Реставратор Савва Ямщиков. Скульптор Вячеслав Клыков. Великие спортсмены – Алексей Уланов и Ирина Роднина. Выдающиеся грузинские кинематографисты – Резо Чхеидзе, Тенгиз Абуладзе, Софико Чиаурели. Политики – Радован Караджич, Слободан Милошевич, Александр Лукашенко, Сергей Миронов, Георгий Полтавченко... Мои зарубежные друзья: поляки – Анджей Вайда, Кшиштоф Занусси, Барбара Бральска, Беата Тышкевич, Даниэль Ольбрыхский, сербы – Эмир Кустурица, Горан Паскалевич, Бата Живоинович, Йован Маркович, грек – Тео Ангелопулос, болгарин – Маргарит Николов...

На творческих встречах зрители часто задавали мне вопрос: «Кто вы: артист, режиссёр, поэт?..» В разные годы своей жизни отвечал по-разному. Лет 25 тому назад говорил: «Прежде всего – поэт, потом – режиссёр и, наконец, актёр». Сегодня я бы ответил: «Прежде всего я – создатель «Золотого Витязя», Международного объединения кинематографистов славянских и православных

народов и Союза деятелей Славянской культуры, а уже потом режиссёр, писатель, поэт, актёр. Актёрство всегда ставил на последнее место, почитая эту профессию недостаточно мужской. Во всём, что я совершал и писал, мною двигало желание возвысить душу человека, укрепить его на тернистых путях служения Отечеству, бесстрашия и веры в бессмертие духа.

В жизни мне суждено было отлить три главных колокола.

Первый – реальный колокол, создан руками и духом моего героя, литейщика колоколов Бориски, в судьбоносном фильме Андрея Тарковского «Андрей Рублёв». Второй колокол – мой авторский фильм «Лермонтов». Третий, самый главный колокол – Форум «Золотой Витязь». Этот поистине богатырский колокол звонит на Руси уже двадцать лет. Ему посвящается **третий том – «Славянский венец» (Летопись «Золотого Витязя»)**. Невероятная история рождения, выживания и возрастания исполина славянской культуры в неблагоприятных условиях нашей прозападной «либеральной демократии».

Славянский вопрос интересовал многих наших соотечественников. Этот вопрос тревожил А.С. Пушкина: «Славянские ль ручьи сольются в Русском море?..» Над этим вопросом размышлял Ф.И. Тютчев: «Опально-мировое племя, когда же будешь ты – народ? Когда же упразднится время твоей и розни, и невзгод, и грянет клич к объединенью?..» Этот клич к духовному единению двадцать лет назад провозгласил «Золотой Витязь». Настаёт время, когда всем нам, славянам, включая и вождей нашего племени, следует вспомнить завет великого русского писателя Ф.М. Достоевского: «У России есть две всемирно-исторические задачи: это – Славянство и Православие». Приходит час смело выступить на бой за душу человека всем славянам, окрылённым заповедью праведника-провидца, преподобного Серафима Саровского: «Земли и племена Славянские, как реки, сольются в одно великое море Славянское, перед которым в трепете будут все народы, и царства более могущественного не будет на земле».

СЫН ВОЛЬНОСТИ

Страницы жизни Михаила Юрьевича Лермонтова.
Киноповесть

Гроза. Гневно вспыхивают горные громады; на мгновение величественно вырисовываются на голубом фоне, и растворяются во внезапно наступивших сумерках, и вспыхивают вновь. Молниевы взоры неба вырывают из мрака фигуры противников, застывших друг против друга с пистолетами в руках: окаменелобледное лицо Мартынова; спокойные, внимательные и почему-то весёлые глаза Лермонтова. Николай – через мгновение у б и й ц а, но сейчас больше похожий на приговоренного к казни – медленно поднимает пистолет, начинает целиться, и дуло пистолета становится непомерно огромной, заполняющей все пространство, чёрной бездонной дырой.

А на губах Михаила – улыбка, похожая на материнскую: мягкая, добрая, светлая; и глубокие, внимательные глаза. Почему эти глаза, обычно такие беспощадные, пронзающие до темных, лживых подвалов человеческой души, горят сейчас вовсе не злобным огнём? И что они сейчас видят – друга Николая? Дуло, зияющее чернотой? Или просто смотрят в свою бездонную, как вечность, душу?..

Он прислушивается к чему-то внутри себя... Слышит далёкую, красивую, бесценную для его сердца мелодию... Его губы что-то шепчут, а сознание гулко повторяет:

Когда он первый раз открыл глаза,
Его улыбку встретила гроза...

То ли выстрел, то ли очередная ослепительная вспышка молнии, мощный громовой раскат – и радужное, золотистое сияние потекло, зато-

пляя все вокруг. Сияние и мелодия, став единым целым, разливаются и крепнут. Мелодию напевает несказанно нежный голос женщины: чистые высокие звуки ласкают простотой и гармонией слух, отзываются в сердце добротой и покоем. Из светящейся солнечной бездны пришла мама – проплыла и исчезла, но песня её продолжает звучать.

Следом потекли, такие же неудержимые, словно видения, зыбкие контуры лиц, очертания предметов, пейзажей: Мартынов... Варенька... Эрнест де Барант... голубоглазая восьмилетняя девочка, баюкающая куклу... Екатерина Чавчавадзе... отец... бабушка... император Николай... Пушкин... Бенкендорф... Наталья Николаевна Гончарова... гадалка Кирхгоф... Монго... генерал Чавчавадзе... лопоухий поваренок Васька... всадник, летящий к солнцу по красной степи... уродливые маскарадные маски... огонёк костра на дне лодки, скользящей над зеленой сетью трав пруда, счастливые папа и маленький Миша, плывущие в этой лодке... полусгнившие качели... исполинские горные хребты пронеслись, распластанные под орлиным или демонским крылом... Все эти видения возникают, проплывают хаотическим хороводом и тают, исчезают так же неожиданно, как появлялись, а мелодии материнской песни вторит спокойный, завораживающий голос Лермонтова:

Когда б в покорности незнанья
Нас жить Создатель осудил,
Неисполнимые желанья
Он в нашу душу б не вложил,
Он не позволил бы стремиться
К тому, что не должно свершиться,
Он не позволил бы искать
В себе и в мире совершенства,
Когда б нам полного блаженства
Не должно вечно было знать.
Но чувство есть у нас святое,
Надежда, Бог грядущих дней,
– Она в душе, где всё земное,
Живет наперекор страстей;
Она залог, что есть поныне

На небе иль в другой пустыне
Такое место, где любовь
Предстанет нам, как ангел нежный,
И где тоски её мятежной
Душа узнать не может вновь.

И врывается стремительный, кричащий хаос предметов, лиц, оглушительных звуков: мир обрушился и потёк в глаза новорождённого мальчика, едва он впервые вздохнул и закричал...

Когда он первый раз открыл глаза,
Его улыбку встретила гроза...

Невероятно расходилась в этот октябрьский вечер природа: все грохочет и вспыхивает за окнами московской квартиры. Большие деформированные тазы, кувшины, полотенца, руки, лица, люстра – гигантскими фрагментами проплывают чередой перед глазами новоявленного человека, ходившего по рукам, тазам, столам... Властная женщина, суетившаяся перед глазами ребенка больше остальных, вероятно новоиспеченная бабушка, приоткрывает дверь в соседнюю комнату, и в эту щель мгновенно вплывает бледное мужское лицо.

– Сын у тебя! – неприязненно шепчет бабушка и, облагодетельствовав «мужское лицо» этим сообщением, стирает это «лицо» закрытием двери...

Из колыбельки младенцу видна большая белоснежная постель: оттуда смотрят на него прекрасные карие глаза. Как хорошо и спокойно от их родного, ласкающего огня! Глаза согревают, охраняют, словно солнечные лучи. Струится через них доброта и любовь...

Мама! И хотя их навечно разъединили, они всегда будут понимать друг друга без слов – душою, сердцем, мыслью... Тёмные волосы молодой мамы разметались по кружевной подушке, рука сжимает

образок, прижатый к груди, иконописный лик Богоматери обращён к своему дитяти. Из сомкнутых губ льётся ласкающая слух, несказанно нежная знакомая мелодия:

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел...

В комнате царит только тихий прозрачный мамин голос, и не слышно грозы, и не страшно от этого нового грохочущего и полыхающего за окнами мира:

И месяц, и звёзды, и тучи толпой
Внимали той песне святой...

И глубокое звёздное небо за окном окружает тишиной и покоем мать и младенца, прильнувшего к материнской груди. Можно ли описать глаза Мадонны, словно ясно видящей не только судьбу своего ребенка, но каким-то внутренним взором прозревающей даже смысл его жизни:

Он душу младую в объятиях нёс
Для мира печали и слёз;
И звук его песни в душе молодой
Остался – без слов, но живой...

Мать носит дитя по комнате, баюкает его, подходит к окну: за мокрым стеклом плавают, едва освещённые бледным рассветом, неясные очертания белокаменного города.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна;
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли...

Как весело, интересно, иногда страшно – жить, и в два с половиной года осознать себя, начать вглядываться в причудливый

мир, обступающий тебя со всех сторон, и впервые назвать себя – Я! «Я» – это я... Меня назвали Мишей в честь дедушки, которого я не застал: он отравился из-за любви к красавице-соседке, за четыре года до моего рождения.

Уцепившись за подол кормилицы, я ковыляю босыми ножками по аллее тарханского парка, мне нравится шлёпать по мягкой, словно тёплая лепёшка, глине, посыпанной шершавыми осенними листьями... Я вижу резную беседку: в ней папу и свою молодую бонну Сесилью Фёдоровну; папа целует её – он добрый, и она хорошая. Потом папа резко оборачивается, и они оба смотрят на меня – растерянно и робко.

В детской комнате, уставясь в окно, беззвучно плачет моя бонна. Я понимаю это, потому что вижу её щёки, залитые слезами. Мне хочется утешить её, погладить подол платья, но она не обращает на меня внимания, и я выползаю в коридор. Там, за приоткрытой дверью, мама и папа – они бранятся. Папа выбегает в соседнюю комнату, хлопает дверь. Подле мамы возникает бабушка и тоже начинает браниться, упрекать маму, но мама не слушает, выбегает в дверь вслед за папой.

Бабушка замечает меня за неприкрытой дверью, бросается ко мне, поднимает на руки, передаёт подоспевшей виноватой бонне. Бабушка ничего не говорит ей, но её властные, недовольные глаза стегают Сесилью, словно бичом. Потом бабушка так же молча, демонстративно захлопывает форточку в коридорном окне и исчезает. И тут же появляется папа, распахивает эту форточку и, подойдя к нам с Сесильей, нежно треплет меня по голове и целует.

Вечером папа катает меня в лодке по нашему пруду. Он очень весёлый. На дне нашей лодки, на песке, горит костёрчик. Словно большая птица крыльями, папа смешно размахивает руками, хохочет сам и смешит меня. Папа весёлый и хороший. Нас окликают с берега: бабушка что-то кричит нам, размахивает моим тулупчиком. Папа становится грустным...

Бабушка уводит меня с пруда в дом, я оглядываюсь: папа, освещённый ко-

стерком, уплывает, растворяется в тумане – мне кажется, будто он уплывает навсегда...

О, милый мой! Не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю как вольную струю,
Люблю как жизнь мою...

Я на коленях у мамы, боюсь пошевелиться, перевести дыхание: я слушаю мамин голос, её песню! Что за звуки! Я забываю всё, когда мама мне поёт эту песню. В зеркале я вижу нас: себя, трехлетнего, прижавшегося к маминой груди, маму за нашим узким, длинным фортепьяно. Я забываю себя, не замечаю своих слёз, я не хочу, чтобы эта песня кончалась, хочу слышать мамин голос вечно, словно это голос вечности. И я не шевелюсь, не утираю слёз, пью глазами мамино отражение в зеркале: у нас одинаковые карие глаза и золотистые от солнца слёзы на щеках – мы слиты воедино этой песней вечного материнства...

Усни, постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов...

Сны... Воспоминания о прошлом и будущем... Сны – полёты почти каждую ночь: иногда весёлые и лёгкие, иногда настолько страшные своей жестокой реальностью, что я панически бросался в явь, просыпался. Иногда явь была настолько отвратительной, что я предпочёл бы считать её всего лишь дурным сном, стереть из памяти, забыть... Но я одарён, а может, наказан ужасной способностью: ничего не забывать...

Я люблю возиться на нашем просторном тарханском балконе: отнимать у лохматого добродушного пса деревянные чурки и по-

давать их кормилице, смешно колдующей над огромным, натёртым до сияния самоваром. Бабушка обожает чаепития на балконе. Здесь можно дать отдых глазу от хозяйских забот. В нескольких саженях от правого крыла балкона – белокаменная домовая церковка с внушительно высокими ступеньками, на которые я долго не отваживался взбираться. Прямо от дома кустарники и деревья резво убегают вниз по пологому спуску к пруду, а дальше, за прудом, дымы над селом, туманы над полями, синеющие до горизонта степи.

Вот из раскрытых дверей церкви выходит мама. От дома, по дорожке, к ней быстро приближается папа. Подойдя к маме, он начинает бранить её, размахивает какой-то бумажкой, зажатой в кулаке. Мама что-то отвечает, а папа вдруг ударяет её по лицу. Мне показалось, будто ударили меня. Удар отзывается во мне стоном...

Потом я заболеваю. Наверное, я спасал себя уходом из яви в сон и грезы: ведь только там мои близкие могли жить в мире, любви и согласии. Болела душа, сознание, охваченное бредом, постигало понятие – «несправедливость». Когда бы я ни открыл глаза – днём или ночью, – я вижу склонённое надо мной родное лицо. Мама держит мои горячие руки. Прикладывает ко лбу приятные, холодные салфетки. Снимает со своей шеи образок, надевает на меня, крестит и улыбается сквозь слёзы светло и печально...

Маму отпевали в большой сельской церкви, переполненной золотистым дымом. Голосил сельский хор. Специально ли так поставили тесовый гроб или нет, только мама утопала, растворялась в огненно-солнечном столпе, падавшем с купола, и казалась просто уснувшей...

Чёрный поп читал над мамой большую книгу, кадил... отпевал медленно, словно во сне. Закрыв лоб большим платком, в молчанье стоял отец.

Начали прощаться. Бабушка велит мне поцеловать маму в последний раз, хочет подвести, поднять меня. Я начинаю громко плакать, кричать, вырываюсь из её рук и бегу прочь из церкви.

Я брожу по дому, словно ищу маму: вот длиннющее раскрытое фортепьяно – оно молчит, вслушивается, поджидает маму, а она всё не идёт. Печально улыбается мамин портрет в её опустевшей комнате. Белоснежная прибранная постель сиротливо стоит, растворяясь в солнечном шафрановом луче, падающем из окна.

Кормилица качает меня на качелях подле нашего дома и косится на окна гостиной: там «делят» меня, там решается судьба отца и сына. Всклокоченный, бледный папа мечется по комнате; бабушка показывает ему какие-то бумаги, тычет их чуть ли не в лицо папе. В откровенный и беспощадный поединок выливается все, что прикипело к сердцу. Сквозь закрытые окна просачиваются разгневанные голоса:

– Воля ваша! Не отдам сына! Завтра! Мы уезжаем!

– Если ты... возьмёшь Мишеньку к себе... я лишу его наследства...

Потом папа больше не кричал; теперь говорит только бабушка, а папа, бледный, съёжившийся и потому какой-то маленький, утопает в кресле... Бабушка кладёт перед папой какую-то бумагу, даёт ему перо, и папа дрожащей рукой что-то пишет там, кладёт перо на стол, медленно поднимается с кресла, подходит к окну, машет мне и как-то жалко, словно извиняясь, улыбается...

Смешны для меня люди! Ссорятся из-за пустяков и отлагают час примирения, как будто это вещь, которую всегда успеют сделать! Не могу видеть равнодушно этого презрения к счастию ближнего. Все хотят, чтобы другие были счастливы по их образу мыслей – и таким образом уязвляют сердце, не имея средств излечить...

Всемогущий Боже! Ты видел, что я старался всегда прекратить эти распри. Зачем же всё это рушилось на голову мою. Я был как добыча, раздираемая двумя победителями, и каждый хотел обладать ею...

Наутро кони навсегда увозят папу из Тархан – вместе с его невеликими пожитками... коляска быстро удаляется от усадьбы... долго не оседает на дорогу пыль...

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть...

Целится в меня пистолетным дулом белокурый мальчик: мы, шестилетние, играем в «дуэль», и пистолеты у нас в руках деревянные. Мне почему-то страшно весело: я вижу хитрую мордочку, отраженную в оконном стекле – мою мордочку. Мне смешно видеть нашего лопоухого поварёнка Ваську.

Он ужасно переживает за меня, и качается на тонкой, длинной шее его всклокоченная голова. Смешон и этот незнакомый мальчик, который целится в меня: в старательном прищуре он скорчил такую презабавную мину... Мальчик «пукнул» губами, я рассмеялся в голос и показал жестом, что он промахнулся. Прицелился сам, но передумал: я поднял свой «пистолетик» и «пукнул» в небо... Мальчик почему-то счёл себя оскорблённым, и наш поединок продолжился «на клинках». Мы рубились игрушечными сабельками, и мне было ещё смешнее – так комически прыгал, злился и наскакивал на меня мальчик; так переживал за меня Васька, нетерпеливо, словно желая мне помочь, хлестал прутиком по траншее – круглой площадке, похожей на лобное место, – насыпанной крепостными мужиками специально для моих игр...

Я нарочно сдался мальчишке, закончил «дуэль» миром, подбежал к Ваське и протянул ему свою резную сабельку... Васька мигом расплылся, словно блин, и осторожно, кабы не сломать, обхватил рукоятку грязной пятерней... Я втащил его на траншею, и мы стали играть втроём: прыгали через Ваську козлами.

– Ты что здесь?! Марш на кухню, чеченец!

К нам приближалась бабушка. Ваську будто ветром сдуло.

– Да вы уж сами познакомились? – Довольная бабушка оправила рубашку на мне и кафтанчик на белокуром мальчике. – Это, Мишенька, твой новый компаньон, сосед наш – в шести верстах имение... Николя Мартынов...

Печальный Васька с осколками большой хрустальной кружки в руках умоляюще смотрит на бабушку. Виноватые карие глаза поварёнка полны слёз и чистосердечного раскаяния. Бабушка не шуточно бранит «чеченца» – видно, чашка дорогая. Я со двора, через окно, вижу происходящее в гостиной: вижу, как Ваську за ухо вывели из комнаты, потом – из дома. Почему-то плетусь за ними, словно магнитом влечёт. Только на конюшне, когда Васька безропотно стянул портки и рубаху, беззвучно рыдая, голый лёг на лавку, только когда в руках экзекутора появились розги, я осознал всё до конца. От ног до головы прокатилась по мне горячая волна боли, взвилась холодная ярость, лицо покраснело. Я схватил первое, что попалось под руки, – палку; с воплем и слезами бросился на истязателя. Конюх, случившийся подле, играючи вырвал её из моих рук. Тогда в мгновение ока я рванул у него из-за пояса здоровенный нож... Появилась перепуганная насмерть, бледная бабушка, бросилась ко мне, схватила на руки, отменила порку – всех разогнала и долго ещё не могла унять моих рыданий.

С тех пор она остерегалась наказывать при мне людей...

Больше всего я любил, когда наведывался в Тарханы дед Митрий, младший бабушкин брат, тридцатипятилетний генерал Дмитрий Алексеевич: статный, красивый, бесстрашный герой французской кампании. Наполеон... война... сражения... победы... – я слушал его рассказы, пил, не утоляясь, – живой водой вливалась в меня его богатырская речь, он пробуждал в моей душе новые, незнакомые прежде чувства и понятия – русский воин... Россия... Родина...

– Ну, брат, задал ты Аустерлиц на конюшне... знаю, уж докладывали, – рокотал он довольным басом и от души хохотал, сотрясая бахрому эполет.

А потом, разгорячённые, отдыхаем в высокой степной траве, беседуем, словно воины после битвы.

– А что такое Россия? – спрашиваю я деда.

Дед раскидывает руки, словно желая обнять всю землю, и отвечает:

– А вот это всё и есть Россия, земля наша, матушка родимая! Кто на неё только ни зарился, но никому мы её в обиду не дали и не дадим никогда. Паук паутину ткёт, опутывает могучее тело, но скоро встанет Русь, выпрямится во весь свой рост богатырский. Много ещё врагов у Руси и много забот. Готовь сердце к подвигу и ничего не бойся. Самое большое, чем могут тебе досадить враги, это смерть... А как душа наша бессмертна, то, выходит, и бояться нечего. Впрочем, и тихонько можно прожить, шёпотом.

– Зачем шёпотом, – отвечаю я. – Нужно в полный голос говорить...

Осенний день был погожим, и чай нас ждал прямо на дворе, возле дома. Дед Митрий вытер губы салфеткой и подал сигнал. Конюх, стоявший наготове, приблизился с осёдланной гнедой, под уздцы.

– Дозволишь, Лизонька, внучка покатать? Не тревожься, мы – легонько.

Бабушка не может отказать любимому брату даже в этом; правда, не удержалась от положенного опекунше беспокойства:

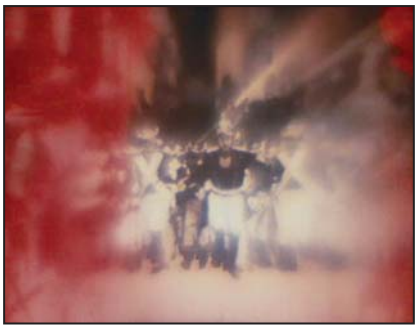
– Только осторожней, Митрий, не зашиби...

И мы летим, догоняем раскалённый солнечный диск, и огненно-красное степное море несётся нам навстречу золотыми волнами. Я так тесно прижимаюсь к груди любимого деда-героя,

что слышу, как у меня в спине колотится его сердце. Ветер обжигает лицо, высекает слёзы гордости и ликования... И мы оба, словно мальчишки, а может, настоящие гусары, кричим во всё горло: «У-ра-а-а-а!!!»

С детским простосердечием и доверчивостью кидался я в объятия всякого... Нетерпеливо старался я узнать сердце человеческое, пламенно любил природу, где всё приобретённое отпадало от души, и она делалась вновь такою, какой была некогда и, верно, будет когда-нибудь опять... Творение человечества было прекрасно в ослеплённых глазах моих... Меня занимала несбыточная, но прекрасная мечта общего братства... При одном названии свободы сердце моё вздрагивало и щёки покрывались живым румянцем.

Безмолвно, в нереально туманной дымке, словно мираж, стояло, топталось каре восставших на Сенатской площади. Пушечный снаряд нелепо рванулся в толпу людей, заволакивая дымом смятение...



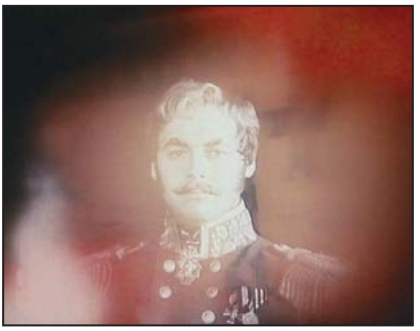
Дед Митрий растапливает печь какими-то бумагами, хотя рядышком громоздится аккуратная поленница сухого березняка... Почему он делает это ночью?.. Смертельно бледный и какой-то маленький, вовсе не похожий на моего любимого героя, красивого генерала. На лице – гримаса боли и страдания, рука – возле сердца под распахнутым мундиром. Стреляют, трещат дрова в печи, мечутся по стенам гигантские тени.

– Они же меня со Сперанским да с Аркадием – братом – в правительство своё хотели посадить, если бы... – дед не договаривает, медленно оседает на лавку, словно ноги его не держат.

Я не вижу, к кому обращается дед, да и не думал я ни о ком, кроме любезного своего Дмитрия Алексеевича. Всем сердцем ощутил я его боль, понимая, что произошло что-то страшное, не-

поправимое, и никогда больше нам не лететь по степи с моим любимым, сильным, непобедимым героем...

Через несколько дней пришло известие, что дед помер в своём имении, неожиданно и таинственно... «От сердца», – сказали нам. Но бабушка не верила в это, плакала, кричала, что его убили...



И я снова заболел тяжело и надолго: бредил, звал деда Митрия, маму. Мне казалось, что она снова неотлучно рядом со мной... Я открывал глаза, видел, что это бабушка, и снова проваливался в небытие. Ведь там я был не один, там жила мама... Она гладила мои волосы, напевала мне ту самую мелодию, молилась за меня в углу комнаты:

– Води его и управляй им, – шептали её губы. – В Твою руку предан дух его... Вразуми его и наставь его на путь, по которому ему идти, и все пути его да будут тверды... Дай ему знание пути Своего... Всё, что ни приключится ему, научи принимать охотно и быть долготерпеливым, ибо золото испытывается в огне, а люди, угодные Богу, в горниле уничижения... Отвергни от него лживость уст и лукавство языка, ибо на пути правды – жизнь, и на стезе её нет смерти... – потом мама растворялась в золотистом сиянии, а я ходил по пустынному дому и тихо повторял: «Мама... мама...»

«Мама!» – звал я, босой, стоящий в высокой траве с дедовской саблей в руках; вокруг меня без конца и края синеет степь, пропадает за туманным куполом горизонта... Потонувший вдали голос мамы вытесняется гулом и стрекотом, поднимающимся от гигантской, круглой земли, вместе с которой, мне казалось, мы плывём, летим под огненными облаками. И снова материнский

голос поёт мне песню, и я знаю, что засыпаю с улыбкой на губах...

Что за звуки! Неподвижен, внемлю
Сладким звукам я;
Забываю вечность, небо, землю,
Самого себя...

Меня спасли от смерти, но тяжёлый недуг оставил меня в совершенном расслаблении: я не мог ходить, не мог приподнять ложки. Долго оставался я в самом жалком положении; и если б я не получил от природы железного телосложения, то верно бы отправился на тот свет. Болезнь эта имела важные последствия и странное влияние на мой ум и характер: я выучился думать. Лишённый возможности развлекаться обыкновенными забавами детей, я начал искать их в самом себе. Воображение стало для меня новой игрушкой. Недаром учат детей, что с огнём играть не должно. Но увы! Никто не подозревал во мне этого скрытого огня, а между тем он обхватил всё существо моё. В продолжение мучительных бессонниц, задыхаясь между горячих подушек, я уже привыкал побеждать страдания тела, увлекаясь грёзами души... Я вступил в действительную жизнь, пережив её уже мысленно...

Я знал уже любовь, имея десять лет от роду... Это случилось на водах кавказских... В нашем доме...

Мамину песню пела девятилетняя девочка: она сидела у распахнутого в горы окна и баюкала свою куклу. Ветер шевелил её шелковистые волосы, белокурыми искрами ниспадавшие на плечики... голубые глаза кротки и нежны... белоснежная, хрупкая, она похожа на маленького ангелочка, слетевшего с ясных небес...

Как-то я вбежал в комнату: она была тут...

Моё сердце затрепетало, ноги подкосились. Я тогда ни об чём ещё не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь... Минута первого беспо-

ковства страстей... Этот потерянный рай долго ещё терзал мой ум...

За девочкой в распахнутом окне проступали сиреневые вершины гор. Они таинственно светились на темнеющем небосклоне, уже зажигавшем последние звёзды. Горы погружались в сон под нежные звуки маминой песни, которую пела эта девочка, радуя и щемя моё сердце...

Горы Кавказские для меня священны! Вы взлелеяли детство моё; вы носили меня на своих одичалых хребтах, облаками меня одевали, вы к небу меня приучили, и я с той поры всё мечтал об вас да о небе. Как я любил твои бури, Кавказ!.. Воздух там чист, как молитва ребенка, и люди, как вольные птицы, живут беззаботно; и в смуглых чертах их душа говорит... Всё, всё в этом крае прекрасно!..

– Большим человеком будешь! Злой жены берегись! В ней твоя погибель!

Бабушка не дала продолжать цыганке: заслонила меня от неё, всунула ей в руку монету и спровадила властным жестом. Никто не заметил, как, уходя в сторону гор, обернулась цыганка и хлестнула по мне глазами – обожгла на всю жизнь сердце.

Несколько свечей на тумбочках в разных концах комнаты таинственным блужданием теней тускло озаряют спальню университетского пансиона. Несмотря на глубокую ночь за окном, спят не многие из нас, четырнадцатилетних подростков. По рукам ходят запрещённые стихи; кто монотонно зубрит библейские тексты, кто шёпотом повторяет, заучивает «Думу» Рылеева.

– Так гнали и пророков, бывших прежде вас...

– Вы – соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь её солёною...

У меня в руках – список пушкинского «Пророка». Портрет Александра Сергеевича стоит на тумбочке подле портрета мамы, в такой же золочёной рамке.

«Глаголом жги сердца людей!» Эти слова приводят меня в душевный трепет. «Жги сердца людей...»

«Страж» под дверью подал сигнал. Мы, словно по команде, дунули на свои свечи. Я схватил портрет Пушкина и спрятал его на груди рядом с «Пророком», прикрыл одеялом.

Немец-воспитатель внимательными, цепкими глазами ощупал «спящих» пансионеров и затворил дверь.

И вновь по спальне зашелестел шёпоток:

– Вы – свет мира. И зажегши свечу, не ставят её под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме... Так да светит свет ваш перед людьми.

– ...Жги сердца... сердца людей...

И я провалился в сон. И вновь пришла ко мне мама. Она печально глядела на меня, просительно шептала: «Смирись!»

Пять виселиц с пятью повешенными выплыли из бездны, стали непомерно огромными застывшие в удушье фигуры. Откуда-то взялся император Николай Павлович, прищурился и стал живописным портретом в массивной золочёной раме, под которым стояли трое в расшитых золотом мундирах. Одного я узнал – граф Александр Христофорович Бенкендорф, остзейское холёное лицо, непроницаемые глаза, не мигая, смотрели на меня.

И все эти фигуры-видения говорят, приказывают, кричат: «Смирись! Смирись!! С м и р и с ь!!!» А я почему-то улыбаюсь, как тогда, в Тарханах, перед деревянным дулом Николая, а сознание рождает звонкие уверенные рифмы, сметающие этот дикий хаос лиц, образов, голосов:

Ещё не знаешь ты, кто я.
Утешься! Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя.

«Обречена судьба моя...» – повторяется в радужном колодце моего сна, и я знаю, что засыпаю со слезами и счастливой улыбкой...

Варенька! Варя! Счастье моё! Любовь... И вина... Хотя в чём я виноват пред тобою – не знаю сам. Ныне отпускаю тебя, навсегда оставляю в покое. Возможно ли это? Ведь любовь – чувство вечное.

«У Вареньки родинка, Варенька – уродинка! Варенька – уро...» Мой подзатыльник осёк Акимку, любившего дразнить тебя. Я забрал у него похищенный платочек и вернул тебе, и впервые увидел, вернее разглядел тебя. Виделись мы и прежде, но лишь тогда – в семнадцать лет, в Середниково – я обнаружил, что у тебя в душе – душа... Милая, ясная, как день, ты светло улыбнулась мне... Ветер коснулся твоих длинных волос, открыл нежные, покрытые румянцем щеки и маленькое родимое пятнышко на лбу... Вряд ли мой кузен Акимка догадался, что произошло тогда между нами. Что одной вспышки наших глаз может быть достаточно, чтобы осветить всю жизнь. Мы долго смотрели друг на друга, погружаясь в глубины наших душ.

Бахметева я не принял сразу, потому что уже тогда видел, как он примеряет тебя к себе, в будущие жены. Он казался мне старым и глупым, хотя он всегда был комильфо: стройным и моложавым. Я выглядел пред ним малорослым пигмеем и знал, что он не замечает во мне соперника. Это бесило меня, особенно когда ты улыбалась ему «моей» светлой улыбкой.

– Отчего вы сделались так печальны? – Бахметев ясно снисходил до меня.

– Причину даже совестно объявить.

– Однако ж! – Бахметев даже настаивал-то с безразличием ко мне.

И меня понесло:

– Зависть!

– Кому ж вы завидуете? Например...

– Тем, кто нравится всем с первого взгляда.

– Поверьте, – вмешалась ты, как всегда, осторожно и умно. – Кто скоро нравится, об том скоро и забывают.

– Боже мой! Что на свете не забывается? – воскликнул я и озлился на Бахметева – он смотрел на меня, словно на беспомощного птенца. – И если считать ни во что минутный успех – то где же счастье? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочного богатства... Глядишь... Смерть, болезнь, война, соперник, перемена общего мнения – и все труды пропали! А забвение равно неумолимо к минутам и столетиям. Если б меня спросили, чего я хочу: минуту полного блаженства или годы двусмысленного счастия, я бы скорей решился сосредоточить все свои чувства и страсти на одно божественное мгновение и потом страдать сколько угодно, чем мало-помалу растягивать их и размещать по номерам в промежутках скуки и печали.

– Я во всём с вами согласна, кроме того, что всё на свете забывается, – ты сказала это, глядя на меня отблеском «нашего первого взгляда». – Есть вещи, которые забыть невозможно. Особенно горести. – Слово «горести» ты произнесла так, словно прозревала в нём наши будущие печали.

Мы сидели на большом пне, едва касаясь друг друга спинами, и я боялся пошевелиться, произнести слово, потому что знал, что следующее моё слово будет признанием... Светила луна над прудом... оглушительно орали лягушки, в ушах звенело... И я решился: бросился в бездну – произнёс сдавленным шепотом:

– Ты должна быть со мной...

И ожидающая тишина, готовая стать пустотой... и твой ответ:

– Я с тобой... сейчас...

– Нет! Ты всегда... должна... быть... со мной... Мне кажется, что мы уже знакомы прежде рождения своего, читаем свою участь в голосе друг друга, в глазах, в улыбке... И не можем обмануться... И горе нам, если мы не вполне доверимся этому святому таинственному влечению...

И снова – тишина: оглушительная, выжигающая душу... и наши руки сблизились в безмолвном пожатии... губы соединились в первом поцелуе... мы целовали друг другу руки, уголки губ, волосы, глаза...

Мы скакали по полю верхом, обгоняя друг друга, и я любовался твоей ловкостью и красотой.

Нам редко мешали на наших прогулках. В Середникове много укромных уголков. Я говорил, говорил тебе всё, что было на моем сердце, ты слушала, слушала и редко говорила сама.

– Ты похожа на мою маму. Я никого не любил так, как её. Она – моя единственная вера. Может, поэтому я почти в каждой матери вижу надежду на спасение искушённого дьяволом человека: глаза должны видеть пример чистоты, преодолевшей соблазн, тщеславие, грехопадение, принявшей в сердце очищение навечно...

– Мне кажется, – говорила ты, с жалостью всматриваясь в меня, – я могу понять твоё сердце. Что печалит тебя?

– Все для нас в мире тайна, и тот, кто думает отгадать чуждое сердце или знать все подробности жизни своего лучшего друга, горько ошибается. Во всяком сердце, во всякой жизни пробежало чувство, промелькнуло событие, которых никто никому не откроет, и они-то самые важные и есть, они-то обыкновенно дают тайное направление чувствам и поступкам... Но я хочу рассказать тебе себя всего, хотя не знаю, можно ль рассказать душу. Не дай Бог, если мы не сможем говорить друг другу всё... Тогда мы потеряем друг друга... Ты должна знать обо мне всё...

– Говори.

– Ты хочешь знать...

– Хочу! – и влажные глаза твои ярко заблестели... Мне казалось: ты – ангел, изгнанный из рая за то, что слишком сожалел о человечестве.

– Подумай: есть тайны, на дне которых яд, тайны, которые неразрывно связывают две участи; есть люди, заражающие своим дыханием счастье других; всё, что их любит и ненавидит, обречено погибели... Берегись того и другого – узнав мою тайну, ты отдашь судьбу свою в руки опасного человека; он не сумеет лелеять цветок этот: он изломает его...

– Хочу знать непременно...

– Я имел небо, землю и себя, я был богат всеми чувствами. Видел солнце и был доволен. Но вдруг – всё исчезло: одна мысль, одно открытие, одна капля яда. Один сон. Однажды в тёмной своей комнате, простёртый на постели, лицом кверху, сложив руки, я уносился мыслью в вечность. Мне снилось наяву давно желанное блаженство – свобода. Я был дух, отчуждённый от всего живущего, дух всемогущий; не желающий, не сожалеющий ни о чём, завладевший прошлым и будущим, которое представлялось мне пёстрой картиной. Моя душа расширялась, она обнимала всю природу... Всё понимала... Я никогда не был так счастлив. И я летел над Россией. Я вдруг нашёл себя. В себе одном нашёл спасенье целому народу.

Тут я опомнился и посмотрел на тебя: чудное божественное видение; ты отделялась на тёмной листве парка, как утренняя звезда на туманном востоке. То не было существо земное – то были краски и свет вместо форм и тела. Ты не остановила меня, и я обрушил на тебя свою тайну. Никому, никогда потом я не говорил об этом. Об этом знаем только мы – это с нами умрёт.

Меня добру и небесам
Ты возвратить могла бы словом.
Твоей любви святым покровом
Одетый, я предстал бы там,
Как новый ангел в блеске новом...
...Я всё былое бросил в прах:

Мой рай, мой ад в твоих очах.
Люблю тебя нездешней страстью,
Как полюбить не можешь ты:
Всем упоением, всей властью
Бессмертной мысли и мечты.
В душе моей, с начала мира,
Твой образ был напечатлён;
Передо мной носился он
В пустынях вечного эфира...
...Моя ж печаль бессменно тут,
И ей конца, как мне, не будет;
И не вздремнуть в могиле ей!
Она то ластится, как змей,
То жжёт и плещет, будто пламень, –
То давит мысль мою, как камень –
Надежд погибших и страстей
Несокрушимый мавзолей!..

Я видел твои слёзы, видел, как болит за меня твоё сердце, видел, что принимаешь ты меня, как свой крест, словно Божий подарок. И мне было легко и свободно. Я спокойно закончил свою исповедь:

– Потом явилась тень моего отца и повелела умереть, ибо род наш должен нами кончиться. И всё тот же насмешливый голос шептал мне: ты способен обнять своею мыслью всё сотворённое; ты мог бы силою души разрушить естественный порядок и восстановить новый, для того-то я тебя не выпущу отсюда: довольно тебе знать, что ты можешь это сделать. С тех пор какой-то бешеный демон вселился в меня, но он не имел влияния на поступки мои; он только терзал меня; воскрешал умершие надежды, жажду любви. Он странствовал со мной рядом над пропастью, показывая мне целый рай в отдалении. Но чтоб достигнуть рая, надобно было перешагнуть через бездну. Я не решался. Кому завещать своё дело? Кому его уступить? Долго жить стало целью моей жизни.

– Мне страшно... – вдруг прошептала ты и прижала мою голову к своей груди, словно защищая её от грядущей плахи.

– Я вам этого не читал! – профессору Малову приходилось перекрывать горлом волнение в университетской аудитории. Он торчал передо мною на кафедре, словно потный шиш в ящике. – Я желал бы, чтобы вы мне отвечали именно то, что я проходил.

– Это правда, господин профессор, – прервал я его, и студенты мгновенно стихли. – Того, что я сейчас говорил, вы нам не читали и не могли передавать, потому что это слишком ново и до вас ещё не дошло.

– Откуда могли вы почерпнуть эти знания?

– Я пользуюсь источниками из своей собственной библиотеки, снабжённой всем современным.

– Я требую, – грубо остановил меня профессор, но ему не дали говорить: гул и шарканье ног в аудитории снова усилились.

– Вы, – крикнул Малов студентам, – выражаете свои мысли, как лошади, ногами!

Этим заявлением он подписал свой приговор. Поднялась настоящая буря – свист, шиканье, крики: «Вон его! Да сгинет! Вон!..»

Бледный как полотно, Малов сделал отчаянное усилие овладеть положением – и не мог: студенты вскочили на лавки. Малов тихо сошёл с кафедры и, съежившись, стал пробираться к дверям. Спасаясь, он забыл свои калоши. Я поднял их и швырнул в коридор вослед презренному полудурку. Он оглянулся испуганно и царапнул меня глазёнками.

– Позвольте спросить вас, Лермонтов, – студент Вистингоф взволнованно, но решительно обратился ко мне. – В какой это книге вы читали? Нельзя ли поделиться ею и с нами, – кивнул он на группу, от которой был ходатаем.

– Для чего вам хочется это знать? Будет бесполезно, если я удовлетворю ваше любопытство. Вы в ней ничего не поймете, если бы я даже и решился сообщить вам название её... – Вероят-

но, я при этом пронзил его своим взглядом насквозь, потому что он, словно ужаленный, отскочил прочь. Да, наградил меня Бог глазами и языком! Сколько врагов я приобрёл в тот день.

Но «до плахи», на которую я намеревался «перейти с твоей груди», было ещё далеко. Сначала я потерял тебя. Я помню день и мгновение, когда наш с тобою тайный союз, наш единый андрогин, дал трещину, потом раскололся, и мы розно поплыли по нашим жизням, мёртвым друг без друга.

Я знал, что эта новость причинит тебе боль, и поэтому решился сообщить её в столь шутливой форме:

– Московский университет я оставил, в Петербургский меня не приняли. В бабушкином «комитете» положено, что меня надобно отправить в Петербург и отдать в юнкерскую школу. Другого спасения они для меня не видят. Там, сказали они, меня прошколят и выучат дисциплине.

Твоё лицо, всегда такое живое, меняющееся непрестанно, вдруг начало каменеть, а глаза – видеть пока ещё скрытое от нас будущее, и я понял, что лучше не шутить, а говорить серьёзно...

– Я не могу не видеть тебя одного дня, а тут – два года. Но я утешаю себя, что это всего два года, а потом – вместе. Всегда... Быть может, такова особая воля провидения. До сих пор я предназначал себя для литературного поприща, принёс столько жертв своему неблагодарному кумиру и вдруг становлюсь воином. Быть может, это кратчайший путь. И если он не приведёт меня к моей первоначальной цели, то, возможно, приведёт к конечной цели всего сущего.

– Тебе нравится меня мучить, – прошептала ты, и глаза твои наполнились слезами и упрёком. – Ты не любишь меня.

– Наверное, потому и мучаю, что люблю тебя... Всем существом. Это гадко, но люди обречены испытывать сердца любимых. Я... Я верю в тебя. Ты – моя надежда на спасение.

Ты улыбнулась мне ясной улыбкой, «моей» улыбкой, впервые в тот вечер и – последний раз в моей жизни.

– Знаешь, – продолжал я, сглаживая с твоих щёк слёзы, – наверное, каждая женщина, которая поможет спасти мужчину от дьявола, от низшего в нём, от будущего ада, спасти тем, что она сама не будет уступать искушениям... эта женщина сделает боль-

ше для спасения человечества, нежели любой мужчина, как бы он ни был велик. Будущее – в женщине. Спасение – в женщине, и потому именно женщина будет призвана в конце концов к суровой ответственности за безнравственность нашего времени больше, нежели мужчина. Молись, чтобы Бог, который внутри тебя, помог тебе сохранить чистоту.

Ты взяла мою руку, поцеловала, сказала тихо, но решительно, словно произнося клятву:

– Я никогда не буду принадлежать другому. Я буду ждать тебя. И если ты захочешь, через два года... стану твоей женой.

Жениться... Жена...

«В ней твоя погибель!» – в памяти молнией вспыхнули глаза цыганки, уходившей в горы, они хлестнули по моему сердцу второй раз, обожгли, вплеснули в душу яд. И в это же мгновение – раскололись наши судьбы: я понял, что никогда нам не быть вместе!

В юнкерской школе у меня было время поразмыслить об этом: и когда я пил глазами твой портрет, нарисованный мною перед отъездом, и когда ночи напролёт писал о тебе стихи в пустых классных комнатах.

Жениться... Надо мной слово «жениться» имело какую-то волшебную власть: как бы страстно я ни любил женщину, если она давала мне только почувствовать, что я должен на ней жениться, – прости, любовь! Моё сердце превращалось в камень. Я готов был на все жертвы, кроме этой; двадцать раз жизнь мою, даже честь поставили бы на карту, но свободы моей не продавал.

Отчего я так дорожу ею? Что мне в ней? Куда я себя готовлю? Чего я жду от будущего?

Это какой-то врождённый страх, необъяснимое предчувствие. Ведь есть люди, которые безотчетно боятся пауков, тараканов, мышей...

Я уехал с твёрдым намерением тебя забыть, а вышло наоборот. Минуты последнего расставания и милый образ твой постоянно тревожили моё воображение. Впрочем, я имею самый несчастный нрав, и впечатления, сначала лёгкие, постепенно врезывались в мой ум всё глубже и глубже, так что впоследствии эта любовь приобрела над моим сердцем право давности, священнейшее из всех прав человечества...

Я полагал, что забывать тебя мне поможет отдалённость Петербурга от Москвы и наше разудалое, пустое юнкерское бамбошерство: смешное подражание великим гусарам, армейские плоские шутки друг над другом и вымученный, заведённый, как шарманка, юношеский цинизм. Вечная ночная суета в будуаре, эскадрона: разбитые на группки юнкера пьют портвейн, курят в печку длиннющие трубки. Николя Мартынов непрестанно выбривает свой первый пушок над губой; из разных углов большой комнаты – крики картёжников: «Плие, атанде, угол!..»

Мы с Николя – два лучших фехтовальщика, музыканта и поэта. Нас уважают и боятся наших проказ.

Я смачиваю слюной клочок бумажки. Мартышка обсыпает его табаком, свертываем трубочкой и вставляем в огромную ноздрю здоровенного носа спящего Курка – тот два раза надрывно чихает и не просыпается, и все, довольные, хохочут.

– Ты говорил с бабушкой? – спрашивает меня Николя.

– Да, она обещала походатайствовать за тебя Шлиппенбаху.

– Спасибо, Маешка, ты – друг.

– Курок у тебя деньги брал. – Я нарочно меняю тему, мне неловко от благодарности Николя, ведь мы считаемся друзьями. И я лезу в бумажник, сую Мартышке долг Курка: – Возьми, а то у него сейчас нет.

В те годы у Николая было развито чувство самоуничижения, которое он изо всех сил старался преодолеть: не раз он доверительно лез ко мне со своими вопрошающими голубыми глазами:

– Скажи, Мишель, я не полное дерьмо?

– Нет, Николя, – подбадривал я его, не сдерживая улыбку, – не полное...

Но вскоре Николай начинал понимать, что веских причин для уныния у него нет: он красив и натренирован достаточно, чтобы солировать в эскадроне. Но я не давал ему загордиться, подшучивал над ним. Особенно любил я это делать в наших «дуэтах». Николай играл на фортепьяно и запевал, задавал тон, а я аккомпанировал ему на скрипке, и весь эскадрон подпевал: «Друг, на земле великое не тщетно. Будь тверд, а здесь тебе не изменят...» И когда я полагал, что Николай достаточно вознёсся на изящных крыльях своего искусства, я начинал исподволь наигрывать со-

вершенно другую мелодию – стройность хора разлаживалась, пение прекращалось, а я, довольный, выкомаривался на скрипке и орал во все горло:

В честь столь славныя новинки
Грянь, труба и барабан!
Выпьем за здоровье Глинки
Мы глинтвейну стакан...

Все во главе с Мартышкой набрасывались на меня, а я хватал шомпол от гусарского карабина и отмахивался от них, не даваясь в руки. Николай вырывал у меня железный прут, на глазах у всех сгибал пополам и бросал его мне, а я не торопясь довязывал этот шомпол в узел и возвращал Мартышке. Юнкера бурно поздравляли меня с победой, а Николай, сидя в сторонке, вертел в руках стальной «узел» и задумчиво смотрел на меня... На шум прибегал сам Шлиппенбах и возмущенно урезонивал нас:

– Дети, что ли, вы, чтобы так шалить!

– Хороши дети, – отвечал я ему улыбаясь, – которые могут из железных шомполов вязать узлы.

И генералу ничего не оставалось, как властью своей пресечь наши вольности:

– Ступайте под арест, юнкер Лермонтов!..

Мы рубились с Николаем на саблях в нашем школьном манеже, и оба понимали, что на нас обращены все взоры: фехтовали мы непревзойдённо. Я сделал грациозный волнообразный финт, огибая саблей голову противника, Николай принял мой обман за правду – взял шестую позицию, а я обозначил «смертельный» удар и выиграл поединок. Бросился обнимать Николая, зная его обидчивость: ведь он всегда страстно желал быть первым.

– Я же не обижаюсь, когда выигрываешь ты, – по-детски успокаивал я его, – по-моему, быть первым – не главное, главное – просто быть самим собой.

Меня окликнули: смотрю, за барьером – Акимка-кузен, бросился к нему, чмокнул в лоб:

– Давно ль в Петербурге?

– Уж два дня, Мишель, – мальчик с восхищением разглядывал мою юнкерскую форму. – Я перед отъездом у Вареньки был... К ним Бахметев-старик всё ходит. Чай пьёт. Сватается. Мы с Варенькой о тебе много говорили. Ты ей дорог. Когда прощались, она мне сказала: «Поклонись ему от меня; скажи, что я покойна, довольна, даже счастлива...» И глаза у неё влажные были.

Акимка, вероятно, полагал, что я брошусь ему на шею и стану благодарить за эту весть. Он не мог подумать о той тайной досаде, которая заворочалась в моей груди.

– Ты так спокоен? – обиделся кузен. – И не расспрашиваешь... о Варе?

– Ты ещё ребенок, ничего не поймешь!

– А ты хоть и много понимаешь, да не стоишь её мизинца.

Глупец, я полагал, что давно забыл тебя. Эта «весточка» пронзила моё сердце иглою всех чувств и воспоминаний. Недовольный своей «слабостью», я с удвоенным старанием принялся «забывать» тебя.

Юнкерство позади: я – корнет Его Величества лейб-гвардии Гусарского полка. Вовремя подоспел мой гусарский мундир! Пора в свет!

Я жить хочу! хочу печали
Любви и счастию назло;
Они мой ум избаловали
И слишком сгладили чело.
Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман;
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?..

Пора приобретать светскую известность. Но каким образом? Литературная слава? Куда мне! У российской словесности есть своё солнце – наш Пушкин. Двух солнц в небесах не бывает. Строчи в рукописные юнкерские журнальчики, а печататься – не

мечтай: чего доброго Александр Сергеевич прочтёт... – позор! Но ведь я знаю: «Я рожден, чтоб целый мир был зритель торжества иль гибели моей!» Значит, пока надобно прослыть человеком, который может делать зло в свете.

Несколько времени я напрасно искал себе пьедестала, встав-ши на который я мог заставить толпу взглянуть на себя. Сделаться любовником известной красавицы было слишком трудно для начинающего, а скомпрометировать девушку молодую и невинную я не решался, и потому я избрал своим «орудием» Екатерину Александровну Сушкову, которая была ни то, ни другое: пятнадцати лет её стали вывозить, выдавая за семнадцатилетнюю, и до двадцати пяти лет условный этот возраст не изменился. Семнадцать лет – точка замерзания: они растягиваются сколько угодно, как резиновые помочи. У меня было предчувствие. Знакомясь с женщиной, я всегда безошибочно отгадывал, будет ли она меня любить или нет. С Екатериной Александровной мы были знакомы давно, но в моём сердце и под гусарским мундиром ворочались обиды и оскорбления, нанесённые этой «мадемуазель» мне – влюблённому в неё пятнадцатилетнему подростку.

Я начал атаку: не давал ей проходу, приглашал на каждый танец, не позволял опомниться, дожидался даже её возвращения из уборной, немедленно подходил к ней.

– Где вы скрывались? Я искал вас везде – приготовил даже стулья: так я сильно надеялся, что вы мне не откажете.

– Как вы самоуверенны! – И неожиданное удовольствие вспыхнуло в её глазах.

– Однако ж вы меня не накажете слишком за эту самоуверенность?

– Хорошо, – милостиво сдалась кокетка, – только если вы, Мишель, снова будете умно молчать.

– По коренным законам общества в танцующем кавалере ума не полагается.

Я бомбардировал её своими острыми словами, вздыхал, томился – влюблял с вдохновением и с удовольствием отмечал, что «мадемуазель» начинает смотреть на меня новыми глазами, поражаться мне, бояться проронить неуместное слово, что удавалось ей не всегда.

– Я люблю бывать у Воронцовых, здесь царствует хороший тон. – И я моментально колол её взглядом, магнетизировал афористичной мыслью:

– Хороший тон царствует только там, где вы не услышите ничего лишнего! Но увы, Екатерина Александровна! Зато как мало вы там и услышите. Свет не терпит в кругу своём ничего сильного, потрясающего, ничего, что могло бы обличить характер и волю: свету нужны французские водевили и русская покорность чуждому мнению.

Когда я увидел, что победил, я начал позволять себе проявления мужской силы и вольности, в ответ на её оправданное замешательство:

– Скажите мне, что я ещё не совершенно изгнан из вашего сердца; иначе мне придётся искать утешения у других. На войне щадят сдавшийся гарнизон, но город, взятый приступом, без сожаления предают ярости победителей.

– Вы знаете, что бы я сейчас с удовольствием сделала, – шептала она, и щеки её пылали огнём.

– Знаю, – отвечал я спокойно, глядя в её чёрные, гневные глазки. – Я очень хорошо читаю побуждения души на физиономиях. Сейчас вы бы с удовольствием меня поцеловали.

Я стал смеяться над всем на свете, особенно над чувствами: это начало пугать её. Бедная Кэт: женщина – летучая мышь, крылья которой цепляются за всё встречное. Она уже буквально принуждала меня ухаживать за ней. Её манеры и голос – жёсткий, отрывистый, надломленный – отталкивали меня всё больше. Заметив, что ещё один шаг меня погубит, я прибегнул к маневру. На глазах света покинул её, стал жесток и дерзок, ухаживал за другими. Она начала преследовать меня, роняя себя в глазах света.

– Отчего вы не танцуете? – спросила она, как бы мимоходом остановившись подле меня.

Кавалеры не рисковали приглашать её, считая моей избранницей.

– Я всегда и везде следую вашему примеру.

– Разве с нынешнего дня.

– Что ж, лучше поздно, чем никогда, не правда ли? – Я уже начинал уставать от этой пустой болтовни, но видел, что свет с интересом наблюдает за нами, и доиграл эту сцену до конца.

– Иногда бывает слишком поздно! – прошептала Кэт с угрожающей обидой.

– Боже мой! – воскликнул я. – Какое трагическое выражение! – зевнул и отошёл прочь, но она решилась даже на унижение: догнала меня, преградила путь.

– Если вы мне не дадите...

Но я не дал ей закончить:

– Ах, это ужасное *«если»,* почти похожее на «если» Архимеда, который обещался приподнять земной шар, если ему дадут точку упора.

Во второй раз бежать за мною она уже не решилась. Чего она только не предпринимала: она попыталась вновь вернуть меня напускной печалью, рассказывала всем близким моим знакомым, что любит меня, подсылала ходатаев.

– Какие у неё глаза! Прелесть! – воскликнул один из них, и я его тут же раскусил.

– Когда хвалят глаза, то это значит, что все остальное никуда не годится.

И наконец, чтобы порвать с ней окончательно, я нашёл чудесный способ – я написал анонимное письмо: «М-ль, я человек, знающий вас, берегитесь этого молодого человека (то есть меня), он вас соблазнит» и т. д.

Расквитались ли мы: она заставляла страдать сердце ребенка, а я всего только подверг пытке самолюбие старой кокетки. Во всяком случае, она мне сослужила службу – я стал в свете заметным лицом, заставил говорить о себе. Боже! К чему это всё?!

Мне сообщили, что слухи о моей победе, как всегда, преувеличенным эхом докатились и до тебя, Варенька. Что ж, подумал я, всё – к лучшему!

Мы играли с Акимкой в шахматы. Человек подал мне письмо; я машинально вскрыл конверт и прочитал известие о том, что ты выходишь замуж за Бахметева.

– Что такое?! – спросил Акимка, ошарашенно глядя на меня.

– Вот новость – прочти, – постарался я ответить как можно спокойнее и поспешил из комнаты.

Я скакал, задыхаясь от нетерпения. Мысль не успеть до твоего венчания молотком ударяла мне в сердце! Я молился, проклинал,

плакал, смеялся... Нет, ничто не выразит моего беспокойства, отчаяния!

При возможности потерять тебя навеки ты стала для меня дороже всего на свете, дороже жизни, чести, счастья!

Бог знает, какие странные, какие бешеные замыслы родились в голове моей. И между тем я всё скакал, погоняя беспощадно, пока мой конь не грянулся о землю. Я проворно соскочил, хотел поднять его, дергал за повод – напрасно; едва слышный стон вырвался сквозь стиснутые его зубы. Он издох. Я остался на дороге один, потеряв последнюю надежду. Ноги мои подкосились, я упал на мокрую траву и, как ребенок, заплакал.

Я плакал горько, не стараясь удерживать слёз и рыданий. Я думал – грудь моя разорвётся. Я всё больше понимал, что всё равно не успею к утру, что гнаться за погибшим счастием бесполезно и безрассудно. Чего мне ещё надобно? Видеть тебя? Зачем? Не всё ли кончено между нами? Один горький прощальный поцелуй не обогатит моих воспоминаний, а после него нам только труднее будет расставаться...

Мне, однако, приятно было, что я мог плакать! Плакать здорово!

* * *

– Ну, чего тебе не хватает? Не хнычь, Маешка! – Николай снова лез в меня своими голубыми глазами, но теперь, уже сознавая своё достоинство, хитро подмигивал. – Я не полное дерьмо? Не правда ли – прехорошенькие... – кивал он в сторону трёх разнокалиберных граций, разрумянившихся от пунша и предвкушавших ласки.

– Бедные, – вздохнул я; вздыхал я тяжко, глубинно и часто, словно не хватало воздуху моей душе, томящейся и задыхающейся в тесной груди. – Их нужда к нам загоняет, на что они нам, Мартышка? У нас так много достойных любви женщин.

– Смени физиономию, Мишель, не губи моих стараний. –

Николай похлопал меня по плечу и ринулся к грации, снимая на ходу мундир. – Мне жарко! Кому ещё жарко?

Я не любил, когда меня похлопывали по плечу, не нуждался ни в чьём утешении, но Николая я прощал: ведь он старался ради меня; желал вывести из затянувшегося сплина... Сия гомерическая попойка была устроена Николаем вместе с Монго в надежде на это. Все уже были достаточно пьяны, и синие языки пуншевого пламени призывно освещали наш полутёмный царскосельский альков.

Но без вина, что жизнь улана?
Его душа на дне стакана.
И кто два раза в день не пьян,
Тот, извините, не улан!

Мартышка с поднятым бокалом читал неотразимо: он правил бал.

Сквозь дым волшебный, дым табачный
Мелькают лица юнкеров.
Их рожи красны, взоры страшны,
Кто в сбруе весь, кто без штанов.
Пируют! – в их кругу туманном
Дубовый стол и ковш на нём,
И пунш в ушате деревянном
Пылает синим огоньком...

Грации дружно зааплодировали...

– Пушкин!

– Браво!

– Это Пушкин?

– Нет! – победоносно воскликнул сияющий Николай.

– Это ваше?

– Браво, Николя!

– Нет! – крикнул Мартышка, и все смолкли. – Это написал мой друг – Мишель Лермонтов! – И он протянул в мою сторону руку с бокалом, расплескал вино. – И Пушкин знает о нём и вос-

хищается его стихами! Знаете, что он сказал Васильеву, графу? Он сказал: «Далеко мальчик пойдёт!»

Слушать это мне было и больно, и приятно. Со всех сторон ко мне потянулись бокалы: Николай, Монго, восхищённые грации. Я встречал их хрустальным звоном и благодарил.

– Когда граф Васильев зашёл к Пушкину, – продолжал Мартышка, закусывая спаржей, – Саша был чуть ли не в прародительском костюме. Уж извините, говорит, жара стоит африканская, а у нас там, в Африке, все ходят в таких костюмах...

Грации захохотали, тон был задан, начались вольности, и разгорячённый Николай подсел ко мне.

– Знаешь, – тихо сказал он и обнял меня за плечо, – а я бросил стихи. И больше никогда не буду писать. Это несовместимо с достоинством гвардейского офицера. Побаловались, и довольно. Мало ли кого хвалил маэстро Пушкин. Он добрый малый... Ты не думаешь бросать? Смотри, Государь узнает, и наживёшь ты себе беды! Какие мы поэты?

Обиду и гнев я подавил в себе, не хотелось ранить друга обстоятельным ответом. Я взял себя в руки и спокойно ответил Николаю:

– Что я пишу стихи, Государю известно было, ещё когда я был в юнкерской школе, через великого князя Михаила Павловича, и вот, как видишь, до сих пор никаких бед я себе не нажил...

* * *

«Варенька! Мне плохо без тебя! Варя! Почему ты вышла замуж за старого, неприятного и обыкновенного человека? Какая у тебя была цель, если ты добровольно переменила одно рабство на другое? Какая причина? Но нет, любить ты его не можешь, за это я ручаюсь головой».

Эти мысли роились в моЁм сознании, пока я ожидал в прихожей Бахметева. Я должен был пройти через муку – видеть тебя женою этого филина. Я должен был узнать самое главное: любишь ли ты меня по-прежнему?

– Пожалуйте, они-с в гостиной, – торжественно произнёс лакей, появившись наконец.

Проходя через залу, я видел в зеркалах своё отражение – бледен и взор затуманен. На ходу потёр щёки, встряхнулся и с трудом переступил порог гостиной.

Варенька! Ты сидела небрежно на диване в утреннем атласном капоте и бондовом чепце; возле тебя на креслах помещался толстый барон, знакомый мне по бабушкиным званым обедам; у окна стоял твой муж – ещё более сухощавый, остриженный под гребенку, с обвислыми щеками. Он заметно сдал за эти три года. Бахметев просматривал газеты и даже не обернулся, когда вошёл я. Зато ты поспешно встала и обратилась ко мне с каким-то очень неясным приветствием, подошла к Бахметеву и сказала ему:

– Мон ами, вот господин Лермонтов, старинный знакомый наш...

Бахметев бросил газеты на окно, раскланялся, и из уст его полились какие-то отрывистые слова:

– Конечно... Мне очень приятно... Вы не изменились... Вы так любезны... Ваша бабушка такая почтенная дама – я имел честь быть вчерась у неё с женой и приглашал сегодня отобедать у нас.

Мне надо было что-то отвечать, и я тоже понёс несусветное:

– Бабушка хотела сама быть у вас сегодни, но она немного не здорова, поручила мне засвидетельствовать вам своё почтение. Поздравить... Варвара Александровна, – обратился я наконец к тебе, и ты вспыхнула. – Извините, я ещё не поздравил вас! Поверьте, однако, что я с этим намерением спешил иметь честь вас увидеть. Но когда взошёл сюда, то происшедшая в вас перемена так меня поразила, что признаюсь...

– Я постарела, не правда ли, – ответила ты, наклонив головку к правому плечу.

– О! Вы шутите! Разве в счастии стареют? Напротив, вы пополнели, вы...

– Да, конечно, я очень счастлива.

Ты хотела прервать мою тираду, но я уже начинал приходить в себя и поэтому продолжал:

– Это молва всеобщая: многие молодые девушки вам завидуют. Впрочем, вы так благоразумны, что не могли не сделать такого достойного выбора. Все восхищаются любезностью, умом и талантами вашего супруга.

Барон сделал утвердительный знак головой, а ты чуть не улыбнулась, потом вдруг досада изобразилась на твоём лице.

Приехала ещё гостья – дама в малиновом берете. Ты переменила платье, и нас пригласили к столу. Тут я уже пришёл в себя совершенно и начал задавать тон, говорил, забывая о еде:

– Теперь, по чести, я готов пожертвовать самою воздушной любовью для трёх тысяч душ с винокуренным заводом! Надобно пользоваться случаем! Не правда ли? – Этот вопрос я неожиданно задал тридцатилетней неприступной добродетели в малиновом токе с перьями, сидевшей справа от меня.

Молчаливая добродетель пробудилась, и страусовые перья заколыхались на берете. Она не могла тотчас ответить, потому что её невинные зубки жевали кусок рябчика с самым добродетельным старанием: все с нетерпением, молча ждали ответа. Наконец она открыла уста и важно молвила:

– Ко мне ли ваш вопрос относится?

– Если позволите, – поклонился я ей.

– Я не имею никакого мнения о любви, – сказала добродетель с презрительной улыбкой.

– Помилуйте! В ваши лета не иметь никакого мнения о таком важном предмете для всякой женщины.

Добродетель обиделась.

– То есть я слишком стара! – воскликнула она, покраснев.

– Напротив, я хотел сказать, что вы ещё так молоды.

– Слава богу, я уж не ребенок. Вы оправдались неудачно.

– Что делать! Я вижу, что увеличил несметное число несчастных, которые вам напрасно стараются понравиться.

– Мы с женой, – с достоинством начал Бахметев, обращаясь ко мне, – говорили об вас незадолго до вашего прихода. Вы были, так сказать, легки на помине. И я её выведу на свежую воду. Вообразите, она утверждает, что у вас в лице есть что-то ядовитое, злое...

Я недоуменно посмотрел на тебя, ты смутилась.

– Может быть, Варвара Александровна права. Несчастие делает злым.

Бахметев расхохотался.

– Каким у вас быть несчастиям – вы так молоды.

– Вы удивляетесь, потому что слишком счастливы сами.

– Слишком! О да, это в самом деле колкость – я начинаю верить жене.

– Верьте, – поддержал я его, – прошу вас, верьте – Варвара Александровна никогда ещё никого не обманывала.

– Скажите, – прервала ты меня, покраснев, – у каких особ вы бываете?

– Я сам – та особа, у которой бываю с наибольшим удовольствием. Правда, сегодня я сделал несколько визитов. И один очень интересный. Я был так взволнован, что сердце у меня ещё бьется, как молоток.

– Взволнованы? – переспросила ты.

– Верно, встреча с персоной, которую в старину обожали, – попробовал угадать твой филин, – это вечная история военной молодежи, приезжающей в отпуск.

– Вы правы, я видел девушку, в которую был прежде влюблён до безумия.

– А теперь? – в твоём вопросе было напускное равнодушие.

– Извините, это моя тайна, остальное, если угодно, расскажу.

– Пожалуйста, – зафыркал филин, – написанных романов я не терплю, а до настоящих страстный охотник.

– Года три с половиною тому назад, – начал я словно сказку о «тридевятом царстве», – я был очень коротко знаком с одним семейством, жившим в Москве, лучше сказать, я был принят в нём как родной. Девушка, о которой я хочу говорить, принадлежала к этому семейству. Она была умна, мила до чрезвычайности. Имя же её для меня трудно произносить.

– Верно, очень романтическое? – снова встрял Бахметев.

– Не знаю, но от неё осталось мне одно только имя, которое в минуты тоски привык я произносить как молитву; оно – моя собственность. Я его храню как образ благословения матери. Я был увлечён, околдован ею. Вокруг неё был какой-то волшебный

очерк. Вступив за его границу, я уже не принадлежал себе. Я предался ей, как судьбе, она не требовала ни обещаний, ни клятв, когда я держал её в своих объятиях и осыпал поцелуями её огненное плечо, но сама клялась любить меня вечно. Мы расстались. Она была моя – я был в ней уверен, как в самом себе. Прошло три года разлуки – мучительные, пустые три года. Я далеко подвинулся дорогой жизни, но драгоценное чувство следовало за мною. Случалось мне возле других женщин забыться на мгновение. Но после первой вспышки я тотчас замечал разницу, убийственную для них, – ни одна меня не привязала. И вот наконец я вернулся на родину.

– Завязка романа очень обыкновенна. – Я видел, что филин начинает терять интерес, это значило, что он ни о чём не догадывается, и я успокоился наконец окончательно, сказав Бахметеву с улыбкой:

– Для вас, наверное, и развязка покажется обыкновенной. Я нашёл её замужем.

– Что ж? – буркнул филин. – Нельзя было ей ждать нас вечно.

– Я ничего не требовал – обещания её были произвольны.

– Ветреность, молодость, неопытность, – урезонивал знаток, – её надо простить.

– Я не думал обвинять её. Но мне больно.

Только теперь, впервые за всё время своего рассказа я решился взглянуть на тебя и ожёгся о молнии твоих глаз. Ты сказала:

– Извините, но, может быть, она нашла человека ещё достойнее вас.

– Он стар и глуп! – отрезал я.

– На вашем месте, – филин гаденько заулыбался, – я бы теперь за ней поволочился – если её муж таков, как вы говорите, то, вероятно, она вас ещё любит.

И твое нечаянное восклицание:

– Не может быть!

И мои последние за тем столом слова:

– Извините, Варвара Александровна, теперь я уверен, что она меня ещё любит.

Из бурлящего световорота блистающего бала выплыло радостное лицо Монго и сообщило:

– Я видел его!

– Где он?

– Пойдём покажу!

И я устремляюсь за широченной спиною друга, расчищающего мне путь в этом сатанящемся световороте.

– Смотри! – Монго наконец остановился. – Вот он! Пушкин!.. Вот он! Впервые я вижу его! Могу подойти! Дотронуться рукой! Маленький и великий! Некрасивый и осиянный! Любимый до сердечной боли! Бесценный, как собственная совесть и честь! С ним красивая женщина; наверное, это она – Гончарова, жена. Как хорошо она смотрит на него! Андрогин? Возможно ли это?

Кого манит пальцем Бенкендорф? Неужели его? Пушкина? Неужто подойдёт? Делает вид, что не заметил, отворачивается, но слишком демонстративно! Бенкендорф подходит к нему сам, с ним ещё двое в расшитых золотом мундирах, Бенкендорф и «мундиры» что-то говорят Пушкину. Я не вижу его лица: он стоит спиною ко мне, смотрит в пол, на свой чёрный лаковый туфель. Вдруг, словно от удара плетью, Пушкин выпрямился, гордо посмотрел на троицу, резко поклонился, подал руку жене, и они покинули бал.

– Смотри-ка! И Мартышка просочился! – Монго помахал рукой Николаю, стоявшему в компании молодых кавалергардов и штатских щеголей. Мартынов поспешил к нам.

– Ба, Николай Соломоныч. Мартышка! – Монго игриво, по-гусарски, распростёр объятия. – Дай мы тебя поцалуем!

– Ты что, Монго, не здесь, – сконфузился Николай. – Неудобно. Пойдёмте я вас лучше представлю.

– Кому? – поинтересовался Монго.

– Французам. Вон тот, блондин, постарше, мой сослуживец – Жорж-Шарль Дантес, рядом в штатском – сын посланника Эрнест де Барант. Остальные, тьфу! Не выговоришь. Не запомнишь.

– Погоди, успеем к твоим французам, – прервал я Николая, – вот ты всех знаешь, скажи, к кому это сейчас подошёл твой Жорж-Шарль?

– А... это... – Николай почему-то перешёл на шепот. – Главные в нашем государстве люди. Ну, Бенкендорфа-то вы знаете, слева – Клейнмихель, справа, постарше, – Нессельроде. Вы видели, как от них побежал Пушкин? Они его ненавидят. Государю нашептывают, – Мартышка шутливо перекрестился. – Да минует нас их внимание!

– Бедный Александр Сергеевич, – вздохнул я, – и бедная Россия, коли главные в ней люди – из рода Нессельрода.

* * *

– Мишынька, друг ты мой милый, – восклицала бабушка, в своём извечном чёрном платье и белом старинном чепчике без лент, – я с десятого сентября всякий час тебя ждала, а ты, не успел приехать, уж самоуправничаешь, хоть бы меня спросился. Ну зачем ты шести мужикам столько лесу да земли велел дать?

– Так они ж с солдатчины пришли – им строиться, сеяться, кормиться нужно, бабушка. Вот выйду в отставку, поставлю крестьянам каменные избы.

– Что ты, Мишынька, Господь с тобой! – испуганно крестилась бабушка, а я смеялся и успокаивал её:

– Да не у тебя! У себя – в Михайловской.

– Ну, Бог даст, что нонешний год порядочный доход получим, покроем... Только б ты берёг своё здоровье, мой милый, ты здоров, весел, хорошо себя ведёшь, и я счастлива и истинно, мой друг, забываю все горести и со слезами благодарю Бога, что он на старости послал в тебе мне утешения. Лошадей тройку тебе купила и домашних шестерка – выбирай любых... Какую ты пьесу-то сочинил, комедия или трагедия? Всё, что до тебя касается, я неравнодушна. Стихи твои я больше десяти раз читала, бесподобные.

– Бабушка, а где сабля деда Митрия?

– У меня. Хочешь взять? Возьми, мой друг...

* * *

Я лечу, догоняю раскалённый солнечный диск, и снежная степь несётся мне навстречу огненным морем, и мне кажется, что я слышу, как колотится у меня в спине, стучит сердце. Ветер обжигает лицо, высекая слёзы, и я, словно мальчишка, кричу во всё горло: «У-у-ура-а-а!..»

Я спешился, с дедовой саблей в руке опустился на колени, посреди степи, словно перед алтарём, перед белоснежным курганом... Необъяснимые предчувствия вздымались в душе волнами нечеловеческого восторга, ликования, невыразимой печали. Хотелось рыдать и кричать от боли и счастья, а сознание хлестало рифмованными строками:

Свой замысел пускай я не свершу,
Но он велик – и этого довольно;
Мой час настал – час славы иль стыда;
Бессмертен иль забыт я навсегда...

* * *

Словно чёрное солнце, всходит гигантское дуло пистолета, зияет тьмою холодная бездна. Оглушающим громом проносится над туманной Чёрной речкой выстрел...

– Пушкин убит! Стрелялся с французом! – В один недобрый день этими словами меня встретил Монго.

Никакую утрату в жизни я не переживал так, как эту. Выстрел француза попал и в меня. Я физически ощущал боль Пушкина, впервые плакал об утрате яростно и горько. Его сердце несло непосильную ношу Российской совести. Кто теперь понесет её? Кто поднимет выпавший из его рук факел творящей свободы и воли? Кому будет впору этот огненный жезл? Кому по плечам этот горящий крест? Второго Пушкина быть не может! Погиб последний сын Русской Вольности!

Я в оцепенении стою перед его окнами на Мойке. На моих глазах их задёрнули непроницаемым чёрным крепом – тысячегрудый выдох толпы.

Погиб Поэт! – невольник чести...

Я читал Монго, Мартынову, бабушке и тем, кто случился в это время в нашем доме. Я никого не различал, кричал словно в забытьи, меня сотрясал озноб, я плакал и не стыдился слёз боли и ярости.

– Мишынька по молодости и ветрености написал стихи на смерть Пушкина. – Бабушка за столиком в углу сокрушается перед толстым бароном, с испугом смотрит на меня, её сердце словно предчувствует будущее. – И в конце написал неприлично насчёт придворных. И зачем это я на беду свою ещё брала Мерзлякова, чтоб учить Мишу литературе: вот до чего он довёл его.

– Стихи твои хороши, – Николай подступал ко мне с большой опаской, – только ты напрасно, Мишель, апофеозируя поэта, придал слишком сильное значение его невольному убийце. Как всякий благородный человек, после всего того, что было между ними, он не мог не стреляться.

– Ах да, он, кажется, ваш сослуживец! – ярость моя была неописуема. – Дружок! Русский человек... Душою русский, а не офранцуженный, какую бы обиду Пушкин ему ни сделал, снёс бы её во имя любви своей к славе России и никогда не поднял бы на этого великого представителя всей интеллектуальной России своей руки! Я буду стреляться с твоим французом! А ты, сударь, антипод Пушкина! И я ни за что не отвечаю, ежели ты сию секунду не выйдешь отсюда!

Но Николай стерпел обиду.

– Но ведь он просто бешеный! Прости, я был не прав. Я не понимаю, что происходит...

– А не понимаешь, так слушай меня! Ты будешь моим секундантом. Ты передашь своему дружку мой вызов!

* * *

Арестованного Дантеса под конвоем провожают от саней до подъезда. Я не могу пробиться к нему – не пускает жандармский кордон, люди рядом со мною кричат:

– Бульварная сволочь!

– Дрянь!

– Он сказал, что таких версификаторов, каким был Пушкин, в его Париже десятки...

– Дерьмо!

...То и дело всплывал в сознании тот последний бал: спина Пушкина, глядевшего куда-то в пол, на свой ту-

фель... «Троица» в расшитых золотом мундирах... Гордый взлёт пушкинской курчавой головы... Две фигуры – он и жена, – покидающие бал... Холодным взглядом провожающие их глаза Бенкендорфа, Клейнмихеля, Нессельроде.

И вы не смоете всей вашей чёрной кровью
Поэта праведную кровь!

Ночью из Петербурга, заваленного снегом, в сопровождении жандарма выехали сани – тайно увозят гроб, прикрытый рогожей: последний путь Великого Российского Гения выглядел как жалкая, воровская насмешка судьбы.

«Поэта праведную кровь!» – дописала моя рука. Я поставил точку. Задумался. Потом обмакнул перо и решительно, словно бросая вызов своей судьбе и всему свету, открыто, размашисто вывел на белом пространстве бумаги свою подпись: ЛЕРМОНТОВ.

* * *

Я любил видеть сны наяву или явь сквозь сон – не определить словом. Закрывая глаза, я мог мгновенно уноситься сознанием куда ни пожелаю, видеть всё, что мне захочется, а иногда даже и слышать мои сновидения... Так однажды я даже узрел мгновение собственной смерти, но это было настолько отвратительно, что я дал себе зарок не «любоваться» этой картиной до конца жизни. Однако с тех пор я знал, что декорацией моего последнего акта будут Кавказские горы, а местом, в которое мне угодит свинец, явится грудь...

Накануне ареста мне снился любопытный сон.

По длинному полутемному коридору шёл Александр Христофорович Бенкендорф; он по-отечески потрепал по щёчке пухленькую горничную и совсем не по-отечески хлопнул её по заду, отворил дверь и исчез за ней. Для меня двери не преграда – я последовал за ним.

Огонь в камине и свечи на круглом столе трепещущим мерцанием освещали стены, украшенные портретами русского и австрийского императоров и какими-то живописными видами, вглядываться в которые я не стал: происходящее в комнате было

интересней. За столом в креслах сидели граф Нессельроде и Клейнмихель, у каждого в руках – по листу бумаги, такой же лист достал из кармана, развернул и положил на стол Бенкендорф; я знал, что все три листка – списки моего стихотворения на смерть Пушкина.

Граф Нессельроде тыкал в список толстым указательным пальцем и что-то говорил, я не вслушивался. Сознание моё было занято сочинением стихов, что, однако, вовсе не мешало моим наблюдениям за «троицей»:

О, полно извинять разврат!
Ужель злодеям щит порфира?
Пусть их глупцы боготворят,
Пусть им звучит другая лира;
Но ты остановись, певец,
Златой венец не твой венец...

Потом заговорил граф Клейнмихель, и почему-то он то и дело обращался к портрету нашего Государя, словно приглашая его в союзники.

Но есть поныне горсть людей,
В дичи лесов, в дичи степей;
Они, увидев падший гром,
Не перестали помышлять
В изгнанье дальнем и глухом,
Как вольность пробудить опять;
Отчизны верные сыны
Ещё надеждою полны...

Потом настал черед высказаться и Александру Христомордычу. Не знаю, читал ли он мой список или говорил своё, уставясь в листок, но он не поднимал от него своих глаз, лишь разок кивнул на портрет Николая.

За дело общее, быть может, я паду,
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой поражённый,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец...
Пускай виновен я пред гордыми врагами,
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба губитель мой;
Я грудью шёл вперед, я жертвовал собой...

Наконец Бенкендорф свернул листок, встал с кресел и вышел в дверь, в которую вошёл. В коридоре он повторил с горничной тот же пассаж и вышел в блистающий светом зал, в котором находились лишь двое: стареющая дама в малиновом берете и в бриллиантах и мой знакомец – толстый барон. Дама сразу же подошла к Бенкендорфу и защебетала. Я прислушался.

– Слышали ли вы, Александр Христофорович, что написал про нас Лермонтов?

Бенкендорф, обращаясь к барону, ответил, неотразимо покровительственно улыбаясь:

– Ну, барон, уж если Анна Михайловна знает о стихах этого мальчика Лермонтова, мне не остаётся ничего больше, как только сейчас же доложить об них Государю.

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя на мне печать;
И как я мучусь, знает лишь Творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне.
Кровавая меня могила ждёт,
Могила без молитв и без креста...

* * *

Я предупредил Бенкендорфа и навестил Государя прежде него. Сорокалетний император, в ослепительно крахмальной сорочке, пил утренний кофе и просматривал почту. Солнечное морозное утро нежным золотом вливалось в окна бело-шёлковой «чайной комнаты» Зимнего дворца. Граф Орлов, ровесник Государя, его доверенное лицо, доложил о прибытии графа.

– Алексей Фёдорович, – интригующе шепнул Орлову император и подмигнул, – дай-ка Принцессу!

Орлов не менее лукаво улыбнулся в ответ, подцепил дремавшую в солнечных лучах шоколадную сиамскую кошку, переложил её с софы на стул подле Государя, прикрыл краем шёлковой скатерти.

– Милости прошу, Александр Христофорович, – император жестом пригласил вошедшего Бенкендорфа к столу. – Не угодно ли чаю?

– Благодарю, Ваше Величество! – Граф почтительно поклонился, охорошил свой голубой мундир и, поглощённый своими «государственными» мыслями, не глядя сел. И тут же взвился вместе с оглушительным воем сиамского зверя.

Государь хохотал от души, до слёз. Он, видно, очень любил эту шутку, даже Орлов не мог сдержать улыбки, да и сам Бенкендорф необидчиво пофыркивал.

– Александр Христофорыч, дорогой, – наконец смог выговорить император, – вы всегда так забавно пугаетесь кошек?!

Бенкендорф благодарно улыбнулся, садиться не стал и, сделав серьёзное, «государственное» выражение лица, достал из папки список, подал Николаю Павловичу. Император внимательно оглядел бумагу, прочёл вступление:

Отмщенье, Государь, отмщенье!
Паду к ногам твоим:
Будь справедлив и накажи убийцу,
Чтоб казнь его в позднейшие века
Твой правый суд потомству
возвестила,
Чтоб видели злодеи в ней пример.

Далее Государь пробежал глазами текст стихотворения и выделил ещё четыре строки:

Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – все молчи!..

Он положил листок на стол, достал из утренней почты конверт с крупной надписью: «ВОЗЗВАНИЕ К РЕВОЛЮЦИИ», извлёк оттуда такой же список и, многозначительно посмотрев на Бенкендорфа, положил всё это рядышком.

– М-да, – промычал император, – приятные стишки, нечего сказать...

Бенкендорф не стал больше сдерживать свое гражданское негодование:

– Вступление к этому сочинению дерзко... А конец – бесстыдное вольнодумство, более чем преступное. Я послал это стихотворение генералу Веймарну, дабы он допросил этого молодого человека и содержал его при Главном штабе без права сноситься с кем-либо извне, покуда власти не решат вопрос о его дальнейшей участи. Я распорядился о взятии его бумаг как здесь, так и на квартире его в Царском Селе.

Бенкендорф умолк, ожидая реакции на своё обращение.

В «чайной комнате» воцарилась тишина. Мерно цокали часы, потре-

скивали дрова в камине, из окон доносились звуки проснувшегося Петербурга. Император думал. Наконец, словно вглядываясь в свои мысли, внятно произнёс:

– Если обнаружатся ещё... другие подозрительные бумаги, наложить на них арест. Велите старшему медику гвардейского корпуса посетить этого господина и удостовериться, не помешан ли он. А затем... – Государь глубоко вздохнул, будто и ему теснило душу. – Мы поступим с ним согласно закону. Я полагаю – на фронт, на Кавказ...

В окне, на противоположном берегу сверкающей, льдистой Невы, струился в ясное, морозное небо золотой столбик Петропавловки...

В этот день меня арестовали и после месяца унизительных мытарств наконец выслали на Кавказ, тем же чином, в Драгунский полк. Путь мой лежал через Москву.

* * *

Варенька... Стоя под окнами твоего дома, замирая сердцем от каждого шороха портьер, страшась увидеть в окнах чужие лица, я с отчаянием осознавал, что приговорён любить тебя пожизненно, нести тебя, словно чашу живой воды – ни капли не пролить и не сметь испить.

Портьеры раздвинулись, словно в театре, и, наполняя моё сердце новой неслыханной болью, явилась – ты... Ты прижимала к груди своё маленькое дитя, и этот ребёнок не был моим! На моих глазах выступили слёзы. Я попятился, растворился в темноте подворотни.

* * *

– Наконец-то, – радости Мартышки не было границ. – Я ждал вас, знал, что Маешка ни за что не проедет мимо Москвы.

– Москва – моя родина, – сказал я, обнимая Николая и трижды целуя его. – И всегда ею останется. Здесь я родился, здесь много страдал и здесь же был слишком счастлив.

– Значит, Кавказ, – сказал Николай, открывая шампанское. – Прими мои соболезнования, Мишель...

– Все против меня – и я против всех! Иногда мне кажется, что весь мир на меня ополчился, и если бы это не было очень лестно, то, право, меня бы огорчило. Но я рад, очень рад! Ещё посмотрим! Борьба начинается! Я не уступлю. А человек, который непременно хочет чего-нибудь, принуждает судьбу сдаться. – Я принял протянутый Николаем кубок. – Меня утешают слова Наполеона: великие имена создаются на Востоке... За вас, друзья мои, спасибо вам!

Мы соединили кубки, осушили их и, не сговариваясь, грянули ими оземь.

Но тут в окно она взглянула, –

зашептал Николай и, согнувшись, попятился от нас – прирождённый комик.

И чуть не брякнулась со стула.
Пред ней, как призрак роковой,
С нагайкой, освещён луной,
Готовый влезть почти в окошко,
Стоит Монго, за ним Маешка.
– Что это значит, господа?
И кто вас звал прийти сюда?
Ворваться к девушке – бесчестно!..

Балерину Пименову Мартышка изображал настолько смешно, что я засмеялся, а Монго, приняв игру, начал подбрасывать свои реплики:

– Нам, право, это очень лестно!
– Я вас прошу: подите прочь!
– Но где же проведём мы ночь?
Мы мчались, выбились из силы...
– Вы неучи!
– Вы очень милы!..
– Чего хотите вы теперь?
Ей-богу, я не понимаю!
– Мы просим только чашку чаю!
– Панфишка! Отвори им дверь!
Поклон отвесивши пренизко,
Монго ей бросил нежный взор...
И говоря о том, о сём,
Копаясь, будто бы случайно
Под юбку лезет, жмёт корсет,
И ловит то, что было тайной,
Увы, для нас в шестнадцать лет!..

Эта игра возбудила в нас юношеское озорство, тяжёлые думы отступили. Особенно восторжен и возбуждён был Мартышка:

– Едва понятно, как ты можешь достигать таких блестящих результатов при столь малом труде. Это по-пушкински! Нет! Это по-лермонтовски. Одно другого стоит!

– Нет, брат, далеко мне до Александра Сергеевича... Да и времени работать мало остаётся: убьют меня, Николай!

– Ну, ты, Маешка, всегда страдал мнительностью, – он обнял меня за плечо.

– И вообще мне кажется, что из меня вовек ничего путного не получится. Скажи мне правду, Николай... слышишь – правду. Как добрый товарищ, как честный человек... Есть у меня талант или нет? Или, может, я действительно не поэт? Говори правду!

Мартынов смотрел на меня своими голубыми глазами – в них закипали слёзы, шутливый тон не давался ему.

– Помилуй, Лермонтов! Как ты смеешь меня об этом спрашивать? Человек, который, как ты, который написал... Ты... гений, Мишель! – Неожиданно для меня он схватил мою руку и прижал к дрожащим губам, слёзы текли по его щекам.

Я тоже поцеловал его руку, единым движением, по-мужски, обеими ладонями стёр с его щёк слёзы.

– Хорошо, – выдохнул я.

Николай, желая окончательно успокоиться, принял небрежный вид: сел нога на ногу, окрасил свою речь менторскими интонациями:

– Умственное развитие твоё настолько выше других наших товарищей, что и параллели между вами провести невозможно. Правда, и недостатков в тебе хватает. Свет тебя окончательно испортил.

Я не хотел терять этого мгновения и потому прервал Николая, обнял их с Монго за плечи:

Теперь я вижу: пышный свет
Не для людей был сотворён.
Мы сгибнем, наш сотрётся след,
Таков наш рок, таков закон;
Наш дух Вселенной вихрь умчит
К безбрежным, мрачным сторонам,
Наш прах лишь землю умягчит
Другим достойным существам.
Не будут проклинать они;
Меж них ни злата, ни честей
Не будет. Станут течь их дни,
Невинные, как дни детей;
Меж них ни дружбу, ни любовь
Приличья цепи не сожмут,
И братьев праведную кровь
Они со смехом не прольют!..

Потом мы долго стояли в молчании, не расцепляя дружеского объятия, прощались, и каждый думал свою думу.

* * *

Господи! Как хорошо! Неужели я один наконец? На какое-то время? Никому ничего не должен? Не внук, не любовник, не друг, не враг?!

Неужели я впрямь слышу тишину гор, и можно не ожидать, что рядом прозвучит чей-то голос, спугнёт мои мысли, нарушит их естественный, природный ход. Я всегда был одиноким среди людей, но они редко позволяли мне роскошь побыть наедине с собою и вечностью... Теперь я могу скакать по лазурной долине, на пределе сил скакуна, и упиваться вольным его полётом. Могу взбираться, цепляясь за ледяные уступы, на самую вершину Крестовой и там замереть, растворяясь в ощущении беспредельного, дышать, захлёбываться ветром; распахнув руки, обнять весь мир, мысленно полететь вниз вдоль склона Крестовой, стрелой пронестись по ущелью, взвиться ввысь по лесистому склону соседней горы, вырваться к солнцу...

И было сердцу моему
Легко, не знаю почему.
Мне тайный голос говорил,
Что некогда и я там жил...

Опершись о каменный крест на вершине горы, я могу часами рисовать, разложив свой походный этюдник, и любоваться половиной Грузии, словно на ладони лежащей передо мной в голубой дымке...

И мысль о вечности, как великан,
Ум человека поражает вдруг,
Когда степей безбрежный океан
Синеет пред глазами; каждый звук

Гармонии Вселенной, каждый час
Страданья или радости для нас
Становится понятен, и себе
Отчёт мы можем дать в своей судьбе...
Мне нужно действовать, я каждый день
Бессмертным сделать бы желал, как тень
Великого героя, и понять
Я не могу, что значит отдыхать...
Всегда кипит и зреет что-нибудь
В моём уме. Желанье и тоска
Тревожат беспрестанно эту грудь.
Но что ж? Мне жизнь всё как-то коротка
И все боюсь, что не успею я
Свершить чего-то! – Жажда бытия
Во мне сильней страданий роковых,
Хотя я презираю жизнь других...
Душа сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна, но и смерть страшна,
Находишь корень мук в себе самом,
И небо обвинить нельзя ни в чём...
Я к состоянью этому привык,
Но ясно выразить его б не смог
Ни ангельский, ни демонский язык:
Они таких не ведают тревог,
В одном всё чисто, а в другом всё зло.
Лишь в человеке встретиться могло
Священное с порочным. Все его
Мученья происходят от того...

Мною овладел настоящий бес творчества, он постоянно подгонял меня, нашёптывал: «Тебе уже двадцать три... Ты можешь неслыханно многое... А долго ли тебе дадут люди пользоваться флейтой, которую Господь вместил в твою грудь... в их воле сломать, отнять её хоть завтра...»

Я наслаждался одиночеством, принимая его как временный подарок судьбы, и душой понимал Пушкина в его болдинском заточении: не будь его... Воистину прав был Александр Сергеевич:

«Служенье муз не терпит суеты!» Впрочем, в этом крае даже люди не нарушали моего покоя и моей воли.

* * *

Пятидесятилетний князь, герой-генерал, почитаемый всей Грузией, красивый лучезарный поэт Александр Гарсеванович Чавчавадзе, живо поднялся с кресел и устремился мне навстречу, когда я переступил порог его цинандальского дома. Он раскинул для объятия руки, и мы молча, как старые друзья (хотя увиделись впервые), трижды поцеловались. Потом он представил мне домашних, и среди них женщину, о которой я столько слышал:

– Моя дочь, старшая, Нина Александровна Грибоедова...

Двадцатипятилетняя женщина, исполненная неземной благости и красоты, открыто, сердечно улыбаясь, подала мне руку, словно доброму знакомому. Я бережно принял её, склонил голову, благоговейно поцеловал.

В парке перед домом, под сенью столетней чинары, за большим праздничным столом звучит многоголосая грузинская песня, она томит, ласкает слух и сердце, заполняет всё обширное пространство, разливается по бирюзовой Алазанской долине до окрестных сиреневых гор. Хозяева поют, забыв обо всём, предаваясь всей душою только ей – песне... Но вот последние звуки унеслись вдаль, растворились там, смолкли... Словно проводив песню мысленным взором, князь задумчиво смотрит на меня, улыбается, спрашивает:

– Как вы чувствуете себя на Кавказе?

Я улыбаюсь ему и отвечаю молчаливым умиротворённым кивком: мол, хорошо, князь...

– Люблю я Кавказ. Ночую в чистом поле, засыпаю под крик шакалов, пью кахетинское, взбираюсь к небесам. Для меня горный воздух – бальзам. Хандра – к чёрту, сердце бьётся, грудь высоко дышит – ничего не надо в эти минуты: так сидел бы да смотрел целую жизнь.

– Я очень рад. Очень рад, – лёгкий акцент князя придаёт его голосу, низкому и хриплому, мягкость и теплоту, печальные карие глаза его лучатся нежностью и доброжелательством. – А ещё я рад, что место моего дорогого зятя, Александра Сергеевича Грибоедова, сегодня вновь не пустует. Совсем недавно здесь сидел Пушкин... Ты помнишь, Котэ, как он смеялся? И вот вы бросили вызов его убийцам. Ни на мгновение не дали погаснуть огню, приняли великий крест, – князь встаёт, поднимает бокал. – Я знаю, что оба Александра Сергеевича, занимавшие это место пред вами, поддерживают сейчас мою руку с этим бокалом. Храни вас Господь!

Уже солнце перекатилось через горы, на столе вспыхнули свечи, а песни и веселье и не думают смолкать...

– А вот и Роза Цинандали, не знающая печали! – обрадованно восклицает хозяин, и я вижу наездницу, приближающуюся к нам из сумеречного парка. – Вай, как ты сегодня долго! Иди сюда, Кэтино, у нас дорогой гость!

Наездница спрыгивает с коня и радостно бежит к столу.

– Младшая моя, Екатерина Александровна, – гордо произносит князь, подводя ко мне дочь.

Я поднимаюсь навстречу девушке и замираю, не веря своим глазам: ветер ласкает её шелковистые волосы, белокурыми искрами ниспадающие на плечи. Она была похожа на ангела, явившегося с небес, голубые глаза её смотрят просто и вместе с тем гордо. Знакомая, нежная мелодия вспыхивает в моём сознании и вместе с ней – образ той девятилетней девочки, игравшей с куклой подле распахнутого в горы и в звёзды окна... Это была она – моя первая любовь... Не думал, что я ещё могу так вспыхивать и теряться: я смутился её открытого, изучающего взора, принадлежавшего цельной и гордой натуре.

Все последующее пронеслось, словно сон – пленительный, волнующий и несбыточный. Я не мог оторвать, отвести от неё глаз, насладиться её красотой.

Она пела, аккомпанируя себе на фортепьяно, и её голос, словно серебристый ручеёк, тек в моё сердце. Если она смотрела на меня – казалось, в её божественных глазах играют небеса.

Шла ли она, молвила ли слово – все её черты были полны чувства и выраженья и какой-то дивной, грациозной простоты. Её беломраморный лик был под стать царевне...

Екатерина не отставала от меня во время скачек по Алазанской долине, и я любовался её грациозностью и красотой. И вдруг – ожог! Капля яда! Отрезвление: на одно мгновение мне показалось, что рядом со мной скачешь ты, Варенька!..

С этих пор поднимались ли мы с Екатериной на вершину горы, бродили ли по тенистому парку, сидели ли у реки, – ты постоянно присутствовала между нами, была третьей!

Кроме того, я видел, что молодой красивый князь Дидиани, который не

раз сопровождал нас на прогулках, искренне любит Екатерину: ведёт себя преданно и достойно; видел я и непокой княжны на наших совместных прогулках. Я начал избегать встреч с княжной...

Только ещё один раз нам пришлось остаться наедине – на просторном балконе княжеского дома. Перед нами догорал закат, внизу журчала прозрачная горная речка, Алазанская долина облачалась в синий туман. Нескончаемые сады Кахетии погружались в душистый мрак. Я решился прервать молчание.

– Завтра я уезжаю в Россию, – я попробовал улыбнуться, – хотя, по совести сказать, я бы охотно остался здесь: вряд ли «поселение» – веселее Грузии.

Княжна вскинула на меня глаза и сразу опустила взор: родовая женская гордость не позволяла ей долгих взглядов, а тем более безрассудных речей, но я успел заметить слёзы в её глазах.

Я вынес удар её диких глаз и продолжал:

– Князь Дидиани любит вас. Он красивый, достойный человек. Я искренне желаю вам большого счастья. Если когда-нибудь судьба вновь забросит меня в эти края, я надеюсь, мы встретимся добрыми друзьями. Прощайте, Екатерина Александровна, и простите...

Наутро я прощался с семьёй князя. Нина Александровна молча взяла меня за руку, подвела к портрету своего мужа, сняла со

стены его кинжал в чеканных золочёных ножнах и, когда её лилейная рука передавала мне холодный, светлый булат, по нему скатилась, как жемчужина, её слеза.

– Не изменитесь!.. Будьте тверды душой, – тихо сказала она на прощанье.

Большие пушистые хлопья снега не переставая валились с облачных небес. Въезжая в мрачный, серый Петербург, я поглаживал золочёные ножны кинжала, излучавшего тепло и силу, а неусыпно работающее сознание моё складывало новые поэтические строки:

Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!
Иль никогда, на голос мщенья,
Из золотых ножен не вырвешь свой клинок,
Покрытый ржавчиной презренья?..

* * *

– Она здесь! В Петербурге, вот адрес... Привези её к нам во что бы то ни стало. Завтра они уезжают за границу. Прошу тебя!.. – Вероятно, я был настолько убедителен, что растерявшийся Акимка мгновенно стал напяливать шубу, поглядывая на меня как на горячечного.

– Хорошо, Мишель, – успокаивал он меня. – Я очень постараюсь...

Он действительно постарался: через час Варенька с трёхлетним своим ребенком переступила порог нашей гостиной.

– Ну, как вы здесь живёте?

– Почему же это на «вы»? – удивился Акимка.

– Потому, что я спрашиваю про двоих, – с улыбкой пояснила ты.

– Живём, как Бог послал, – мой подрастающий кузен выглядел достойно. – А думаем и чувствуем, как в старину... Впрочем, другой ответ...

Но я не дал ему договорить и, замирая душою, распахнул дверь. Ты была неузнаваема: бледна, худа... Сердце моё болезненно сжалось.

– Варя! – Я поцеловал твою холодную руку и, не выпуская её, сел подле тебя на диване.

– Я знала, что вы здесь, – глаза твои сохранили свой блеск, были такими же ласковыми и глубокими, и лицо по-прежнему непрестанно меняло своё выражение – доверие и недоверчивость, благодарность и упрёк мгновенно сменяли друг друга.

Пока Акимка показывал тебе нашу квартиру, я выволок на пол всё, во что можно было играть: дедовскую саблю, свой кивер, музыкальную шкатулочку, какие-то статуэтки; разрядил пистолет... Я не знал, что могу играть с детьми с таким упоением, забыв обо всём, ползать по полу... Я старался, чтобы он, твой ребёнок, полюбил меня, потому что я сам уже любил его до восторга... С тайной отрадой я любовался его улыбками; словно музыку, слушал звонкий голосок; моё сердце щемило болью и счастьем, когда я отмечал, что ребёнок похож на тебя... Я непрестанно ласкал девочку, целовал её ручки, головку, глазки...

Ты наблюдала за нами, стоя в дверях гостиной. К твоим глазам подступали слёзы. Когда я это заметил, ты отвернулась и скрылась в соседней комнате. Я поднялся и поспешил за тобой...

– Теперь мы должны расстаться навеки, – ты говорила твёрдо, смотрела прямо, решение твоё было окончательным. – Я приехала посмотреть на вас в последний раз. Однако вы можете быть уверены, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на вас все свои сокровища, свои слёзы и надежды; любившая вас не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, что вы были лучше их, нет! но в вашей природе есть что-то особенное, вам одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в вашем голосе, что бы вы ни

говорили, есть власть непобедимая; но я подам вам пример – я вас забуду... Прощайте!

– Вы меня забудете? Не думайте! Совесть вернее памяти. Не любовь, так раскаяние будет вам напоминать обо мне! Разве я поверю, чтобы вы могли забыть того, кто бросил бы Вселенную к ногам вашим, если б должен был выбирать: Вселенную или вас!.. Что ж, прощайте! Судьба меня гонит, Государь не любит, вот и вы... вы, моя надежда, оставляете меня...

* * *

– Советую напечатать «Демона» эпизодами в нескольких книжках... – убеждал меня Андрей Краевский, перекрывая голосом вакханалию новогоднего бала-маскарада. Мы стояли в красных сумерках театрального фойе, а вокруг нас кипела масса людей, обуянных всеобщим безудержным весельем: маски, маски, маски... они теснили, одолевали нас... не давали мне покоя: хлопали по плечу, хватали за руки, не позволяли спокойно говорить с Андреем.

– «Демон», разбитый на отрывки, надлежащего впечатления не произведёт!

Я был, как всегда, категоричен:

– Его нужно печатать всего сразу!

– Зато пройдёт полнее, – тактично настаивал Андрей.

– Скажите, Михаил Юрьевич, с кого вы списали вашего Демона?..

– С самого себя, барон, – я угадал толстяка даже под его мефистофельской маской, – неужели вы не узнали?

– Но вы не похожи на такого страшного протестанта и соблазнителя.

– Поверьте, барон, я ещё хуже моего Демона. – И я схватил «Мефистофеля» за длинный нос, но тут же отдёрнул руку, потому что на неё легла дамская перчатка.

– Скажите... – Дамы почему-то предпочитали сохранять инкогнито. – Скажите, друг мой...

– Кто? Я?! – Я начинал обретать вдохновение. – Я к дружбе не способен. Из двух друзей всегда один – раб другого. Рабом быть я не могу, а повелевать – труд утомительный, да притом у меня есть лакеи и деньги!

Ещё одна атака была отбита, и мы смогли продолжить разговор с Андреем. Он сказал:

– Все говорят о твоих удивительных успехах в рисовании. Умоляю, Михаил, не забрасывай этот дар!

– Да, я снял на скорую руку виды всех примечательных мест Кавказа, привёз порядочную коллекцию. Я покажу тебе...

Но тут нас снова прервали: на этот раза дама из приличия сняла свою маску – это была красавица Соломирская.

– Знаете ли, Лермонтов, – сказала она простодушно, – я вашим «Демоном» увлекаюсь. Его клятвы обаятельны до восторга. Мне кажется, я бы могла полюбить такое могучее, властное и гордое существо. Я верю от души, что в любви, как в злобе, он будет действительно неизменен и велик...

Соломирская внезапно осеклась, испуганно огляделась, надела маску и исчезла в толпе.

По залу пробежал встревоженный шепоток: «Государь... Государь!..»

Император тоже был в маске, но его нельзя было не узнать: высокий, сухощавый, стройный, он шел в своей кавалергардской каске с птицей на

голове между теснившейся к нему и робко сторонившейся его публики. Он шёл в сопровождении своего адъютанта, оглядывал зал, словно выискивая кого-то в толпе... увидел... быстро пересёк, разрезал податливую массу, настиг Соломирскую, взял её под руку и увлек за собою наверх, на галерею... Император был явно назойлив в своих ухаживаниях, что было заметно по реакциям дамы. Улучив мгновение, когда Государя отвлекли разговором, Соломирская, высвободив руку, извинилась и, спустившись в зал, стремительно направилась в нашу сторону.

– Пожалуйста, – она умоляюще смотрела на меня. – Проводите меня до кареты.

Я подал ей руку и, ведя к выходу беглянку, отметил, что Государь внимательно наблюдает за нами, но мог лишь догадываться, что творилось там, в щелях-глазницах его маски...

* * *

В эту ночь, с 1839 на 1840 год, мне снова снились любопытные сны. Я видел Государя. Он, в атласном нижнем белье, лежал на постели, рядом была... не императрица, но я узнал её – официально признанную фаворитку, пышногрудую Варвару Нелидову. В руках императора был журнал. Я прочёл заглавие: «Отечественные записки»... прислушался:

Государь читал вслух моё последнее стихотворение:

О, как мне хочется смутить весёлость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Государь отложил журнал в сторону, вздохнул:

– Этот господин дерзок и неблагодарен. Он, кажется, забыл о своём письменном обязательстве об исполнении правил!..

Я счёл, что подглядывать за самодержцем неприлично, и потому запретил себе видеть дальнейшее.

Мне почему-то захотелось повидать Александра Христомордыча, и я нашёл его всё в той же компании «золочёных мундиров»: Клейнмихель и Нессельроде (какая постоянная привязанность!). Они сидели в той же комнате, украшенной изображениями дружественных императоров, за тем же круглым столом, на котором теперь лежал голубой листок с краями, иссечёнными орнаментом.

Бенкендорф позвонил в колокольчик и передал листок в руки высокого, тощего жандармского подполковника. Я никогда не видел этого листка прежде, но знал во сне, что он когда-нибудь непременно всплывёт передо мной наяву...

* * *

В этот вечер у нас было многолюдно. Кроме Раевского, Мартышки, Монго, ещё двенадцать военных и статских людей, членов нашего неожиданного содружества.

Сегодня представлялись новенькие:

– Князь Сергей Васильевич Долгорукий.

– Иван Сергеевич Гагарин.

Я признал их обоих: видел рядом с Пушкиным на том последнем его балу.

– Граф Андрей Павлович Шувалов.

– Князь Александр Илларионович Васильчиков.

– Князь Сергей Васильевич Трубецкой.

– Граф Пётр Александрович Валуев.

– Барон Дмитрий Петрович Фридерикс.

– Ба, какие имена! – не выдержал я и шепнул Раевскому. – Подходящая компания, все отпрыски отцов, приближённых к Государю.

– Господа! – Мартышка откашлялся. Он был необычайно значителен и воодушевлён. – Цель нашего содружества – в самоутверждении личности. Самоутверждение личности – это...

– Николай Соломоныч, – прервал я его, – позволю заметить, личность начинается не с самоутверждения, но с самоотдачи.

Николай не нашёлся с ответом, сверкнул глазами и заиграл желваками на скулах.

* * *

Я решил пригласить на танец красивую молодую вдову, княгиню Щербатову, подошёл к ней и увидел рядом с собой склонённую голову сына французского посланника, Эрнеста де Баранта. Княгине надлежало выбрать, и она выбрала меня: подала мне руку в белой перчатке – узкую, пленительную, с длинными пальцами. Я взглянул на отставленного соперника, пожал скорбно плечами: мол, извините, и увлёк красавицу за собой.

Я кружил княгиню немилосердно, её роскошно декольтированная грудь вздымалась высоко и страстно.

– Мне ваш «Демон» нравится. Я бы хотела с ним опуститься на дно морское и полететь за облака.

Музыка смолкла. Я проводил княгиню на место и, возвращаясь к Монго, скользнул глазами по обиженной фигуре Баранта. Рядом с ним я увидел спину высокого и тощего человека, очень знакомую спину. Француз глядел на меня враждебно, в руках он держал какую-то бумагу.

Не успел я поделиться с Монго своими впечатлениями о княгине, как бледный сын посланника уже стоял перед нами, протягивая мне голубой листок с краями, иссеченными орнаментом, – скоро же сбываются мои сны.

– Месье, – голосок француза дрожал. – Я требую объяснений!

Интересно, что в этом листке? Я развернул его, прочитал вслух:

О, как мила твоя богиня!
За ней волочится француз, –
У неё лицо, как дыня,
Зато... как арбуз.

– Месье, поверьте, это писано много лет назад. И по адресу совершенно другого лица... – Я хорошо говорил по-французски, но, похоже, Барант не понял или не хотел понимать меня.

– Если переданные мне сплетни верны, то вы поступили весьма дурно!..

Тогда я прервал его, взяв полутоном выше, но по-прежнему внятно и спокойно:

– Выговоров и советов не принимаю и нахожу ваше поведение весьма смешным и дерзким.

Но и это не остудило Баранта: он не на шутку хотел вывести меня из терпения.

– Если бы я был в своём отечестве, то знал бы, как кончить это дело! Вы пользуетесь тем, что мы в стране, где запрещена дуэль!

Я посмотрел на Монго – он кипел: его национальное чувство было задето тоже, и это решило дальнейшее.

– Это ничего не значит... – И француз ожёгся о мои глаза. – Поверьте, что в России следуют правилам чести так же строго. И мы, русские, меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно.

* * *

В ту ночь перед дуэлью я не сомкнул глаз до самого часа отъезда: думал, подводил на всякий случай итог:

– Что, если его счастье перетянет? Если моя звезда наконец мне изменит? И немудрено: она так долго служила верно моим прихотям... Что же? Умереть – так умереть: потеря для мира небольшая... Зачем я жил?.. Для какой цели я родился?.. А верно, она существовала; и верно, было моё назначение высокое, потому что я чувствовал в душе моей силы необъятные, но я не угадал этого назначения... Варенька... Екатерина... Моя любовь никому не принесла счастья, потому что я ничем не жертвовал для тех, кого любил; я любил для себя, для собственного удовольствия... И, может быть, я завтра умру!.. И не останется на земле ни одного существа, которое бы поняло меня совершенно, одни почитают

меня хуже, другие лучше, чем на самом деле. Одни скажут: он был добрый малый, другие – мерзавец! И то и другое будет ложно. Друзья, которые завтра меня забудут или, хуже, взведут на мой счёт Бог знает какие небылицы; женщины, которые, обнимая другого, будут смеяться надо мною, чтоб не возбудить в нём ревности к усопшему. Бог с ними! Из жизненной бури я вынес только несколько идей – и ни одного чувства. Во мне два человека: один живёт в полном смысле этого слова, другой мыслит и судит его. Первый, быть может, через час простится с вами и миром навеки, а второй... второй... – я вглядывался в своё отражение в зеркале, потому что замечал, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться, но моё лицо оставалось таким же, как всегда!..

А вот погода выдалась мерзкая, не романтическая. В то раннее февральское утро мокрый снег шёл вперемежку с мелким противным дождём и, если бы честь не обязывала, я бы целый день не высовывал на двор носа. Серо, промозгло, туманно было и на Парголовской дороге, за Чёрной речкой, когда мы с Монго прибыли к месту дуэли. Призрачно проступали в туманных испарениях корявые, голые деревья, экипаж, доставивший сюда французов, две поджидающие фигуры...

– А Пушкин дрался вон там, левее, – показал я Монго, направляясь к противникам.

– Мы давно уж вас ожидаем, – неприязненно сказал Барант.

Я молча вынул часы, Монго тоже; и, не сговариваясь, мы разом показали их ему. Француз извинился, сказал, что его часы спешат.

Я не раз бывал на чужих дуэлях, теперь прибыл на свою, и она не походила на все, что я видел и читал: была не комильфо – жалкая и невзрачная. Томительно, сомнамбулически плавали в сером тумане фигуры. Разложили под дождичком оружие – две отточенные рапиры и пару дуэльных «кухенрейтаров». Выбирать, на правах

обиженного, должен был француз. Он выбрал рапиру. Мы сняли промокшие шубы и сюртуки, свалили их на руки секундантов. По колено в мокром снегу встали друг против друга. Скрестили рапиры. Дуэль началась...

Барант сразу же бросился атаковать: по два, по три корявых выпада – мальчишка! Я успокоился: парировал его удары и сам не нападал. Наши рубахи промокли насквозь, прилипали к телу, ноги скользили, утопали в мокром снегу, сложно было сохранять равновесие. Ну и дуэлька... Тьфу!..

Француз сделал непредугаданную конвульсивную посылку, его клинок со свистом рассёк воздух у моего уха и ошпарил руку. Через вспотевшую рубаху потекла кровь, согревая мокрую кожу приятным липким теплом.

Я озлился, хотел ответить тем же: как говорится, зуб за зуб! Я сделал один из своих любимых волнообразных обманных выпадов. Мой клинок угодил в его гарду, перегнулся и со звоном лопнул. И мгновенно между мной и Барантом вырос громадный мой друг Монго, закрыл меня от француза, прекратил поединок.

Нам вручили пистолеты, отмерили расстояние, на крайних следах воткнули в снег рапиры, развели нас по позициям. Подали сигнал – сходиться.

Скользя и шатаясь, резкими бросками приближался ко мне сын французского посланника. Я шёл медленнее раза в три, и Барант первым достиг барьера, поднял пистолет, начал целиться в меня. «Вот и всё, – подумал я, – выстрел, вспышка и – конец! Небытие!» Как глупо. Ни за что...

Дуло его пистолета манило в свои бесконечные холодные недра. И вот наконец оттуда вырвался сноп искр, дым, выстрел

прогремел и унёсся за Чёрную речку: француз промахнулся. Я сделал последний шаг к барьеру. Обессиленный и жалкий, стоял передо мной вымокший, дрожащий юнец. Страх и мольба в глазах. Я поднял свой пистолет и разрядил его в воздух...

* * *

– Ваше столкновение с сыном французского посланника не улучшит наших отношений с королём Луи-Филиппом... отношений весьма напряжённых. – Александр Христомордыч снизошёл до чести личного допроса. Он внушительно восседал за необъятным столом, под непомерно величественным портретом императора.

Я должен был держать перед ними ответ, и я ответил:

– Я признаю в полной мере вину и покорюсь любому наказанию, возложенному на меня его императорским величеством. Но я не мог позволить французу оскорблять честь русского офицера.

Лицо графа сделалось странным, и губы зачмокали, словно он пробовал ложку отжатого лимона. После некоторой паузы он продолжал:

– Ваши показания, данные суду, будто вы выстрелили на воздух, месье Барант считает оскорбительными и несправедливыми. Вы должны извиниться.

Кровь ударила мне в лицо, застучала в висках. Я заставил себя сдержаться. Так вот почему он «беседовал» лично: перед помощниками я бы вряд ли сдержал себя. Я постарался ответить как можно спокойнее:

– Что может быть для человека, дорожащего своей честью, тяжелее, чем обвинение во лжи? Я искренне сожалею, что пока-

зание моё оскорбило месье Баранта, но теперь не могу исправить этого посредством лжи, до которой никогда не унижался.

– Воля ваша, господин поручик. Вы свободны...

«Вы свободны...» В серой зарешеченной камере ордонанс-гауза эти слова графа вспоминались как насмешка. Я лежал, покрытый шинелью, на топчане, разглядывал себя в осколке зеркала. Месяц заключения сказался бледностью впалых щёк, заросших чёрною щетинистой бородкой, да синеватыми кругами вокруг глаз. Дни тянулись здесь словно годы, а высочайшего решения на мой счёт все не поступало. Чем он там занимается – Государь? Я закрыл глаза и сразу увидел его.

Он в сопровождении графа Христодавыча стремительно шёл сквозь дворцовые анфилады, вызванивающие всеми часами, на все лады седьмой час. С последним ударом он пересёк порог изумрудно-золотой столовой императрицы. Тридцатисемилетняя Государыня Александра Фёдоровна, в девичестве Фредерика-Луиза-Шарлотта-Вильгельмина, дочь прусского короля, готовилась к чаепитию в окружении своих фрейлин.

Всё происходило весело, непринуждённо, по-домашнему. Государь был в добром настроении, много шутил и первый смеялся своим шуткам: звонко и тенористо.

– Были у нас, – говорил Николай Павлович, отпивая из большой фарфоровой чашки, – итальянский Вельзевул, английский Люцифер, немецкий Мефистофель. Теперь явился русский Демон. Значит, нечистой силы прибыло! – И снова хохотнул тенорком. – Я только не пойму, кто кого создал: Лермонтов ли духа зла или дух зла – Лермонтова?

– Ваше Величество, – обратилась к Николаю Павловичу тёмноволосая Россет-Смирнова, – довелось ли вам читать «Мертвые души» Гоголя?..

– Да разве они его? Я думал, что это Соллогуба... – Император протянул руку, ища что-то на столе. – Пожалуйста, положите мне малинки, – попросил он Нелидову.

Когда фрейлина передавала Государю хрустальную розетку с вареньем, токи, пробежавшие между ними, ощутили все, даже терпеливая императрица.

– Я, – продолжал Николай Павлович, – дочитал до конца «Героя нашего времени» и нахожу вторую часть отвратительной, вполне достойной быть в моде. – Император поднял кверху плечи и несколько экзальтированно возвёл к небу глаза. Он обыкновенно делал это, желая оттенить что-либо особенное. – По-моему, это жалкое дарование. Оно указывает на извращённый ум автора. Александр Христофорович, что слышно о нашем «Герое»?

– Ваше Величество, – граф откашлялся, прикрыв губы кончиками пальцев. – Французский посол требует удаления господина Лермонтова из Петербурга. Его сын желает совершать свою дипломатическую карьеру при русском дворе, и господин посол считает, что находиться в одном городе с Лермонтовым будет для его сына неприятно и опасно. Наши отношения с Францией...

– Ох, Александр Христофорович... – Государь глубинно вздохнул. – Знаю, дорогой мой. А вы не помните вчерашней сводки с Кавказской линии? Там говорится о больших потерях в каком-то полку?

– В Тенгинском пехотном, Ваше Величество, – с готовностью подсказал граф.

– Надо пополнить его новыми «Героями». Счастливый путь, господин Лермонтов. Пусть он, если это возможно, прочистит себе голову...

Дворцовые часы прозвонили половину восьмого. За окнами собирались сумерки, фиолетовые облака дымными клочьями стремительно и низко проносились над дворцом, и от этого казалось, что изумрудно-золотая, сияющая огоньками свечей столовая и все присутствующие в ней несутся, плывут куда-то, словно мираж в необозримых просторах океана...

...Я засыпал спокойно: я наконец знал свою участь...

* * *

– Поручик! – позвал меня из мрака знакомый хриплый голос, и я сразу узнал своего друга, подпоручика артиллерии Мамацешвили, с которым мы были знакомы давно – по дому Чавчавадзе.

– А-а, Котэ!

Он выплыл из темноты, и мы, плечо к плечу, продолжили свой путь по нашему лагерю, белеющему пятнами палаток и расцвеченному огнями множества костров, разбросанных по долине почти до самых гор.

Я первым прервал молчание:

– Поутру весёленькое дельце затевают: восемь тысяч столкнут. Прольется кровушки! Название у речушки подходящее, романтическое, на французский манер... Ты не помнишь?

– Валерик, – произнес Котэ хрипло. – Речка смерти... Я тебя искал, генацвале, видеть хотел. Есть бутылка кахетинского, есть сыр. Пойдём ко мне!

– Гаумарджес!

– Гагимарджеба!

Мы пили, ели вкусный овечий сыр и, прикованные к огненной магии костра, говорили обо всём на свете свободно и просто: нам всегда было хорошо вдвоем.

– Почему ты печален, Мишо?

Я снова тяжело вздохнул:

– У меня несчастный характер, Котэ. Воспитание ли меня сделало, Бог ли меня так создал, не знаю. Я надеялся, что скука не живет под пулями – напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращаю больше внимания на комаров, – и в который раз я шлепнул себя ладонью по шее, стряхнул убитое насекомое.

– Я прочитал твоего «Героя», Мишо. Знаешь, никогда ни над какой книгой не плакал, над «Героем» твоим плакал. Ведь это и обо мне. Да что обо мне?! О любом человеке. Если он только в этом признается себе... Ара! Почему они говорят, что ты свой портрет написал?! Ведь ты – другой: я тебя вижу!

– Спасибо, Котэ! Меня трудно растрогать, но ты первый говоришь мне такие слова. Да, Котэ! Тут не один я: тут пороки всего поколения, во всём нашем «блеске». Точнее – «падении». Тут всё, что я сам в себе ненавижу, чего боюсь, от чего хочу откреститься, выжечь из души калёным словом, чтобы вновь не родилось. И я выжег. И убил его в конце. И поставил точку. Он не должен был жить. Ты знаешь, отчего они его так ругают беспощадно? Оттого, что в нём больше правды, нежели бы они того желали. Но сколько можно кормить людей сластями? У них от этого испортился желудок: нужны горькие лекарства, едкие истины. Нет, Котэ! Я не мечтал сделаться исправителем людских пороков. Боже меня избави от такого невежества! Будет и того, что болезнь указана, а как её излечить – это уж Бог знает... Недавно я сам перечитал «Героя» и убедился в искренности того, кто так беспощадно выставил напоказ собственные слабости и пороки... И, по-моему, история души человеческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не полезнее истории целого народа...

– Ты знаешь, – сказал Котэ, наливая нам остатки кахетинского, – мне показалось, что у твоего «Героя» есть нечто общее с «Исповедью» Руссо.

– Ты мне польстил, Котэ: я люблю Руссо... Но его «Исповедь» имеет уже тот недостаток, что он читал её своим друзьям... Ладно, Котэ! Про свою печаль я тебе сказал. А почему так грустен ты – всегда, а сегодня – особенно?

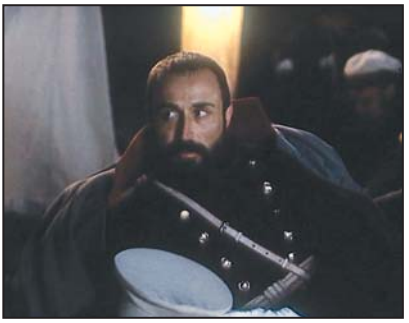
– Убьют меня скоро, генацвале, – без тени трагизма, просто ответил Котэ.

– Может быть, поэтому мы чувствуем такое родство, – улыбнулся я и добавил, поднимая бокал: – Живи долго, Котэ! Гаумарджес!

– Живи всегда, Мишо! Гагимарджеба!

* * *

Артиллерийский расчёт подпоручика Мамацешвили находился на открытой поляне, возле него не было никакого прикрытия, и противник лавиной шёл на них, угрожая вот-вот сломить сопротивление. Котэ вынужден был саблей защищать свои орудия. Гибель их показалась мне неминуемой, и я повёл к ним на помощь сорок своих охотников-партизан, отобранных со всей кавалерии.



Я прицелился на скаку и не дал исполниться вчерашнему предчувствию Котэ: попал в руку татарину, поднявшему нож над спиною подпоручика. Татарин скорчился от боли и выронил клинок. Мои партизаны налетели, дико вопя, сметая неприятеля, обращая его в бегство – артиллеристы были спасены.

Я осадил взмыленного коня перед орудием Мамацешвили. Шальная пуля прожужжала и сбила кору с дерева подле моей головы.

– Славный звук, – сказал я, переводя дыхание и облизывая запекшиеся губы. – Ещё поживем, Котэ!.. Эх, сейчас бы кахетинского глоток!

Котэ благодарно улыбнулся и, подмигнув, бросил мне свою фляжку. Я отпил пару глотков и возвратил её.

– Шестой час рубимся, а конца всё не видно. За мной! – крикнул я своим охотникам. – На завалы! Штурмом!! Вперёд!!!

* * *

Когда бой утих, я со своей разгоряченной командой возвращался к реке. Утомлённый зноем и битвой, я вошёл в воду, хотел напиться, зачерпнул – вода была мутной и красной... Стоя по колено в кровавой реке, я оглядел арену, на которой только что действовал и я сам: скрюченные трупы запрудили речку, качались в её пунцовых потоках. На берегу мёртвых сносили в одно место, в одну большую груду. Выкрикивали фамилии убитых... «Подпоручик Мамацешвили!..» Двое солдат пронесли мимо меня Котэ и свалили его в кучку поменьше – офицерскую. Около его сердца едва чернели две ранки, и кровь ещё сочилась по рубашке, но Котэ был мёртв. Меня затошнило, хотелось плакать. Сквозь туман я с трудом различал происходящее под этим неохватным голубым небом, подле проступающих в пороховом дыму величественных гор, а сознание непрестанно задавало мне один и тот же вопрос: «Зачем?..» – и, по привычке, облекало его в стихи:

Жалкий человек. Чего он хочет!.. небо ясно, Под небом места много всем, Но беспрестанно и напрасно Один враждует он – зачем?

– Поручика Лермонтова представить к награждению золотой саблей с надписью «За храбрость!». – К этому генерал Галафеев добавил менее официальным тоном: – Кроме того, по ходатайству вашей бабушки, вам предоставляется отпуск в Петербург для свидания с нею...

* * *

Солнечным утром ко мне заглянул Краевский. Напевая какую-то дребедень, я стиснул его в объятиях, опрокинул на пол. Он барахтался на полу в солнечных лучах, улыбаясь, приговаривал:

– Ну, полно, полно. Перестань, братец, перестань. Экой школьник. Отвяжись. Да скажи, ради бога, что с тобой?

– Андрей! Говорят, скоро решится вопрос с моей отставкой. Господи, скорей бы уж. Тогда я смогу совершенно предаться делу. Мы должны основать новый журнал, жить своею самостоятельной жизнью и внести общечеловеческое – своё, русское, самобытное. Ну сколько можно тянуться за Европою да за французским! Я вот многому научился на Востоке. Мне бы хотелось проникнуть в таинства азиатского миросозерцания. Поверь мне, там, на Востоке, – тайник богатый откровений.

Тот день мы провели с Андреем почти до вечера, завтракали, потом обедали и непрестанно говорили, вернее – непрестанно говорил я:

– Ну, Андрей, наиздавал ты здесь много моего, пока я вояжировал. Спасибо тебе. На меня такая мода – разрывают. Да. А ведь было время, когда я искал доступа в это общество, и двери сало-

нов были для меня закрыты. Теперь я возбуждаю любопытство, передо мною заискивают, меня всюду приглашают, самые хорошенькие женщины выпрашивают у меня стихи и хвастают ими, как величайшей победой. А желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что ведь я тоже... Да, художник должен пройти через это: преодолеть искушения необыкновенностью и дожить до простоты – без позы, байронизма, так сказать, без гордыни и самоуничижения, ведь главное свойство высокой, пылающей души – простота. Если он выживет в суете этой и доживёт до внутреннего покоя – он спасён. Спасён сам и может помочь многим: ведь он переболел чумою мелочного тщеславия и распада, не предал истины ни за какие искушения дьявола...

Когда мы прощались, уже в прихожей, подавая мне саблю, Андрей сказал:

– Твоё последнее стихотворение – дивная вещь! Превосходная, но там есть в одном стихе маленький грамматический промах, неправильность.

– Что такое?

– «Из пламя и света рождённое слово...» Это неправильно, не так. По-настоящему, по грамматике надо сказать: «Из пламени и света...»

– Да если этот «пламень» не укладывается в стих? Это вздор, ничего. Ведь поэты позволяют себе разные поэтические вольности. И у Пушкина их много. Однако... сейчас... попробую... «из пламени света»... «из пламя»... нет, ничего нейдет в голову! Печатай так, как есть. Сойдёт с рук...

– Хорошо. – Андрей задал мне последний вопрос: – Зачем ты не берёшь ничего за свои стихи? Книгопродавцы готовы платить тебе, как Пушкину, по золотому за каждый стих.

Я ответил:

– Можно сказать словами Гёте: «Песня, которая льётся из уст, сама по себе есть лучшая награда». Гёте прав. Истинно сказано, Андрей: даром получили, даром отдавайте...

* * *

В эту ночь мне не хотелось видеть плохие сны, но почему-то то и дело всплывало передо мной лицо Христохрениыча, я смахивал его в бездну закрытых глаз, но он снова и снова выплывал. Может быть, будет что-то интересное, подумал я и позволил ему занять моё внимание... Но ничего «интересного» с ним не произошло. Он, конечно же, был в окружении своих «друзей» и опять в той же комнате с камином и портретами императоров. С ними сидела какая-то огромная женщина, я видел лишь её спину и руку – унизанные кольцами и перстнями пальцы. Она ловко взяла этой массивной рукой толстую пачку ассигнаций, что подал ей Христокровыч...

* * *

Я кружу в танце красавицу Соломирскую и осыпаю её экспромтами:

Увы, как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот,
Как шиш, торчит перед тобой...

Музыка смолкает, красавица не слышит этого, смеётся в наступившей тишине. Я понимаю, что наше поведение дерзко и неприлично в моём положении, и почему-то нарочно испытываю судьбу – пред очами Бенкендорфа, Клейнмихеля, Нессель-

роде и самого Государя. Иду по залу и чувствую, что я – в центре внимания, слышу реплики в свой адрес:

– Он слишком своеволен.

– Он настойчиво плывёт против течения.

– Ведёт себя, как враждебно настроенный иностранец в своём отечестве, которому он всем обязан.

– Что находят в нём наши дамы?

– Ему можно удивляться, но любить его нельзя.

– Фокусник... Он думает, что своими гримасами напоминает толпе Пушкина...

– Везде первый подвергался выстрелам хищников и во главе отряда оказывал самоотверждение выше всякой похвалы! – Это сказал генерал Галафеев императору; добряк Аполлон, но в другое ухо Государя вливается совершенно иное:

– Вы представить себе не можете, какой это грязный человек...

И я выхожу в соседнюю залу – передохнуть. Но меня обступают.

Какая-то угодливая дама, которую я впервые вижу, протягивает мне мою книжку и перо.

– Пожалуйста, Михаил Юрьевич, напишите мне что-нибудь... И умоляю вас, завтра непременно к нам – отобедать. Моя дочь без ума...

И я приписываю к заглавию книги: «Герой нашего времени» упадёт к стопам её прелестного сиятельства, умоляя позволить ему не обедать...» Дама меняется в лице:

– Верно, вы о себе самого высокого мнения?

– Вы не ошибаетесь.

Даму словно ветром сдуло, но на её место заступают новые «обожатели»:

– Пожалуйста, познакомьте нас с вашими новыми стихами!

– У меня очень мало такого, что интересно было бы читать.

– Однако...

– Все пустяки. Впрочем...

Я вижу здесь лица своих бывших однокашников по Университету, по юнкерской школе, по полку, и дерзкая мысль пронзает меня, и я, не раздумывая, начинаю читать:

Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее – иль пусто, иль темно...

Я хлещу их по лицам безжалостно, вижу, что многие даже возмущены, но я желаю возмущать их и жечь.

* * *

– Это же лучшая гадалка в Петербурге... в России. Я вёл Монго к ворожее – знаменитой мадам Кирхгоф – едва не на аркане.

Особенно он начал сопротивляться, когда мы поднимались по лестнице к её дверям.

– Ты, наверное, не знаешь, Монго. Это же она предсказала Пушкину смерть «от блондина». Или ты не слышал, что вчера про неё говорили на балу?

Монго остановил меня за руку перед самой дверью гадалки, серьёзно сказал:

– Слушай, Мишель, не по душе мне эти ведьмы. Как знать, может, эти предсказания и волокут человека за собой. И Пушкина... давай не пойдём – ещё не поздно. Не должно умному, сильному человеку слушать гадалок. Нужно верить в свою звезду... и...

– А может быть, я вовсе не сильный, – и я дернул звонок, улыбнулся: – Ну, перестань, Монго. Ведь ужасно интересно: будет ли отставка. А свою судьбу я знаю сам.

В это мгновение дверь медленно, со скрипом отворилась, и перед нами возникло белобровое и беловолосое лицо неопределённых лет, но явно мужского пола. Лицо приветливо улыбнулось, но обдало холодом, а из недр квартиры донёсся женский голос – властный и низкий:

– Сколько раз говорила, смажьте дверь, неприлично. Пусть войдут.

Мы последовали за «привратником»: повсюду в апартаментах царили тишина и полумрак. В комнатах, заставленных старинной мебелью, словно живые тени, двигались люди. Они попадались и нам навстречу: проплывали мимо, изучающе осматривая нас.

В гостиной нас встретила сама мадам Кирхгоф.

– Вы подождите там, – сказала она Монго, едва мы переступили порог комнаты, и, растерявшись от неожиданности, он робко вышел за «привратником».

– Я ожидала тебя, – сказала гадалка, когда мы остались одни.

Не могу сказать, что я был польщён тем, что меня здесь «ожидали». Я поразился.

– Что тебе угодно знать? – спросила гадалка.

И я задал свой вопрос – небрежно, по-светски:

– Я хотел бы знать, буду ли я выпущен в отставку? И ещё... Останусь ли я теперь в Петербурге?

– Встань сюда. – Массивной рукой, унизанной кольцами и перстнями, ворожея показала на вытканный на ковре большой круг. Мадам Кирхгоф, сотрясая пол, прошествовала в соседнюю комнату, сплошь заставленную зеркалами, заваленную сосудами, медными тазами, свечами и прочими предметами, назначение которых я не всегда угадывал. Ворожея склонилась над столом, исчезнув из моего поля зрения, и я, чтобы лучше её видеть, придвинулся к самому краю круга и сразу услышал её окрик:

– Стой спокойно!

Колдуя над медным тазом, наполненным водою, гадалка подняла правую руку так, что она оказалась над отраженною в зеркале моей головою. Властно, жестко произнесла, словно приговор:

– В Петербурге тебе вообще больше не бывать! Не бывать и отставки службы! А ожидает тебя отставка, после коей уж ни о чём просить не будешь!

Когда «привратник» выводил нас на волю, я шепнул Монго:

– Всё наврала... Отставка должна быть непременно. Недаром меня вызывают в Главный штаб...

* * *

– Вы были уволены в отпуск лишь для свидания с бабушкой. – Тон дежурного генерала Главного штаба графа Клейнмихеля был не холодным, а ледяным, и сидел он за массивным столом, похожим на инкрустированный гроб, непоколебимо. – В вашем положении неприлично разъезжать по праздникам, особенно когда на них бывает двор. Вот предписание: вам надлежит в сорок восемь часов покинуть Петербург и отправиться в свой полк... на Кавказ!

Я выслушал этот приказ совершенно спокойно, более того – меня больше занимала половина туловища, выдававшегося спиной из-за ширмы. Туловище принадлежало высокому, тощему жандармскому подполковнику, и я всё силился вспомнить: где же я мог видеть эту фигуру?..

Последний вечер, проведённый в Петербурге, был словно подарен мне судьбой, во искупление моих прежних и будущих стра-

даний. Он пришёл как озарение, посланное мне в образе Натальи Николаевны Пушкиной.

Нет! То, что эта двадцативосьмилетняя женщина необыкновенно красива, я знал всегда. В тот вечер я увидел в ней нечто более важное, скрытое внутри. Словно упали внешние покровы, и обнажилась божественная и простая суть. Я наблюдал за ней весь вечер и вспоминал тот последний бал, на котором я видел её рядом с Пушкиным. Ведь я и тогда видел, что они вместе – единое существо. Но нужно, чтобы прошло столько лет, чтобы эта мысль проделала путь от сознания до сердца и сняла с него тяжёлое бремя. Значит, все-таки: на свете счастье есть? и есть покой и воля?

Я не позволил себе робости и решился подойти к Наталье Николаевне – завладеть внезапно освободившимся подле неё местом, чтобы потом весь вечер не отдавать его никому.

Наталья Николаевна словно давно ожидала меня, откликнулась и открылась сердцем искренне и сразу.

– Я давно стремилась, – сказала она мне, словно старому другу, – отдать дань поклонения вашему таланту, рвалась вам навстречу, но врождённая застенчивость, смутный страх сковывали мне уста. Вы... вы... его замена... нет, я не так сказала. – Наталья Николаевна смутилась, поправилась: – Его заменить невозможно. Да и вы совершенно другой. Но... вы меня понимаете?

– Сколько вечеров мы провели здесь, но в разных углах, – казнил я себя, не в состоянии оторвать глаз от этой женщины. – Но я малодушно поддавался враждебным влияниям, гордился, что не подчиняюсь общему здешнему культу. И только накануне отъезда надо было мне разглядеть, увидеть вас, чтобы унести с собою вечный упрёк в близорукости, сожаление о даром утраченных часах. Но я вернусь, я сумею заслужить ваше прощение и, если не слишком самонадеянна моя мечта, стать когда-нибудь вам другом. Никто не сможет помешать посвятить вам ту преданность, на которую я чувствую себя способным. Простите меня...

– Прощать мне вам нечего, – Пушкина улыбнулась и дружески покрыла мою руку своей. – Но если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, что мне отраднее оставаться при этом убеждении, – она посмотрела на меня вдруг очень серьёзно и даже с внутренней болью. – Пожалуйста, прошу вас, берегите себя!

* * *

Я вместе с моим неизменным Монго поехал заслуживать себе на Кавказе отставку. Снова – дорога. Долгий путь... Через всю Россию... Небо, степи, леса и поля, реки, дрожащие огни печальных деревень, дымок спалённой жнивы, ночующие в степи обозы... Дорога на восходе, на закате, дорога звёздными ночами... Постоялые дворы, споры со смотрителями и фельдъегерями... Проливные дожди, расхлябанные колеи, туманы, палящее солнце... И бесконечные разговоры с Монго...

– Знаешь, последнее время я часто думаю о Варе. Спрашиваю себя: отчего я не хотел ступить на этот путь, открытый мне судьбою, где меня ожидали тихие радости и спокойствие душевное? Нет! Я бы не ужился с этой долею! Я как матрос, рождённый и выросший на палубе разбойничьего брига. Его душа сжилась с бурями и битвами. Право, мне необходимо путешествовать! Я – цыган. Одно мне всегда было странно: я никогда не делался рабом любимой женщины, напротив, всегда приобретал над их волей и сердцем непобедимую власть, вовсе об этом не стараясь. Отчего это? Оттого ли, что я никогда ничем очень не дорожу и они ежеминутно боялись выпустить меня из рук? Или это – магнетическое влияние сильного организма? Или мне просто не удавалось встретить женщину с упорным характером? Хотя надо признаться, что я не люблю женщин с характером: их ли это дело?! С тех пор, как я не боюсь женщин и постиг их мелкие слабости, я люблю их во сто раз больше. Я кроме них на свете ничего не любил, всегда готов был им жертвовать спокойствием, честолюбием, жизнью. Впрочем, нет женского взора, которого бы я не забыл при виде голубого неба, внимая шуму потока, падающего с утёса на утёс, или стоя на вершине горы... Какое блаженство разом обнять душою всю суетную жизнь, все мелкие заботы человечества, смотреть на мир – с высоты! С этим чувством не сравнится ничто, даже истинное наслаждение души в борьбе с людьми и с судьбою. И вообще – жизнь любопытна. Хотя любопытство, говорят, сгубило род человеческий. Покорные любопытству, подобно камню,

сброшенному с горы сильною рукою, мы не можем остановиться, хотя видим нас ожидающую бездну. Что до меня касается, то я смелее иду вперёд, когда не знаю, что меня ожидает. Смерти не минуешь, а что может случиться хуже смерти? Или что может быть лучше её?! Этого мы не знаем. Впрочем, я болтаю вздор, потому что натощак...

За что они все меня ненавидят? За что? Обидел ли я кого-нибудь? Неужели я принадлежу к числу тех людей, которых один вид уже порождает недоброжелательство? Впрочем, это теперь меня мало печалит. Ненависть – удел слабых. Человек, знающий, куда он направляется, перешагивает через детство ненависти – к мужеству сострадания и любви. Многие реки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачет и не пенится до самого моря. Но это спокойствие – часто признак великой, хотя скрытой силы. Полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов. Душа, страдая и наслаждаясь, даёт во всём себе строгий отчёт. Убеждается в том, что так – должно. Она знает, что без гроз

постоянный зной солнца её иссушит. Душа проникается своей собственной жизнью. Лелеет и наказывает себя, как любимого ребенка. Только в этом высшем состоянии самопознания человек может оценить правосудие Божие. Впрочем, я всегда верил в хорошую поговорку: «Всё – к лучшему!..» Не к вратам ли подвига теснят нас?.. Стой!..

Лошади остановились на распутье. Слева, над степью, неслись свинцовые тучи, справа – вдали у горного хребта – непогода кончалась, и снежные вершины были щедро омыты солнцем.

– Слушай, Монго! А ведь теперь в Пятигорске – хорошо...

Очарователен кавказский наш Монако!
Танцоров, игроков, бретеров в нём толпы;
В нём лихорадят нас вино, игра и драка,
И жгут днём женщины, а по ночам – клопы!..

Поедем в Пятигорск. Мартышку повидаем. Ведь он сейчас там. Вот сюрприз ему будет!

– Это невозможно.

– Почему? Там комендантом старый Ильяшенков, и являться к нему нечего. Ничто нам не мешает. Решайся, Столыпин, едем в Пятигорск.

– Помилуй! Мне поручено везти тебя в отряд. Вот наша подорожная, в ней инструкция – посмотри.

– К чертям инструкции! Столыпин, едем в Пятигорск! Вот, послушай, – я достал кошелек, вытащил из него монетку. – Бросаю полтинник. Если упадет кверху орлом – едем в отряд. Если решеткой – едем в Пятигорск. Согласен?

Монго укоризненно вздохнул и кивнул головой. Я «поколдовал» над монетой, подул, плюнул, бросил – она упала к ногам решеткой вверх. Я едва не запрыгал от радости, закричал:

– В Пятигорск! В Пятигорск! Поворачивай на Пятигорск!

* * *

Искать Мартынова долго не пришлось: он встретился нам у источника, на «водопое», в блестящем окружении двух князей и элегантной дамы. Я бросился к нему навстречу, стиснул в объятиях.

– Ах, как ты хорош, Мартышка: шашка – настоящая гурда, пистолет – закубанской отделки, бешмет красный; поди уж андийскую бурку завёл. А кинжал-то какой здоровенный, – я с ис-

кренней радостью рассматривал опешившего Николая. – Ты, Мартышка, похож на свирепого горца с большим кинжалом.

Николай извинился перед дамой и князьями и отошёл с нами в сторонку. Он был не на шутку взволнован.

– Ну зачем ты так при посторонних, при даме, Мишель! Я же тебя не называю Маешкой. В наши лета...

– У меня, Николай, опытность ума не действует на сердце. Я действительно очень рад тебя видеть, ехал к тебе, искал. И нахожу, что ты очень переменился. Когда ты поехал на Кавказ, я думал, что ты снова станешь поэтом, а ты, я вижу, ударился в прозу. Очнись, Николай! Неужели ты не рад нашей встрече?

– Почему? Я очень рад, только...

– Ты действительно неотразим. И я завидую тебе и говорю это смело, потому что привык себе во всём признаваться. Но что поделаешь, если судьба послала мне общую армейскую наружность!

– Ладно, Мишель, – натянуто улыбнулся Николай. – Ты идёшь с нами гулять к Провалу?

* * *

Мы с Мартышкой и Монго пили шампанское в обществе князей Трубецкого и Васильчикова и Эмилии Верзилиной, к которой Николай был явно неравнодушен, изо всех сил стараясь её очаровать.

– Ты к нам надолго? – задал вопрос Николай неотразимо светски.

– Я, как метеор, случайной игрой судьбы пролечу меж вас и... – Я махнул рукой. – Что, господа, каково нынче на водах? Что делается, слышится, говорится?

– Живём мы весело, дружно, разгульно, – князь Трубецкой поднял бокал. – И заводилой у нас всегда Мартынов! Твоё здоровье, Николя!

– Прежде здесь было веселее, – сказал Николай, ободрившись и брюзгливо поджав губу. – Пьющие утром воду – вялы, как все больные, а пьющие вино повечеру – несносны, как все здоровые. И все чем-то недовольны, жалуются на индижистию и прочие бо-

лезни, – Николай тайком погладил свою больную печень.

– Страдания тела, Николай, происходят от болезни души. Если человек сам стал хуже, то всё ему хуже кажется, – я поднял бокал. – Желаю, Мартышка, чтобы ты был внутренне покоен, следовательно – здоров!

Я видел, как на скулах Николая задвигались желваки, хотел успокоить его, но тут моё внимание привлекла высокая и тощая спина за соседним столиком. Человек в штатском держал перед своим лицом газету, но он был явно заинтересован нашей беседой. Эта фигура мне показалась страшно знакомой. Я постарался вспомнить, где я её встречал, и не смог.

Эта фигура явилась мне и во сне: она прогуливалась у источника с человеком в чёрном бешмете на малиновой подкладке, с Николаем Мартыновым...

* * *

Утром, договорившись встретиться «на водопое», мы с Монго, князьями и Эмилией Верзилиной поджидали Николая у источника, попивая из кружек нечто дурно пахнущее... Появился Мартынов, на поясе у него болтались уже два кинжала.

– Приводняйся, Мартышка, – приветствовал я его, протягивая кружку. – Сегодня ты похож на двух свирепых горцев.

Николай побледнел, но сдержался, только ответил мне злым взглядом.

Мне становилось, право, смешно. У меня было хорошее настроение. И когда Николай, ослабляя узел своего бешмета, вздохнул

и сказал: «Жарко», я мгновенно нашёлся уже готовой эпиграммой:

Скинь бешмет свой, друг Мартыш,
Распояшься, сбрось кинжалы,
Вздень броню, возьми бердыш
И блюди нас, как хожалый!..

– Я ещё раз прошу оставить мои кинжалы в покое! – Николай вылил на землю остатки воды, поклонился, резко пошёл прочь.

Князь Трубецкой неодобрительно посмотрел на меня и последовал за Мартышкой.

– Да, – вздохнул я, – экспромт не из удачных...

А ночью, во сне, я видел у источника уже три прогуливающиеся фигуры: высокого-тощего, Николая и князя Трубецкого...

* * *

На следующий день в доме наказного атамана собралось оживленное, шумное общество. Я сидел в роскошном цветнике из трёх дам и вёл душеспасительную беседу:

– Моя душа ещё не жила по-настоящему. Она собирает все силы, чтобы переполнить жизнь и прежде времени вырваться в вечность.

Заметив входящего в зал Николая Мартынова, я шутливо сказал дамам:

– Берегитесь, вот приближается свирепый горец...

Сказал я это негромко, за говором не расслышали бы и в двух шагах, но внезапно, именно в это мгновение, князь Трубецкой прекратил игру на рояле. Всё, как будто по команде, умолкло, и

в полной тишине прозвучали мои последние слова: «...свирепый горец». Мартышка закусил губу, глаза его сверкнули яростью. Он стремительно подошёл ко мне...

– Сколько раз просил я вас оставить свои шутки при дамах?! – сказал он настолько грозно, комически, что я невольно рассмеялся, дружески взял его за руку, но он её тут же отдернул.

– Что ж, на дуэль, что ли, вызовешь меня за это?

Николай зло выдохнул – словно выстрелил:

– Да!

* * *

Глядя на нас с Монго, выезжавших из города верхом, наверное, можно было подумать, что мы отправляемся на прогулку. Правда, погода не совсем к этому располагала: гигантская чёрная туча, застилавшая весь горизонт, сплошной стеной следовала за нами от города, всё более ограничивая освещённое ярким солнцем пространство.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил Монго, старательно скрывая свое беспокойство.

– О, я чувствую себя, как обычно. Хорошо! Искупался в нарзане – свеж и бодр. Впору на бал ехать. После этого говори, что душа не зависит от тела. Сегодня я видел сон. Счастливый, божественный сон. Странная вещь – эти сны... Вымышленная жизнь часто более приятна, нежели действительность. Хотя я отнюдь не разделяю мнение тех, кто говорит, будто жизнь – всего только сон. Я вполне осязательно чувствую её реальность, её красоту! Я никогда не смогу отрешиться от неё настолько, чтобы от всего сердца презирать её. Ибо жизнь моя – я сам. Тот, кто говорит с тобой и кто через мгновение может превратиться в ничто. Или в то, чего мы не можем знать наверняка... Как интересно путешествовать и познавать неизведанное. Впрочем, всему своё время – являться и исчезать. А пока надо жить! И действовать! Ведь кто-то же дол-

жен... Ах, какой сон! Божественный сон! Кажется, я понял что-то самое главное. Эту истину можно записать на кончике ноготка: жить – чисто, думать – чисто, поступать – чисто. И не уныние, а радость побеждает тьму. Радость, мужество, терпение! И правда. Я был удачлив, когда радовался. Нет, не радостью телёнка на лугу, но творящей радостью, преображавшей трудности. Отчаяние и растерянность препятствовали моему движению, но теперь я знаю, куда иду и зачем. И ничем нельзя препятствовать откровению, правде сердца. Ведь обман – лишь иллюзия жизни. Исповедь и правда – путь к истине. Туда, где всё тайное становится явным. Мой роман созрел окончательно. Вот выйду в отставку и такую книгу напишу – невиданную на Руси! А вот – и наши...

И я показал туда, где вверх по склону горы к назначенному месту поднимались беговые дрожки и пара верховых.

– Давай догонять! – крикнул я Монго и пришпорил коня...

Поднимаясь к поджидавшим нас фигурам, я задержался у маленького водопада: мне захотелось немного побыть одному.

– Ты иди к ним, Монго. Готовьтесь. Я сейчас...

Я залез в нишу на краю обрыва, дышал полной грудью, слушал, смотрел. Вершины гор, ещё не покрытые чёрной тучей, величаво возносились к голубому небу, переливались в радужном сиянии солнечных лучей, веером дырявящих облака. В моём со-

знании всплыл ясный облик мамы. Она напевала нашу несказанную мелодию. А там – за струящейся пеленою водопада – шевелились знакомые фигуры: мерили шагами землю, заряжали пистолеты. Мне было уютно в этой нише, мне не хотелось к ним, но однако было уже пора.

Когда я подошёл к ним, уже все было готово: между барьерами, от шпаги до шпаги, торчащих из земли, было десять шагов. Мартышка лежал в траве, заломив за голову руки, и, казалось, дремал.

Проходя мимо, я сказал ему, улыбаясь:

Усни! постель твоя мягка,
Прозрачен твой покров.
Пройдут года, пройдут века
Под говор чудных снов...

Николай ответил мне холодным взглядом, рывком поднялся с земли. Монго подал мне заряженный пистолет, и я тихо спросил:

– Возможно ли, чтобы я в него целил?..

Мы с Николаем отошли на пять шагов от барьеров. Мне показалось, что за деревьями, внизу, я вижу высокую тощую фигуру и ещё какие-то тени, но эти зрители мало меня занимали. Я повернулся лицом к Николаю. Он смотрел холодно, зло, и я улыбнулся ему, сказал:

– Кто близ небес, тот не сражён земным! – И кивнул на небо, уже сплошь задёрнутое чёрным покрывалом.

Начиналась гроза. Молния. Гром. Нам подали сигнал – сходиться. К барьеру мы подошли одновременно с Николаем, и я опустил свой пистолет, скрестил внизу руки. Молниевы взоры неба вырывали из мрака окаменело-бледное лицо Николая. Он начал медленно поднимать пистолет, и я вспомнил маленького, шестилетнего Николя, целившегося в меня в нашем далёком тарханском детстве. Мне почему-то было тогда ужасно смешно стоять перед игрушечным деревянным дулом.

Николай поднимает дуло настоящего пистолета, и оно становится непомерно огромной, заполняющей всё пространство, чёрной бездонной дырой. Она манит, и я погружаюсь в неё, лечу, и, кажется, бездне не будет конца. Но вот вдали показывается крохотная, светящаяся точка. Она приближается, становится ярче, разрастается, и наконец – словно освобождение – сияющий, радужный океан объемлет всё вокруг, переполняя душу нежной мелодией материнской песни... а в сознании моём ясно звучат слова:

Ты видел зло, и перед злом
Ты гордым не поник челом.
Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни:
Боясь лишь Вечного Суда
И чуждый на земле боязни...

1982

Николай Бурляев

ДНЕВНИК КИНОРЕЖИССЁРА

Пролог

В декабре 1984 года я снимался в Одессе, где и узнал от Александры Тимофеевны Демидовой, директора киногруппы «Лермонтов», что на «Мосфильме» наша картина «запущена в киносценарий». Закончив телефонный разговор с Москвой, подошёл к зеркалу, увидел в нём просиявшее лицо Лермонтова, распахнул руки, словно для объятия и, сдерживая крик радости, воскликнул: «Ура!» Не помню, чтобы когда-нибудь я так бурно выражал свои чувства, испытывал подобное душевное ликование.

Задумав постановку фильма «Лермонтов», я прежде всего навестил Ираклия Луарсабовича Андроникова, считавшегося одним из основных лермонтоведов страны. Шёл к нему, предупреждённый о том, что Андроников вообще не верит, что о Лермонтове можно снять достойный художественный фильм. Шёл обречённым на отказ. Только я начал говорить о том, что хочу поставить о Лермонтове фильм, Андроников, ещё не выслушав, каким я этот фильм вижу, пристально вглядываясь в меня, прервал мою речь и сказал:

– У вас получится. – И добавил: – Надеюсь, что Лермонтову на этот раз повезёт.

Ободрённый благословением Ираклия Луарсабовича, я начал говорить более открыто. Сказал, что перечитал десятки книг, вожу с собой во все поездки чемоданы литературы, переполнен информацией, образами, хочу сесть за написание сценария, но ещё столько нужно прочитать... Что мне делать: читать дальше или начать писать?

– Пишите, – сказал Андроников. – Лермонтов – это такая бездна, которая будет открываться вам, как и мне, всю жизнь.

Помчался в Тарханы, чтобы побывать у гроба поэта, получить и его благословение на этот труд. Директор музея-заповедника М.Ю. Лермонтова Тамара Михайловна Мельникова приняла как родного, показала и рассказала всё, что могла. Привела в склеп,

где в холодном цинковом саркофаге покоится тело Лермонтова, и оставила меня одного. Покой, тишина. Никого, кроме нас двоих – Лермонтова и меня, – здесь не было. Пытаюсь войти в духовный контакт с Михаилом Юрьевичем. Мысленно посылаю ему свой вопрос:

– Позволяешь ли ты мне создать фильм о тебе? Побороться за твоё чистое имя?..

– Да, – принимаю я ответ, последовавший без промедления.

И вот четыре года мытарств и борьбы за постановку увенчались успехом – запуском картины. Всё завертелось после одобрения Р.Д. Чхеидзе, директором «Грузия-фильм», идеи моей постановки фильма в Грузии. Худсовет студии, прочитав сценарий, меня «зарубил». Сказали, мол, зачем так много вы говорите в сценарии о дружбе Грузии и России? И вообще, как Лермонтов мог сказать: «Бежали робкие грузины»!?

Последовала череда переговоров: с «Мосфильмом», Одесской киностудией, два года мытарств по Гостелерадио (которое так и не решилось запустить «Лермонтова»). Бесконечные звонки и визиты в Институт мировой литературы, к лермонтоведам, чиновникам от искусства, – всё это разрешилось, наконец, положительно. Придя в гости к С.Ф. Бондарчуку, в разговоре за чаем попечалился ему о том, что четыре года пробиваю сценарий. Что мне уже не 26 лет, как было Лермонтову, когда его убили, а далеко за тридцать. Я же хочу сам играть роль Лермонтова... Ещё пару лет – и я уже не влезу в седло...

– А что?.. – вдруг сказал Сергей Фёдорович. – Делай у меня в Объединении.

Вот так просто разрешились мои страдания. Потом, когда свора завистливых кинематографистов начнёт распинать великого Бондарчука, они отомстят ему и за это. А пока я отвоевал своё право на создание фильма о великом Русском поэте, принесшем свою молодую жизнь на алтарь Российской духовности.

Ни один мой сценарий за десять лет их писания не имел такого единодушного приёма читающими творческими и нетворческими людьми, хотя четыре года «читания» – срок немалый. Был даже один «оценщик», руководивший телевизионным объединением на «Мосфильме», пытавшийся отнять у меня авторское право, а кроме того, и право постановщика, великодушно оставляя за мной лишь исполнение роли Лермонтова. Но это был обыкновенный творческий грабёж среди бела дня, который не слишком повлиял на мой бойцовский тонус. Достаточно большие силы уже поддерживали моего «Лермонтова».

За радостью запуска фильма последовали неизбежные искушения и тяготы. Запуская фильм в производство, главный редактор Объединения «товарищ Карен» отнял у меня возможность снимать двухсерийный фильм. Этим решением у меня урезали средства на целую серию, вдвое сократили сроки производства... Как сжать информацию двух серий в одну? Как снять такой большой фильм за время и за деньги, отпущенные на одну серию? Все лучшие художники, которым я предлагал сотрудничество, отказывались:

– Мы не построим вам декорации за эти деньги...

– Мы не сошьём вам столько костюмов за это время...

Что делать? С кем же и как я буду снимать этот фильм? Меня начало одолевать отчаяние. И вот однажды, возвратившись в унынии с «Мосфильма» и рухнув в постель, я пережил невероятные мгновения. Лежу, смотрю в потолок, варюсь в своих безысходных мыслях... И вдруг чувствую, как в мою голову начинает входить, вливаться поток невероятно светлой и мощной энергии... Этот поток мгновенно переполнил меня ощущением невероятной силы и радости... Я ясно осознавал, что это Михаил Юрьевич Лермонтов даёт мне эту неземную энергию и мощь. Все проблемы, за секунду до этого казавшиеся столь неразрешимыми и фатальными, перестали меня тревожить. Я уснул с улыбкой на устах. Проснулся с этой же улыбкой и всё, что потом мне пришлось преодолевать, одолевал с этой же улыбкой, удивляя окружающих. Лермонтов был со мной.

Впрочем, я уже давно ощущал его постоянное присутствие в своём сознании. Никогда не забуду тот мистический момент на-

шего единения, который произошёл зимой 1982 года. Понимая, что первый написанный мною вариант сценария далёк от совершенства и всё нужно писать заново, я, прихватив пишущую машинку, сбежал из Москвы на турбазу под Ярославль. Жил в полном уединении, питался со служащими базы раз в сутки и писал, писал, писал. В комнате звенящая тишина, передо мною открытка с портретом Лермонтова в гусарском мундире кисти Заболоцкого. Устремляюсь сознанием в горнии пределы, принимаю оттуда, словно антенна, сигнал мыслеобразов, перевожу их через машинку на бумагу, то и дело поглядывая на портрет. Хожу по замкнутому кругу: портрет Лермонтова – горний Океан Творчества – мой дух-сознание – печатная машинка... Внезапно, очередной раз остановившись взором на портрете, я стал свидетелем чуда: на моих глазах черты лермонтовского лика стали превращаться – в моё лицо! Произошло мистическое замещение – с лермонтовского портрета на меня смотрел – я! Я и Лермонтов абсолютно слились духовно, стали единой субстанцией. Моя рука отстукивала пятую страницу нового варианта сценария: «Как весело, интересно, иногда страшно – жить и в два с половиной года осознать себя, начать вглядываться в причудливый мир, обступающий тебя со всех сторон, и впервые назвать себя – Я! «Я» – это я... Меня назвали Мишей...» Боже – подумал я, что же я творю?.. Я начал писать от первого лица, от имени Лермонтова!.. Какое же я имею право?.. Но меня уже нёс неудержимый творческий поток и я не мог остановиться.

Часть первая

«ПРОВОЗГЛАШАТЬ Я СТАЛ ЛЮБВИ И ПРАВДЫ ЧИСТЫЕ УЧЕНЬЯ...»

7 января 1985 г. Итак, работа над фильмом началась. Ко мне подключились первые помощники: директор Александра Тимофеевна Демидова, художник Виктор Юшин, уже занимавшийся этой эпохой на несостоявшемся фильме Хуциева о Пушкине. На днях решится вопрос с оператором. Павлу Лебешеву понравился сценарий, и он обещал разобраться с группой И.В. Таланкина и присоединиться ко мне. Группа работает: художник ворочает архивы, Директор считает лимиты, появилась первая печатная табличка – «“Лермонтов”. директор картины А.Т. Демидова». Мне даже непривычно, страшновато подчас, что я, заваривший эту кашу, стою во главе большого предприятия и являюсь конечной инстанцией в решении всех творческих и производственных вопросов.

7–8 января. Моим маленьким радостям нет конца: сегодня получил пропуск, впервые выписанный на группу «Лермонтов». Идёт набор сотрудников, ведутся переговоры с художницей по костюмам Галиной Владимировной Ганевской, вторым режиссёром Охрименко, ассистентами. Поговорил с А.Т. Демидовой и начальником производства «Мосфильма» Свиридовым о том, чтобы принять в группу моего брата Геннадия. Вчера, сидя в своей машине у станции метро «Библиотека им. Ленина», я был вполне счастлив: передо мной в сказочной метели проплывали запорошенные сограждане, снежок с ветерком врывался в щель ветрового окна, приятно холодил лоб. На душе было тепло и блаженно от сознания того, что я уже работаю над «Лермонтовым» и нас всё больше признают. Сегодня прихватил с собой на студию молоток, два гвоздя и портрет Лермонтова, который повесил на стену, напротив стола моего директора.

7 января. Зашёл к главному диспетчеру «Мосфильма» Жаворонкову и попросил выделить мне комнату на студии. Он пообещал.

8 января. Позвонили из «Совинфильма» по поводу поиска для «Лермонтова» западного партнёра. Посетили Дом-музей Лермонтова на Малой Молчановке. Принимала нас и водила по дому старшая научная сотрудница музея Светлана Андреевна Бойко. Она представила меня служителям дома как Лермонтова, и старушки-смотрительницы ласково говорили: «А мы узнали...» В разговоре с Бойко и Дмитрием Евсеевым (младшим научным сотрудником) выяснилась деталь, от которой меня бросило в жар: я родился и до пяти лет жил в доме Мартынова, что на улице Станиславского, дом 13, в левом крыле четвёртого этажа. Поразительный факт! Я рождён в доме убийцы Лермонтова. Здесь в пять лет от роду я был испуган мальчишкой-соседом, начал заикаться. Словно в этом доме мне хотели заградить уста, чтобы я не мог говорить о поэте. Но я всё-таки прорвался и скажу людям свою правду о нём. С.А. Бойко, влюблённая в поэта, украдкой разглядывала меня, ища сходство. Невольно сравнивая со «своим Лермонтовым», изредка произносила:

– А у вас и прядь светлых волос, как у него... А как вам сделать тёмные глаза?

Может быть, я нашёл в её лице консультанта фильма?.. Когда после трёх часов общения в лермонтовском доме мы с художником Виктором Юшиным вышли из старинного парадного, на улице валил обильный снег. В окнах мелькали детали обстановки, портреты бабушки, матери, самого Михаила Юрьевича. Казалось, он и сейчас присутствует в своём доме. Расчищая машину, занесённую снегом, под окнами дома с табличкой «Михаил Юрьевич Лермонтов», я настолько был слит с моим героем духовно, что не различал ни времени, ни пространства.

10 января. Два дня подряд по часу в день веду телефонные переговоры с Ганевской. Она повторно читает сценарий и обсчитывает для меня лимит по костюмам, ещё не дав согласия работать над фильмом. Она обрисовала мне печальную перспективу на ко-

стюмном фронте «Лермонтова». Пошивочный цех работает только на фильм «Борис Годунов» и еле-еле справляется с заказами, которые не перестанут поступать до конца этого года. Цех превышает свою годовую загрузку в 4 раза: за год они должны сделать четырёхлетний объём работ. Остальным киногруппам приходится ездить на пошив и примерки в Ленинград, Киев, Минск... Где шить костюмы для «Лермонтова», Ганна Владимировна не представляет, а потому и не поддаётся на мои уговоры работать вместе. Передо мной открылась печальная перспектива: я ощутил реальность того, что после киносценария меня остановят. Надо что-то срочно предпринимать. Как предотвратить остановку картины? В остальном – всё хорошо: показали мой будущий кабинет № 404, завтра из него вынесут старую обстановку и он – мой! Надолго ли? Неважно! Главное – вселиться и делать вид, что так и должно быть. Мне выдали постоянный мосфильмовский пропуск режиссёра-постановщика. Состоялось деловое и спокойное совещание группы с директором Объединения. Вечером встретился с С.В. Бойко. Она прошлась по всему сценарию и сделала всего два-три дельных замечания. Чуть ли не о каждой сцене говорила: «Эта сцена прекрасна...» «Эта сцена просто замечательна...»

11 января. За мной впервые приехала студийная «Волга». С директором, её замом и художником мы отправились выбирать интерьеры в зданиях университета, консерватории, детского театра, дома Мартынова. И всюду хозяева встречали нас с улыбкой благорасположения. Вечером отправился на лермонтовский праздник в Дом учёных. Глядя из зала на разных людей, выступавших на сцене, – самодовольных и трогательных, пошлых и старательных, влюблённых в Лермонтова искренне и делающих на его личности саморекламу, – слушая стихи поэта, его письма и прозу, посмотрев документальный фильм о нём, я, быть может, впервые задумался о том, на что руку поднял. Лермонтов не только мой, он – всенародное, мировое достояние. Прав был Андроников, говоривший мне, что открывать Лермонтова придётся всю жизнь. Не могу сказать, что мне, наконец, стало страшно за моё предприятие, но я впервые вполне осознал ответственность, лежащую на мне. И многое в Лермонтове в этот вечер мне стало понятнее.

12 января. Боже, как хорошо! Всё большее желание совершить задуманное охватывает моё существо; всё большая радость контакта с Лермонтовым и всем тем, что составляет его жизнь, смерть и бессмертие. Встречался с недипломированным исследователем последних дней жизни и гибели Лермонтова, кандидатом баллистических наук, полковником бронетанковых войск К.В. Кузенёвым. Своими профессиональными расчётами он доказал, что дуэль (если она вообще была!) проходила не по правилам: пуля, вошедшая в нижнюю часть правого бока, прошив под углом 35° ткань тела, вышла в верхнюю часть левого плеча (руки). А это означает, что убийца стрелял снизу вверх. К.В. Кузенёв выезжал в Пятигорск, измерял баллистическими приборами место, где был убит поэт. Максимальный угол наклона – 3 градуса! Современная криминалистическая наука может в мгновение ока специальным просвечиванием определить траекторию движения пули, сказать, задето ли сердце, когда наступила смерть... Для этого лишь на короткое время нужно вскрыть гроб с телом Лермонтова. По непонятным причинам кто-то протестует против эксгумации. Возможно, мой будущий фильм и более серьёзно поставленный вопрос об убийстве Лермонтова помогут добиться этого.

14 января. Пишу в своём кабинете на «Мосфильме» – в комнате № 404, небольшой и пока не вполне обжитой, но самой замечательной из всех резиденций кинорежиссёров всех киностудий мира. Рядом с дверью табличка «“Лермонтов”. Режиссёр-постановщик Н.П. Бурляев». И ключ у меня в кармане... Ну разве это не счастье?! Не знаю, сколько ему суждено длиться, но пока каждое мгновение – прекрасно. У меня есть мой рабочий стол и телефон с номером 143-92-70: мне звонят мои помощники и консультируются по лермонтовской жизни и нашему фильму. На столе – официальное письмо-обращение директора «Мосфильма» Н.Т. Сизова к министру кинематографии с просьбой разрешить увеличить полезный метраж фильма «Лермонтов». Составляются письма, подсчитывается лимитная стоимость, ко мне входят с «докладами» мои сотрудники...

Поздно вечером, угомонив сына Ивана и оставшись в тишине, я уложил книги по Лермонтову. Бюст поэта, подаренный мне

скульптором в Ярославле, завернул в ткань, думая при этом: «Вот голова Михаила Юрьевича спустя 143 года после его смерти, полная живым его духом, ощущаемым моей душой». Мы переезжаем на новое рабочее место. Завтра, когда проснётся сын, сниму портрет Лермонтова, висящий в его комнате, и... мы поедем на «Мосфильм», где поселимся до конца работы.

15 января. Красный день моей жизни! Прекрасный день! Собрав в сумку книги, лермонтовский бюст и прочие аксессуары, прибыл на «Мосфильм», захватив с собою своего друга Игоря. Помощники сразу же потащили меня на мебельный склад студии, где кладовщик, признавший меня по сотрудничеству шестилетней давности над моими мини-фильмами «Выбор» и «Круг», разрешил выбрать мебель для моего мосфильмовского кабинета. Начали с трёх стульев, подобрали в тон ампирный диванчик – белый с золотистой шёлковой обивкой, старинную тумбочку под бюст Лермонтова, финскую вешалку... Я сам грузил всё это в «Волгу», нёс по территории студии не вошедшую в багажник тяжёлую вешалку, разгружал машину и таскал с помощью шофёра и Игоря вещи в свой кабинет. Люди, попадавшиеся навстречу, спрашивали:

– Что же администрация-то твоя не помогает? Сам носишь?..

– Конечно, сам, – отвечал я гордо, – приходите на новоселье, будем чай пить.

Демидова уступила мне свой шкафчик для книг. Подмели пол, протёрли мебель, повесили портрет Лермонтова, поставили бюст и цветы на тумбочку, расставили книги на полках, фотографии под стекло. Наконец вымыли руки, и Игорь освятил комнату святой водой, данной нам его матерью. Я пригласил к себе в кабинет Александру Тимофеевну. Она благоговейно оценила обстановку, села подле меня, и мы начали корректировать актёрскую смету. Я рассказывал ей о Лермонтове, о загадочном «кружке шестнадцати», об убийстве поэта, а она вздыхала:

– Господи, даже мурашки по коже! И вы всё это снимите? Дай вам Бог!

Мне жаль было покидать свой кабинет, но нужно было совершить не менее важное дело – получить ортопедическую обувь, наконец-то сшитую для мамы: сколько же лет мы собирались?.. И наконец: носи – не хочу. Не дождусь завтрашнего дня, чтобы снова войти в свой рабочий кабинет.

17 января. Вчера кинооператор Павел Лебешев прислал с гонцом весть из Вильнюса – он не может работать со мной. Вопрос с оператором снова открыт. Повстречался с замечательным оператором Алексеем Родионовым, он не против, чтобы я попробовал повоевать за него. У дверей студии столкнулся с С.Ф. Бондарчуком: попросил его помочь мне «выбить Родионова», на что он мне ответил:

– У меня у самого дел полно, а я должен ещё оператора выбивать. Иди сам к Сизову, к Досталю... «Спасибо, отец», – подумал я и сказал: – Ладно, попробую сам...

Потом начались встречи и переговоры: с лучшим мосфильмовским оператором комбинированных съёмок Б.Т. Травкиным, лестно отозвавшимся о литературной стороне сценария, с художником-гримёром Татьяной Ковригиной, художником по костюмам Чиаурели, – беседы с Юшиным, Демидовой... Свиридов, начальник производства, встретив меня в коридоре, сказал, что пропуск на «Мосфильм» для моей машины уже выписан. Было и неприятное: Александра Тимофеевна Демидова привела ко мне человека и представила его как заместителя директора нашей картины. Этот человек подходил ко мне недавно, просился в директора, и я тогда же решил не иметь с ним дела. Состоялся разговор с Демидовой – просил не решать без меня кадровые вопросы. Оставшись в своём кабинете, сидя в тишине и покое напротив бюста Лермонтова, я снова ощутил краткое мгновение счастья, хотя было совершенно очевидно, что впереди нас ожидает множество сюрпризов...

20 января. Ещё два раза посетил дом Лермонтова, вернул книгу, взял новые материалы и новую репродукцию с портрета Вареньки Лопухиной. Вхожу в дом Лермонтова как в свой родной. Всё реальнее, осязаемее нити, ведущие к Лермонтову живому, всё ближе, понятнее и роднее для меня Михаил Юрьевич – брат мой. Он заполняет мою душу, кровь, плоть; его присутствие в себе я ощущаю всё полнее, словно он, до сих пор не шедший на постоянный энергетический контакт со мной, ныне в него вступил. Я становлюсь силён нами обоими, принимаю силу его неукротимого, ободряющего меня бессмертного духа. И неисчислимые сложности, ожидающие нас (с М.Ю.) на пути к итогу фильма, кажутся мне вполне одолимыми. В душе, наедине с собой и с ним, я ощущаю радость, ликование и в мыслях звучит: «Хо-ро-шо!..» Завтра пойду к Н.Т. Сизову упрашивать дать мне Алексея Родионова.

21 января. Информации неизмеримо больше, чем я в состоянии воспринять. Надо учиться быть спокойным. Был у директора «Мосфильма» впервые после запуска «Лермонтова». Общение тёплое, но мало обнадёживающее: у «Мосфильма» нет нужных для постановки «Лермонтова» средств, нет не только широкого экрана – даже обычного нет... Рекомендовал пойти в Госкино к министру, просить «госзаказ». Считает, что с Алёшей Родионовым номер у нас не пройдёт. Но были в этот день и приятные мгновения: дала согласие работать со мной в качестве второго режиссёра Светлана Петрова, с которой мы вместе работали на «Выборе». Познакомился с оператором Олегом Мартыновым, дал ему сценарий. А вечером – минуты наедине с сыном. Глядели «Вступление», снятое 23 года назад, где я немногим больше Ивана и очень похож на него.

23 января. В 9.30 из своего кабинета позвонил в приёмную министра: пообещали ответить о возможности нашей встречи через полчаса. Подле стола лежит мой лохматый Чудик, смиренно, по-домашнему. За окном крещенский тридцатиградусный мороз, предо мною – бюст Лермонтова. Хорошо!.. Прошло полчаса – звонок. Ф.Т. Ермаш обещал принять в пятницу, посему я решил сократить поездку в Тарханы до одного дня. С утра работал со

своей помощницей Светланой Петровой, Виктором Юшиным, с ассистентом по реквизиту. Прочёл сценарий и приехал для переговоров оператор Олег Мартынов. Его слова о сценарии и отношение к теме и идее моей картины окончательно убедили меня в том, что он – тот оператор, который нужен для «Лермонтова». С Демидовой были у зама гендиректора «Мосфильма» В. Досталя. Говорили о наших заботах. Он не утешил: ещё раз напомнил об отсутствии денег у студии, о пошиве лишь 20 костюмов, о возможности выделить нам 600 – максимум 700 тысяч рублей. По нашим же подсчётам, нам нужен миллион четыреста тысяч. И хотя эта беседа была малорадостной, я не унывал. Решил сократить пошив костюмов в три раза. Вечером позвонил главному редактору Госкино Армену Николаевичу Медведеву. Хорошо поговорили: он пообещал поддержку «Лермонтову». В конце я решил поддержать Глеба Панфилова, высказав своё отношение к его сценарию «Жанна д'Арк»: этот фильм необходимо поставить.

24 января. Вчера Александра Тимофеевна заехала за мной на «Волге» и привезла на Казанский вокзал к поезду «Сура» Москва – Пенза. Мы соединились в одном купе с Виктором Юшиным и Олегом Мартыновым: киногруппа фильма «Лермонтов» командирована на родину поэта в Тарханы для выбора натуры. Перед отправлением поезда я побродил по перрону, заглядывая в окно нашего купе: там мои художник, оператор и директор весело располагались к приятному путешествию. Душа радовалась: исполняется задуманное – я с группой официально командирован по делам картины. Ехали мы замечательно: ели мамину утку, пили индийский чай, который я прихватил и напоил им целый вагон, говорили о картине, уточняли костюмную смету. Я рискнул прочитать им свою поэму «Иван Вольнов» и другие свои стихи, и, кажется, у моих спутников прибавилось веры в наше общее дело. Перед тем как заснуть, под стук колёс репетировал свою речь перед министром. Спал часа четыре: подняли в 6, в 7.30 – Пенза.

Наша группа разместилась в гостинице «Пенза», где я некогда проживал, но нынче не стал даже оформляться, так как возвращаюсь домой в этот же вечер. В 10.00 переступили порог обкома КПСС, где нас принял второй секретарь обкома Георгий

Васильевич Мясников. Беседа с ним продолжалась более часа, он внимательно изучал нас, задавал вопросы. Особенно дотошно экзаменовал меня, выказывая довольно глубокие лермонтоведческие познания. Приятно было отметить, что к концу беседы о великом своём земляке глаза его потеплели. Мы хорошо простились и отправились в Тарханы, где нас уже поджидали выехавший туда накануне генеральный директор музеев Пензенской области Валентин Павлович Арзамасцев и П. Фролов, автор книги о Лермонтове, недавно с удовольствием прочитанной мной. Арзамасцев напомнил, что мы встречались с ним в его кабинете в Тарханах четыре года назад, а Фролов, оказывается, был на моём творческом вечере, когда я читал свои стихи. Однако я сразу же почувствовал холодок между ними, о котором предупреждал меня К.В. Кузенёв, из-за неприятия местными властями книги Фролова. Остановились пообедать в «Тройке», где Валентин Павлович подписал нам пять экземпляров своей новой книги о Лермонтове «Звук высоких ощущений». Весь путь он неутомимо говорил о поэте. Я с трудом, из-за усталости, слушал, не всё принимая в его воззрениях на Лермонтова и окружение поэта, но в споры не вступал, не желая ставить преграду в наших будущих контактах.

В Тарханах побродили по дому, выбрали места, где будем снимать Мишу с мамой за роялем, его болезнь, прощание с отцом. Отпевание мамы решили снимать в часовенке подле усадьбы, осмотрели пруд у дома для сцены катания с отцом в лодке. Перед отъездом удалось немного постоять в одиночестве над усыпальницей Лермонтова. В подземелье было холоднее, чем на улице. Горели свечи в нишах: в изголовье и в ногах. Я стоял над прахом великого собрата и думал о человеке, который совершил свой подвиг ради нас. Здесь его бренное тело, а бессмертная душа в ином измерении. Теперь настал мой черёд побороться «за дело общее» и защитить память о Поэте. А потом, когда моё тело превратится в прах, настанет время моих детей и других братьев по духу – бесстрашных и непреклонных в борьбе за истину и гармонию. Положив ладонь на холодную свинцовую крышку над головою Лермонтова и ощутив прилив энергии, вышел на улицу, в жизнь более тёплую, нежели там, в могильном подземелье.

Арзамасцев в ответ на мои слова о необходимости вскрыть гроб сказал, что он «против гробокопательства». Поезд тронулся: подготовлю вопросы для встречи с министром, полистаю книжки и буду спать, ибо очень устал.

25 января. Ф.Т. Ермаш принял меня ровно в назначенное время. В 16.30 из его дверей вышел Отар Иоселиани и зашёл я. Говорили минут двадцать. Ни на одну просьбу он не сказал слово «нет», оставляя надежду прибавить денег на «Лермонтова», подумать об обычном формате. Министр не стал возражать и против того, чтобы воспользоваться услугами партнёров из ФРГ по обеспечению плёнкой и тканями, и разрешил сослаться на него в письме о посещении заграничных архивов Лермонтова. Я попросил его за Петра Тодоровского, которому пора давать народного артиста РСФСР, и в завершение несколько подпортил нашу беседу своим ходатайством за Глеба Панфилова и его «Жанну д'Арк»:

– А то как бы не получилось, как с шукшинским «Разиным». И Шукшина уже нет, и «Разина» нет...

Министр аж взвился, словно я наступил ему на больную мозоль:

– Ты лучше своим «Лермонтовым» занимайся, ходатай...

Простились мы всё же тепло, и я сразу же устремился в кабинет Армена Николаевича Медведева. Тот обещал похлопотать за «Лермонтова» перед руководством «Мосфильма». Дал ему почитать свою повесть «Близнецы». Сухой остаток этих разноречивых событий – «Лермонтов» живёт и набирает силу в сознании руководства Госкино и «Мосфильма».

2 февраля. Ялта. Вчера, вернувшись из Чехословакии, на сутки вырвался в Ялту озвучить «Бемби». На пресс-конференциях в Братиславе и Праге приятно было говорить, что я работаю над фильмом о Лермонтове. Весть эта производит своё эмоциональное воздействие: глаза людей открываются шире. На пресс-конференции в Праге перед полусотней журналистов, кинохроникой, телевидением я поведал о своей уверенности в том, что фильм обязательно получится и что это – не самоуверенность, это – вера. В полночь в Москве созвонился с Александрой Ти-

мофеевной, получил информацию, накопленную за четыре дня моего отсутствия. Хотя судьба «Лермонтова» неясна, уныния нет. Есть вера в победу.

5 февраля. Важнейший день на пути к осуществлению задуманного. Состоялось совещание у производственных заправил «Мосфильма», где присутствовали Досталь, Хлопьева, Свиридов, директор Объединения и вся наша группа. Решался вопрос: «Что делать с “Лермонтовым”?» В своём слове я сказал:

– Вчера целый день с группой кромсали сценарий, с кровью вырезали куски плоти из тела «Лермонтова». Почему же мы и в двадцатом веке делаем с Лермонтовым то же самое, что с ним делали в девятнадцатом? Дайте ему жизнь. Он заслужил это. Сумма девятьсот тысяч не столь велика для постановки исторической картины. Я и так втиснул объём двух серий в одну. Не ставьте меня в такие жёсткие рамки, не подставляйте мою голову под гильотину...

– Никто вас не подставляет под гильотину, – встрепенулся Досталь, – мы реально оцениваем положение.

Меня поддержали мои художники, подтвердив, что урезали стоимость декораций на 20 тысяч рублей, костюмов – на 50! Строить будем немного и только к концу года. Производственники помялись и – сдались: «Ну, это ещё куда ни шло...» И хотя ничего особенного вроде не произошло, я оцениваю события этого дня как большую победу. Это моя «Сталинградская битва», где произошёл коренной перелом и враг отступил, сдавая позиции.

6 февраля. В моём кабинете появились чайник, вкусный чай, чашки, сладости, и мои сотрудники с удовольствием сидят за чаем с разговорами о работе и жизни. Лишь один кандидат в группу вызывает настороженность, все остальные – приятны. Чудик неизменно эти дни проводит в моём кабинете, облюбовав уголок под бюстом Лермонтова: сидит смирно с утра до вечера и порыкивает на тех немногих, кто неприемлем мною. Демидова целый день бегает, готовя бумаги, – напряжённая, деловая.

8 февраля. Состоялся добрый разговор с Н.Т. Сизовым, к которому мы пришли вместе с оператором Олегом Мартыновым. Ни-

колай Трофимович благословил наш союз, выслушал мой рассказ о беседе с министром, о его реакции на мои просьбы. Был удовлетворён тем, что мы сократили лимит до суммы меньше миллиона, обещал в этот же день отдать наше письмо Ермашу и переговорить с ним о судьбе «Лермонтова». Он не возражал и против моих поездок в зарубежные архивы Лермонтова и даже назвал наш фильм очень важным.

Весь день в моём кабинете шла творческая работа с группой над сценарием. К нам присоединилась и художница по костюмам Татьяна Чапаева. Уже десять сотрудников объединены «Лермонтовым». Атмосфера приподнятая, воодушевлённая, люди загораются общим делом всё больше: фантазируют, предлагают... Я с радостью несколько раз на протяжении дня ощущал атмосферу творческой гармонии, царящей в моём кабинете.

Вечером побывал в Госкино у начальника главка Ивановой. Она весьма резко высказалась о Демидовой, которую хочет удалить с нашей картины. Как я ни упрашивал её – всё безрезультатно. День был испорчен. Теперь нужно думать, как отстоять моего директора.

Два дня провёл в Болшево с Натальей. Отошёл, отдохнул. Но с утра в моём кабинете схлестнулись всей группой с Б.Т. Травкиным и до обеда прошлись по сценарию, оговаривая комбинированные планы. Равнодушных в комнате не было, фантазия людей работала так мощно, что физически ощущались энергетические токи.

12 февраля. Целый день не притрагивался к сценарию. Занимался Иваном, заказал путёвку в дом творчества «Матвеевское», чтобы там засесть за сценарий. Читал сценарий Шпаликова «Люди 14 декабря». Молодец, Геннадий: поэтом был, сердцем работал.

15 февраля. Хорошо! Нас ужимают, режут, ругают, а мне не страшно! Группа работает с огнём, невзирая на нормированность дня. Позавчера производственники «Мосфильма» – Досталь и К^0 – не приняли наш киносценарий и вели беседу в довольно хамском тоне, исключающем опыт и достоинство членов группы «Лермонтов». Мы, вероятно, выглядели школьниками, недобросовестно, на двойку, выполнившими урок. В этот же день мы с

группой просидели в моём кабинете до 22 часов, заново прорабатывая, прочёсывая сценарий.

Побывал в Госкино у Ивановой, из беседы с которой понял, что студия не примет существующий объём сценария. И вновь всю вчерашнюю ночь до 6 утра я безжалостно урезал, сокращал, ампутировал сценарий. И даже находил своеобразное удовольствие в усечении плоти выношенного мною дитя. Хотя какое удовольствие в третьих бессонных сутках, когда душа подвешена и слипаются, плохо видят написанное воспалённые глаза!

Вчера новый вариант сценария разбросали по трём машинисткам и сегодня «Лермонтов» дорабатывался администрацией нашей группы. А мы втроём – я, Юшин и Мартынов – разминали художественный, изобразительный строй будущей картины.

Сегодня состоялось решение коллегии Госкино по «Лермонтову»: дать 800 тысяч рублей, снимать на широком формате.

16 февраля. Несмотря на субботу, директор группы с помощником трудятся в своей комнате, сокращая, обсчитывая, работая над лимитом, доводя нашу смету до 800 тысяч.

18 февраля. Первый пасмурный день за всё время работы с группой «Лермонтова». Был вял, апатичен, тосклив и не клеилась работа. Пробыв на студии час, уехал домой и залёг в сон и выискивание решений назревших проблем на подсознательном уровне. Настаёт время написания последнего варианта – режиссёрского сценария, который станет законом для исполнения всей группой. Я оттягиваю этот миг, что-то хочу решить, понять, додумать... После замечаний одного из лермонтоведов в сердце не унимается тревога. Прав ли я? Нужно всё взвесить. И не медлить с решением.

19 февраля. Хандра постепенно отступает, оставляя слабый, но ощутимый след беспокойства в душе. Вчера целый день читал книгу Толстого «Детство Лермонтова». Поговорили с заместителем главного редактора «Мосфильма» Н.Н. Глаголевой, являющейся редактором моего фильма. Рассказал, почему не убрал сцену с гадалкой. Она поняла и более не настаивала. К вечеру

начал работу над режиссёрским сценарием. Написал эпиграфы и первые восемь кадров.

22 февраля. Сегодня, видимо, последний раз посетил Н.Т. Сизова в его мосфильмовской должности. В ответ на мою благодарность он произнёс:

– Подожди. У нас ещё много дел будет с тобою...

Письмо к коменданту Кремля он подписывать не стал, сказал, что это сделает уже новый директор.

25 февраля. Встретился с руководством Госкино: министром, начальником главка и главным редактором. Они обещали добавить денег, учитывая, что речь идёт о Лермонтове, гордости нашей отечественной культуры. «Ура, мы ломим, гнутся шведы!» Вчера и сегодня особенно хорошо работал с группой над лимитом реквизита и прояснением сценария по части комбинированных кадров.

8 марта. Солнечным утром в моём кабинете мужчины киногруппы поздравили наших шестерых женщин с праздником. Открыли шампанское, вручили цветы и подарки. Пили чай с тортом. Днём меня принял в Кремле заместитель коменданта. Мы любезно поговорили и нам была обещана помощь и разрешение на съёмки в Большом Кремлёвском дворце.

За эти дни произошло много хороших событий. Закончил режиссёрский сценарий ещё до запуска в «режиссёрский период». Ермаш удовлетворил мою просьбу об обычном экране, при этом оставил почему-то лишь 700 тысяч (?) Н.Т. Сизов сел в Госкино на место зампреда Б.В. Павлёнка.

Коллегия во главе с Медведевым хорошо приняла «Бемби». Замечательно поработал с композитором Борисом Петровым над концепцией и расстановкой музыкальных кусков по сценарию. У него сразу сложилось ощущение целого. Приезжали ко мне в «Матвеевское» Виктор с Олегом прорабатывать сценарий, который всё больше уточняется, отсекается лишнее. Конструкция становится всё более плотной и цельной. При обсчёте метража на глаз вышло больше на 300 метров, то есть на целую десятиминут-

ную часть. Пришлось втискиваться в метраж, урезать от каждого кадрика по метрику.

12 марта. Вчера, узнав от директора, что Госкино задерживает отправку решения на запуск фильма до моего свидания с главной редакцией, я загрустил. И хотя оснований для серьёзных переживаний нет, неосознанно нахлынуло уныние. Видимо, этого и добивались те лица, которые притормозили «заключение на сценарий». Нужно плюнуть на них и жить спокойно, но какой-то червячок заполз в душу и копошится там, не давая покоя. Сегодня всей группой выезжали на выбор натуры и интерьеров в Архангельское. Кое-что облюбовали, заехали ко мне домой на курицу, которую вчера запекла мама. Глянул в духовку – там одна лапка. Это Ваня забежал без меня домой и уволок всё к бабушке.

К ночи я узнал о том, что готовят мне в Госкино, какие упрёки выскажут в беседе со мною. Кто поднимает эти волны? А упрёки серьёзные: в мистическом уклоне, в большом внимании к личности Мартынова, неуместности пощёчины отца, в фатальной предопределённости судьбы Лермонтова в моём сценарии... Я готовился выявить их тенденциозность и произвол, реакционный подход к произведению, напоминающий стиль давиловки времён культа личности. Я попросил бы их конкретно указать, где они видят фатализм и мистику, и разнёс бы их на чём свет стоит...

К их счастью, мы беседовали без главного редактора, и я, не снижая активной защиты, вёл беседу с юмором и легко. Закончив беседу, я остался наедине с заместителем главного редактора Садчиковым, чтобы выяснить его реакцию на моих «Близнецов» – реакция положительная. А тут и Армен Николаевич подъехал, я прошмыгнул к нему и поставил точку над i.

– Согласен ли ты с их замечаниями? – спросил он.

– С одним – да! По поводу пощёчины. Я её уже убрал из режиссёрского, заменив ссорой родных.

– А с ролью Мартынова?

– Нет, его линия держит конструкцию сценария. У вас лично есть какие-то замечания?

– Нет.

– Тогда пусть они отправляют заключение. Группа без зарплаты, и летняя натура под угрозой.

– Хорошо.

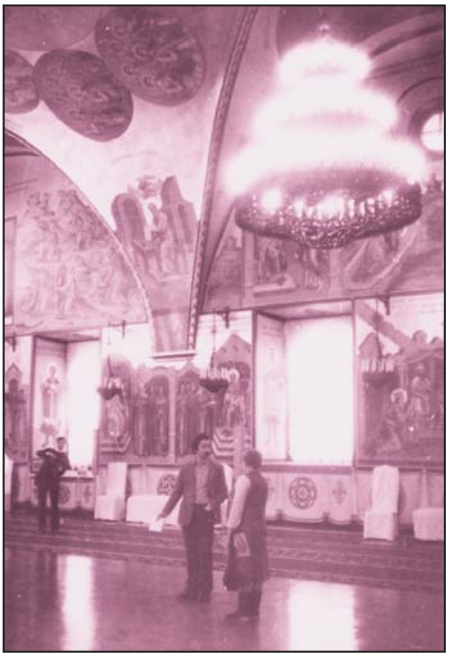
Считаю этот день очередной победой «Лермонтова» и вообще «победой отдельно взятого кинематографиста в стенах Госкино», видавших и обмороки, и инфаркты создателей фильмов.

16 марта. Покусывания продолжаются. Госкино снова задерживает отправку заключения, потому что, де, не провели через коллегию разрешение на мою персону как постановщика фильма «Лермонтов». Ссылаются на букву закона, хотя я не «человек с улицы» – дипломированный кинорежиссёр и меня уже дважды утверждали на постановку полнометражных фильмов. Покусывания комариные: они уже не в силах остановить корабль, набравший достаточную скорость движения. Итоги подождём ещё несколько дней.

17 марта. Весь день на «Мосфильме» до окосения глаз. С разрешением на мою постановку не всё так просто. Директор Объединения Л. Канарейкина не ставила визу, пока я не пройду режиссёрское бюро, показав им свои режиссёрские работы. Пришлось побегать, обходя преграды. Поработал с Травкиным по уточнению комбинированных кадров. Посидел со Светланой над разработкой массовок, групповок и сводным листом действующих лиц. Поговорил с художницей по костюмам Таней Чапаевой о новостях, попросил подготовить гусарский ментик для моих проб. Повидался с Олегом Мартыновым. Побеседовал с тремя артистами. Написал идейно-творческую экспликацию в мой режиссёрский договор. Потолковал с начальником звукоцеха о прикреплении к «Лермонтову» звукооператора. Забежал в фотоцех. Так и день прошёл, и усталость одолела. С удовольствием покинул студию.

А в общем – всё хорошо! Встречался с художником-гримёром Татьяной Васильевной Ковригиной, с которой когда-то работал над фильмом «Трын-трава». Посидели, поговорили об актёрах, о пробах, о задачах гримёров. А тут и представление на меня подоспело, подписанное новым директором «Мосфильма» В.И. Десятериком. Схватил его – и к Ермашу. Вручил помощнику, попро-

сил ускорить чиновничью волокиту и, не дожидаясь коллегии 26 марта, подать лично министру – авось подпишет.



19 марта. Творческая группа фильма «Лермонтов» осмотрела Кремлёвский дворец. Нас принял лично комендант дворца – человек лет пятидесяти в штатском костюме, любезный и доброжелательный. Расспросил о необходимом для нас дворцовом антураже, прочёл начало сцены с императором и коротко сказал:

– Ну, что ж. Лермонтову надо помочь.

Дал нам своего помощника, тоже в штатском, но поменьше ростом и чином, и велел ему показать нам первый этаж дворца. В конце нашего часового обзора, когда мы несколько сблизились с нашим сопровождающим, он вдруг произнёс: «Вы вошли и... замолчали...» Ещё бы! Не каждый день видишь великолепие Кремлёвского дворца: покои императора, его спальню, кабинет, анфиладу залов, мраморные камины, золото отделки. Мебель XVIII века, а выглядит сохраннее, чем мебель в моём доме... Зеркальные плиты паркета, резные украшения, часы, инкрустированный клавесин необычной формы. То, что я знал по открыткам и хранил в своей памяти, вдруг ожило перед глазами, стало реальностью. Вот здесь будет сидеть император Николай. Тут

он будет пить чай с фрейлинами. Здесь состоится сцена с Клейнмихелем, а тут – с Бенкендорфом. Мы наслаждались ребячливо: снимались моей кинокамерой и фотоаппаратами. Виктор громко выказывал свои эпохально-исторические познания. Мы приподнимали чехлы на мебели, отодвигали шторы, закрывали двери, сидели в креслах, трогали мебель – нам было всё дозволено. Мы выбрали всё, что нам было нужно, и даже больше. Завороженных нас провели и по второму, Екатерининскому, этажу: по Георгиевскому залу ... Грановитой палате ..., по правительственным залам переговоров, приёмов, заседаний Политбюро... Роскошь, талант русских мастеров, резчиков, каменщиков, художников высочайшего полёта. Глаза разбегались от созерцания такой красоты, сердце замирало от сознания, что ты находишься в сердце страны. Всё было просто. Нас не одёргивали музейной строгостью. Нам обещали допуск на съёмки и полную поддержку. Прощались с кремлёвской гвардией радушно и тепло, нам желали удачи, приглашали приходить ещё.

Посетили студийного «держателя производственных вожжей» В. Досталя с просьбой о прикреплении второго художника по костюмам – он «сыграл начальника»: мол, на вас ещё нет решения Госкино, вот будет – мы вас вызовем сюда всех и поговорим с вами.

19 марта. До обеда занимался со Светланой в актёрском отделе, просмотрел тысячи фотографий актёров в десятках толстенных альбомов. Давал первые интервью по «Лермонтову» для «Советского фильма» и «Советского экрана». Работал над многострадальными «простынями режиссёрского сценария», вносил поправки. Бумага ветшает на глазах от десятков треплющих её рук.

20 марта. Вчера меня вызывал начальник иностранного отдела «Мосфильма» Доброхотов. Зачитал телекс по поводу предстоящей встречи с немцами, заинтересовавшимися «Лермонто-

вым». Просил подготовить наши просьбы к западногерманской фирме.

29 марта. Сегодня получены бумаги из Госкино о включении «Лермонтова» в «тематический план года». Принято решение запустить нас 28 марта – большой день на пути «Лермонтова». Второй раз общался с сумасшедшей лермонтоведкой. По её мнению, и Пушкин – дрянь, и Некрасов – дерьмо, и Россия – бардак, а Бенкендорф – герой. Россия всегда была, есть и будет бардаком! И всё стало понятно: передо мной идеологический противник. Подальше от неё быть да группу уберечь. Сегодня же созвонился с одним из главных специалистов по Лермонтову, профессором А.Т. Удодовым из Воронежа, – он согласился быть нашим консультантом.

1 апреля. Юшин и Чапаева показывали первые эскизы к фильму. Набилась полная комната: Демидова, Мартынов, Юшин, Чапаева со своими помощниками – Сергеем и Таней, Светлана, композитор Травкин, второй режиссёр Нилов, художник-гримёр Ковригина. Было тесно, но уютно: Юшин разложил эскизы по всему полу, и Чудик прошёлся по ним грязными лапами, за что получил и был выдворен за дверь. Откуда и наблюдал, как мы обсуждали эскизы, снимали происходящее на кино- и фотокамеры. Обсудили ряд вопросов по плану работы группы, и я отправился в гримёрный цех, где с меня сняли маску для изготовления пластического грима. Занятие малоприятное, как репетиция небытия. Стены увешаны жмуриками – масками усопших и здравствующих моих коллег: Урбанский, Бондарчук, Ефремов, Губенко. Зрелище удручающее, как в покойницкой, полной знакомых по жизни лиц. Залили мне лицо холодным жидким гипсом, вставив пару трубочек в ноздри – замуровали заживо: ни вздохнуть, ни пошевелиться.

Поговорил с Демидовой. Узнал об отношениях «производственников» к «Лермонтову». Досталь и Хлопьева ожесточённо отказывают во всём необходимом: в прикреплении нужных нам работников, в транспорте, в съёмках кинопроб и летней натуры раньше времени, в достаточном времени для выбора натуры. Утверждают: «Вы – обычная картина». Прочёл бумаги Госкино, требующего сокращения объёма, комбинированных кадров, метража «сражения на Валерике» и «Маскарада». Меня просят сократить линию Мартынова, вновь обращают внимание на налёт мистицизма: вещие сны, предсказание гадалки и т.п. Забавен стиль общения студийных «производственников» с художниками, их тенденция «давить» последних, урезать, создавать дефицит и материальный голод. Они ведут себя как откровенные враги, всячески затрудняющие движение творца к цели. Бог с вами, ребята! Вы всё равно не совладаете с Лермонтовым! Кусайтесь, ставьте подножки – перешагнём и пойдём дальше к своей цели. А группа у меня – хорошая.

2–3 апреля. Перед отправлением в Ленинград, за час до отхода поезда, возвращаясь домой с вечера С.А. Герасимова и Т.Ф. Макаровой из Дома кино, врезался в «Волгу» гроссмейстера Полугаевского. Пока подъехали сотрудники ГАИ, пока оформили аварию, поезд с моей группой ушёл. Выехал следом, через час.

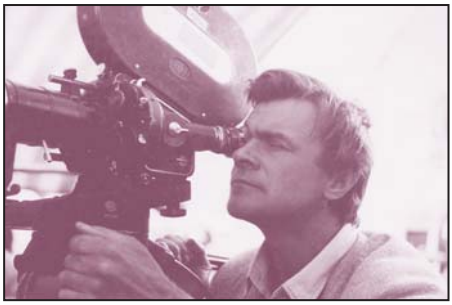
4 апреля. На вокзале в Ленинграде меня поджидал наш заместитель директора Володя. Привёз в гостиницу к группе. Начался рабочий день. Посетили Инспекцию по охране памятников.

В Царском Селе нас поджидал начальник Инспекции Иван Петрович Саутов, ростом и лицом очень похожий на императора Николая I. Он провёл нас по Екатерининскому дворцу, по Лицею, завёз на дачу Китаевой, где жил Пушкин. Великолепие интерьеров ошеломляло. В «золотом зале» Екатерининского

дворца можно снимать и бал-маскарад, и бал с Пушкиным, и последний бал. Есть где снять сцену с П.А. Клейншихелем, фехтование в юнкерской школе, две царские сцены. На даче Китаевой можно снять гостиную Вареньки, гостиную Лермонтова, гостиную в Тарханах, кабинет Лермонтова. Вернувшись в Ленинград, осмотрели Юсуповский дворец – красота! Несмотря на изрядную усталость, после ужина поехал к каскадёру Усену Кудайбергенову обговорить его участие в «Лермонтове». В 23 часа заглянул в «люкс» Юшина и Мартынова, где они в компании Демидовой хорошо сидели – розовенькие и милые с двумя пустыми бутылочками из-под сухого вина под столом. Поговорили ещё полчаса и – спать.

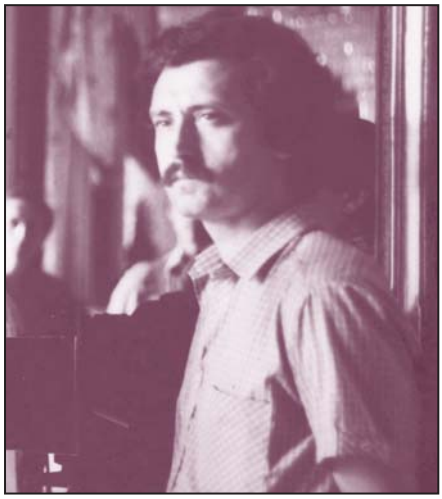
5 апреля. Осмотрели Аничков дворец, два манежа, в одном из которых Лермонтов сломал ногу. В сопровождении И.П. Саутова посетили дворец на Елагином острове, заехали в конструкторское бюро киноoптики и звукотехники к В.М. Бондарчуку, который обещал нам самый мощный на сегодняшний день – тридцатикратный – трансфокатор. Вечер завершили посещением оперного театра им. Кирова. Посмотрели туфту Кажлаева по Гамзатову «Асият». Великолепно прогулялись от оперного театра до гостиницы через весь центр: Исаакиевский... Дворцовая площадь... Мойка... Посмотрели ремонтирующийся Пушкинский дом... Шли, отмечая прелесть прогулки группы «Лермонтов». Дома попили чаю, обсудили впечатления о ленинградских делах и пришли к выводу, что балы будем снимать здесь.

6 апреля. Произошёл первый конфликт «местного значения». В такси, которое возит нас целыми днями по запланированным маршрутам, слово за слово Демидова с Мартыновым обменялись колкими фразами. Это выбило меня из колеи на весь оставшийся день. Не права была Александра Тимофеевна. Вероятно, она сомневается в профессиональной состоятельности Олега и обра-



щается с ним как со школьником, часто несправедливо. Необходимо снять это напряжение, пока не поздно. Олег, естественно, возмущается тем, что ограничивают свободу его мысли и творчества. Коллективное творчество, да ещё на «Мосфильме» – штука заковыристая. Все мои помощники – личности, годы, проведшие в боях за своё место под «мосфильмовским солнцем». И всех их нужно будет объединить, примирить, успокоить, удержать от хаоса и по возможности не выпускать из состояния гармоничного, дружного сосуществования. Возможно ли это? По силам ли это мне? Ведь пока их всего четверо, но вскоре появятся сотни, тысячи людей... Завтра перед отъездом проведу беседу.

Сегодня же побывали в Ломоносове, заезжали на дачу-коттедж Николая II. Множество портретов императора, подлинных царских вещей, произведений живописи, замечательные интерьеры и обстановка. Душа, словно губка, напитывается соками лермонтовского времени. После обеда, от которого Олег уклонился, так как ему было трудно сидеть за одним столом со своей «обидчицей», посетили Петропавловскую крепость: выбрали точку для проезда и камеру для арестованного Лермонтова, – нашли места у Казанского собора и на Дворцовой площади. Долго выискивали по набережным дом, похожий на пушкинский, так как настоящий – на Мойке – ещё долго будет на капремонте. Вернувшись в гостиницу, обессиленный рухнул в постель, но так и не отогрел тело, прозябшее до костей. Оттаял лишь за чаем в «люксе» у Олега и Виктора, куда Мартынов зазвал «на чаёк» и свою «обидчицу».



Сложные личности подключились к моему фильму. Виктор Юшин – самолюбив, с тенденцией к неуклонному лидерству, же-

лающий блистать французским языком, познаниями в истории и этнографии, ловкостью конника, изяществом денди и галантностью аманта... Александра Тимофеевна, хотя и мала ростом и умеет говорить нежным голоском, – властолюбива и может обидеть, задеть весьма сильно. И у неё тоже – желание быть на коне и впереди. С ними будет не просто, и это уже понятно. Если вовремя не подняться на «этаж выше» и не показать, «кто секрет колокольной меди знает?» – могут сесть на шею. Пока один лишь Олег Мартынов размеренно дышит и работает без излишней суеты. Мне же остаётся хранить абсолютное спокойствие, быть уравновешивающим, гармонизирующим началом, не делать поспешных выводов и поступков, никого не ущемлять и пытаться сохранять в моей группе гармонию.

7 апреля. Ленинград – Москва. Утром я решил непременно побывать в Павловском дворце и оказался прав. Но прежде мы посетили Эрмитаж, побродили там до обеда. Потом Демидова покинула нас, и мы мужской компанией поехали в Павловск. Греческий зал дворца перекрыл всё виденное до сих пор. Конечно, если получится, надо снимать оба бала именно здесь! После короткого отдыха в номере обсудили с Олегом и Виктором всё увиденное и пришли к общему согласию по всем объектам. Поездкой я остался доволен.

Характеры моих сотоварищей постепенно проясняются – работать коллективно можно. Буду учиться руководить ненавязчиво, но целеустремленно. Предполагаемая мною праздничность и гармония сосуществования группы – вещь трудно-достижимая. Слишком непростые характеры у моих коллег.

10 апреля. Позавчера получил карточки первых кинопроб Вареньки – Гали Беляевой. На сегодня мой брат Геннадий Бурляев – наш, пока внештатный, помощник режиссёра – вызвал мне

пять актрис. Просмотрел семь приглашённых актёров. Успокаивал Татьяну Чапаеву, бушевавшую перед моим приходом по поводу сложностей её костюмерного цеха.

11 апреля. Сегодня на пробу прибыл Митя Золотухин. Выпили чайку, поговорили о сценарии и повели его одевать, гримировать. Забегал в гримёрную, там костюмер и художник по костюмам обрабатывают генеральский мундир для Мити, и он сам сидит «обработанный», приближающийся к образу Столыпина – деда Лермонтова.

14 апреля. Вчера прочитал строки, впервые соответствующие моему пониманию Лермонтова: «Настигнутая общим врагом, оборвалась недовершённой миссия того, кто должен был создать со временем нечто, превосходящее размерами и значением догадки нашего ума – нечто и в самом деле титаническое. Великих созерцателей «обеих бездн», бездны горнего мира и бездны слоёв демонических, в нашей культуре я до сих пор знаю три: Грозный, Лермонтов, Достоевский. Лермонтовский «Демон» – не литературный приём, не средство эпатировать аристократию или буржуазию, а попытка художественно выразить некий глубочайший, с незапамятного времени несомый опыт души, приобретённый ею в предсуществовании от встреч со столь грозной и могущественной иерархией, что след этих встреч проступал из глубинной памяти поэта на поверхности сознания всю его жизнь. ...Лермонтов – мистик, если так можно выразиться, милостью Божьей, мистик потому, что внутренние его органы – духовное зрение, слух и глубинная память, а также дар созерцания космических панорам и дар постижения человеческих душ – приоткрыты с самого рождения и через них в сферу сознания просачивается вторая реальность, а не фантастика... Но Лермонтов был не только великий мистик; он был живущий всею полнотой жизни человек и огромный – один из величайших у нас в XIX веке – ум...

В глубине его стихов, с первых лет до последних, тихо струится, журча и подымаясь, порою до неповторимо дивных звучаний, светлая, задушевная, тёплая вера... Очевидно, в победе утверждающего начала и в достижении наивысшей мудрости и просвет-

лённости творческого духа и лежала несовершённая миссия Лермонтова. Если бы не разразилась пятигорская катастрофа, со временем русское общество оказалось бы зрителем такого – непредставимого для нас и неповторимого ни для кого жизненного пути, который привёл бы Лермонтова-старца к вершинам, где этика, религия и искусство сливаются в одно, где все блуждания и падения прошлого преодолены, осмыслены и послужили к обогащению духа, и где мудрость, прозорливость и просветлённое величие таковы, что всё человечество взирает на этих владык горных вершин культуры с благоговением, любовью и трепетом радости. В каких созданиях художественного слова нашёл бы своё выражение этот жизненный и духовный опыт? ...Так или иначе в 70–80 гг. прошлого века (XIX. – *Н.Б.*) Европа стала бы созерцательницей небывалого творения восходящего к ней из таинственного лона России и предвосхищавшего те времена, когда подымится из этого лона цветок всемирного братства – «Роза мира», выпестованная вестниками-гениями-праведниками-пророками. Смерть Лермонтова не вызвала в исторической Европе, конечно, ни единого отклика. Но когда прозвучал выстрел у подножия Машука, не могло не дрогнуть творящее сердце не только российской, но и западной метакультур, подобно тому, как заплакал бы Яросвет, если бы где-нибудь на берегах Рейна оборвалась бы в 27 лет жизнь В. Гёте... Теперь Лермонтов – одна из величайших звезд в синклите России, он невидимо проходит между нами и сквозь нас... Объём и величие его творчества (и жизненного, человеческого подвига. – *Н.Б.*) непредставимы ни в каких предварениях». – Даниил Андреев.

18 апреля. Работа движется, актёры прибывают один за другим, художники пишут эскизы, Александра Тимофеевна подгоняет. Боремся за каждого сотрудника нашей группы. Вчера у управляющего кадрами Госкино просидел час по поводу моего брата Геннадия и прочих жизненно важных моментов. Сегодня Татьяна Чапаева со своими помощниками Сергеем и Таней показывала эскизы костюмов. Волновалась Чапаева как школьница, и Сергей и Таня тоже трепетали как на экзамене. Это было видно и по их творческому волнению, и по их эскизам, индивидуально разным,

но интересным. Я с радостью принял их работу, завершив встречу традиционным чаем. В комнате царил хороший, праздничный и трепетный дух. И снова актёры – один за другим, вызванные и приходящие сами, с заветным желанием хоть немного стать сопричастными «Лермонтову». На вторник назначил свою пробу грима, пригласил фотохудожника Сергея Иванова.

20 апреля. Первый весенний выезд за город, на дачу. Господи, какой контраст, какая радость: земля – а не асфальт, воздух – а не дымы, покой – а не суета, ясное небо, солнечный день – а не серый смог. Впервые за многие городские месяцы в сознании начали рождаться поэтические строки. Творческие мысли, видение отдельных моментов воплощённого «Лермонтова» были живыми и сочными. Надо попросить Татьяну Чапаеву сшить два платья для бабушки: одно – для реальности, второе (белое), повторяющее первое, – для видений; сделать белые варианты платьев для матери, отца, трёхлетнего Лермонтова и всех персонажей, участвующих в видениях: Варенька, Дмитрий Столыпин... Снимать нужно в постоянном движении, больше на общих планах, подсмотренно, обобщенно, избегать фронтальных общих планов. Выдерживать точку зрения Лермонтова.

23 апреля. Долгожданный день – состоялась проба грима Лермонтова. После вчерашнего общения с Джуной ночь проспал плохо, поднялся усталый, выжатый, как лимон. Вчера отвозил Джуне сценарий с официальным предложением сниматься у меня в фильме. До полуночи ждал уединения с ней в её доме, где постоянное столпотворение. Глядел цветной видеомагнитофон: ужасы, карате, порнуха, которые смотрит и её девятилетний сын. Потом тепло поговорили, она согласилась сделать фотопробу на гадалку Кирхгоф. Сказала, что три платья по нашим эскизам она будет шить сама, из своей ткани и за свои деньги.

Утром забежал в костюмерную и не сразу сообразил, где я нахожусь. Начал одеваться в гусарский мундир и сообразил: это ведь костюмерная моего «Лермонтова». Вот отобранные женские платья, офицерские мундиры...

Сел гримироваться. В гримёрной кроме нас находились ещё два художника-гримёра: с первым я снимал своего «Ваньку-Каина», со вторым, Сергеем, работал над моими мини-фильмами «Выбор» и «Круг». Обстановка в гримёрной домашняя, спокойная. Моя Татьяна Васильевна хлопочет, клеит мне пластический грим. Фотохудожник из «Советского фильма» Сергей Иванов, приглашённый мною для проб, делает первые снимки. Олег Мартынов снимает кинолетопись на мою узкоплёночную кинокамеру. Заходят мои сотрудники – директор, художники по костюмам. Режиссёр Светлана приводит актёров, а «мы» руководим и попутно вживаемся в образ Лермонтова. Сделали первый вариант с пластическим носом, снялись и сорвали нос, чтобы больше его не надевать: ужас – Сирано де Бержерак какой-то! Стали делать второй грим, ближе ко мне. И через час на меня из зеркала смотрел Михаил Юрьевич Лермонтов, живой – только голубоглазый.

Надел форму поручика Тенгинского пехотного полка и в сопровождении четырёх помощников прошествовал в фотоцех через всю студию. Не скрою, идти было как никогда приятно. Я сознавал уникальность и значимость момента: по «Мосфильму» впервые идёт – Лермонтов! Он начал жить во плоти. Из фотоцеха проследовали в довженковский сад: снялись у берёзок и на траве. Переодевшись и доплетясь до группы, я застал всех сотрудников в праздничном настроении. Может, потому, что я сам пребывал в таком состоянии и воздействовал на них своей радостью. Значит, надо чаще, – а лучше всегда, влиять на сотрудников светом и радостью и быть благодарным им за их труд. Господи! Как было хорошо сегодня!

24 апреля. Снова – замечательный день. Утром прибыл из Воронежа наш консультант – профессор А.Т. Удодов. Выпив чайку в моём кабинете в компании всей группы и завязав тёплые отношения, мы с профессором большой кавалькадой проследовали в просмотровый зал, где я показал ему «Выбор», «Круг» и «Ваньку-Каина». Оставшись наедине, обсудили его замечания по сценарию. С. Иванов привёз карточки моих проб на Лермонтова именно в тот момент, когда это было нужно, словно по отработанному сценарию.

– Пробы хорошие, – одобрил профессор. – Сходство с Лермонтовым и соответствие образу – удивительное...

Приехал мой сын Ваня, впервые переступил порог моего кабинета, притихший и благоговейный. Зашли в павильон, где С.Ф. Бондарчук снимает «Годунова», сделать фотопробы Натальи. Тоже замечательное событие: дочь пришла к отцу в XVII век в одежде XIX века. Лермонтов пришёл пробоваться под сенью Пушкина. Я представил Удодова С.Ф. Бондарчуку. Великий оператор В.И. Юсов лично держал дощечку, перекрывая свет над головой Натальи.

График работы выдерживается идеально, но приходится порхать километровыми мосфильмовскими маршрутами туда-сюда неоднократно. Из гримёрной – в кабинет на переговоры с новыми актёрами. Из кабинета – к литературному редактору, потом к редактору музыкальному, к директору... И снова на пробу, в сад «Мосфильма», где оканчивали снимать Ивана и Наталью. Мартынов запечатлел этот момент на кинопленку. Под занавес состоялось собрание нашей группы по поводу коррекции режиссёрского сценария, где я выразил удовлетворение работой группы. Правда, не обошлось и без мелких недочётов: наш гримёр работает на двух картинах и перепоручила Ивана кому-то, и его плохо подстригли и загримировали.

В дирекции нетактично говорили о необходимости ещё одного второго режиссёра в присутствии Светланы Петровой, возлагая на неё ответственность за срывы с актёрами. Она, естественно, обиделась. Пришлось успокаивать вечером по телефону. А в основном живём и работаем дружно, слаженно, под сенью нашего ангела-хранителя Михаила Юрьевича Лермонтова.

25 апреля. Победа! Рухнуло последнее препятствие на пути «Лермонтова» к воплощению. Мы защитили постановочный проект перед производственным руководством «Мосфильма». И как защитили! Спокойно, красиво, достойно, мощно. Досталь и К^0 – начальники всех цехов студии, обычно нападающие на все группы по всем статьям, – даже шутили: «Попробуй вам что-то не дать!..»

Декорационный комплекс был принят легко и безоговорочно. Виктор Юшин был в ударе, проявил высший пилотаж, расстелив и расставив, прикнопив и разложив десятки эскизов. Защищался умело, спокойно и аргументированно. Мосфильмовский «ареопаг» был ошеломлён подготовленностью и громадной работой, проделанной нашей группой. Даже Хлопьева отпустила лестную реплику:

– Вот что значит, когда режиссёр знает, чего он хочет. – И одарила меня покровительственной улыбкой.

Далее защищала костюмы Таня Чапаева. Робела, говорила тихо. На неё было больше нападок, так как студия действительно не способна была «обшить» всех актёров. Но и здесь всё сошло благополучно. В заключение я попросил «ареопаг»:

– Учитывая, что наша группа и так затянула пояса до хребта и урезала всё, что можно, идя навстречу студии...

– Но и студия идёт вам навстречу, – ввернул Досталь.

– Я прошу оставить за нами право подыскать место, где вышьют золотом ещё девять генеральских мундиров.

Нам позволили и это. Под занавес, «для отдыха глаз», я предложил вниманию уважаемого собрания фотопробы. На этой творческой ноте и завершилось «сражение». Группа, скрыто ликуя, собралась в моём кабинете, где предусмотрительный Геннадий приготовил чай. Отдыхали, словно после выигранной битвы: докуривали в коридоре, беседовали, подводили итоги. Вбегает Демидова и говорит:

– Хотите, покажу вам Саутова?

Отвела в комнату соседей – там Иван Петрович Саутов. В охапку его и – к себе. На завтра же назначил его фотопробу на роль императора. Обговорили возможность снимать балы в выбранных в Ленинграде интерьерах. Сегодня же подписали договор с нашим официальным консультантом профессором Удодовым. Поразительный день, уже воспринимаемый мной как закономерность. Благодарю за незримую поддержку Лермонтова и силы, стоящие за нас.

26 апреля. День, насыщенный безостановочной работой: фотопробами, переговорами с новыми актёрами. Долго работали с

гримом императора – И.П. Саутова. Одели его в расшитый золотом генеральский мундир. Похожесть на Николая I – поразительная. И вновь приятно было идти по студии рядом с Николаем I и следить за реакцией окружающих. В глазах читалось понимание того, кто идёт им навстречу. Выдали фотопробы Юрия Мороза, претендента на роль Мартынова – их приняли все, вплоть до консультанта. Встретил его в кафе и сказал, что, видимо, будем сотрудничать. Переговорил с Н.Н. Глаголевой о режиссёрском сценарии. Она сделала пять несущественных замечаний, приняв проделанную мною работу в целом. Забежал к шефу производства Хлопьевой, поблагодарил за добрые слова на вчерашней баталии – наладил отношения. Познакомил композитора Бориса Петрова с нашими музыкальными редакторами. Бориса приняли ревностно, но безоговорочно, позволив себе лишь мелкие уколы в его адрес:

– Не знали, что вы член Союза композиторов. Ну если то, как вас представил режиссёр, окажется правдой на 90 процентов, мы будем счастливы...

Забежал в иностранный отдел, чтобы обсудить поездку в Румынию. Переговорил по телефону с Каунасом, со старым приятелем Альгисом Масюлисом, пригласил его на роль Клейнмихеля. После защиты постановочного проекта в сознании укрепилась абсолютная уверенность в том, что «Лермонтов» состоится. Эта спокойная уверенность сопутствует каждому действию.

Выступал на вечере Петра Тодоровского в кинотеатре «Пламя» вместе с Окуджавой, Поженяном, Гердтом и Хуциевым. После этого товарищеский ужин в закутке кинотеатра. Узнал новость: Наташа Андрейченко выходит замуж за Максимилиана Шелла, что ставит под угрозу Госпремию и дальнейший прокат «Военно-полевого романа».

1 мая. Ново-Дарьино, редкие мгновения покоя. Вчера ещё раз, перед отправкой режиссёрского сценария в типографию, прошлись с Травкиным, Мартыновым и Юшиным по комбинированным кадрам. Встретился с пятью актёрами. Поехал с гримёршей Леной и фотографом Сергеем на «выездную фотопробу» – к Джуне. В её доме, как обычно, полно разного наро-

да, задержались на пять часов: смотрели видеохреновину, закусили. Пока Джуну гримировали в ванной, её приятель снимал на видеомагнитофон процесс наших фотопроб. Как обычно, вышел из арбатского логова своей «мадам Кирхгоф» изрядно уставшим, порядком утомив и саму Джуну. Однако настроение у меня было ровно-хорошее, приподнятое, творческое...

Хорошо, что существуют праздники и можно отдохнуть за городом. Идёт дождь... В доме тепло... Со мной книги Лермонтова... К вечеру дождь иссяк, прояснилось, показалось солнышко. Проводил его, побродив на закате, представляя, видя внутренним зрением первые кадры своей картины. И ликовало моё сознание, вновь пронзённое мыслью: «Я снимаю фильм “Лермонтов!”»

5 мая. Полдня встречался с актёрами. Альгис, приехавший из Каунаса, рассказал мне, что, проснувшись в поезде в 4 часа утра, начал читать сценарий и не мог оторваться до 7, пока не закончил чтение. Он очень открыто говорил о впечатлении, которое произвёл на него «Лермонтов», о том, что он удивлён, как это я его пробил... Говорил о русском строе литературного повествования, опирающемся на российские корни свободолюбия, духовности, о современной, ни на что не похожей, стилистике построения...

– За честь почту быть причастным к этому делу, – сказал Альгис.

Сегодня на складном стенде в своём кабинете распределил фотопробы актёров – 30 претендентов, близких к утверждению. Встретил в кафе студии Юриса Стренгу и предложил ему роль Неизвестного. Сделал и фотопробу, и сегодня же окончательно утвердил его для себя.

6 мая. Утром был на приёме у заместителя главнокомандующего в Главном управлении сухопутных войск – генерал-лейтенанта Архипова. Радушный дядя положительно высказался о сценарии и пожелал снять хороший фильм. На мои фотопробы генерал прореагировал очень бурно:

– Тут двух мнений быть не может – похож! Можно оставить? Покажу нашим... Спрошу, у них – кто это?

Оставил генералу три снимка. Потом снова носился по «Мосфильму»: пробовал Мариса Лиепу на Николая I. Марис в подавленном состоянии. Побывав в Большом театре, он пал духом: никому там уже не нужен. Да и в театре Станиславского новый главный балетмейстер... А Марис, видимо, рассчитывал на это место. Завтра возвращается в свой Софийский театр, которым он уже сыт по горло. Когда Марис шёл раздеваться, сказал фотографу:

– Жаль, что я не лысый, а то, если не пройду на Николая, так хотя бы Бенкендорфа сыграть...

11 мая. Ко второй половине дня скис из-за начавшихся междоусобных боёв: Демидова в присутствии помощников критиковала Светлану Петрову за неудовлетворительную работу. Принял решение собрать всю группу и поговорить с ними о достойных отношениях. Игорь представил мне двух интересных осетин: Мухтарбека Кантемирова, из прославленного рода цирковых конников, и Бибо Кумалагова, специалиста по холодному оружию, который будет ставить в фильме фехтовальные сцены.

13 мая. Утром собрал всю имеющуюся на сегодняшний день группу – 14 человек. Разлив по стаканам чай, произнёс короткую речь. Сказал о том, что 4 месяца мы уже прожили и нам осталось быть вместе меньше года. Порекомендовал всем ценить каждый день «Лермонтова».

– Я знаю, что, когда мы закончим картину, будем вспоминать эти дни как лучшие в нашей жизни. Я очень хочу, чтобы этот год стал для всех нас годом радости и праздника. Хочу, чтобы каждый сотрудник шёл на работу с радостью, не ожидая от товарищей по группе дурного. Ведь человек устаёт и стареет от агрессивных эмоций. Все сотрудники нашей группы – яркие личности с чувством собственного достоинства, иначе бы мы не выжили на «Мосфильме». Именно поэтому я прошу вас всех об искреннем

взаимном уважении. Я прошу, чтобы «мосфильмовский стиль» амбиций, качания прав и самоутверждения остались за стенами нашей группы. И чтобы никто никого не обижал – ни публично, ни заочно. Ведь мы все вместе делаем одно дело – фильм о Лермонтове. Кто-то понимает уже теперь, кто-то поймёт в ходе работы, а кто-то, лишь глядя на экран, что нам было подарено время создания необыкновенного фильма. В мире идёт, и всё обостряется, борьба между силами, пытающимися разъять и подчинить себе этот мир, и силами, стремящимися сохранить гармонию, не дать ей угаснуть. Я считаю, что именно «остров», называющийся Россией, поможет спасти Землю. На Россию возлагали и возлагают надежду многие люди на планете.

Поднимая стакан с чаем, я предложил выпить за добрые отношения в нашей группе. Не высказав всего, что хотел, остался удовлетворён нашим первым духовным контактом на пути к единению.

Созвонился с командующим Северо-Кавказским военным округом и договорился о вертолётной помощи на Кавказе. Переговорил с очередной лермотоведкой, с несколькими актёрами, Бибо Кумалаговым. Просмотрел 15 деток-двухлеток на роль маленького Лермонтова. Снял фотопробу Люды Максаковой на роль бабушки. Выслушал нарекание начальника отдела трюков, что я приглашаю каскадёров, не советуясь с ним. И – обессиленный – покинул «Мосфильм».

Перед сном, гуляя с Чудиком у дома, задал себе вопрос: «Согласился бы ты делать этот фильм, если бы в титрах не указывалось твоё имя?» И ответил: «Да!» Потому что для меня более важно, чтобы этот фильм, нужный сегодняшней России, – состоялся.

14 мая. С утра тренировался в Новом цирке на проспекте Вернадского на арабском скакуне под руководством Ирбека Алибековича Кантемирова. Потом в студийном саду два часа занимался фехтованием с Бибо Кумалаговым. По окончании тренировки зашёл в свой каби-

нет – на столе новые цветные пробы на роль Лермонтова. В них есть Лермонтов, есть магия. Происходит постепенное перевоплощение в Михаила Юрьевича. Красный гусарский мундир, меховой воротничок, тёплый, глубокий взгляд... Хорошо.

И непрерывные встречи с новыми и новыми людьми, выражающими желание участвовать в деле, просящимися в группу. Просмотр двухлеток у проходной «Мосфильма». Прослушивание минской девушки Анжелы на роль Вареньки. Бибо с ассистентом по реквизиту достали четыре сабли и развесили их на стене моего кабинета. Живём, набирая мощную инерцию движения.

15 мая. Утром – два часа выездки на обеих аренах цирка, на разных лошадях: на арабском, на орловском рысаке, на кабардинце... Ирбек Алибекович, отрабатывая со своей труппой элементы новой программы, не зыбывал и обо мне: заставлял менять лошадей и сёдла, ездить без стремян... На своём скакуне он подлетал ко мне, нарезающему круги по арене, вёл своего коня бок о бок с моим и ставил мне правильную посадку, положение рук, ног, туловища, учил управлять и чувствовать лошадь, показывал технику поворотов... Он командовал моей разминкой даже в паузах между ездой, чтобы не накапливалась боль в ногах. Он показывал, не щадя себя в свои шестьдесят с лишним лет, упражнения, приседания, подскоки на носках, батманы... Не скрою, мне было лестно, что сам Кантемиров занимается мною. Артисты его труппы присматриваются ко мне, кто-то уже сам идёт на контакт. И все эти испытания я сам себе придумал. Всё это ради одного кадра, когда зрители должны поверить, что Лермонтов был настоящий джигит и что этот трюк делает сам Бурляев.

А трюк я задумал такой: после того как Лермонтов узнаёт, что Варенька Лопухина выходит замуж, он мгновенно подбегает к первой попавшейся лошади, хватается за луку седла, и лошадь сходу припускает в галоп, а Лермонтов пробегает рядом с нею шаг-два и с земли влетает в седло. И вот ради этого кадра мне предстоит истязать себя на арене цирка три месяца. Забегая вперёд скажу, что, когда пришёл миг исполнения этого трюка, я был порядком измотан суетой рабочего дня. Объявляют: «Сейчас ваш проскок». Ну, думаю, попал... Хватит ли сил впрыгнуть в седло? А если нет? Вот будет конфуз-то... Но отступать уже некуда. Ирбек Кантимиров, загримированный и одетый капитаном, стоит рядом с лошадью, подготовленной им к невозможному: к тому, чтобы она с места пошла в галоп. Собираю все силы, командую мотор – и на глазах у всей группы свободно влетаю в седло. Дубль, второй, третий... Победа!

После цирка – два часа упражнений на рапирах и саблях в студийном саду с Бибо и Юрой Морозом – Мартыновым. Отрабатывали шаги, защиты, удары по позициям... К концу дня ноги изрядно устали, ныла крепотура. А завтра снова в седло...

Сообщили радостное известие: дирекция «Мосфильма» не имеет к моему режиссёрскому сценарию никаких претензий, а это означает, что мы можем переходить к следующему этапу создания фильма. Сегодня прогнали через кинокамеру первые сто метров плёнки. Четыре с лишним года я ждал этого момента, и 144 года – М.Ю. Лермонтов. Пробовал Галю Беляеву на Вареньку. Снимали на мосфильмовском пруду. Галю привезли с семимесячным животом. Сняв на натуре, перебрались в павильон и сняли Галю на телеустановке. Затем пробовал на роль Вареньки юную школьницу Олю Кабо. Это тоже серьёзная кандидатура: одетая и в гриме, она была вся из XIX века. Хорошо слушала мои замечания.

Не обошлось и без организационных недочётов. Не был заказан звуковик... Гримёры были недовольны работой моих помощников, не оповестивших их, что буду пробоваться и я... В первый час кинопробы подле меня не было ни одного из помощников и мне приходилось искать их... И несмотря на всё это – хорошо! хорошо!! хорошо!!! Через «лермонтовскую» кинокамеру потекли первые метры плёнки – великий день в судьбе картины!

Мне прислали «Культуру» с информацией о выдвижении «Военно-полевого романа» на Государственную премию.

18 мая. Ново-Дарьино. Приехал Бибо, и мы трижды занимались фехтованием: до завтрака полчаса, до обеда – три и перед ужином – полтора. Отрабатывали сабельные и рапирные защиты и нападение... прыжки... метали ножи в щит... упражнялись с плетью... Ваня особенно увлёкся метанием кинжалов и под конец всаживал четыре из трёх.

19 мая. Ново-Дарьино – Москва – Пятигорск. Утром, пробежав километра три, потренировавшись на саблях, пометав кинжалы, отбыли в Москву. Собрался и в 16 часов вылетели с группой на Кавказ. Аэробус доставил нас до Минвод за 1 час 45 минут. И ещё за 20 минут наш автобус, поджидавший в аэропорту, домчал нас до Пятигорска. А М.Ю. Лермонтов добирался до этих мест целый месяц. Издали был виден серый свинцовый полог, нависший над городом. На полпути хлынул обильный ливень и небо прошила молния. Разве могла природа по-другому встретить нашу киногруппу здесь, в местах, принявших последнее дыхание нашего дорогого Михаила Юрьевича? Я спросил мысленно: «Силы небесные, поможете ли вы мне?» И небо полыхнуло в ответ ослепительной молнией. Вот и исполнилось то, о чём так давно мечтал – я в Пятигорске. Когда-то, не надеясь на то, что мне дадут снимать «Лермонтова», я намеревался навестить Пятигорск. Ныне я – постановщик фильма «Лермонтов», прибыл сюда с огромной киногруппой. Майское, пышное цветение природы, воздух «чист, как молитва ребёнка». В гостинице «Пятигорск» нас ожидали номера. Перекусив, мы с Виктором Юшиным, с помощью добрых прохожих, добрались до домика Лермонтова. В вечерних потёмках заглянули через ограду и под проливным дождём, настигшим нас под окнами Лермонтова, пустились в обратный путь. Хорошо! Необыкновенно! Долго же я ожидал этого! Мечта исполняется. И надеюсь, будет продолжение: новые встречи, открытия, радостная, неповторимая работа.

20 мая. Утром зарядка, дабы не выходить из формы: упражнения с элементами фехтовальной защиты, прыжки и прочее.

Посещение горкома, двухчасовое ожидание заведующего отделом агитпропа Геннадия Семёновича Зайцева. Короткая беседа и посещение лермонтовского заповедника. Директор музея-заповедника Павел Евдокимович Селегей, уже предупреждённый агитпропом о нашем визите, ожидал нас в кабинете. Он лично повел нас по заповеднику. Вёл тактично, чутко прислушиваясь к нашим высказываниям. Узнав о моей пятилетней борьбе за «Лермонтова», сказал: «Дай вам Бог!..» В домике Лермонтова – последнем его пристанище на земле, мне было позволено посидеть в кресле из чёрной кожи и пообщаться со столом, помнящим прикосновение его рук. Рядом, в соседней комнате, 144 года назад лежало мёртвое тело Лермонтова.

Зашли в дом Верзилиных. Вот гостиная, в которой в тот июльский вечер Мартынов, придравшись к шутке Михаила Юрьевича, вызвал его на смертный бой, на убийство, на уничтожение высочайшей души России, пресечение земного подвига Русского Пророка. Уничтожили тело – душу уничтожить невозможно. Она и теперь и всегда будет давать людям России и всей земли свою титаническую, щедрую энергию. Сидя на диване в гостиной Верзилиных, среди воображаемых хозяйских дочерей, я смотрел на фортепиано, за которым в тот роковой вечер князь Трубецкой внезапно перестал играть, чтобы в абсолютной тишине прозвучала колкость в адрес вошедшего в комнату «Мартышки» – Сальери.

После довольно скверного обеда в местном кафе «Ивушка» горком подал нам санитарный «рафик», предоставил ретивую экскурсоводку, под жужжание которой мы объездили лермонтовские места: эолову арфу... провал... ванны... грот Дианы... фиктивное место дуэли, на котором водрузили памятник... Реальное

место убийства – у подошвы Перкальской скалы... Взошли на её вершину... И все время непрестанно, словно проливая сдержанные слёзы, шёл мелкий дождь, и небо погромыхивало, будто там ворочался приветствующий наше появление титан.

В матерчатых тапочках второй день промокаю в Пятигорске. Едва достигли отеля, дождь прекратился. Вечером наша группа сошлась за чаем в номере Юшина-Мартынова для выработки программы на оставшиеся дни. За открытыми окнами – омытый весенним дождём Пятигорск, Машук, Бештау... И дух от парной зелени, и вновь ощущение радости: «Мы снимаем фильм «Лермонтов». Мы живём. И живём хорошо!»

Перед сном намотал пару кассет киноплёнки на завтрашний день. Неустанно веду кинолетопись «Лермонтова» и уже сейчас осознаю её будущую ценность.

21 мая. В 8 утра выехали на интуристовском «рафике». Весь день то моросил, то лил в полную силу дождь. Серо, туманно, видимость метров 100, как раз «для выбора натуры». Поездили по окрестностям Кисловодска, Ессентуков, к обеду машина сломалась. Вернулись в Пятигорск, пересели на такси и двинулись в Железноводск, где мне приглянулась пушкинская галерея под «источник». На обратном пути завернули в бывшую колонию Каррас, постояли под дождичком у крыльца дома, откуда Лермонтов, отобедав, отправился в свою последнюю дорогу – на расстрел. Побродили по просёлочной дороге, ведущей к Бештау, который был скрыт от нас туманом. Придётся ещё раз приезжать сюда. Вечером переговорил по телефону с П.Е. Селегеем. Он читает сценарий с интересом – завтра поговорим.

22 мая. Пятигорск – Нальчик. Длинный день. Интуристовский «рафик» опоздал на час, выехали в 8 утра. До 22 часов колесили по окрестностям Кабарды. Отметили как вариант лишь реку под Валерик, место для битвы и лагеря, хотя и то и другое может быть и поживописнее. С внутренним неудовлетворением ощущал, что видимое не соответствует образам, живущим в моём сознании. Не тот характер гор – не кавказский, не лермонтовский. Кроме того, внутреннее недовольство поведением одного

из членов группы, назидательно, менторски общающегося даже со мною. За чашкой чая на ночь не удержался от эмоционального отпора: попросил не учить меня и умерить пыл.

23 мая. Пятигорск – Кисловодск – Нальчик. Поднявшись в 5 утра, в 6 двинулись в путь. Осмотрели дорогу от Карраса к Бештау – выбрали «дорогу к месту дуэли». Поднялись машиной на Бештау и поехали в Кисловодск. Приглядели ущелье для «лагеря в долине». Долго плутали в поисках пути на Бермамыт, дорога перекопана – пути нет. Вернулись в Пятигорск, поблагодарили горкомовца Зайцева, попрощались и – в Нальчик. Поселились на горной турбазе. Поужинали, попили чаю, достаточно напряжённо от усталости, поговорили о наших делах. Я сказал, что мы отправились на выбор натуры неготовыми, ездим наобум, но в принципе отчаиваться не следует и натуру мы обязательно выберем. Демидова метнула по стреле в Олега и в Юшина, они вернули их ей обратно. Замдиректора Володя выдал всем долгожданные суточные и, пошутив, мы простились до утра.

Характер местной натуры не удовлетворяет. Нужно пробираться к настоящим горам и ущельям. Принял решение ехать в сторону Орджоникидзе и отдать последний день нашего пребывания выбору кавказской натуры. В группе продолжается притирка личностей – без этого не обойтись.

24 мая. Нальчик – Орджоникидзе. Снова ранний выезд. На этот раз в Осетию. Исколесили треть республики, намотав за день, как обычно, километров 500. Объехали Дарьяльское и ещё несколько ущелий, наездились вдоль Терека, видели захоронения в виде небольших склепов, составляющие целые городки мёртвых, видели множество полуразрушенных крепостей и башен. Сопровождал нас мой ровесник, начальник местного кинопроката Николай Александрович, приглянувшийся с первого взгляда. Доброжелательный и уважительный, он отложил все дела и без обеда мотался с нами целый день, а в заключение в гостинице взял у меня первое радиоинтервью о фильме.

Да, выбор натуры вылился в напряженную, потребовавшую много сил работу, которая ещё не окончена. Завтра еду в Москву,

а моим помощникам предстоит досмотреть и выбрать недостающие места съёмок: поле боя... горы... имение Чавчавадзе... долины... ущелья и прочее.... Могу ли я быть удовлетворенным этой поездкой? И да, и нет. Нет, потому что уезжаю без окончательно выбранной натуры, потому что можно было подготовиться к поездке тщательнее, чтобы не тратить лишнее время на порожние сотни километров. Да – потому что кое-что все-таки выбрано, потому что впервые побывал на Северном Кавказе, в новых для меня республиках, потому что был там, где оборвали жизнь Лермонтова, потому что группа притёрлась ещё плотнее. Завтра по пути в Нальчик подведу итоги поездки перед группой и дам задания на оставшиеся дни. Выражу удовлетворение совместной работой, отмечу каждого, пожелаю мирного завершения эпопеи. Уставали мы все ежедневно – это была по-настоящему большая работа.

25 мая. На автовокзале в Нальчике тепло простился с группой, сел в рейсовый «Икарус», и мы разъехались: они – налево в горы, а я – направо, в аэропорт Минвод.

Прилетев в Москву, целый день работал с помощниками на «Мосфильме». С меня сняли мерки для парика. Обговорил с Т.В. Ковригиной облик исполнителей, обсудил текущие дела с режиссёрской группой, переговорил с директором Объединения, написал письмо министру с просьбой о «кодаке».

Заехал в «Совинфильм» и в Госкино. Директор «Совинфильма» сказал, что в ФРГ заинтересовались «Лермонтовым», но посредник в больнице и выпишется не ранее июля. Максимум, на что мы можем рассчитывать, – «кодак», гримы и немного тканей... В общем, я понял: не надо никого ждать, работать своими силами. В Госкино помощник министра высказал свои опасения по поводу того, что я замахнулся на Лермонтова: «Подставляете себя под град каменьев». Вручил ему моё письмо с просьбой выделить плёнку «кодак», он долго выяснял в отделах и управлениях, где письмо Н.Т. Сизова, рассматривал мои фотопробы. В открытую дверь я увидел, что из своего кабинета вышел Ф.Т. Ермаш. Я с фотографиями устремился к нему, поздоровались.

– Ты что здесь делаешь? – спросил министр.

– Вот зашёл фотопробы показать.

Протягиваю ему четыре фотографии. Он бегло смотрит одну-две и говорит с ядовитой улыбкой:

– Плохой Лермонтов.

– Как?!

– Плохой Лермонтов.

– Вы это в шутку или как?

– Плохой Лермонтов, плохой, – и устремился к выходу, оставив меня в полном замешательстве.

Оставшись дома наедине с собой и Лермонтовым, ещё часа три я не мог справиться с эмоциями... Бог с ним! Фильм-то уже создаётся. Не остановит же он меня? Сниму, а там – всё равно головы не сносить!..

26–30 мая. Моя группа ещё мотается по Кавказу в поисках натуры, а я уже в Бухаресте. Здесь известие о том, что я снимаю «Лермонтова», вызывает явный интерес. Михаила Юрьевича знают и любят.

Вернувшись в Москву, выслушал информацию о том, как всё это время жила моя группа. Закончена поездка по Кавказу. Художник и оператор считают, что натура есть вся, кроме парка Чавчавадзе. Надо думать, где снимать. Сегодня пробовал Людмилу Чурсину, Бориса Плотникова и двухлетнюю девочку на роль маленького Лермонтова. На пятом дубле Чурсина сыграла то, что мне нужно. Плотников – на втором. Девочка сходу, как только поставили её в кадр, стала плакать, что мне и было нужно. Женщина, обслуживающая видеоаппаратуру, сказала, что с нами очень интересно работать. Слышать это приятно.

После обеда заезжал к композитору Борису Петрову, обговаривали музыку к пробам, сокращали музыкальную экспликацию. Дома до ночи готовил тексты для завтрашней пробы. Устаю, как собака. Работаю без обеда. Долго так не протянешь.

6 июня. Фехтование – начали отработку элементов к пробе «Лермонтов – Мартынов. Поединок в юнкерской школе». Против Олега Мартынова мосфильмовские завистники – операторы и техкомиссия, – поднимают волну, желая снять его с фильма. Придираются к его последней картине, обвиняют в непрофесси-

онализме. Сегодня на собрании «Мосфильма» мои художники по костюмам жаловались, что студия не желает помогать «Лермонтову», отказывая в самом необходимом.

10 июня. Два дня фехтовали с Бибо на даче, оттачивали элементы сабельного боя. Сегодня в мой кабинет зашли начальница актёрского отдела и её заместительница ознакомиться с нашими фотопробами – факт небывалый: раньше мы ходили к ним на поклон. Она выслушала моё представление претендентов, посмотрела фотографии. Всё одобрила и пожелала удачи.

Попарились с Бибо в бане. Весы доказали, что я похудел на четыре килограмма с момента запуска «Лермонтова», что при моём «теловычитании» весьма ощутимо. Надо выстоять! Больше юмора! Регулярно есть и не нервничать, по мере сил и возможностей.

11 июня. Как время бежит: стремительно и красиво. Сегодня самые большие кинопробы по количеству актёров, присутствующих в кадре. Пробовались: Император – М. Лиепа, Клейнмихель – А. Масюлис, Нессельроде – И. Дмитриев, Бенкендорф – Лиелдидж и ещё семь актёров из «кружка шестнадцати». Этими силами мы создавали многолюдный бал. Я доволен этими пробами, отношением актёров к группе. Слаженная, лёгкая, праздничная работа. У всех – удовлетворение и прилив энергии к концу рабочего дня. Рад и за своего брата Геннадия. Он всё более увлекается нашей общей работой, всё больше ощущает её необходимой для себя. Пока это для меня самая большая победа. Мой брат начинает жить заново, обретает смысл бытия.

Равнодушия и скуки у артистов нет и следа. Марис Лиепа волновался, как школьник. Боялся не осилить текст. Разбили текст на две части. Перед второй я дал Марису «тайм аут», настроился на планы других актёров, а там и Марис дозрел. Я доволен его пробой – то, чего ожидал от него, получил: есть личность, царская стать, остзейский облик, холод глаз... Постепенно он приближается к портретному сходству с императором. Вечером Марис позвонил мне и рассказал о том, как волновался. Я утешил его, напомнив, что он у нас один и никого больше на роль императора я не пробую. И это правда – Саутов не сможет приехать.

Полночь – пора бы и поспать. Завтра моя проба. Перед сном повторил перед зеркалом схему завтрашнего сабельного боя с Мартыновым. Долго не мог уснуть, прокручивая в голове киноленту проб... Отключился лишь в третьем часу.

12 июня. Утром разбудил Геннадий. В 9.30 я уже в костюмерной с Таней Чапаевой отбирал необходимые, сшитые к августу, к Тарханам, костюмы. Оделся в мундир, сел на грим, который длился два с половиной часа. Т.В. Ковригина сшила мне парик. Пришлось сбрить свои усы и приклеить сшитые. Прежде всего отснял свои крупные планы к «Балу», потом начали разводить фехтовальный поединок. К концу отсняли всё, что было намечено, и ещё три кадра.

Зашёл в кабинет С.Ф. Бондарчука. Он, внимательно глядя на меня, спросил:

– Что ты так похудел?

– Устал... Снимал сабельный бой на пробу.

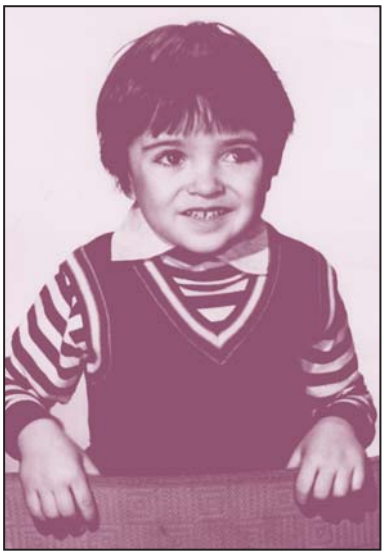
– Что же будет дальше?

– И не представляю...

– Вот смотри на меня, – сказал Сергей Фёдорович, – полное спокойствие в смертельном бою.

Впервые посетил монтажную комнату, смонтировал кинопробу Гали Беляевой. Обсудил с помощниками завтрашний день и отправился на дачу.

13 июня. Отдохнув за городом, вернулся на студию. Не доходя до павильона, был остановлен помощниками и препровождён в просмотровый зал, где мне показали ролик, снятый нашим комбинатором Б.Т. Травкиным. В зале находился Гоша Рерберг, которому я предлагал быть оператором «Лермонтова» и он отказался, не приняв сценария. Глядя же теперь на экран, где среди замысловатых пейзажей, в небесном движении возникали портреты Лермонтова, перетекающие в мои фотопробы, Гоша не выдержал и несколько раз изрёк слова одобрения. Не скрою, что и я был до-



волен этими первыми фантазиями нашего комбинатора: недаром о нём слава как о лучшем на студии.

В телеателье все исполнители ждали уже в гриме и костюмах. Неожиданно порадовал Лёва Дуров: пробуясь на Нессельроде, он – настоящий профессионал – сходу создал образ горбуна Карла. Привели трёх двухлетних Лермонтовых. Один из них, Вова Файбышев, найденный Геннадием, кажется, и есть наш «маленький Миша». Под занавес видеоинженер Наташа снова призналась в любви нашей группе:

– Более интересных проб я не видела. По ним уже просматривается будущий фильм. Вы знаете, чего хотите. Нужно смонтировать по «Лермонтову» эталонный телефильм и показывать его режиссёрам как образец кинопроб.

Завтра последние пробы, подходим к финишу с лёгкостью и спокойствием. Мои товарищи – декораторы, костюмеры, гримёры – справились с проблемами мастерски, играючи, талантливо. Я благодарен каждому из них.

14 июня. Удивительный день! Сегодня завершены кинопробы. С 10-ти до 11-ти снимали трёх маленьких кандидатов на роль двухлетнего Миши, лермонтовскую факсимильную подпись под титры, бюст Лермонтова. С 12-ти в тон-студии озвучивали сцену Гали Беляевой и мои закадровые тексты. Галя записала много дублей, не удовлетворившись ни одним. Пришлось останавливать её волевым решением – иначе бы она писала бесконечно. Я прочитал 11 стихотворных и прозаических кусков. Получалось с первого дубля, лишь «Пророка» писал дважды.

И весь день ощущение удовольствия, граничащего с радостью и счастьем: и когда сидел подле монтажницы, монтируя Галину сцену и кадры, скомбинированные Травкиным; и когда отбирал фотопробы для альбома; и когда в 16 часов прилёг на софу в своём кабинете; и когда монтировал первые кадры кинопроб.

В гримёрной, где Наталью и Ивана готовили к нашей последней пробе, Татьяна Васильевна и Лена красиво и быстро управлялись с актёрами; Таня Чапаева, словно читая мои мысли, одела Ивана именно в коричневые тона; Светлана Петрова уже планировала дальнейшее. И, наконец, мой сын – Иван... Он поразил не только меня, но и всех присутствовавших. Я объяснил ему задачу и последовательность действий в кадре. Он, пройдясь разок для камеры, сделал один-единственный дубль – второго не потребовалось. Как и договаривались, он вышел из глубины комнаты, глядя на фортепиано, прошептал: «Мама», сел за инструмент... Мы включили фонограмму фортепианного переложения Баха. Он снова прошептал: «Мама» – и вдруг, наполняясь ощущением музыки, жизни Лермонтова, рано потерявшего мать, – начал плакать. Он плакал, проживая сердцем прошлое, настоящее и будущее маленького Лермонтова: плакал не стыдясь – красиво, возвышенно, мужественно. Я не мог сказать «стоп», поражаясь тому, что делает мой сын. Дубль длился и длился, пока, наконец, мне не стало жалко моего маленького Артиста. Да, сегодня к Ивану можно было применить это слово с большой буквы.

Итак, пробы завершились – красиво, на высокой ноте. Я поблагодарил всех за творческий подход к проведённым кинопробам и пожелал также продуктивно двигаться вперед!

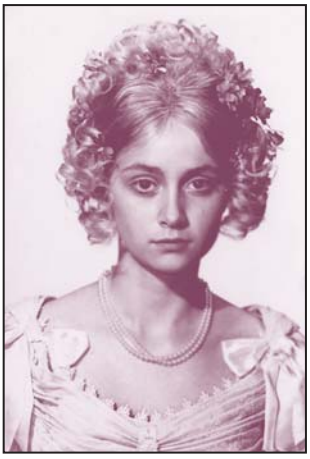
Уже дома Иван признался, что у него уже который час болит бок... Полечил его, посидели с ним на ночь.

Не знаю, был ли у меня в жизни более счастливый день. А когда-то, завершая постановку своего «Ваньки-Каина», думал, что счастье той постановки не превысить никогда. «Лермонтов» же поднимает всех нас ещё выше. «...Я тихо шепчу: Благодарствуй. Ты больше, чем просят, даёшь!»

15 июня. Ново-Дарьино! Слава богу, что есть это место, где можно укрыться на несколько дней. Восстановить свои силы, подпитать душу красотой и щедростью природы. Днём даже уда-

лось поспать. Закончил подробную монтажную разработку – своеобразный маленький сценарий кинопроб, расписанный на 50 монтажных стыков. Ощущение светлой радости не покидает меня. Хотя А.Т. Демидова и жалуется на то, что каждый день терпит издевательства планового отдела и прочих начальников, не желающих признавать нашего «Лермонтова», урезывающих всё, что только возможно... Я попросил её потерпеть до сдачи кинопроб, ободрил как мог. Она сказала: «Что ж, остаётся только верить...»

17 июня. С 9-ти до 17-ти с азартом монтировал пробы. Собрал целый телефильм на 40 минут. Созвал на просмотр всю группу. Все явно были удовлетворены нашей работой, возбуждённо, на-



перебой высказывались по кандидатам и по возможному улучшению их облика в фильме. Даже солидная наша Т.В. Ковригина вскакивала с места, показывая на экране, как Марис Лиепа без высоких каблуков осел и потерял осанку. Мнения по кандидатам разделились лишь на двух персонажах: на «бабушках» – Чурсиной и Максаковой – и на «Вареньках» – Беляевой и Кабо. Я выслушал все мнения, переварю и завтра на худсовете выскажу своё. Утро вечера мудренее.

18 июня. Новый, важный в жизни «Лермонтова», день. Утром сдавали наши кинопробы худсовету Объединения. Зал для видеопросмотров был переполнен. В основном все хвалили, сомнение

вызвали лишь «бабушки», Галя Беляева, «Нессельроде» Лиепы. Впрочем, все было оставлено на моё усмотрение. Отметили детей, Наталью, отца и меня, немного покритиковав за сцену фехтования и за чтение стихов. Член худсовета Катинов, толкнув локтём директрису Объединения Л.Н. Канарейкину, сказал:

– А фильм-то будет интересный. Здесь уже виден и дух, и стиль... Недаром Бурляев несколько лет боролся за «Лермонтова»...

В итоге одобрили работу группы, завершившей пробы раньше срока, ещё в период «режиссёрского сценария». Позвонив генеральному директору студии, я сообщил ему об успешном приёме проб худсоветом и сказал, что мы готовы показать их руководству. В 17 часов этот же зал был заполнен вновь. Пришли и директор студии, и его замы, и главный редактор со своими замами, и Хлопьева, и Свиридов, и секретарь парткома, и директор нашего Объединения с помощниками... Смотрели замерев, не шелохнувшись. Потом Л.Н. Канарейкина и Н.Н. Глаголева сказали об итогах утреннего просмотра. Снова поспорили о Лиепе, отклонив Дурова, посомневавшись, но уже меньше, в Гале Беляевой. И, наконец, сначала А.А. Мамилов и его зам, а потом и гендиректор В.И. Десятерик выступили против участия в фильме Джуны. Как я убеждал их, что писал роль именно для неё, что её участие оправдано исторически: и Кирхгоф и Джуна, с интервалом в 140 лет, – модные столичные гадалки! В речах Глаголевой, моего «друга» Мамилова и в словах Десятерика я улавливал отголосок ермашовского недовольства «плохим Лермонтовым».

Мамилов: «Ты себя мало попробовал... Я понимаю, себя трудно пробовать...»

Глаголева: «В первой сцене с фехтованием Бурляев меня насторожил, а в последней сцене «Бала» порадовал – прямо отлегло...»

Десятерик: «Мне понравился маленький Лермонтов, уж извините», – улыбнулся он мне, мол, «большому ещё нужно работать».

В заключение я попросил помочь нам с пробиванием «постановочной сложности», с «кодаком», с прикреплением камеры с видеозаписью. Обещали помочь. Пожав мне руку на прощанье, Десятерик сказал: «А вы – крепкий...» Итак, победа: утверждены

пробы исполнителей главных ролей. А единодушие в оценке – двойная победа. Надеюсь, теперь нам есть, что ответить Ермашу.

Ночь на 21 июня. Весь день мотались по Москве с Виктором Юшиным и Олегом Мартыновым, выбирая московские интерьеры. Приглянулась церковь на Арбате, залы в герценовском и аксаковском музеях. Сделал фотопробу И.В. Макаровой. Вчера показал группе «Военно-полевой роман»; посмотрели «Толстого». Сегодня посетил С.А. Герасимова, поблагодарил его за картину, сказав, что съёмки такого фильма – это поступок, важный для русской культуры. Для меня лично это второй фильм после «Ганди», повествующий о судьбе пророка. Картина очеловечивает Л.Н. Толстого, некоторые фрагменты фильма вызывают слёзы.

– Да, там есть такие места, – ответил Сергей Апполинариевич, – этот фильм оценят потом. Спасибо тебе. Я верю в твою искренность, мне дорого твое мнение. А как твой «Лермонтов»?

Я сказал, что закончил пробы на два месяца раньше.

– Не торопись... Не стоит торопиться.

21 июня. Бесконечно длинный день. Утром собрание группы в комнате у А.Т. Демидовой – приятно, легко, доброжелательно. Потом с Виктором и Олегом выехали на выбор натуры на новой комфортабельной «Волге». Посетили бывшее имение Столыпиных в Середникове, куда я давно собирался попасть. Усадьба, пруды, парк – немые свидетели любви Лермонтова и Вареньки Лопухиной. Выбрали точки съёмок и, весьма довольные, решили заехать в Архангельское, где утвердили объект «Двор юнкерской школы», баскеты для проскока Екатерины Чавчавадзе к сцене грузинского застолья. Здесь я немного рассердился на Юшина. Не люблю, когда противоречат моему решению. Впрочем, кто же это любит?

Возвратившись на студию, застал в своём кабинете брата Бориса в гриме Пушкина: похож удивительно. На столе – про-

бы И.В. Макаровой. Её понимание образа бабушки Лермонтова близко к истине, но впереди ещё кинопробы.

22 июня. Ново-Дарьино. Подвёл итоги: нам ещё предстоит отыскать 135 исполнителей ролей и эпизодов, после того как почин 40 основных уже найден и утверждён.

27 июня. Отстаивал перед худсоветом И.В. Макарову и Кэтино Кобулию – на роль Екатерины Чавчавадзе. Мотаюсь по руководству, выбивая подписи и поддержку «Лермонтову» как картине «повышенной сложности». Переговорил с Мухтарбеком Кантемировым, официально предложил ему подготовку конных трюков и сцен боя.

28 июня. Утром, побеседовав в Госкино с Арменом Медведевым, ринулся к Н.Т. Сизову, оттуда к начальнику главка Ивановой. Всем показал фотопробы, всюду положительная реакция. Все обещали обсудить с Ермашом вопрос о «постановочной сложности». Сизов сообщил, что к «Лермонтову» проявляет интерес западногерманское телевидение и вопрос о плёнке «кодак» может быть решён положительно. Больше часа сидел в кабинете у Ивановой, говорили обо всём. Она жаловалась, что никто не заботится об улучшении киноотрасли. Пеняла на своё начальство, равнодушное к работе.

29 июня. На открытии Московского международного кинофестиваля сидел среди актёров на сцене. Разобщённость, взаимная настороженность, низкая духовность – странный выбор людей в президиум. Праздничности – никакой.

Никак не могу решить, кого же утвердить на роль бабушки.

1 июля. Сегодня приехал из Пензы замечательный художник-акварелист Валентин Массов. Попробовал его на «Странника» – понравилось. Обсуждая сценарий, выяснил, что Валентин представлял себе развитие сюжета приблизительно в том же русле, стиле и духе, в котором я написал сценарий.

2 июля. Валентин Массов пробыл в моём кабинете минут 40, наблюдая, как меня атакуют люди: просители, каскадеры, постановщики конных и фехтовальных сцен. Когда вышли на улицу, я сказал:

– Какое счастье снимать картину о Лермонтове!

– Ты – сильный, – удивлённо и радостно ответил Валентин.

Сегодня весьма кстати выплатили последнюю часть авторского гонорара за сценарий, а то я уже снял с книжки всё до рубля.

Утром прикинули план действий в Тарханах, наметили очередность съёмок. Даже представлять в уме предстоящую работу – наслаждение. Завтра встреча с военным консультантом. Надо подготовить вопросы к нему, восстановить в уме все военные эпизоды. Во-первых: «лагерь в долине», его расположение, действия на привале... Во-вторых: «юнкерская школа», двор, коновязь, товарищеский поединок, возможные действия юнкеров и денщиков. В-третьих: «второй лагерь в долине», жизнь на привале. И, наконец, «сражение на реке Валерик».

3 июля. Отправился на выбор натуры в Кусково. Приглядел аллеи для проскоков Екатерины Чавчавадзе.

В Доме кино посмотрели ещё два фестивальных фильма (США – Коппола – и итальянский). Итого уже шесть. Полная духовная помойка взбесившегося, проституированного киномира.

5 июля. До обеда обсуждали с постановочной частью группы тарханские съёмки: покадрово, с точностью до дня. Смотрел ролик, снятый изобретённой Ральфом Келли системой «вертикаль», созданной как бы специально для «Лермонтова». Волнуют календарные сроки, неотвратимо надвигающиеся на нас: через месяц я должен выдать первые метры киноплёнки.

8 июля. Пошла чёрная полоса: с Натальей неясность – быть или не быть? Отец упал, уложили в постель, мать разрывается: то у нас, то у отца. Нужно уезжать на Кавказ и в это же время класть Наталью в больницу... Но уже набрана такая инерция движения, что она вращает свои шестерёнки, невзирая на мои чёрнополос-

ные переживания. В типографии закончили вёрстку режиссёрского сценария «Лермонтов». Сам откорректировал.

Кантемиров и Кумалагов выезжали в Архангельское проверить возможность работы на местах с лошадью и саблями.

9 июля. Сегодня произошло событие, которого я ждал почти пять лет. В моих руках – первая книжка режиссёрского сценария «Лермонтов»: изящная, сделанная с любовью, – бальзам на мою душу!

Утром прошлись с Травкиным, Олегом и Виктором по комбинированным кадрам. Кумалагов принёс выкладки фехтовальных сцен, тщательно разработанные и даже с картинками. Привезли на студию Наталью и Ивана, примерили костюмы, покрасили волосы. Из Госкино пришло письмо, разрешающее выдать «Лермонтову» 3 тысячи метров «кодака».

10 июля. Рано утром вылетели с Олегом, Виктором, Кантемировым и замдиректора Володей в Минводы. И уже в 12.00 шли по Пятигорску: мимо заповедника Лермонтова к фуникулеру. Осмотрели склон Машука для съёмок сцены дуэли, прошлись до Эоловой Арфы, наметили, где будем строить декорацию «источника». Забежали в музей.

В гостинице нас поджидал Володя с известием, что первый секретарь горкома назначил нам встречу на 16 часов. Ровно в назначенное время секретарша пригласила меня одного в его кабинет. Зашёл и сразу сказал, что я здесь не один – со своей группой. А.П. Распопов, пригласив всех, обещал поддержку, пожелал нам удачи. На горкомовском микроавтобусе сначала заехали на ипподром, затем утвердили «последнюю дорогу Лермонтова», «развилку дорог на Пятигорск», «дорогу к месту дуэли».

На ночь вселился в номерок с умывальником и окнами на Машук. Долго не мог уснуть, репетируя в уме обращение к группе в день моего рождения 3 августа – в первый съёмочный день фильма в Тарханах.

11 июля. Долгий, утомительный день: в 7 утра двинулись в сторону легендарного Бермамыта, до которого никак не можем добраться. Бесконечно колесили и мерили ногами горы и долины в

поисках места для «сражения» и «лагеря в долине». Поднимаясь в гору к облакам, задыхаясь от быстрого подъёма, я мысленно повторял лермонтовские слова: «Люблю я Кавказ. Ночую в чистом поле, взбираюсь к небесам. Для меня горный воздух – бальзам. Грудь высоко дышит...» Удивительно остро всплывали в сознании эти слова, обретая реальность. Солнце палило, дул ветерок. Мы с Олегом и Виктором, все непьющие и некурящие, дружно и резво всходили по кремнистому пути. Потом вышли в Долину Нарзанов. Тут-то я и нашёл то, что искал, то, что запечатлел в сценарии, – место «сражения на реке Валерик». Не стану описывать красоту и киногеничность пейзажа. Кантемиров тоже признал это место идеальным.

И как будто для нас специально созданная, в четырёхстах метрах от «поля сражения» – роскошная турбаза, которую с радостью согласилась предоставить нам директор – очаровательная Алла Хабасовна. С порога она обратилась ко мне: «Вы – Лермонтов!» Она принялась опекать нас, накормила роскошным бесплатным обедом. Нас проводили к нарзанному источнику. Господи, неужели нам предстоит жить тут в октябре?! Счастья приходит больше, чем я могу вместить в свою восторженную душу. Завернули в корчму к добрейшей горянке Фатиме, ожидавшей нас с обедом, но, по причине сытости, удовлетворились лишь фруктами, за которые она отказалась взять с нас деньги. Глядя на меня добро и открыто, она произнесла:

– Вы – такой большой талант... и такой – простой.

Не скрою, приятно было, что это слышат мои товарищи: полезно для укрепления авторитета в группе, хотя, очевидно, что он уже и так немалый.

Добрались до Пятигорска, выбрали лермонтовский грот под проходы Неизвестного с Мартыновым и Трубецким. Попили чайку с Кантемировым. Позвонил П.Е. Селегею – договорились встретиться в заповеднике. Два часа сидели с ним на лавочке перед домиком Лермонтова. Я показывал фотопробы, рассказывал о ходе работы. Мы беседовали о сценарии, и я чувствовал, что хозяева лермонтовского заповедника всё больше начинают понимать меня и мой фильм не только умом, но и сердцем. Предложил П.Е. Селегею стать консультантом нашего фильма. Подарил ему сценарий. В ответ получил миниатюрный сборничек стихов

Лермонтова, составленный Селегеем. Созвонился с нальчикским авиаотрядом, договорился по поводу выделения нам вертолёта для облёта ущелий. Добрался до постели к полуночи, в новый номер с ванной и холодильником. Сколько же мы успели за день!

12 июля. В 8 утра – на ковровую фабрику выбирать ковры для съёмок. Подъехали в местный «Интурист», заказали авиабилеты на завтра в Москву и тронулись в Нальчик. В Нальчике зашли с письмами к министру сельского хозяйства, к первому секретарю горкома Н.А. Шинтарёву, который радушно принял, обещал помощь. В Совете по туризму меня буквально атаковали женщины, стали расспрашивать о фильме, называли «любимым артистом». Председатель Совета тоже обещал помочь с размещением группы на турбазе в Долине Нарзанов. У начальника нальчикского авиаотряда Михайлова то же – радушие, понимание. Полёт на вертолёте МИ-4 стоит 250 рублей в час, а на МИ-8 – 500, но нам завтра дадут вертолёт на весь день даром: «Помочь – наш патриотический долг».

Помчались в сторону совхоза «Москва» через «Белую речку», которую я приметил в прошлый приезд. Кантемирову понравилось это место техническим удобством: близко от города, от дороги и т.д., – но я не желал расставаться с Долиной Нарзанов и, приняв окончательное решение снимать там, убедил в этом Кантемирова. Наш «рафик», прозванный Юшиным «Голубой гром» (в «автопробегах по бездорожью и разгильдяйству» мы зацепили дном камень и оторвали глушитель), с самолётным тарахтением мчался по дорогам, однако в экипаже нашем царила полная гармония: дух взаимоуважения, юмора и творчества. В этот раз в экипаже – одни мужчины. Очень украшает нашу группу красивый осетин Мухтарбек Кантемиров, его хорошо знают и любят в этих краях.

14 июля. Приехали к директору конезавода № 34. Увидя Кантемирова, он просиял. В 9 часов в небе над конезаводом загрохотал вертолёт.

– Это за нами.

Мы простились с коневодами, оставив им Мухтарбека, сели в МИ-4 и взяли курс на Бермамыт. Покружили и над Долиной Нарзанов, над выбранным «полем боя». Я попросил пролететь над долиной ещё дальше – обследовать, нет ли здесь места пошире – под «лагерь в горах», но на протяжении десятка километров – лишь узкое ущелье с петлящей между гор рекой.

В 11 часов вернулись в Нальчик. Заправили вертолёт, сами заправились в кафе и снова – в полёт. На моём сиденьи стоит 500-литровая цистерна с горючим: полёт будет длительным. Я попросил толкнуть меня у цели и завалился спать на скомканном ватном одеяле в хвосте вертолёта... Юшин разбудил меня, когда мы подлетели к Военно-Грузинской дороге. Влез на КП к пилотам, надел наушники и горловой мегафон-ошейник. Подо мной – знакомые очертания: ущелья стали более демоническими, скалы – грозными и высокими. Пилот Алексей указал мне на вершину справа, где гордо парил храм Казбеги. Я попросил сделать над храмом два круга, облетев его слева и справа. Кадр был найден: здесь будет стоять Лермонтов над ущельем, отсюда мы воспарим над пропастью... И Юшин, и Олег согласны. Взяли курс на Грозный. В 14.00 сели на берег реки Валерик.

Сбылась мечта Юшина, да и я посетил последнее из намеченных мною важнейших лермонтовских мест. Опустил руки в мутный поток, омыл лицо, постоял в благостном молчании. ВАЛЕРИК! Юшин окликнул мальчика на лошади, подъехавшего к противоположному берегу посмотреть на

«небесных» гостей, который сказал, что это – не Валерик. Валериком оказался всего лишь ручеёк в пятистах метрах отсюда, струившийся между кустами. В 14.20 взяли курс на Пятигорск. Налюбовавшись до одури калейдоскопом девственных горных лесов, я опять завалился на одеяло. В 16.00 сели в Пятигорске. Поблагодарив пилотов, обалдевшие, оглушенные шестичасовым грохотом, но страшно довольные, мы побрели к выходу. Повторюсь: 6 часов полета на МИ-4 стоит 1600 рублей, и за весь полёт лётчики спалили 2250 литров горючего. Вот такой подарок сделал Нальчикский авиаотряд «Лермонтову». Едва успели выйти на шоссе у аэропорта, как подъехал наш «рафик». Вечером вылетели в Москву, удовлетворённые проделанной работой. Ритм нашей жизни все эти дни был напряжённым, трудовым: ни часа безделья. Зато и успели много. Выбрали главные места и на земле, и с воздуха.

15 июля. Из хаоса производственных будней отрадно отделять светлые мгновения: толстый, с закладками, мой режиссёрский сценарий наконец у меня в руках, а вместе с ним – сто экземпляров тонких книжек. Кассета с видеозаписью проб – тоже у меня. Сотрудники откликаются на мою улыбку и расцветают душевно. И, наконец, посещение издательства «Молодая гвардия», чтение вёрстки моих стихотворений с отличным предисловием поэта Геннадия Красникова. Вечером в компании обоих Кантемировых отменно попарились в бане. Завтра снова начну выездку в цирке.

16 июля. Утром два часа джигитуя по кругу на арене Нового цирка, наслаждался галопом, бросив стремена и раскинув крестом руки. Ирбек Кантемиров после вчерашнего общения уделял мне внимания ещё больше: обучал самому важному для меня – запрыгиванию в седло на ходу. Он оттачивал мою посадку, возился с самодельным приспособлением для подскока, а после выездки, в своей гримёрной, продолжил теоретическое обучение. Я подарил ему экземпляр режиссёрского сценария с надписью: «Глубокоуважаемому учителю...»

Все сотрудники мосфильмовской типографии, откликнувшись на мою идею, с радостью принялись за изготовление для нас двухсот «Почетных грамот киногруппы “Лермонтов”».

17 июля. Утром два часа выездки в цирке. Снова Ирбек Алибекович гонял меня одного по арене быстрым аллюром на вольтижировочном седле без стремян, заставляя то разбрасывать руки крестом, то размахивать ими, то нестись стоя в стременах. Кричал: «Держись коленями!.. Прижми колени к седлу..!» И я, превозмогая боль, пытался выполнять его команды. Переодеваясь, увидел, что колени, икры и тыльная сторона ляжек – всё, что бьётся и трётся о лошадь, – имеет вид фрукта с гнильцой, а проще говоря, я набил за два дня приличные синяки. Запрыгивая в седло на ходу, разукрасил руки и грудь ушибами и ссадинами. Тяжело в учении...

18 июля. Снова с 9 утра – цирк. Директор цирка в конце репетиции запретил наши дальнейшие занятия. И тогда Ирбек вместе со мной и письмом от «Мосфильма» отправился к генеральному директору Союзгосцирка. Попали к его заму, которого я знаю вот уже 25 лет. Он, несмотря на то что уже успел стать бюрократом, всё же не смог не удовлетворить нашу просьбу, возложив полную ответственность за меня на Ирбека.

Вечером почти вся группа «Лермонтов» была приглашена Таней Чапаевой домой на день её рождения. Первый праздник, проведённый вместе! Я сердечно благодарен Татьяне за то, что она пригласила всех – невиданный поступок для студии. Но ведь и группа «Лермонтов» – необычная для «Мосфильма». Говорят, о нас уже ходят по студии добрые слухи.

20 июля. Три часа без передышки занимался на арене цирка, выезжая наравне со всеми. Этого мало: ветеран-кантемировец Теймураз, особо опекающий меня, когда занят Ирбек, обучал впрыгиванию в седло на рыси и на галопе, учил спрыгивать на ходу. Удивительно, но я сразу усвоил урок и с наслаждением бежал рядом с кабардинцем, хватался правой рукой за луку седла, потом – левой, толкался обеими ногами и влетал в седло. И был счастлив: сегодня мне стало ясно, что на съёмке я исполню задуманный мною трюк.

Потом «Мосфильм» – совещание с группой. Все нарядные, красивые, воодушевлённые. Поездка на примерку в пошивоч-

ный цех останкинского телецентра – и снова радость: отлично скроенный лермонтовский костюм. Я беседую с закройщиками и портными, рассказываю им о Лермонтове, о нашем фильме, и люди платят за это ответной любовью. Возвратившись на «Мосфильм», пили чай в моём кабинете. Сюда так и тянет сотрудников группы. Пробный ролик с новым гримом мне не понравился. Нужно ещё пробовать, искать.

Хоть и есть от чего расстраиваться, всё равно на сердце радость. Чувствую, как сердца близких мне людей постепенно раскрываются. Это видно по их отношению к делу. Они истосковались и изуверились в возможности подобного сотворчества и вдруг – сказка становится былью.

21 июля. Ново-Дарьино. Олег и Виктор приехали ко мне с ночёвкой, чтобы за два дня сделать постановочный проект. Работали легко, дружно, находя новые краски для фильма. Не забывали о юморе. Мы уже хорошо притёрлись друг к другу. Мама подкармливала и подпаивала нас целый день.

За два дня разработали 426 кадров, 31 объект. Виктор нарисовал около 400 картинок-раскадровок. Душа моя ликовала, видя покадровое воплощение «Лермонтова» в наглядных рисунках.

Был лишь один неприятный момент в нашей работе: Юшин пытался остудить моё желание сделать «Страннику» заплечную котомку, которая на общем плане будет восприниматься как крылья. Он засомневался, не вырежут ли в итоге этот кадр. Я ответил, что для меня главное – сделать картину, под которой я подпишусь.

– А если закроют? – Виктор знал, что давит на больной мозоль.

– Значит – закроют, – ответил я.

– А как же мы? – иезуитски наступал Виктор.

– Думаю, что вы будете радоваться вместе со мной тому, что мы честно закончили наш труд.

Виктор попытался подцепить меня ещё поглубже:

– А как же два года нашей жизни?

Мол, мне и на это наплевать?.. В общем, настроение он мне испортил. Зачем так придираться и выставлять меня самодуром,

которому наплевать на всех? Я конечно же сделаю всё, чтобы «Лермонтова» увидели люди. А если, не дай бог, остановят, не допустят фильм к зрителям, то он, Юшин, потеряет всего год, а я – шесть лет жизни и свою заветную мечту. Огорчил меня Виктор. Олег мудро промолчал...

На кровное братство в сложнейшем коллективно-индивидуальном труде будут способны немногие члены моей группы. Но отвечать-то за всё придётся мне одному. Кто встанет со мной рядом на эшафоте? Мой брат Геннадий?.. Сергей Смирнов?.. Кто сердцем разделит со мною моё решение, считая его единственно верным? Впрочем, я готов один платить за всё по счёту. «Лермонтов» должен выжить и обрести много друзей. Если нет, я ни на кого не буду в обиде. Стану утешать себя мыслью о том, что я, пусть не долгое время, был абсолютно счастлив: я воплощал свою мечту.

Проводив товарищей в Москву, я долго бродил по сумеречным душистым окрестностям и размышлял о фильме, понимая, как мало я остаюсь наедине с собой. Понимал, что, чем дальше, тем этой роскоши будет ещё меньше. Надо бы каждый день, перед сном, прогуливаться в одиночестве.

25 июля. Суматошный мосфильмовский день. Группа работает не приседая, горячо и воодушевлённо. Созвонился с В. Титовым, снимающим в Ленинграде «Клима Самгина». В главной роли у него Андрей Руденский, утверждённый и мною на роль Монго Столыпина. В разговоре Титов повёл себя некрасиво. Сказал, что не желает, чтобы его артист снимался ещё где бы то ни было, что ему безразличны Пушкины, Гоголи, Лермонтовы и все советские кинематографисты. Упомянул Андрея Тарковского, запрещавшего Толе Солоницыну сниматься у других режиссёров. Я сказал, что буду действовать, и он бросил трубку.

Говорил с Сергеем Юрским, предложил ему роль Нессельроде. Он сказал, что согласен, не читая. Однако я отправил ему сценарий и пригласил послезавтра на пробы.

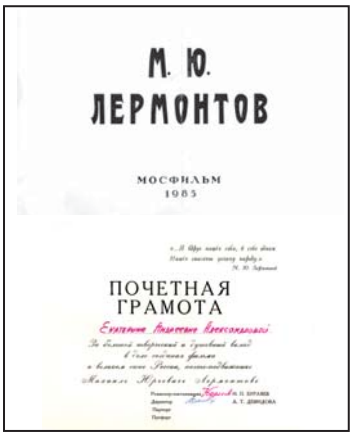
Вчера вечером побывал в цирке на представлении. Испытал чувство гордости от своей сопричастности к Кантемирову. Его конная труппа – безусловный «гвоздь» программы.

С. Юрский отказался от роли Нессельроде, что я, честно говоря, и предполагал. Полдня работал в своём кабинете: утверждал актёров на эпизоды, знакомился с новыми кандидатами. Корректировал работу художников, комбинаторов, ассистентов, администрации, военных консультантов.

Днём позвонил П.Е. Селегей: партийное руководство считает, что в сценарии мало места уделено Пятигорску. Завтра придётся созваниваться с этим «руководством». В 12.00 – на грим. Потом, набросив мундир, постоял и походил перед камерой для пробы плёнки и грима. В 15.00 – защита постановочного проекта, который принят лишь наполовину за неимением всех административных бумаг. Забрал машину, проведя в автосервисе четыре часа и выбросив кучу денег. Усталый домчался до дачи.

26 июля. Деньки – один бойчее другого. Созвонился с первым секретарём пятигорского горкома партии А.П. Роспоповым. Он произнёс добрые слова в адрес сценария, но высказал сожаление, что «мало Кавказа». Я сказал, что в рамки одной серии нельзя вместить всё. Он возразил, что фильм о Лермонтове делается один раз и навсегда и что нужно уделить больше внимания творчеству Лермонтова. Сказал, что позвонит в ЦК Камшалову, Шауро или Афанасьеву и перезвонит мне. Не прошло и пятнадцати минут – перезвонил. Сообщил, что переговорил с Камшаловым, и тот обещал поддержку.

И покатились волны. Когда я посетил Н.Т. Сизова, тот спросил, что у меня произошло с Пятигорским горкомом. А на студии меня уже поджидал вызов к Досталю и Десятерику. Не знаю, добром или чем-то иным обернётся этот шум для фильма. Прочие дела дня проистекали стремительной чередой. Работал с комбинаторами и группой. К Н.Т. Сизову приехали вместе с Демидовой. Просили прибавить денег на фильм, добавить «кодак» и помочь вытребовать Руденского у «Ленфильма». Денег Сизов не обещал: «Вам и так дали 720 тысяч, тогда как обычный фильм стоит 400 – укладывайтесь...» Но после наших рассказов о положении дел рекомендовал пойти к начальнику главка Ивановой. «Кодак» рекомендовал искать у господина Шамье в ФРГ, обещал переговорить с «Совинфильмом». И насчёт «спорного актёра» обещал побесе-



довать с «Ленфильмом». У Ивановой, как обычно, сидели долго. Денег у Госкино нет. С них снимают 9 миллионов в связи с нехваткой денежных ресурсов после введения «сухого закона». Предложила отказаться от видеоустановки – я согласился. «Кодак», если появится, обещала прибавить. Досталь подписал нам все оставшиеся бумаги. Типография выдала напечатанные грамоты группы «Лермонтов». Мне вручили билет на поезд в Тарханы и суточные. Слава богу, еду снимать. Подальше от доброжелателей оно спокойнее.

Ново-Дарьино. Долго не мог уснуть, прокручивая в уме всё, что необходимо успеть сделать до отъезда. Посетил дачу великого «соседа» – Георгия Васильевича Свиридова, композитора-классика, с просьбой прослушать сочинения Ивана. Свиридов говорил о Лермонтове – человеке в русле негативного лермонтоведения, прикрепляя к нему бранные эпитеты, хотя творчество Лермонтова Свиридов высоко ценит и пишет романсы на его стихи. Пришлось и с классиком поспорить, отстаивая нежную, любящую сущность поэта. Георгий Васильевич много говорил о необходимости начинать обучение музыке с русских композиторов, а не с Баха, не с немецкого духа. Говорил о засилии на российском музыкальном Парнасе «кочевнического» духа и о внедрении оного с начала века и до наших дней, когда тенденция эта стала ещё агрессивнее. Просматривая альбом с фото-пробами «Лермонтова», он с радостью воскликнул: «Надо же, ещё встречаются русские лица!..»

Для жизни человека важно не только сохранение природной биологической среди, но и среды, созданной культурой его предков и им самим. Если природа необходима человеку для биологи-

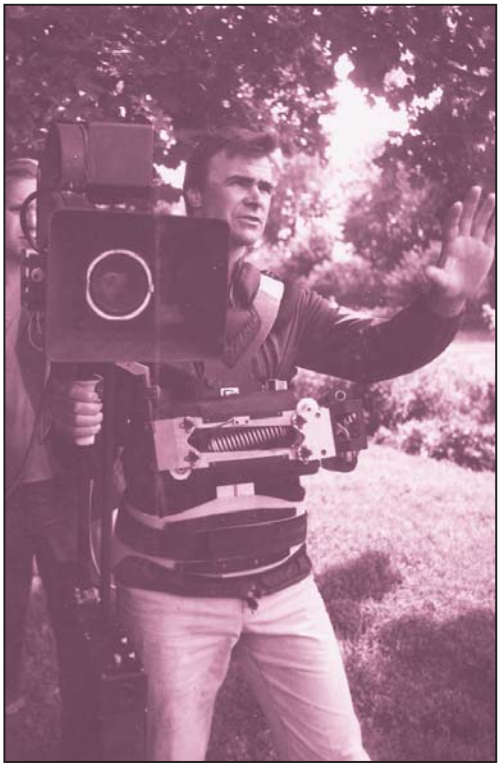
ческой жизни, то культурная среда столь же необходима для нравственной жизни, «духовной осёдлости», привязанности к родным местам, для нравственной самодисциплины и социальности... Если человек равнодушен к памятникам истории своей страны, он, как правило, равнодушен и к своей стране... Убить человека биологически может несоблюдение законов биологической экологии, убить человека нравственно может несоблюдение законов экологии культуры. Человек – существо нравственно осёдлое... Только безнравственный человек не обладает этой осёдлостью и способен убивать её в других.

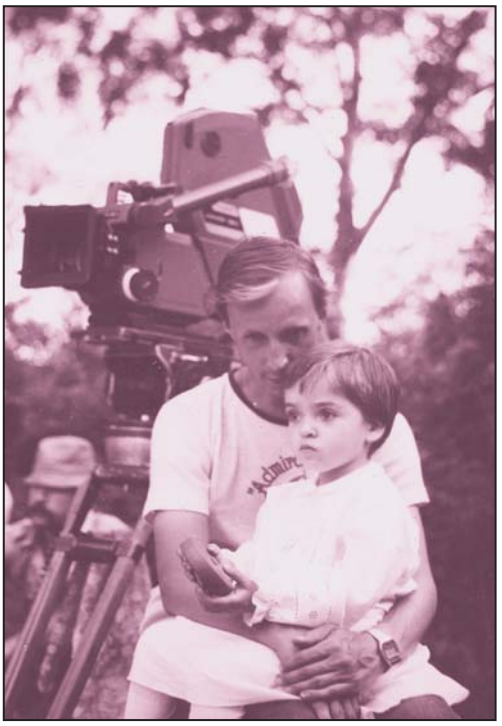
29 июля. Делаю последнюю запись в этой первой лермонтовской тетради. Заканчиваю вместе с тетрадью первый этап создания фильма: от запуска до начала съёмок. Сегодня с Олегом Мартыновым выезжаем в Пензу и в Тарханы. Последний день в Москве был, пожалуй, самый суматошный за всё время работы. Сообщили, что меня вызывает генеральный директор.

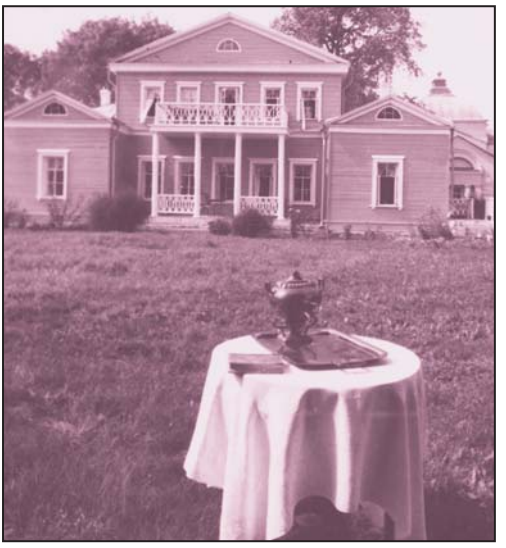
В.И. Десятерик принял меня вне очереди. Я рассказал ему по порядку о своих отношениях с Пятигорским горкомом КПСС. Он сообщил, что до Москвы эхо докатилось в искажённом виде: мол, Пятигорску и Ставрополю не нравится сценарий, зачем делать такого «Лермонтова» и т.д. Он рекомендовал мне ещё раз позвонить Роспопову и уладить возникшую проблему. Позвонил, секретарша сказала, что сейчас идёт бюро горкома. Я попросил соединить с А.П., когда заседание закончится. Минут через двадцать соединили. Я сообщил Роспопову, что его «забота о фильме» обернулась не в пользу «Лермонтова». Пообещал непременно учесть все его пожелания: мол, не сомневайтесь – фильм «Лермонтов» вам понравится.

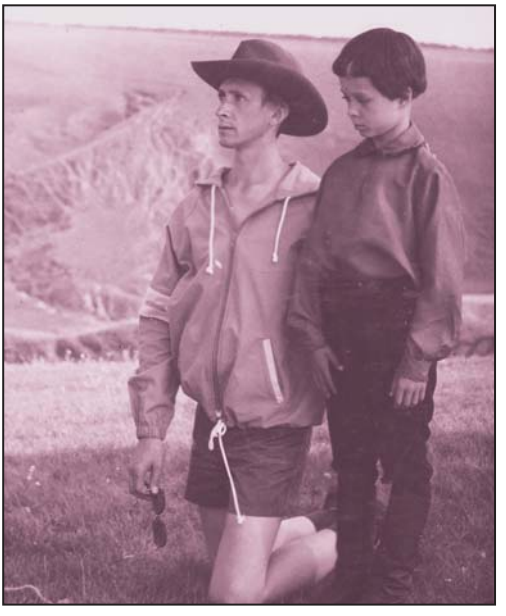
Десятерик рассказал, что читал мой сценарий с женой вслух на берегу реки, и тот не вызвал никаких сомнений, разве что некоторые моменты, которые я уже убрал из режиссёрского сценария. Подведение итогов, встречи с членами группы... К исходу дня окосел от усталости. Обнял помощников, поцеловал директора, забрал из кабинета необходимое – и покинул «Мосфильм». Начну укладываться в дорогу.

30 июля – 24 сентября. К большому сожалению вторая тетрадь дневника потеряна. Навсегда утрачено описание того, что происходило в Кремле и в Тарханах с 30 июля по 24 сентября 1985 года: светлое начало наших съёмок. Теперь, спустя десятилетия, восстановить пробел не представляется возможным. Память сохранила лишь крупицы самого важного, и эти фотографии.









Я привёз в Тарханы целую армию мосфильмовцев. Актёры: Плотников, Макарова, Дима Золотухин в генеральском мундире идут по главной тарханской улице и встречные жители кланяются им в пояс, как некогда их предки кланялись реальным Лермонтовым и Столыпиным.

Группу разместили на постой по разным домам и в школе.

Навещая операторскую группу в одном из школьных классов, прочёл на доске мелом написанные слова: «Не пьём третий день!» Спустя неделю вся доска в подписях: «Не пьём 5 дней!!! Не пьём 10 дней!!!»

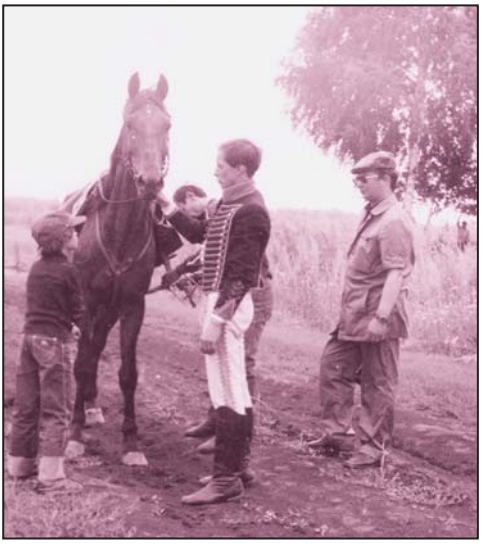
Вероятно, подобные признания мосфильмовцы записывали впервые. А мне приятно.

Накануне первого съёмочного дня вновь побывал в усыпальнице М.Ю. Лермонтова. Стоя в одиночестве над его саркофагом, говорил про себя: «Завтра мы начинаем съёмки, вступаем в бой за тебя!..»

И душа моя принимала в ответ поток духовного одобрения Лермонтова.

Первый съёмочный день я назначил на 3 августа – день моего рождения. Планируя работу загодя, я сделал себе этот подарок, и мы начали процесс изобразительного рождения фильма. Весь день снимали в окрестностях Тархан проскоки Лермонтова к Вареньке. До седьмого пота, но с большим удовольствием скакал на коне... за маленьким легковым пикапом, заменившим нам операторский ЗИС. Под конец дня снимали падение Лермонтова с лошади и её издыхание.

Хотел исполнить «подсечку» сам, но группа воспротивилась, мол, что они будут делать, если режиссёр-актёр покалечится в первый же день? Легко с подсечкой справился мой дублёр, каскадер Усен Кудайбергенов. А потом ветеринары вкатили лошади усыпляющий укол и, пока она спала положенные полчаса, успели снять всё, что нам потребовалось. Вечером в тарханской



столовой с роскошным пирогом и тортом отпраздновали мой день рождения и начало съёмок «Лермонтова».

25 сентября. Москва – Пятигорск. Утром, наскоро упаковав вещи, залетел на «Мосфильм». За 40 минут успел посмотреть материал пересъёмки в Архангельском – улучшили эпизод и по изобразительной, и по актёрской части. Заехал в ОТК и посмотрел беспокоящий меня плёночный брак – эпизод расставания Лермонтова и Вареньки в парке. План очень хороший, идейно важный, и я попросил цветоустановщицу Божену Масленникову и инспектора перепечатать этот эпизод во что бы то ни стало и непременно выдать его мне. Заехал к шрифтовику, уточнил надписи и титры. Принял комплект первых фотографий по картине, поднялся в группу, посидел пять минут, пожал всем руки и – в аэропорт.

Ещё пара часов – и наш самолёт с Мартыновым, Юшиным и двумя сотрудниками коснулся посадочной полосы в Минводах. Здесь, как положено, нас ожидали два замдиректора и две машины. В Пятигорске поселили в гостинице «Машук». Созвонился с П.Е. Селегеем. Очень был рад услышать его голос: он искренне волнуется за наш фильм. Он рассказал о своих встречах с А.П. Роспоповым, который хочет меня видеть завтра.

Очень порадовала своим отношением к материалу наш новый монтажер – Лидия Михайловна. Вчерашний просмотр растрогал её до слёз. «Я русский человек, – говорила она, – это дорого мне...» Трудно ей будет без нас на студии. Волны ревности, пересудов и недоброжелательства окружают её в монтажном цехе, доходя едва ли не до бойкота... На прощанье утешил её: «Правда всё равно победит!»

26 сентября. Ночью не мог уснуть до пяти часов; всё думал о предстоящем разговоре в горкоме, о своей группе, о фильме. Никогда мне не приходилось жить столь переполненной до краёв жизнью, принимать на себя всю полноту ответственности. Каждый день на пределе сил идти в атаку. Но до чего же хороша эта бурная стремнина жизни. Она – по мне. Даже к исходу дня, в полудремотном усталом состоянии, душа ликует.

В 9 утра переступил порог приёмной Распопова, где любезная секретарша немедленно пригласила в кабинет. Александр Павлович встретил меня как давно ожидаемого гостя. На мой вопрос: «Сколько у нас времени для общения?» Ответил: «Говорите спокойно, время есть...» Проговорили полтора часа. По-деловому, откровенно, по душам. Он высказал свои соображения о будущем фильме, акцентировав внимание на том, что «картина должна стать классикой», что Лермонтов и его пребывание в Пятигорске должны прозвучать объективно и полно. Его задело то, что в своём интервью в «Советской культуре», перечисляя места съёмок, я не упомянул Пятигорск. Это мой недосмотр. Я показал фотографии из фильма, «Почётную грамоту группы “Лермонтов”», рассказал о том, как продвигается работа. Распопов вызвал завотделом пропаганды и заместителя председателя исполкома, передав «Лермонтова» под их полное покровительство. Я высказал своё убеждение в том, что нужно создавать фильм, не думая о временных рамках: 1 час 30 минут или 2 часа... Сколько выйдет, столько и должно Госкино принять по факту. Александр Павлович обещал мне полную поддержку готового фильма на самом высоком уровне. Одобрил моё предложение выступить по Пятигорскому телевидению и показать видеозапись наших проб. Он хочет прийти на площадку посмотреть меня в гриме и костюме Лермонтова. Сценарий он читал четырежды и болеет за картину душой.

Созванился с П.Е. Селегеем. Встречи с ним всегда сердечны. Сидели, ели арбуз, пили чай, говорили о фильме, обсуждали дату и характер встречи группы «Лермонтов» с сотрудниками музея. Условились на I октября, на территории заповедника, подле домика Лермонтова. Подарил ему первые фотографии из фильма – он принял их с благодарностью. Усталость к концу дня – основательная, но и удовлетворение тоже не малое. Буду спать как убитый.

27 сентября. День, щедрый на радость. В 10 утра выехали с Олегом и Виктором в Долину Нарзанов. Директор турбазы, на которой будет размещена наша группа, встретила нас словно давно ожидаемых, дорогих гостей: увидела меня в окошко, преобразилась, вышла навстречу. Испив из нарзанового источника, прош-

ли в столовую, где Алла Хабасовна накормила нас сытным обедом. Показал ей фото из фильма, поговорили о размещении и благоустройстве нашей группы. Потом в течение полутора часов лазили по почти отвесным скалам, выбирая точки съёмок сцены «после боя», несколько раз я скользил и едва не срывался со скалы в своих неудобных тапочках, обжигал руки крапивой. Пока добрались через заросли к вершине нужной горы – сто потов выпарили. Скользя, съехали на ногах, как суворовцы, в ущелье к реке, выбрали место для генеральской палатки. Возвратились на турбазу, выпили приготовленный Аллой Хабасовной кофе и тронулись в обратный путь, завернув в долину, куда давно намеревались попасть...

В долине добавил радости к своему и без того отменному настроению: пейзажи, открывшиеся нашему взору, – сплошной восторг! Решили перенести сюда оба «лагеря в долине», здесь же снимать «цинандальский пир», «проскоки Лермонтова с Екатериной Чавчавадзе», «бегство от погони горцев», «атаку конной роты Лермонтова», «прогулку с Екатериной». И всё это – в трёх километрах от нашей турбазы. Не скрывая радости, поделился ею с Олегом и Виктором: они тоже счастливы: ведь мы нашли не только все недостающие места съёмок, но и более красивую замену выбранному ранее. В Пятигорск возвратились затемно, намотав за день более 200 километров.

Перекусив в номере, посмотрел третью серию французского «Моцарта». То и дело спрашивал себя, сравнивая стилистики двух картин – этой и своей: а может, нужно и «Лермонтова» снимать сериалом, не обкрадываю ли я зрителя? Но, во-первых, французский Моцарт на экране был совсем не Моцартом: бездуховный, поверхностный, отталкивающе мелкий, – и это вызывало во мне

ярый протест. Во-вторых, весь сериал – традиционный, западный, болтливый, коммерческий стиль и штампы – всё это неприемлемо для меня. Мой «Лермонтов» будет немногословным, без длинных сцен, образным, а самое главное – он должен нести в себе большой духовно-нравственный заряд, достойный души и подвига Русского гения. Надо постараться создать фильм динамичный, стремительный, как метеор, такой, какой была недолгая, но яркая жизнь Михаила Юрьевича.

Когда мы сегодня возвращались в Пятигорск, я сказал своим товарищам:

– Мы ещё не начали съёмки, а мне уже жаль, что они скоро закончатся. Я уже предвижу скорый и неизбежный конец. Жалко каждый прожитый нами день.

Они ответили мне, мол, подождите, самое трудное – ещё впереди. В душе я не соглашался с ними: что мне эти трудности? Какие бы трудности ни ожидали, всё приму с благодарностью и одолею всё!

И Олег, и Виктор весь день бегали по горам впереди меня, как два горных козла, – едва поспевал за ними. Их творческие головы постоянно рождали новые идеи. Плутая в тумане в поисках ранее выбранного места под «лагерь» и так и не найдя его, словно Провидение сокрыло его от нас плотным занавесом, готовя впереди нечто лучшее, я сказал Олегу, что давно мечтал снять ряд сцен в тумане, например, дуэль Пушкина на Чёрной речке. Пища уму была дана, и спустя шесть часов, на обратном пути, снова попав в туман, Олег предложил снять так «Видение в горном саду», и Виктор его поддержал. Это был день настоящего сотворчества.

П. Висковатый (с. 419): «Мы находили много общего между интригами, доведшими до гроба Пушкина и до кровавой кончины Лермонтова. Хотя обе интриги никогда разъяснены не будут, потому что велись потаёнными средствами, но их главная пружина кроется в условиях жизни и деятелях характера графа Бенкендорфа...»

28 сентября. Утром принимал у себя командующего армейскими подразделениями подполковника Николая (отчество своё он не назвал), выделенного командованием СКВО для помощи в

съёмках фильма. Напоил его чаем и кофе, показал фотографии, рассказал в общих чертах о задачах, стоящих перед нами. Общий язык найден был быстро. Прошлись с Олегом по центру города, зашли в баню. Здесь я внезапно почувствовал, что заболеваю. Ко мне подошёл человек, учитель по образованию. Он признал меня, заговорил. В результате выяснилось, что и у этого «учителя» сложилось тенденциозное, внедрённое в сознание со школьной скамьи представление о М.Ю. Лермонтове: мол, «сам был виноват, обидел Мартынова...» и т.д. Разъяснил ему, что за товарищеские шутки и подшучивания не убивают. Это не повод для кровавой расправы, что версия о «злом обидчике» изобретена для отвода общественного взора от скрытых, потаённых сил, расправившихся с поэтом.

Разработали и уточнили с Олегом план съёмок предстоящих эпизодов – «дороги России» и «дорога к месту дуэли». Мне очень приятно работать с Олегом: он работает чётко, говорит по существу. Мы оба исполнены взаимопонимания и уважения друг к другу. Вечером, прихватив стаканчики, завернули за угол отеля «Машук» к горячим источникам. Впервые с удовольствием выпил тёплой, хотя и довольно вонючей жидкости, не испытывая отвращения. Мне это так понравилось, что я приложился ко всем четырём разносортным кранам. После обеда неудержимо, как больного, потянуло в постель. Поспав часок и согревшись, прокатился с Олегом и Виктором на место съёмки эпизода «дороги России». Уточнили место окончательно.

29 сентября. Утром схватил свой стаканчик от разбитого термоса, слетел в тренировочном костюме с четвёртого этажа, пробежал по улице, свернул за угол, взлетел по ступенькам наверх к павильону и выпил стаканчик приятной вонючей жидкости. За мной заехали Олег и Виктор, и мы махнули по всем местам, выбранным нами для съёмок возле Пятигорска. Возвращаясь с объекта «дороги России» другим путём, отыскали роскошное место на Лысогорке, откуда открывается панорама на все пять гор. Здесь же и решил построить «источник». Недолго покобенившись, так как без этого он просто не может, Юшин согласился соорудить «беседку» здесь. Заехали в Каррас... Поднялись на Машук... вниз

спустились с Олегом по канатной дороге, проверяя, можно ли что-нибудь снять из кабины фуникулёра.

Днём удалось вздремнуть, нормализуя тонус борющегося с простудой организма. Пока удаётся балансировать, не давая перевесить ангине.

Вечером Олег, Виктор, заместитель директора Володя Михайлов собрались у меня. Обсудили насущные проблемы. И я снова остался один. Состояние простоя, отдыха для меня непривычно, оно вызывает внутреннее беспокойство. Прервался напряженный ритм, в котором я жил с начала запуска картины. Может быть, этот сбой темпа и повлёк за собой образовавшуюся простудную брешь в организме. Начал раскадровку предстоящих съёмок.

30 сентября. Давно не чувствовал себя так скверно. Утром пришли с радио – дал интервью. Появился мой Геннадий, прибывший поездом. Прогулялись с ним возле гостиницы, попили из источников, добрели до аптеки, купили какие-то таблетки, и я снова повалился в кровать. За окном льёт дождь, серятина страшная, тоскливая. Студия не присылает нам операторскую машину. Отправил в дирекцию «Мосфильма» срочную телеграмму о том, что они срывают нам работу. Позвонил П.Е. Селегей, уточнили программу завтрашнего совместного мероприятия. Он тоже плохо себя чувствует. Ничего не могу делать по работе, хотя надо заняться раскадровкой – дальше свободного времени может и не быть. Последние два вольных дня перед семимесячным наступлением, без передышки, до сдачи фильма. Лежу, размышляю...

Позвонили с местного телевидения, сказали, что им дана команда «ярко и талантливо осветить работу над “Лермонтовым”». Обговорили предстоящую запись и все последующие репортажи со съёмочной площадки.

1 октября. И снова замечательный день: новые атаки – и болезнь вынуждена отступить. Утром собрал режиссёрскую группу и обсудил предстоящие актёрские сцены на Кавказе. Подписал «Почетные грамоты “Лермонтова”» сотрудникам Пятигорского заповедника и нескольким членам своей группы. Почувствовав недомогание, полежал часок до обеда, перекусил с Валентином

Массовым, который прибыл из Пензы вчера ночью и поселился в моём номере.

К 16 часам прибыл в Музей-заповедник М.Ю. Лермонтова, где нас приветствовал Павел Евдокимович. Александра Николаевна провела нас по домику, где в кабинете поэта мы возложили цветы. Каждый получил книгу П.Е. Селегея и акварель с изображением домика Лермонтова. Потом в зале верзилинского дома состоялась творческая встреча двух коллективов: сотрудников музея и группы «Лермонтов». Сначала выступил Павел Евдокимович, потом он предоставил слово мне. Я не люблю много говорить, но жизнь и дело, за которое я отвечаю, обязывают. Главная цель встречи достигнута: новые члены группы посвящены в наше дело, а общественность Пятигорска проинформирована о наших намерениях. Были представители телевидения, радио, прессы – доброжелательная атмосфера в зале. Вопросов было много.

В сумерках мы сели в автобус и поехали к памятнику на «место дуэли». Положили цветы, постояли под моросящим дождиком, почти в темноте, в которой с трудом различались окрестные горы. Может быть, в этот миг не я один подумал, что в подобной обстановке, в этот же час вечера, неподалеку отсюда под ураганным ливнем истекал кровью брошенный «друзьями» Лермонтов.

Вернувшись в город, выпил чаю у Олега в номере и пошёл на запись в телестудию. Съёмка длилась 40 минут. Подготовленность ведущей – Ларисы Ефимовны Прозоровой – вызывала уважение. Вернувшись в гостиницу, беседовал с конником Е. Богородским, набирающим «роту Лермонтова», с прибывшим сегодня Андреем Падашьяном, исполнителем роли Монго, с помощниками... Неожиданно позвонил Распопов – поинтересовался ходом работы. Спрашивал, нет ли проблем.

2 октября. Хорошее настроение с утра начало иссякать с появлением мелких и крупных неурядиц. Душевное состояние к мо-

менту прибытия на площадку, на вершину Машука, превратилось в уныние, усталость и раздражённость. А впереди была съёмка важнейших планов перед дулом пистолета. Болезнь овладевала организмом. К полудню скис совсем и поехал на базу гримироваться. Когда к 16 часам вновь поднялся на Машук, там ожидали замерзшие сотрудники нашей группы и телевидения. К началу съёмки перспектива кадра была закрыта нужными нам тучами. Собрал силы на один дубль, потом на второй, третий... Последний дубль – удался. Господи, как трудно ставить и играть Лермонтова одновременно, особенно в болезненном состоянии! Обессиленным добрался до гостиницы, с температурой 37,5 зарылся под одеяло.

3 октября. Началась работа. Говорю «началась» на девятом месяце уже продолжающейся работы, потому что именно с сегодняшнего дня я должен каждый день выдавать метраж и довольно приличный... При назначенном на 9 часов выезде я только к полудню добрался до площадки на Лысогорке. А там как раз решили объявить обед. Поехали обедать, вернулись на площадку – лошадей для экипажа нет. Настроился на план без экипажа. А там и он подоспел, и лошади прискакали своим ходом от ипподрома вместо девяти к шестнадцати. Сняли ещё несколько планов. Гримёров привезли на площадку только к четырнадцати.

Административная неорганизованность начала беспокоить меня. Собрал всё руководство группы и впервые от всепримиренческих речей перешёл к анализу происходящего и поиску его причин. Высказались все. Обвинения одних в адрес других стали звучать на повышенных тонах. Таня Чапаева разразилась в адрес Светланы, та парировала удары, переводя их на Татьяну. Пришлось остановить их, дабы не скатиться на рыночный стиль. Ясно одно: у нас нет настоящего организатора. Я им быть не в состоянии, потому что тогда надо бросить роль Лермонтова и думать о транспорте, графике присутствия актёров, устройстве людей, краскопультах, обогревателях и стройматериалах для декораций. Кроме того, пора признаться, что «второго режиссёра – начальника штаба» с крепкой хваткой и громким голосом, освобождающего меня от лишних забот, я тоже не имею. Светлана душевно относится к делу, замечательно справилась с пробами и поиском актёров, но

на площадке её помощи мне маловато, и сможет ли она при всём желании помогать больше? Благодушием и поглаживанием по шёрстке сегодня кино не снимешь – пора начинать спрашивать с людей, контролировать их, требовать. Последнее может вызвать агрессивность, а она плохой помощник актёру перед камерой.

Как же соединить свои режиссёрские и актёрские функции? Сегодня, например, несколько раз пришлось повысить голос: болтали новички, на площадке царили суета, шум... Мне пришлось делать замечания, невольно возбуждая в себе скрытую агрессивность, за что потом злился на себя и долго не мог собраться. Играл хуже, чем должен. Что делать? Как сохранить покой «за» и «перед» камерой? Мне нужен крепкий помощник «за» камерой, умеющий готовить площадку, создавать на ней нужное духовное состояние и собранность. Сможет ли Светлана? А если нет? Что тогда? Искать ей напарника?

Сегодня снимали сцену с Монго: подъезд к Пятигорску. Андрей Падашьян нервничал – у него первый съёмочный день.

4 октября. Хороший рабочий день. Съёмки проходили у подножия Бештау за бывшей колонией Каррас, откуда Лермонтов, отобедав, поехал в свой последний путь по земле. Сняли шесть кадров. Работа шла спокойно. Звукооператор, осветители, замдиректора, рабочий, художник бросились вслед за мной засыпать дорогу сеном. И вмиг всё было готово. Лошадей ждали к десяти, но они прибыли только к двенадцати. К счастью, было что снимать и без них. Арабский скакун по кличке Маклер пришёлся мне по душе. Быстро нашли с ним общий язык, и он слушался меня с полупосыла. Весь день я управлял им одной рукой, как и советовал Кантемиров, так как вторая была занята фуражкой с кизилом.

Поговорил со Светланой Петровой, попросил её быть немного активнее и не говорить: «“это не моё дело”. – Ваше дело – всё!» Приехала А.Т. Демидова и другие члены группы. Верю, что теперь дело пойдёт бойчее. Полного удовлетворения собой нет, хотя отдельные дубли удавались. Очень мне помогает присутствие на площадке Валентина Массова. Я даже попросил его встать подле камеры – помочь мне. Его спокойный чистый облик Странни-

ка, глубокая духовность питают меня и помогают сохранить внутреннюю энергию.

Т.В. Ковригина сделала хороший парик. Он понадобится, когда будут сниматься сцены последних дней в Пятигорске. Парик исполнен в духе посмертного портрета Лермонтова, написанного Шведе. Все в группе похвалили её работу, а я – поцеловал.

Группа работает слаженно. Вечером обсуждали насущные проблемы. Присутствие Демидовой было сразу ощутимо – все проблемы снимались одна за другой. Вечером по местной программе TV «День края» показывали сделанный в первый съёмочный день репортаж с места дуэли на Машуке. Перед сном вышли с Геннадием прогуляться по парку. У фонтана с цветомузыкой посмотрели на топчущуюся под шлягеры молодёжь. Поговорили о происходящем в группе, о ходе съёмок. Геннадий – не только мой брат, но и реальный помощник.

5 октября. Завершён первый этап пятигорско-кавказской экспедиции. Работали около Карраса. Целый день светило щедрое жаркое солнце. Пришлось пролить буквально сто потов, снимая бесконечные конные сцены. Третий раз за эту экспедицию упал с лошади. Возвращаясь на исходные позиции, разогнал своего «Росинанта» под гору галопом, слишком круто развернул на скаку вправо, не удержался и вылетел из скользкого офицерского седла влево, прямо под копыта лошади. Ударился правой коленкой о камни дороги, ободрал левую руку, оцарапал лоб. Мы должны были снять за день 12 кадров, сняли только 8, плюс один внеплановый: монетку, падающую «решкой». Её привезли сотрудники краеведческого музея – полтинник 1914 года. Четыре кадра не сняли из-за отсутствия времени и операторской машины, которая ещё только движется из Москвы. Были и накладки: реквизиторы исчезли с площадки, не оставив котомку и посох для «Странника». Впервые сделал выговор ассистенту по реквизиту. К концу дня, когда солнце закатывалось за горы и работать оставалось считанные минуты, пришлось повышать голос.

Рассчитывать мне не на кого, придётся самому держать в руках площадку и одновременно заниматься воплощением образа Лермонтова. Я надеялся на помощь, не получал её, раздражался,

срывался... а значит, хуже играл. Надо, не ожидая помощи, спокойно управлять съёмочной площадкой и стараться лучше играть. За четыре дня в Пятигорске сняли 110 полезных метров. Итого с начала работы – 690 из необходимых 2700.

6 октября. Пятигорск – Долина Нарзанов. До полудня наслаждался необыкновенно тёплым, бархатным днём в Пятигорске. Прошёлся до источника, попил водички. Добрёл до рынка, накупил орехов, мёду, специй у корейцев, набрал яблок, персиков, винограда, домашнего сыра. Подошёл к гостинице, а там уже наша автоколонна, готовая к переброске в Долину. Солнечно, весело, оживлённо. Тронулись на «Волге» в авангарде колонны: я с Демидовой и Олегом. По дороге остановились полюбоваться Эльбрусом, который прежде, когда я дважды здесь проезжал, был постоянно закрыт облаками и туманом. А теперь – вот он, рядом, блестящий под солнцем льдистой корой, и по всему горизонту горбатятся разновысокие хребты в «рериховской дымке». Такой кадр должен непременно украсить фильм. Это то, что я давно искал и без чего нет полноты ощущения Лермонтова и Вечности... Художник с мольбертом, парящий в вышине над величественными горами.

В Долину Нарзанов приехали первыми, устроились на житьё. Поднялись к тому месту, где расположим наш «лагерь в долине» и «цинандальский пир». Отыскали солдатский лагерь, раскинутый в балке. Там Виктор Юшин возится у двух пушек, повозок и прочего армейского скарба. Комбат-майор, знакомясь со мной и уяснив, что перед ним режиссёр-постановщик, взял под козырек, как перед главнокомандующим, и представился мне по-военному как старшему по званию, в чьё распоряжение он прибыл. Не скрою, это было неожиданно, забавно по форме и приятно. Когда солнце ушло за хребты, ограждающие нашу Долину, прибыли и все остальные члены группы. Разместились, поужинали в столовой.

7 октября. Долина Нарзанов. Официальный день отдыха, но большинство членов группы работает: осваиваются, распаковывают ящики. Я попросил операторскую группу выехать в горы, снять Лермонтова на фоне Эльбруса. Загримировался и на операторском ЗИСе и «Волге» тронулись в путь. Виды поначалу не вы-

зывали восторга, но на закате Эльбрус и окрестные хребты осветились заходящим солнцем – великолепно! Сняли много дублей на плёнке «ДС» и один – на «кодаке».

Вернулись к ужину. Поздравили костюмершу Катю с днём рождения, посидели за праздничным столом, потанцевали. Ночи здесь восхитительные: чёрное небо с яркими бриллиантиками звёзд в обрамлении клыкастых вершин. Шелестит горная река, источник струится у самого моего домика. Наш заботливый директор, Алла Хабасовна, в моё отсутствие занесла в мою комнату электрообогреватель и настольную лампу. В группе происходят «перестрелки» местного значения, «снаряды» летят главным образом в Светлану, которая никак не может взять власть в свои руки. Исполнительница роли Екатерины Чавчавадзе не приехала.

8 октября. Сложный день. Прибытия актёров ожидали к 9 часам, чтобы снять запланированные сцены, а они прибыли в 18–19, когда всё погружалось в темноту. Автобус «Икарус» сбросил их за 8 километров от турбазы. Сорок человек – грузинский актёр, каскадеры и все остальные – добирались до турбазы, кто как мог: на бензовозах, пешком и, наконец, на высланных нами машинах, которые сломались в дороге. Сейчас на турбазе почти 100 человек группы «Лермонтов».

Утро началось с того, что две отобранные помощниками лошади, прибывшие на площадку, были столь грязны и вислобрюхи, что я забраковал этих скакунов как абсолютно не пригодных для княжны Чавчавадзе и Лермонтова. Затем на площадке мой второй режиссёр и художник сцепились на глазах у всей группы. Обвиняли друг друга в непрофессионализме. Я не мог позволить продолжаться этому прилюдному спору, в котором повинна была Светлана. Перекрывая их голоса, тоном выше сказал:

– Прошу вас, чтобы это было в последний раз... Все споры отныне будут разрешаться после работы и не при группе.

После обеда я уже не увидел рядом с собой свою главную помощницу. Съёмку провёл без неё. Не нашёл её и за ужином. Позже узнал, что её реакция на моё замечание проявилась в поднявшемся давлении и рвоте. На вечернем совещании у меня в комнате Светлана сидела с болезненным видом и говорила упавшим голосом.

Сегодня прибыли мой друг Игорь Мамсуров и каскадёр Усен Кудайбергенов. Помощников прибавилось. Под моим началом теперь огромный коллектив. И все эти люди приехали в Долину Нарзанов, чтобы помочь мне воплощать задуманное. За ужином я сидел в углу, смотрел на зал полный народа: внутренне радовался и в то же время волновался, предвкушая большие дела. Нужно не раздражаться, какие бы неурядицы ни происходили. Покой, воля, собранность, владение съёмочным процессом. Не выпускать нити, связывающие меня с каждым присутствующим на площадке, и непременное уважение к каждому человеку.

После обеда повторно снимали Лермонтова в горах над облаками. Торопясь поймать последние лучи солнца, я «перелетел» с одной горы на гребень другой, преодолев расстояние в два километра за рекордный срок... Я стоял на вершине один, оглядывая все четыре стороны света... Видел ползущие по ущельям облака... Солнце, коснувшееся хребта горы... Эльбрус с тучкой на груди... Людей возле камеры, находившихся в такой дали от меня, что они походили на муравьёв и голосов их не было слышно совершенно. Я много бывал в горах, но эти мгновения запомню надолго. Именно здесь можно было понять, что чувствовал Лермонтов подле облаков, наедине с Вечностью... «Кто близ небес, тот не сражён земным». Было сказочно красиво – эти мгновения искупали все огорчения нескладного дня.

9 октября. Долгий трудовой красивый день начался в 7 утра зарядкой на берегу нашей горной речки. Холодной водой облился по пояс. Выпил нарзана из источника. Несмотря на отсутствие моего второго режиссёра, с повышенным давлением слёгшей в постель, всё удивительно ладилось. Мои

ассистенты включились в работу. Демидова стояла возле камеры и отдавала чёткие команды, актёры – одетые и загримированные – вовремя попадали в кадр. Сняли 82 «полезных» метра, целых три эпизода: прощание с Екатериной Чавчавадзе, дневной и вечерний «цинандальский пир у князя Чавчавадзе». Воплотилась сцена, с которой я начал написание сценария: звучала многоголосая грузинская песня, мы сидели на ковре с яствами. Грузины пели, а группа и помогающие нам солдаты и зрители смотрели на происходящее, затаив дыхание. Мы – актёры, сидящие в кадре, – чувствовали их поддержку. Вся группа работала, настроившись на одну волну – редкое явление в сегодняшних киногруппах. Целый день спокойной слаженной работы. И производственная «пятиминутка» прошла в хорошем настрое – с улыбками и шутками.

Вечером после съёмок зашёл к больной Светлане Михайловне, поговорил – полечил, и она поднялась к ужину.

10 октября. И сегодняшним днём я тоже доволен, хотя сняли всего 14 метров, но кадры с Екатериной Чавчавадзе у реки и проезд на лошадях в тумане получатся наверняка красивые. В этом я уверен. Поднимались в горы поближе к Эльбрусу, но приехали в сплошную облачность, где и родилась идея снять Екатерину и Лермонтова не в горах, а в тумане. В группе сохраняется хорошая атмосфера.

Вчера к нам прискакали 20 карачаевцев на своих конях, перепугали местных жителей, кровно враждующих с ними, да ещё и наш человек принял их не очень любезно. Карачаевцы могли оби-

деться и предупредить всю округу, чтобы нам не давали лошадей. Сегодня утром я встретил их у столовой, с каждым поздоровался за руку, поговорил о фильме, об их работе, вручил карточки членов киногруппы «Лермонтов», показал фотографии из фильма... После съёмок ко мне зашёл самый старший карачаевец огромного роста и пригласил нас в свой домик отведать барана, которого они, зарезав, приготовили в огромном котле. На столе стояла водка. Когда дошло по кругу до меня и я отказался пить, никто из них не настаивал. Они поднимали стаканы за нашу дружбу и за фильм «Лермонтов».

Наблюдая за людьми – знакомыми и незнакомыми, друзьями и ставшими дорогими для меня членами группы, – я невольно вспомнил фильм Феллини «Восемь с половиной», когда все герои, взявшись за руки, идут в едином людском потоке.

Вечером узнал, что и в наше отсутствие на базе не прекращаются работы по подготовке конных и сабельных сцен. Бибо Кумалагов обучает владению саблей отобранных джигитов. Конница с воплем «Алла!!!» вылетает в атаку. За ужином зачитали для всей группы статью о нашем фильме «Сердце просит воли», напечатанную в «Московском комсомольце» 4 октября. Собрание после ужина прошло с улыбкой и без напряжения. Старший карачаевец попросил меня показывать в клубе кино, чтобы было чем заняться вечером.

В моей комнате висит мундир Лермонтова с эполетами, высоким красным воротником и газырями... чёрный бешмет... сохнут ботинки со шпорами... Это одеяние наполняет комнату его присутствием. Мы тоже в походе, Михаил Юрьевич, в походе боевом, но творческом. Моя армия отдыхает, слушает в своих палатках музыку, играет в карты, пьёт вино, учит тексты, разрабатывает схему боя, готовится к решающему штурму. И все верят в победу. Поучил и я текст завтрашней сцены с Котэ. Уточнил для себя характер военных сцен.

11 октября. Несмотря на облака, курящиеся вдоль нашей долины, день выдался на славу: рабочим и боевым. Сняли 35 метров. Сняли мой проскок с дублёршей Екатерины Чавчавадзе... Сцену бегства от горцев в долине... После обеда настроились на

съёмку вечернего лагеря. Были задействованы все имеющиеся в наличии силы: группа, актёры, каскадёры, эпизодники, 250 солдат: всего около пятисот человек. Произнёс по мегафону речь перед строем солдат. Слушали все с большим вниманием – и солдаты, и группа, и карачаевцы. Потом быстро, в течение часа, развели мизансцену и второй план жизни лагеря. Сняли первый кадр разговора Лермонтова с Котэ. Коста Бутаев, исполнитель этой роли, работал профессионально и в то же время с сердцем. В его глазах блестели неподдельные слёзы. Люди работали с интересом и полной отдачей. Живописно гарцевали вдоль панорамы карачаевцы и каскадёры на конях с пиками, изображая роту Лермонтова. Поручив сектора панорамы своим новым, неожиданным помощникам – Коле Томашевскому и Петру Кузьмичу – и увидев, что они прекрасно справляются с заданием, я сел на своё актёрское место, отдал мегафон Усену и стал спокойно играть сцену.

После ужина собрал всех в столовой. Читал поэму «Иван Вольнов» и другие свои стихи, говорил о нашем фильме. Сил ушло много, читать было сложно, многие зрители просто вытягивали из меня энергию, но были и отдающие свою, помогающие духовно. После вечера многие подошли ко мне и поблагодарили. А потом состоялось открытое партийное собрание группы, где поднимались хозяйственные и культурные вопросы.

12 октября. Великолепно началось сегодняшнее утро – всегда бы так: к 7 часам нам с Виктором Юшиным, Усеном, Бибо и Колей Томашевским оседлали коней. Мы прогалопировали к месту «сражения». Солнце вставало над горами, окрашивая вершины золотом. Свежий ветер бодрил не меньше холодной речной воды, которой я обливаюсь до пояса каждое утро. Быстро обрисовав на месте характер боёв в каждом кадре, вернулись к завтраку.

Сняли дневной лагерь. Взобрались с камерой на горку, развели мизансцену с армией и конницей – получился, кажется, красивый кадр. Джигиты Усена вытворяли чудеса джигитовки, а вся группа с

восторгом наблюдала за происходящим. Сняли проскоки лермонтовской роты за операторским ЗИСом. Я вёл свой отряд, свистя над головой шашкой, и мои джигиты с гиканьем и воем летели за мной. И казакам, и карачаевцам эта игра доставляла явное удовольствие: ведь им выдали ружья, сабли, пики, пистолеты. И здоровенные мужчины мигом превратились в детей.

Вечером в столовой вручил две очередные Грамоты каскадёрам Усену Кудайбергенову и Евгению Богородскому. Хотел было вручить и Бибо, но он, почему-то обидевшись на Усена, покинул столовую. Я вошёл в зал и произнёс:

– Товарищи... Кино – творчество коллективное. И с каждым нужно общаться по-доброму и уметь прощать...

Очень обидно было, когда я с трудом и риском, скользя ботинками, забрался на вершину горы над лагерем, чтобы снять крупный план ночного лагеря, а операторская группа отказалась поднимать наверх камеру. И правда – это было опасно, но вполне возможно. Исполняя просьбу операторов, пригласил на завтра двух альпинистов, которые и поднимут эту камеру.

Перед сном прошёлся по турбазе. Группа каскадёров, разминаясь прямо под фонарём, делала «каратеистские ката». Подошёл к ним, извинился за то, что их загнали в кадр как массовку, и конфликт был улажен, не зайдя далеко. Дал им почитать сценарий, рассказал о предстоящих съёмках кровавой Валерикской резни. В коттеджах турбазы горят огни, откуда-то доносится музыка, люди развлекаются, читают, пишут портреты, словом, киногруппа живёт полной жизнью. Небо над долиной звёздное. Сам Бог помогает нам с погодой. Прошёлся к источнику нарзана, попил. Карачаевские кони пасутся в темноте в ожидании завтрашнего боя. За стеною у Юшина и Олега гости из армейской части. Приглашали и меня, но сил нет. Надо продумать планы предстоящих «боёв».

13 октября. В 7 утра привычная зарядка на берегу горной реки с обливанием холодной водой. Солнце тёплое, ласковое. Но вот досада – шесть всадников-карачаевцев должны уехать. За завтраком выдал каждому из них нашу Грамоту, поблагодарил за помощь. После завтрака ездили с Олегом, Виктором и Усеном на выбор дополнительных мест съёмок сцен перед и после боя. Хотелось найти поближе к лагерю, дабы не гонять солдат. До обеда чистили аппаратуру, пропылённую на горных дорогах. После обеда с помощью альпинистов подняли на гору операторскую технику и по канатам, закреплённым на вершине, довольно легко взошли сами. Сняли вид ночного лагеря и спустились вниз, где Юшиным была поставлена генеральская палатка, красиво оформленная, так что я, видя её внешнее и внутреннее убранство, не мог скрыть радостной улыбки и поблагодарил Виктора за потрясающую работу.

С помощью «неожиданного помощника» Виктора Кузьмича и Усена быстро развели второй план и сняли сцену с генералом Галафеевым. Вручил своей «лермонтовской роте», всем карачаевцам, выстроившимся в ряд на конях, наши Грамоты и попросил их повоевать с нами ещё два дня. Сняли за день 18 метров – два кадра. Вроде немного, но я доволен. После съёмки Олег Мартынов, опешивший от стремительности, с которой мы выстроили второй план, сказал, что не стоит так быстро гнать работу и надо бы больше времени уделять выстраиванию массовки. Когда же стали выяснять, что собственно в кадре было плохо, оказалось – всё хорошо.

Карачаевец Рамазан пригласил нас на очередного барана. За ужином мы хорошо, дружески поговорили о фильме. Рамазан вернулся с отбора конников на завтрашний день, пообещав прислать нам в помощь 17 человек. 20 джигитов нарекрутировала по аулам А.Т. Демидова, 14 остаются верными нам и живут на нашей турбазе. Даже если завтра на съёмках будет только 30 всадников, я буду вполне доволен. После ужина прибыли армейские командиры из Грозного: подполковник Виктор Иванович Ключников и майор Александр Николаевич Каньшин. Оба, кажется, моложе меня. Приехали забирать у нас армию. Я показал им фотографии, немного рассказал о сути фильма, и они «сменили гнев на милость».

На собрании группы царило возбуждение, как перед настоящим боем. Тон задавал Усен – тяга к командованию у него неистребимая. Бибо Кумалагова это явно напрягает.

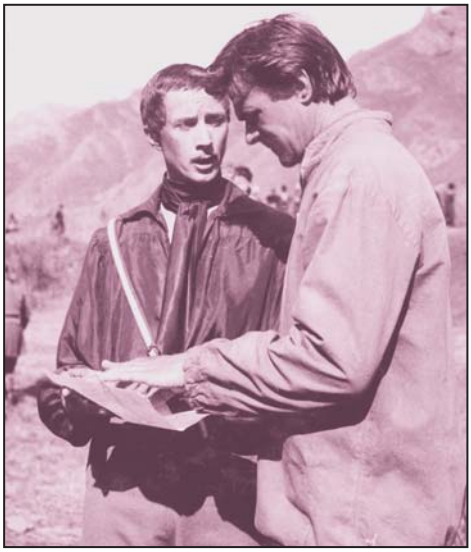
– Что вам нужно для завтрашней работы? – спросил я Бибо.

– Чтобы мне не мешали! – ответил гордый осетин.

Я сидел, смотрел на своих товарищей по группе и ощущал радость: такие разные люди, они все охвачены единым порывом, объединены одной страстью. Выезд на завтрашние съёмки назначили на 7 утра, подъём – в 6.00.

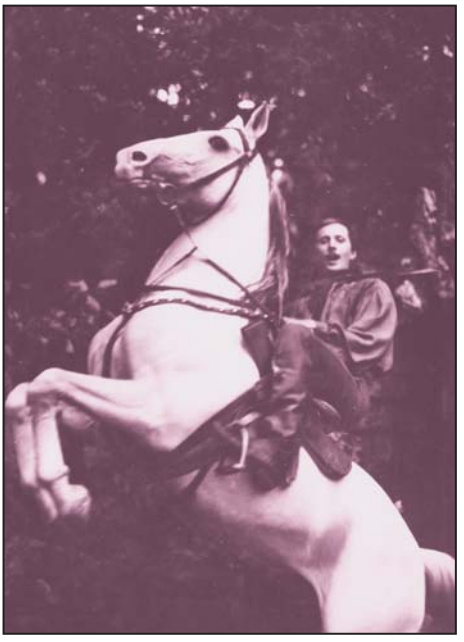
14 октября. Ровно в 6.00 зашли ко мне Валентин Массов и Игорь Мамсуров. Валентин поддержал меня морально, Игорь физически в прямом смысле этого слова – сделал массаж. А я думал при этом: даже у Наполеона не было таких помощников. Поэтому и проиграл, да потому ещё, что дело его было не правое. А у меня за походной палаткой пробуждается с верой в победу моя добрая армия. Бибо точит сабли, Усен готовится к бою, седлает коней, Рамазан поскакал к горцам за подкреплением. Мы – победим!

Впервые в жизни я снимал массовую батальную сцену. В ней принимали участие вся армия, все актёры, каскадёры, все наши конники. Первым кадром снимали сцену атаки горцев на батарею Котэ. Развели солдат и горцев по местам, заполнив ими весь склон горы, дорогу над нашим оврагом, сам овраг и левый берег



реки. В реке и на дальнем островке развернули каскадёрские сражения с падением в холодную воду. К месту сражения направили всадников. Зарядили две пушки и поставили их на склоне горы, нацелив прямо в кадр. Раздались взрывы шрапнели. Я был спокоен и старался сохранять атмосферу лёгкой и приятной работы. Усен суетился, бегал по площадке, кричал в мегафон. Я через поставленный звуковиками усилитель направлял его действия. Все боевые

баталии разыграли довольно быстро, в течение полутора часов. Местные джигиты, прибывающие на подмогу, на ходу переодевались и влетали в кадр. Зрители, наблюдавшие сцену боя, были в восторге, так как ничего подобного в жизни не видели. Пальба, вопли конницы, взрывы снарядов, сабельная рубка. Валерик!..



Мне же некогда было восторгаться, – нужно было до обеда успеть снять «атаку лермонтовской роты». Тут пришлось немного понервничать, так как мне уже пора было находиться в кадре, а разгорячённый Усен вдруг начал превышать свои полномочия и спорить со мной прямо у камеры. Пришлось поставить его на место. Он обиделся – на 10 минут отошёл в сторонку, потом не выдержал и снова включился в работу. Но вот – скрылось солнце. Моя лошадь была ленива и плохо слушалась. От удара шпорами только подрагивала боками и не прибавляла в галопе. Я начинал нервничать: третий час дня, с обедом на два часа запаздывали, солнца всё нет. Наконец сквозь разрывы туч долина осветилась пробившимися солнечными лучами. Сняли подряд два дубля с двух камер. Моя лошадь с трудом, сквозь сумятицу боя, выходила на нужное место – к орудию Котэ. Доволен этим кадром я не был. За обедом окончательно скис, устал, переживал в ожидании предстоящих послеобеденных съёмок – ещё трёх кадров, в которых я должен был во что бы то ни стало отснять Котэ. Вечером он уезжает

на съёмки другой картины. Будет ли солнце? Успеем ли? Ведь съёмочный день должен окончиться в 17 часов из-за наступающей темноты.

После обеда, дав указания по подготовке кадра Олегу, Бибо, Усену и Косте Бутаеву, прилёг, даже на 20 минут провалился в сон и встал успокоенным и полным сил. Но прибыв на площадку, обнаружил, что не сделано ровным счётом ничего, более того, Бибо ещё и не начинал репетировать сабельный бой, Усен не разводил второй план. Одежды для горцев и прочих участников битвы вообще не оказалось. Поехали за ней на базу.

Неизвестно, каким чудом в течение оставшихся полутора часов мы всё же умудрились снять два дубля нужного кадра. Причём бой был действительно красив и страшен. Вслед за тем, разбросав по кадру «трупы» солдат и горцев, сняли вынос окровавленного тела Котэ. А значит, Костя Бутаев может спокойно покидать нас. Я поблагодарил всех участников за прекрасную работу: мы сняли всё, что запланировали. Это было настоящее чудо, которое совершилось только благодаря полной самоотдаче всей группы. Ведь так легко скверные погодные условия и дезорганизация могли всё поломать! Но этого не произошло! Слава богу! За ужином разрезал подаренный мне большой арбуз, угостил группу.

При нас давно находится художник, делающий копии лермонтовской живописи для музеев. С первого же знакомства с ними меня поразила их небрежность. Сейчас в моей комнате три его копии, по которым видно, как искажает художник кисть Лермонтова. Врёт во всём: в пропорциях, в цветовой гамме – а самое главное, в его работах отсутствует лермонтовская духовность. А музеи эти «работы» покупают. Почему они тратят сотни рублей на фальсификацию духа Лермонтова? За те же деньги можно и должно заказывать копии у больших художников, которые, к счастью, есть и будут, пока существуют не полностью споенные водкой и развращенные страстью к наживе люди. Ведь по этим копиям сотни тысяч людей составляют ложное впечатление о Лермонтове-художнике. Как будто производится осознанное глумление, издевательство над красотой.

15 октября. Первым кадром снимали выстрелы горцев из-за завалов. Отправив Юшина вместе с группой готовить кадр, я около часа слонялся по солнечной турбазе: загримировался, оделся, сел на присланного мне коня и поскакал на площадку. Место «сражения» я выбрал всего в километре от базы. Там уже почти всё было готово к съёмке – розданы ружья, патроны, люди разведены по местам, камера стоит. Немного поправив точку камеры, откорректировав движение массовки, быстро сняли три дубля. Невероятно, но мы сняли за день девять сложнейших кадров «сражения» и сцены «после боя». Весь день светило солнце, и работа велась в неослабевающем, напряжённом ритме. Сняли конные подсечки, разрыв снарядного ящика, в который в упор стрелял Нартай Бегалин, стоящий в двух метрах от него и – в кульбите – отлетающий от взрыва в сторону. Сняли крупные планы кровавой резни, рубку Бибо с двумя саблями, его впрыгивание за спину всадника. Слаженность и готовность каждого к работе, чёткое исполнение команд помощниками, старание Усена, Петра Кузьмича, Коли Томашевского, разводящих солдат и горцев по второму плану – всё это позволило снять за день 55 полезных метров!

Только вот бедолага Усен снова позволил себе пререкания у камеры. Я попросил его не забываться. Он снова обиделся и отошёл от камеры до конца съёмок. Помогал он мне все эти дни хо-

рошо, и я благодарен ему за это, но больно уж горяч киргиз! В обед выяснилось, что в Ташкенте, где находится его семья, сильное землетрясение – 8 баллов. Он срочно собрался, мы дали ему «Волгу» и тепло простились.

Утро в нашей долине выдалось тёплое, солнечное, с хаотическими скоплениями мошкары – признаком жаркой погоды. Замечательная атмосфера царила на общем завтраке: спокойная, добросердечная, весёлая. Люди сжились друг с другом. На душе светло.

После обеда сняли «после боя». С горы, на которой были установлены две камеры, руководил разведением мизансцен, дислокацией солдат, горцев, конницы по всей долине. Заложили дымы, уложили сотни «трупов» по всей долине, после чего я на своём сером «Росинанте» спустился к реке. Положили смельчаков в холоднющую воду. Встал по колени в ледяную реку и я. Сняли три дубля. Сапоги мгновенно протекли, но это уже не беспокоило. Покинув «поле боя», всю дорогу до базы махал «своей армии-победительнице» рукой из окна машины, и скачущие домой всадники отвечали братским приветствием. Вот и сняли мы самые сложные в фильме сцены.

После ужина, встречаясь там и сям с товарищами по группе, повсюду чувствовал душевное отношение и сердечное тепло. Крепкие рукопожатия, добрые взгляды... «Лермонтов» соединил нас в высокое братство. В моей долгой кинематографической жизни не было подобной гармонии ни в одном съёмочном коллективе.

Отпустив конницу и армию, забрался на противоположный крутой берег реки. Там сняли Лермонтова под прицелом ружейного дула. После выстрела ружья мне приходилось пускать коня в галоп по почти вертикальной горе, усеянной мелкими камнями.

На месте «сражения» сняли и сцену, когда Лермонтов черпает руками воду из кровавой реки, видит гору трупов запрудивших течение, и говорит: «Зачем?!» Пришлось помучиться, побегать до усталости, чтобы войти в нужное состояние. И только после трёх дублей, когда снимали фото, у меня потекли настоящие слёзы, но кадр уже был снят. Обидно.

Сегодня первый раз пожалел, что не ввёл в фильм Гоголя. Мысль заработала, выискивая в картине место для духовного общения двух гениев. Может быть, это случится на балу, где Барант бросит Лермонтову свой вызов, или когда Лермонтов будет читать «Пророка»... Вокруг них будут суетиться «шестнадцать юнцов» из окружения Лермонтова. Гоголь не произнесёт ни слова, не подойдет к Лермонтову, но глазами будет сопереживать ему и посылать ободрение и остережение. Но где найти «Гоголя»?

16 октября. «...Другие дела наступают для поэзии. Как во времена младенчества народов служила она к тому, чтобы вызывать на битву народы, возбуждая в них браннолюбивый дух, так придётся ей теперь вызывать на другую, высшую битву человека – на битву... за нашу душу...» Как точно, пророчески верно сказал Гоголь.

Вчера, вернувшись на базу, увидел вдали моего сына и Катю Лычову, маячивших в сумерках. Окликнул их: «Это кто приехал?» Оба ринулись ко мне, повисли на шее.

За завтраком вручил ещё 20 грамот. Их явно не хватает. Потом состоялся «банкет», который мы дали офицерам нашей армии. Все они побывали под пулями в Афганистане. Эти боевые офицеры выражали своё преданное отношение к фильму, который уже считают своим. В самом конце комбат обратился ко мне:

– Если бы вы были в армии, то уже имели бы генеральские лампасы. И мы рады были служить под вашим командованием.

Для меня – штатского человека, подобное признание боевого офицера было весьма лестно.

17 октября. После съёмки валерикского сражения напряжение спало. Я несколько расслабился и сразу почувствовал недомогание и усталость. Всё время тянет приткнуться к подушке, укрыться, забыться. Утром тут же, у домиков, подле источника сняли деталь: «руки с кровавой водой». Обед сделали раньше – в 12.00. На 13.00 – назначили выезд, но выехать смогли только в 14.00. Почти два часа ползли в горы к Эльбрусу. Автобус был на последнем издыхании: продвигался еле-еле и, наконец, остановился окончательно. Поднялись на вершину горы пешком. Пока ставили камеру, туман закрыл панораму в сторону Эльбруса. В сплошном тумане спустились к автобусу. Полчаса безрезультатно пытались его починить. Пересели на камерваген... и вернулись на базу. Здесь меня ждал удар: в мою комнату вбежал мой Геннадий, которого я который месяц вытаскиваю из бездны. Он находился в состоянии, близком к горячке, наговорил бреда о том, что лагерь окружают и нужно забирать Ваню, Наталью и быстрей уходить. Вот такой «подарок». Хочется спать... отдохнуть...

18 октября. Долина Нарзанов – Пятигорск. За ночь восстановил силы. Встал готовый к новым боям, но погода с самого утра не располагает к сражениям. Моросит дождь, база пустеет. За завтраком, в некогда переполненном зале, осталось человек 35. А сейчас уедут и ещё 15. Погода осенняя, близкая к зимней, в тишине, под журчанье горной речки, опадают последние листья.

Вокруг пустынно. Ваня и Катя Лычова пасут телят на косогоре за замком. Подле коттеджей маячат одинокие фигурки последних квартирантов, покидающих боевой лагерь. Сердечно попрощался с майором медицинской службы Али, два года воевавшим в Аф-

ганистане. Подарил ему лучшее лермонтовское фото из нашего фильма, написал добрые слова, дал свою визитку, просил быть моим гостем в Москве. Возвышенно-печально от сознания скорого расставания с Долиной Нарзанов, так помогавшей воплощению в жизнь нашего «Лермонтова». Но сквозь светлую печаль пробивается радостное предчувствие новых сражений, вздымается мощный духовный подъем. Видя по состоянию природы, что солнцу не прорвать серые покровы, принял решение немедленно перебираться в Пятигорск. Последний раз прошёлся к источнику, испил нарзана, поклонился на все четыре стороны горам – поблагодарил, попрощался. За обедом от имени группы выразил благодарность сотрудникам турбазы, заботившимся о нас, щедро кормившим, помогавшим нам поддерживать тонус. Вручил Алле Хабасовне нашу Грамоту. На прощание достал свою кинокамеру и снял место нашего обитания в долине.

Поразительно, но едва я принял решение покинуть эти места, небо мгновенно задёрнулось чёрным пологом, стало темно и обрушился дождь со снегом! Под свинцовыми тучами и непрерывным дождём добрались до гостиницы в Пятигорске. В 22.30 в кинотеатре «Космос» посмотрел первый пятигорский материал. Кошмарная проекция, тусклый свет, обрезанные края кадра. Но даже в этом удручающем виде, наглядно показавшем, что мы будем иметь в тиражированном прокате, мне всё же понравились несколько планов: Лермонтов, Странник... Не могу сказать, что остался в восторге от всего остального. После просмотра прошлись с Олегом пешком по Пятигорску, орошаемому холодным дождём со снегом; хорошо поговорили...

19 октября. Утром сбегал на рынок, накупил для своих кашляющих домочадцев мёда, фруктов, сыра, творога и прочего. Накормил и выехал на выбор натуры в Кисловодск с Олегом, Демидовой и лермонтоведом А.Н. Коваленко. Ездили долго по трудным размокшим горным дорогам, а выбрали практически только гору «Кольцо». Вечером смотрели новый материал (вчерашний и сегодняшний). Ощущение после часового просмотра сложное: восторга нет, настораживает неровное движение в пано-

рамах и слишком реалистическое изображение. Нужно подумать, что ещё доснять, пока мы на Кавказе.

20 октября. День не заладился с утра. Громким стуком в дверь меня разбудили наши водители «Волги». Их собрались выселять за ночное ЧП. И было за что – сожгли сигаретой одеяло и часть кровати, естественно после употребления спиртного. Состоялся разговор с директором гостиницы, человеком добрым... Но, так или иначе, к А.П. Распопову я пойду первым, проинформирую о случившемся, пока окружающие не исказили суть дела. Кроме того, и в «Мотеле» у остальной части группы не всё благополучно. Путешествуя с Олегом в тумане на выборе натуры, честно сказал ему, что не совсем доволен материалом. Изобразительно картина идёт не по тому руслу и лишь отдельные планы с применением спецобъектива – «монокля»: план Странника с промелькнувшим по экрану лучом, Лермонтов и Екатерина Чавчавадзе в тумане – соответствуют стилю нашего фильма. Травкин стал невольным свидетелем довольно резкого разговора, который мы продолжили у Олега в номере. А тут ещё у подъезда гостиницы ассистентка сообщила, что четыре актёра должны улетать, а пятый, князь Васильчиков, и не думает прилетать к нам вовсе. А у Олега в номере потоп: забыл выключить кран – протёк потолок над администратором. Вот такой день...

Вечером собрал группу, рассказал о ЧП в гостинице и выступил с антиалкогольным словом. Оба водителя раскаились, что и было запротоколировано.

21 октября. Наш операторский ЗИС с Иваном и Катей на борту уже поджидал меня у гостиницы. Поехали в Кисловодск, сняли новую, придуманную мной «детскую сцену». Едва-едва успел закончить съёмку Ивана с Катей до отхода их поезда. С Иваном работал абсолютно как со взрослым, объясняя ему задачу так, как хотел бы, чтобы объясняли мне. И он всё понимал. Глаза сына становились глубокими, вдумчивыми, лицо преображалось. Снимали крупный план к тарханскому эпизоду с дедом, реплику: «Зачем шепотом?.. Нужно в полный голос говорить!..» Я объяснил ему, что это сейчас его, Ивана, клятва перед всеми – не бояться

смерти за правое дело, это он – Иван, клянётся, что будет в жизни своей говорить в полный голос.

После обеда на площадку прибыли 10 человек из «окружения Лермонтова». Эмилия, Мартынов (Ю. Мороз), Неизвестный (Ю. Стренга)... Пригнали к кисловодской горе «Кольцо» экипажи. Прорепетировали и не сняли – окончился «режим», закатилось солнце.

22 октября. Ну как же не отметить, что сама природа помогает «Лермонтову»? Сегодня мы должны снимать в Пятигорске. Вчерашний день был внеплановый и сцена внеплановая, и нам, несмотря на серую погоду, повсюду удавалось лишь урвать лучи солнца и успеть снять детей. Сегодня же, в наш первый запланированный день, горизонты вокруг очистились совершенно, светило солнце, и мы сняли все намеченные сцены «у источника» и две сцены «прогулки с Неизвестным» – 95 метров! Работали четко, быстро и последние два плана снимали, когда солнечный диск уже почти коснулся горизонта. Отсняли и Мартынова, и Эмилию, и Неизвестного, и они завтра утром могут спокойно улетать.

Когда ехали на обед и остановились возле сельской столовой, десятилетние детишки, увидев меня в мундире с эполетами, восторженно воскликнули: «Пушкин!»

23 октября. Каждый день подтверждает – силы небесные покровительствуют нам. Предоставив вчера целый день яркого солнца, небеса сегодня задернулись серой пеленой, как раз когда нам понадобились именно такие условия для съёмок. Сняли крупные планы в коляске к «дорогам России». Отъехав от группы на 500 метров на тонвагене, сел в степи на стульчик и записал все закадровые тексты для фильма. А у камеры тем временем уже выложили рельсы, расставили осветительную аппаратуру для сцены «Видение»... Прибыли все «знакомые Лермонтова» и мы сняли их, а потом и Мартынова, стреляющего в тумане в Лермонтова. Стрелял в меня дублёр, одетый в костюм Мартынова. Я не знал, что пистолет заряжен пыжом, но ясно почувствовал на своём теле пороховые брызги. Когда «убийца» выстрелил, пучок мелких искорок впился мне в лицо и глаза, что-то ударило и обожгло меня

под правым нижним ребром. Удар был достаточно сильный: меня даже повело в сторону, я едва не упал. «Убийца» стоял в пяти шагах от меня. Поразительный факт – пыж угодил мне именно в то место, куда пуля попала в Лермонтова. Бог дал мне почти реально пережить миг убийства Михаила Юрьевича. Вот и сейчас, к концу дня, под нижним правым ребром красное, с пятак, пятно. Если нажать на него пальцем, чувствуется боль. Потом сняли крупно пулевой разрыв на моей красной рубахе и растекающееся пятно крови.

После съёмки, наскоро умывшись и переодевшись, отправились в лермонтовский заповедник на товарищеское чаепитие с сотрудниками музея. Вечер был тёплым: за чаем произносились сердечные «тосты». Один был особенно приятен: «Николай Петрович Бурляев – исследователь Михаила Юрьевича Лермонтова». Из уст специалистов, преданных Лермонтову, услышать это было радостно и почётно. Читал свои стихи и поэму «Иван Вольнов»: читалось легко и хорошо, слушали в удивительном молчании. На прощание оставил музею фотографии из нашего фильма. До ночи звонил в номере телефон: телевидение, выступление в библиотеке имени Горького, в пединституте и прочее. Всё это ожидает меня в ближайшие дни... Ни от чего не отказываюсь, иду на это с удовольствием и чувством светлого долга.

24 октября. Первый маетный натурный день: серо и дождливо. А нам так нужно солнце, чтобы снять проскок Екатерины Чавчавадзе и проскок Лермонтова к «дуэли»! Пасмурный день располагает к унынию. Потолковали до обеда, поели да пошли в наступление: я сел на грим, а Олег снял проезд коляски по туманной дороге. Потом мы с Кэтино Чавчавадзе залезли на грузовик, где уже нам смастерили лавку и покрыли её седлом, и по очереди сняли наши проскоки. Дождик заливал глаза, играть было трудно, но долг свой мы исполнили. После обеда в лермонтовском

заповеднике сняли сцену вызова на дуэль. Очень помогало присутствие сотрудников музея. Я видел их глаза, действительно верящие в происходящее, и это создавало особое настроение. Я искал глазами П.Е. Селегея и не находил. Когда я окончил свой крупный план, я его всё-таки отыскал. Подошёл и спросил, где он был. Павел Евдокимович ответил: «Я смотрел на вас из окна». И его глаза, похожие на глаза ребёнка, говорили о том, как он переживал за меня. Сотрудники музея поили нас чаем, снимая напряжение, вызванное опозданием операторской группы на целый час. Все, исключая Олега, явились навеселе. Это они себе позволили впервые. Завтра придётся поговорить. Здесь же в числе зрителей я увидел Тамару Михайловну Мельникову, нашего тарханского «ангела-хранителя». Мы обнялись и поцеловались как старые друзья.

Со съёмки, не умываясь и не переодеваясь, поехали на телевидение, где состоялась запись беседы с основным составом съёмочной группы. Были Олег, Виктор, Таня Чапаева, Юра Мороз, Андрей Падашьян, Кетино Кобулия и пиротехник Игорь. Наше пребывание в Пятигорске завершается красиво.

25 октября. Хороший день. С утра неторопливо, в удовольствие, снимали крупные планы у грота Дианы, у «Эоловой арфы» восполняли «отсутствие Пятигорска» в нашем фильме. Обедали в горкомовской столовой и, памятуя о желании Александра Павловича увидеть меня в облике Лермонтова, я поднялся к нему на седьмой этаж, не отстегивая шашки.

На Машуке лежало облако, заволокло прилично, и мы с Олегом решили снимать дуэль в тумане. Когда мы готовились к съёмке, на нас свалилась сверху группа шестнадцатилетних девчонок: визг, реплики в наш адрес, хохот. Потерпев немного, взял мегафон и обратился к ним:

– Вы мешаете нашей работе... Здесь снимается фильм о великом русском поэте Лермонтове. Сейчас готовится самая важная сцена – убийство Лермонтова...

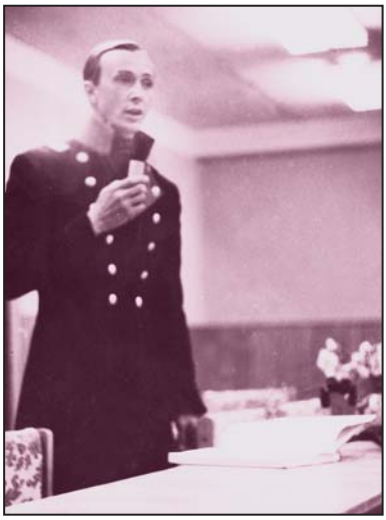
В ответ – дружный хохот.

– Вам смешно?.. Смеяться могут лишь те, кому наплевать на русскую культуру... – И положил мегафон.

Девочки оставались около нас ещё около получаса: тише воды – ниже травы, – и неслышно покинули место съёмки.

Пока я настраивал сердце и душу на этот важнейший кадр, видел, как собрана, внимательна и благоговейна вся моя группа. Каждый застыл на своём месте: осветители у дигов, Геннадий с хлопушкой в руках, гримёр с пудреницей, Олег за камерой, его ассистент с пусковой кнопкой в руках... Сняли, кажется, неплохой дубль, и очень помог мне в этом Валентин Массов, стоящий возле самой камеры и излучавший всем своим видом добрую энергию.

После съёмки, не переодеваясь, лишь сняв парик и усы, отправился в библиотеку им. Горького на встречу с деятелями культуры Пятигорска. Встреча длилась два часа: читал «Вольнова», стихи, спел песню, подробно рассказал о фильме. Зрители сердечно благодарили, просили у меня стихи, многие хотели их иметь, переснять, «почитать на ночь под залог паспорта». Оставить свою единственную книжечку я, естественно, не мог.



Вечером пили чай в моём номере с Геннадием, Валентином, Петровой и зашедшим ко мне журналистом Г.К. Баевым из Ставрополя, подарившим свою книжку. Полночь. Спать до отъезда на Бермамыт осталось всего три часа.

26 октября. Ох уж этот Бермамыт! Уже успевший стать недосягаемой легендой, притчей во языцех в нашей группе. То место, куда я стремился с начала выбора кавказской натуры. Наконец, лишь в конце экспедиции я попал сюда.

Выехали в 4 часа утра. Подхватили в Ессентуках проводника и через Кисловодск устремились в горы. Хотели успеть снять восход солнца, но он настиг нас слишком стремительно. Уже виднелись из-за хребтов два верблюжьих гор-

ба Эльбруса, они непрестанно меняли окраску: холодно-синие, заалевшие, потом зазолотившиеся... Роскошный вид портили провода и столбы электросети. К бермамытской метеостанции добрались лишь к 8 часам, когда уже всё было залито слепящим солнцем. Сразу же поставили камеру и отсняли несколько кадров и пейзажей к «первому кавказскому изгнанию». Потом наскоро поели и решили передохнуть до захода солнца.

Я взял бурку Лермонтова и уединился на скалистом карнизенишке, на парковой лавке, стоящей в полуметре над самой пропастью. Вид предо мною – горная цепь и Эльбрус – был такой же, как на картине М.Ю. «Эльбрус на восходе солнца». Видимо, Лермонтов писал её где-то здесь, недалеко от места моего сегодняшнего привала. Подставив лицо жаркому солнцу, я забылся часа на три. Очнулся, когда солнце клонилось к закату. Дал команду быстро готовиться к съёмке. Одели Валентина Странника, загримировали нас обоих и отправили Валентина вниз на плато Слоновой горы. Когда он туда добрался, мы посмотрели в камеру и увидели, что даже на самом крупном плане он выглядит блошкой на теле слона. Дали ему команду возвращаться. Сами же быстро-быстро принялись снимать кадр за кадром: «ночь в горном саду», горные пейзажи... Не упустили и красивый клин журавлей, летевших на юг высоко-высоко в небе.

Каждый из нас остался доволен этим красивым, идеальным, подаренным природой, днём. Последним днём в календаре нашей киноэкспедиции. И дорога домой была хороша. Темноту освещала полная луна. Дороги сухие, тогда как в это время года должно было уже всё развезти.

27 октября. Свободный день в Пятигорске. Непривычно. Внутри у меня – словно тугая пружина: с трудом переношу часы свободного времени. Выспался наконец. Созвонился с П.Е. Селегеем и направился к домику Лермонтова. Смотрительница, вглядевшись в меня и узнав, просияла и позволила побыть одному в комнатах, посидеть за столом Михаила Юрьевича, полистать книжку Ростопчиной, которая оказалась интересной поэтессой. Странно, что её не переиздают. Долгожданное пребывание в одиночестве в приюте последних дней Михаила Юрьевича Лермонтова.

Прощание с сотрудниками музея было теплым, сердечным. Павел Евдокимович сказал короткое слово, назвав октябрь 1985 года «бурляевским периодом». Я выслушал много добрых слов. Подтянулись мои товарищи, пришедшие снять «вид Крестовой». Ответное моё слово тоже шло от самого сердца. Я говорил о незабываемых днях в Пятигорске, где мы воплощали последние дни жизни Михаила Юрьевича, его гибель. Далее нам предстоит коснуться его детских лет в Тарханах, его петербургской юности. Мы продолжим свой труд, стараясь наделить поэта экранным бессмертием. Сказал о том, что обычно к концу экспедиций группы погрязают в интригах, тонут в алкоголе, разобщаются духовно, чего не произошло с группой «Лермонтов», сохранившей взаимное уважение и любовь друг к другу. Мне подарили розы из лермонтовского заповедника и предложили сделать надпись в книге почётных гостей, что я исполнил с удовольствием.

Оставив своих товарищей снимать «вид Крестовой», зашёл к Т.М. Мельниковой в санаторий «Тарханы», привёл её к себе. Поговорили, я предоставил ей возможность самой выбрать фотографии из нашего фильма. Сказал ей, что, если музейные работники хотят, чтобы люди узнали Лермонтова-художника, необходимо извлечь всю его живопись из запасников всех музеев и передать в Третьяковскую галерею, где экскурсоводы будут знакомить тысячи людей с его художественным даром. Лермонтов-художник наконец получит должное признание. Соглашаясь со мною, что это «светлая мысль», Тамара Михайловна смогла «расстаться» с картиной «Сиони» всего лишь на один год.

Принесли авиабилет на мой завтрашний перелёт в Москву. Сложил вещи. Всё!

29 октября. Пятигорск – Москва. Утром зашёл в горком проститься с Александром Павловичем. Поблагодарил его за добрую помощь, попросил позвонить директору «Мосфильма», чтобы не загоняли меня в тиски односерийного фильма. Обещал. Вручил ему третью Грамоту. Он просил держать его в курсе, обещал приехать посмотреть материал. Крепко пожали друг другу руки.

Меня, навьюченного вещами, с двумя тяжеленными яуфами нашего драгоценного материала, отвезли в аэропорт и отправили в Москву. Завёз материал в свою монтажную, заказал на завтра просмотровый зал и прибыл домой. Здесь Иван и Наталья подготовились к моему приезду: всё чисто и обед вкусный на столе. Сегодняшняя «Правда» написала о съёмках «Лермонтова».

29 октября. Началась работа в недрах «Мосфильма». Утром в 9 часов просмотрел новый материал. Потом сновал по студии, общался с группой и друзьями. Зашёл к директору студии, отчитался об экспедиции. В 16 часов снова посмотрел весь кавказский материал, имеющийся на сегодняшний день, а его уже много. Ощущение неплохое. Воображение складывает в единое целое различные эпизоды.

Далее получил порцию студийных интриг: после того как генеральный директор студии и парторг подписали ходатайство в Моссовет о поддержке моей просьбы об увеличении жилплощади, профкомовцы Зальштейн и Сухорецкий отказались подписывать письмо. Объявили, что если нам дадут квартиру, то обрежут единицу у «Мосфильма». Я задал вопрос:

– А разве я не достоин? Я тридцать лет в кинематографе. – В ответ нечленораздельные слова.

Сказав, что поражён подобным отношением, я взял со стола письмо и демонстративно покинул кабинет. Я понимаю, что эти бытовые «мелочи» будут неизбежно возникать на жизненном пути. Скверно, конечно, но меня больше заботит мой фильм. В сознании производится внутренний монтаж сцен и эпизодов. Та-

тьяна Чапаева, посмотрев материал, пролила на меня поток своей неудовлетворённости. Расстроилась, что плохо сняты её костюмы. Сегодня я понял, почему некоторые режиссёры вообще никому не показывают свой материал. Пожалуй, и мне стоит сократить число «зрителей». Ведь никто из них не знает того, как будет в итоге выглядеть картина, и реагируют столь эмоционально, не имея понятия – войдёт ли это в окончательный монтаж.

30 октября. Утром, имея свободные полдня, пока мои монтажницы осваивают и подбирают материал, встретился на студии с корреспонденткой АПН, дал интервью для Сирии. Заглянул в комбинаторскую «комнату чудес» Травкина. Он показал мне кадр с всадником, церковью и солнцем. Я уточнил положение солнца и характер освещения.

В группе полная гармония: Демидова, Петрова, Чапаева и другие ходят загорелые и красивые, глаза светятся.

В 15.30 снова вошли в просмотровый зал: были Олег, Демидова, Травкин с помощником. По окончании просмотра Травкин сказал: «Я воодушевлён материалом». Он горячо поздравил Олега, пожал ему руку. Олег был счастлив, сиял. И мне на сей раз материал лёг на сердце. Действительно, есть из чего монтировать красивые сцены. На душе светло. Теперь мне понятны слова Лермонтова о том, как окреп он на Кавказе.

Однако непрерывная внутренняя работа, происходящая в моём сознании, доходит иногда до комического. Второй раз, по словам Натальи, я среди ночи вскакиваю и сажусь в постели с открытыми глазами, вглядываюсь вдаль и говорю:

– Нужно снять этот кадр...

Наталья, уже умеющая управляться со мной, отвечает:

– Нет, не нужно...

Подумав, я соглашаюсь:

– Да, ты права – шкаф мешает...

Утром я смутно вспоминал этот эпизод. Помню, что к «финалу со шкафом» я уже почти проснулся. Смешно, конечно, но освещённая луной комната была действительно сказочно прекрасна... На сегодняшний день снято уже 1159 полезных метров.

31 октября. Полдня отдыхал дома. После обеда поехал на студию. Все женщины нашей группы ходят красивые, загорелые. Забежал к Травкину, обговорили ряд комбинированных кадров. Встретился с представительницей западногерманской фирмы «Альянс» – Панковой. Показал ей материал, попросил срочно выделить нам «кодак-позитив» для комбинированных кадров. Увидел новые сцены, снятые у «источника» и на Бермамыте. Последний снят удивительно: красота, поражающая взор.

2 ноября. Вчера умонтировался до такой степени, что не мог записать прожитый день. Состояние – словно проработал две смены в забое на угольной шахте: тело ломит, подташнивает, глаза от боли закрываются, хочется лечь. Ночью был явный жар. Зато смонтировал весь «первый Кавказ»: 9 часов работы не разгибаясь. Легко и радостно работать со столь красивым изображением!

4 ноября. Утром примчался на «Мосфильм» первым: в группе никого. Примерил в костюмерной шинель, в пошивочном – почти готовый гусарский ментик. В 10 часов встретился с Джеммой Фирсовой, предложил ей роль гадалки Кирхгоф. Она прочла сцену, взяла почитать сценарий. Будет думать – она очень серьёзно относится к любому образу, воплощаемому актёром. И правильно делает. До 18.30 трудился в монтажной. Смонтировал разговор с Котэ в «лагере в долине» и почти всё «сражение» – довольно много для одного дня. Приходил представитель церкви, наш консультант по религиозным обрядам. Выбор церкви для съёмок – дело непростое.

5 ноября. Весь день монтировали с удовольствием. Успели снова немало: завершили «сражение», подчистив и то, что делали вчера. смонтировав сцену «после боя», приступили к «третьему Кавказу». Потом долго трудились над «дорогами России», накладывали закадровый голос Лермонтова, монтировали «первый источник». Отвлекался я лишь на посещение «комнатки великого комбинатора Травкина». Он показал мне «дуло пистолета» с наездом в зияющее чёрное пространство. Мне очень понравилось. Борис Тихонович постоянно радует.

Приводили ко мне двух грузинок: обе красивы, но для Нины Грибоедовой обе не подходят. Предложили им участие в качестве родственников Чавчавадзе. В павильон, который для нас строят, пока не заглядываю, Юшин просил повременить с осмотром. Однако меня волнует, как там идёт работа. Скоро не вытерплю и нагряну с проверкой.

6 ноября. Сегодня примчался на «Мосфильм» без пяти минут девять, раньше монтажниц. Целый день собирали весь имеющийся материал для показа композитору Борису Петрову. Работали без обеда в таком темпе, что искры летели; торопились, словно на сдачу картины. Смонтировали неслыханно много: «второй источник» и «вторую интригу с Неизвестным», «вызов на дуэль»; добавили полученные утром новые планы в сцену «после сражения», смонтировали «ночь в горах» и «видение дуэли». И, наконец, целую часть финала: «проезд на дуэль», «скачка к горе Машук», «приготовление к дуэли» и сама дуэль. На просмотре были Борис Петров, Марис Лиепа, Серёжа Смирнов и звукооператор Лилия Алексеевна. Смотрели в тишине. Я сам впервые увидел всё, что на сей день воплощено и смонтировано.

После просмотра с Борисом и Серёжей поехали ко мне. Говорили о материале. Всем ясно одно: картина получается. Я никогда не сомневался в этом: слышу живое биение пульса будущего фильма. Обговорили с Борисом и музыкальную основу картины: темы, их развитие, характер музыки, её идейно-образный строй. Нам хорошо работать с Борисом – взаимопонимание и единодушие полные: то, что начинает выражать один из нас, свободно продолжает другой. В заключение Борис сыграл мне вещь Ц. Франка, очень близкую строю «Лермонтова».

После просмотра стало ясно одно: Генеральной дирекции мы должны показывать материал без длиннот, дабы не отпугнуть «умышленным растягиванием на две серии». Да и мне будет понятнее, на сколько я реально превышаю метраж. Ещё утром доставили новые планы Бермамыта. Они – великолепны.

В монтажную дозвонилась художница Шаталова, автор сенсации о живописной тайнописи Лермонтова, хочет встретиться, что-то показать и написать меня в образе поэта.

7 ноября. Уже третий день не дают покоя гастритные боли в желудке. Даже сейчас после ночного отдыха и успокоения после просмотра – болит. Полдня провёл в постели. Боли несколько ослабли. Гулял по осенним окрестностям. На природе хорошо и думается продуктивно. Размышлял о монтаже, очищенном от длиннот, о закадровом голосе, о едином потоке картины. Наступили праздничные ноябрьские дни, мы с Натальей и Иваном решили побывать на даче, отдохнуть.

8 ноября. Славные осенние дни. Загородный покой, уединённые прогулки по прелой листве. Сегодня Наталья почитала мне заметки о её пребывании на кавказских съёмках. С удовольствием слушал описание наших экспедиционных будней. Мне даже стало жаль, что я записываю столь сухо, мало живописую природу яркими красками, достойными величия гор, ущелий, небес...

Почему-то, когда я записываю события дня, мне словно стыдно «тянуть одеяло на себя», якать, самовозвышаться. Мне уже сейчас понятно, что «Лермонтов» станет новым, ярким словом в кинематографе, не бесполезном для людей. Сомнений в этом нет уже давно, с тех пор как осознал возможность прорыва в жанре историко-биографического фильма. В рискованном жанре, имеющем мало достойных примеров. Недаром один ушлый «змей-сценарист», несостоявшийся в России и улетевший в «райские» заморские края, яростно отговаривал меня от написания сценария о Лермонтове, говоря, что это гибельная стезя, предрекая провал. Чтобы создать фильм, адекватный великому историческому герою, поэту, гражданину, наделённому высокой душой, нужно и самому создателю быть, хоть немного, поэтом, стремиться к возвышению душ и к тому, чтобы исповедаться в своём творении, как исповедовался, каждый раз берясь за перо, сам Лермонтов. Может быть, это выглядит нескромным, но я, по крайней мере, всей душой стремлюсь к этому. Сегодня, когда снято всего 1200 из 2700 метров будущего фильма, я твёрдо уверен в победе: в том, что мой «Лермонтов» станет достойным детищем российского кино, активным бойцом с силами зла, борцом за любовь, за Россию, за Гармонию, за Светлый высокий Дух. По последнему просмотру вижу, что я был прав: Лермонтов получается чистым, любящим,

светлым. Это будет главной моей победой. Раскадровал сцены: «рождение», «мать и дитя», «ссора родных», «первая болезнь», «похороны».

9 ноября. Хотел продолжить раскадровку, но Наталья попросила написать стихи к премьере «Бемби» – корпел до обеда, четырежды переписывал. Вечером Иван сочинил к этим стихам музыку. Раскадровал всего одну сценку – «известие о смерти Дмитрия Столыпина». Наотдыхался за праздники, восстановил силы. Жду не дождусь завтрашнего дня, хочу скорее на «Мосфильм», скорее в работу.

10 ноября. Встреча с группой, обсуждение насущных необходимостей, посещение Травкина, монтаж, фотопроба Валентина Массова на Пушкина... Сначала выяснилось, что костюмеров нет и одеться не во что. Решил снять Валентина в его костюме. Пластической лепке он поддаётся легко, коррекцию принимает сразу. Кажется, мы близки к утверждению его на роль. Монтировал сцены с Варенькой. На глазах проявляется суть обеих сцен. Оставшуюся часть дня монтировали сабельный поединок с Мартыновым, что было делом нелёгким, но интересным. Вечером – до ночи – звонки, переговоры. Джемма Фирсова отказалась от гадалки, обосновав отказ тем, что не хочет вкладывать свою энергетику в чёрный каркас ворожеи.

11 ноября. В 9 – уже на студии, встречался с художником-шрифтовиком, показавшим макет надписей – эпиграфов Белинского и Лермонтова. Исправил ошибки в тексте. И сразу же – в монтажную. Прометровали имеющийся материал: на снятых 1159 метров смонтировано 1995, а это больше на 836 метров, то есть почти на 30 минут. Домонтировав сцены в «Архангельском» и «скачку к Вареньке», начал перемонтаж и урезание по второму кругу, сначала с первой части, из которой удалось вынуть всего 25 метров.

Стало совершенно очевидно, что фильм сложится в две серии. Сразу полегчало, ушли сомнения: а наберётся ли на две серии? Набирается с лихвой! В том, что мне удастся отстоять вторую серию, нет сомнения. Не думаю, что найдётся здравомыслящий

человек, посягающий на живое существо фильма о Лермонтове. Монтируя, я стараюсь урезать как можно беспощаднее, но плотность и ценность сложенного материала такова, что изъять без ущерба для фильма уже почти ничего нельзя. Получил фотопробы В. Массова. Есть портреты, где Валентин очень похож на Пушкина, но выдаёт возраст. Удастся ли добиться сходства? Посоветуюсь с Т.В. Ковригиной.

Шахалова, отвечающая за музеи Москвы, в довольно невежливом тоне отказала в съёмках в зале Аксаковского музея: сначала в резолюции на нашем письме, а сегодня уже и устно. Хочу встретиться с ней лично: сможет ли она отказать, глядя мне в глаза? Тогда и решу, что делать.

Если бы было возможно, не отходил бы от монтажного стола сутками. Но всему есть предел: и рабочему времени, и человеческим силам. А они оставляют меня довольно быстро. Не знаю, в чём тут дело: то ли в загрязнённости окружающей среды, то ли в дурной энергетике, которую излучает монтажный цех, а может быть, просто в изматывающей постоянной концентрации мысли.

12 ноября. С радостью записываю этот большой, боевой, рабочий день, ознаменовавшийся новой победой «Лермонтова». В 16 часов Шахалова приняла меня в Литературном музее. Беседа длилась около часа. Она подготовилась в моему визиту: на столе лежала инструкция о запрещении съёмок в музеях и на их территории, а также в использовании в съёмках музейных экспонатов. Я описал характер нашего фильма и ход работы над ним. Напомнил, что и нам было позволено снимать даже в Большом Кремлёвском дворце. Поначалу она хотела отказать, упрекнула в неправильности действий. Потом, слово за слово, потекла беседа. Я вспомнил об Ираклии Луарсабовиче Андроникове, благословившем наш фильм, в доме которого она частый гость... И она согласилась не только на съёмки в Аксаковском музее, но и на вывоз на съёмку четырёх подлинных живописных работ М.Ю. Лермонтова из экспозиции московского домика на Молчановке. Простились тепло.

После беседы с Шахаловой работал с особым воодушевлением. На сегодняшний день смонтировано семь частей. Завтра оста-

ётся подрезать восьмую часть, и фильм можно показывать руководству. Из каждой части удаётся урезать не более 15–20 метров. Завтра высчитают общий метраж, думаю, он будет составлять около 1850 метров. Урезать уже, кажется, нечего.

Сегодня прилетела из Грузии актриса Мария Чичинадзе пробоваться на Нину Грибоедову. Мне она понравилась. Сделали фотопробу, надо решать... Работа в двух монтажных кипит: в соседней комнате звукооператор Лилия Алексеевна с двумя монтажницами протягивает вторые плёнки с шумами, музыкой и песнями. И в группе, где я не появляюсь уже который день, судя по слухам, тоже царит спокойная рабочая обстановка. Коллектив не только сработался, но и сдружился.

13 ноября. Выяснилось, что В.Л. Десятерик занят и просмотр фильма перенесён на завтра. Это к лучшему. Смогли доработать последнюю часть и, поручив поставить гром под финал картины, с Олегом и Виктором прокатились до филёвской церкви, где ещё раз убедились, что она не пригодна для съёмок. Днём соединился с основной частью группы в просмотровом зале. Предупредил всех, что будем смотреть первую сборку фильма. Конечно же были накладки – музыку ставили без меня и перепутали темы, подложили не всё, что я ожидал услышать, а гром в финале был просто бездумно понатыкан, но в целом ощущение от просмотра осталось хорошее. Из одного зала перешли в другой и просмотрели несколько частей балов. Ринулся в монтажную, думал кое-что подправить к завтрашнему просмотру, но Лилия Михайловна была уже совершенно без сил, и мы расстались до завтра.

Дома Наталья начала с критических замечаний и советов. Я пожалел, что жена – тоже режиссёр. Не отметив первых удач, принялась давать формальные советы по «усовершенствованию» фильма. Я даже обиделся на неё, удалился в соседнюю комнату, дабы побыть одному. Что же думаю я сам об этой первой сборке? Доволен или нет? При всех монтажных и звуковых издержках фильм обретает живую плоть и кровь. Он на глазах превращается в своеобразную киносимфонию о «гонимом миром страннике с русскою душой». Уже теперь в картине пробиваются искорки озарения и правды, и надеюсь, они будут разгораться. Чем не до-

волен? Надо тщательнее обдумывать изобразительную пластику монтажных стыков. Она может быть и потоньше. Валентин Массов, просматривая эпизод из тарханского детства Лермонтова – духовное единение внука и деда, – заплакал и произнёс: «Такого ещё не было на экране».

14 ноября. И снова – светлый день. Олег с утра поехал снимать бричку к «дорогам России», а я до 17 часов работал в двух монтажных. В главной – мы с Лидией Михайловной перемонтировали последнюю часть и подложили музыку и выстрелы по всем частям фильма. А в соседней – звукооператор Лидия Алексеевна с монтажницей Галей подкладывали шумы и армейские сигналы. Работал с удовольствием, а чувствуя удачный монтаж последней части, даже с наслаждением.

Директор хотел посмотреть фильм ещё днём, но Н.Н. Глаголева как редактор фильма настояла на том, что вначале посмотрит она. На неё, просмотревшую за свою жизнь тысячи картин, наш материал произвёл впечатление. В конце, когда Лермонтов говорит, пускаясь вскачь: «А вот и наши... Давай догонять!..» – Нина Николаевна воскликнула: «Он к гибели своей поскакал! – И тут же, словно утешая себя, добавила: – Но ведь его всё равно бы убили...»

После просмотра я подал ей мою официальную просьбу: заменить эпиграф картины. В сценарии было: «Нет, нет, мой дух бессмертен силой. Мой гений веки пролетит». Я предлагал заменить на лермонтовское четверостишье:

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни.
Боясь лишь вечного суда
И чуждый на земле боязни.

Нина Николаевна сослалась на отсутствие очков, взяла бумагу, сказала: «Подумаю...» и разрешила показать материал директору.

Костюмерша Катя вышла из зала с широко раскрытыми глазами: «Я только сейчас поняла, что мы снимаем...» После просмотра, на эмоциональном подъёме, внутренне уверенный в своей правоте, я сказал Н.Н. Глаголевой:

– Должен официально вам заявить, что фильм будет двухсерийным. Я честно сокращал и урезал всё что можно, дабы меня не упрекали в умышленном растягивании картины. Думаю, фильм будет идти два часа двадцать минут, не меньше. Я, конечно, подрежу горы и ещё кое-что. Уйдет метров двадцать – сорок, ну, допустим, – сто. Но не больше. Резать живую плоть фильма невозможно. Виновен один человек, против воли худсовета отнявший вторую серию, – главный редактор Объединения В.В. Карен. Фильм о Лермонтове делается впервые за сто сорок лет, и кромсать его – грех.

Нина Николаевна улыбнулась и не стала возражать.

Сегодня же я написал письмо Патриарху Московскому и всея Руси Пимену с просьбой разрешить съёмки в арбатской церкви.

Положив рядом фотографии двух претенденток на роль Нины Грибоедовой и репродукцию её подлинного облика, решил утвердить Марию Чичинадзе. Завтра начинаем съёмки в павильоне. Все мои грузинские актёры уже приехали в Москву. На ночь раскадрую три сцены в доме Чавчавадзе, обмозгую их и отойду ко сну.

15 ноября. Снова выдался удачный день. Первый съёмочный день в павильоне «Мосфильма». Смену назначили на 14.00, но вступили мы в бой в 18 часов. Доделывалась, мебелировалась, обставлялась гостиница Чавчавадзе. Оставалось четыре часа, за которые нужно было снять ещё три сцены. Олег Фёдорович начал публично выступать, что это невозможно, и я вынужден был решительно пресечь «панические» разговоры в присутствии группы и актёров-грузин. Показал им часть фильма с «первым Кавказом», они остались очень довольны.

Загримировавшись, заглянул в павильон к С.Ф. Бондарчуку. Он долго и с интересом разглядывал меня, трогал руками ткань мундира и, видно, был доволен. Сказал, что видел мой портрет в новом выпуске журнала «Советский фильм»:

– Все женщины ахают: «как похож!»

Вскользь припомнил мне пушки, взятые в его группе «напрокат»:

– Пушки ты всё-таки забрал... Возвратили лом..

– Ну, он-то здесь ни при чём... – вступились за меня его помощники.

Я пригласил его на просмотр фильма на худсовете Объединения во вторник в 10 часов. Ради этого он на час позже перенёс начало своей работы. Посмотрим, придёт ли. Когда я откланялся, он сказал:

– Иди... я вижу, ты говоришь, а думаешь о другом...

И снова – в атаку! Сняли все планы с грузинами. Кетино Кобулия совсем освоилась, раскрепостилась, начала шутить. Имидо Кахиани пригласил нам в помощь своего московского друга Торнике, директора ресторана Дома художников – нарядили его генералом. Работалось с радостью и шутками. Красиво выглядели наши Чавчавадзе в своих зеленоватых и чёрных одеяниях...

16 ноября. Утром позвонил взволнованный, весь кипящий желанием работать Геннадий. Сообщил, что вчера занимался нашими грузинами до часу ночи: водил их разгримировываться, переодеваться, доставил в гостиницу. Сказал, что Мария Чичинадзе очень гордилась нашей Грамотой, читала её всем то на грузинском, то на русском языках. Теперь бегает, сдаёт билет не приехавшего Кости Бутаева. Я радовался, слушая взволнованную речь своего брата: «Лермонтов» спасает многих, даёт возможность начать всё сначала, обрести смысл существования.

17 ноября. Ново-Дарьино – день отдыха, прогулка на озеро. Первый снег мнётся как вата и поскрипывает под мерными шагами, оставляя первые следы на пороше. Сердце наполняет ощущение ненарушаемого покоя, единения с природой. Выбрал берёзку, прислонился к ней спиной, обхватил ствол, сцепил пальцы, и замер – подставив лицо солнышку. Суета вчерашнего дня ощутимо уходила из сознания и души.

18 ноября. На одинокой прогулке, размашисто шагая по скрипящему снегу, учил монолог о «корысти, расползающейся по миру», перед тем переписал текст на отдельный листок, окончательно уточнил смысл, кое-что добавил. Это мой первый монолог на экране за долгие годы после «Игрока». А по сути и важности для России слов о распятии русских пророков – первый текст в

моей жизни. Хорошо быть полновластным автором своего творения: выражать свои мысли и осваивать свой же текст, дописывать новое и шлифовать написанное; видеть перед мысленным взором движение камеры, крупный план, чередование точек съёмки – звучание будущего эпизода. Раскадровал «квартиру Лермонтова» и все эпизоды, которые должен снять на этой неделе. Неделя ответственная: предстоит снять ещё один монолог – чтение стихов на смерть Пушкина.

В перерыве написал Наталье 10 четверостиший-загадок к премьере «Бемби». В.М. Сидоров едет в Индию, обещал передать от нас с Натальей письма к С.Н. Рериху: написал ему сегодня целый рассказ о работе над «Лермонтовым».

20 ноября. Вчера завершили съёмку сцены у Чавчавадзе, сняли три крупных плана Лермонтова, затем вошли в новую декорацию – «квартира Лермонтова». Сняли одну из самых сложных и важных в идейном и духовном плане сцен о «Спасителе, посланном светлым лучом в самое исчадие корысти», и о том, что не по зубам корысти Россия придётся. В завершение дня собрались у Светланы Михайловны по случаю дня её рождения. До полуночи веселились; спать лёг во втором часу и утром встал утомлённым.

Утром состоялся просмотр, а потом обсуждение на худсовете Объединения нашего материала. Смотрели в полной тишине. Говорили единодушно положительно: «Интересно...» «Красиво...» «Фильм обещает быть явлением в кинематографе...» Ободрённый, я в заключение напомнил о том, что, когда на худсовете обсуждался мой сценарий, В.В. Карен «ликвидировал» вторую серию. А теперь становится очевидным, что фильм должен быть двухсерийным продолжительностью 2 часа 20 минут. Директор Объединения Л.В. Канарейкина возразила, что решение об односерийном «Лермонтове» принято руководством Госкино, и Объединение здесь ни при чём.

С 12 до 21 часа хаотично, до изнеможения работали в павильоне. До часа в соседней строящейся для нас же декорации стучали и рокотали моторами и электропилами. Я решил было остановить съёмки из-за невозможности работать в таких условиях. Послал за Демидовой – утешила, что завтра всё будет в порядке. Но

тут началась «утечка артистов». Приходилось выкручиваться на ходу. В павильоне перед камерой – суета, шум, в тридцатиметровой комнате человек 50. Начал ошалевать от усталости. Каким-то чудом снял несколько кадров, закончил раньше на час и бежал с поля боя домой. Такой усталости у меня не было даже в самые сложные дни на Кавказе, разве что когда монтировал материал. Сказывается замкнутое пространство со множеством постоянно говорящих людей, клубами пиротехнического дыма, за которым едва различаешь происходящее в двух метрах. Каждый день я вынужден выдавать по 60 метров, мы отстаём, живём в счёт завтрашнего дня, а завтра снова нервотрёпка, хаос и вечно утекающие – прямо из рук – актёры.

Уже полночь, устал, но ещё нужно разработать план завтрашней съёмки и выучить монолог к сцене с Раевским: «Правду нужно в полный голос говорить...»

21 ноября. Невероятные дни: боевые, творческие, кровопролитные – на разрыв аорты, но приносящие истинное удовлетворение. Те, кто когда-нибудь будет читать этот дневник, могут подумать обо мне: «Что за восторженный чудак? Чему он всё время радуется?..»

Да, радуюсь, прожив 39 лет и пребывая часто в разных душевных состояниях: от полного отчаяния, на грани поседения волос и серой тоски на душе, неудовлетворённости всем на свете, и, прежде всего – собою, до... Не хочу писать о некогда переживаемых чувствах – всё это осталось в прошлом. Но ныне я осознанно и безмерно р а д у ю с ь и пишу об этом совершенно открыто. Своим трудом я непрестанно утверждаю радость созидания и, как это ни покажется странным, – с ч а с т ь е кровопролитных боёв за моего «Лермонтова». Труды всех этих лет и дней – реальное воплощение эпизодов картины – всё больше приближают к моему сердцу образ Михаила Юрьевича. Из глубины души исходят слова поэта, произносимые в фильме: «Меня с ног свалят – не беда, другой на Руси поднимется...» «Слово своё нужно жизнью подтверждать...». «Я воин – присягал России служить...»

Вчера наконец утих хаос первых дней работы в павильоне. Ритм нашего труда стал спокойнее, сцен «в квартире Лермонто-

ва» осталось снять немного – можно не торопиться. После обеда отпустил всех актёров, остался лишь Серёжа Смирнов (Раевский), и мы в тишине настроились на парную сцену: «Стоило ли подпись-то свою под стихами ставить? Беды бы не вышло...» Я, ненавистник больших текстов, выучил длинный монолог, написанный мною же. И каждое слово быстро запоминалось. Впрочем, у меня было пять лет, чтобы выучить этот текст. Удивительно легко работать с Сергеем! Он полностью вживается в образ своего героя, но очень переживает за свою работу. Подбадриваю его, как могу. Павильон, построенный Юшиным, выглядел красиво. Уставшая группа притихла в разных углах «комнаты Лермонтова», ожившей в лучах «солнца», падающего из окон и освещающего пол и стены.

Дома до часа ночи учил текст предстоящей утром сцены – чтение стихотворения «На смерть поэта». В 7 утра отправился на студию. Весь эпизод решил снимать одним кадром. Готовились спокойно – время позволяло. Олег поставил свет, я развёл актёров по мизансценам, отрепетировал с движением камеры, текст произносил вполголоса, не включаясь полностью до первого дубля. Когда всё было готово, попросил две минуты, чтобы собраться и войти в нужное состояние. Ушёл за декорацию, побегал, чтобы обрести нужное дыхание, пытаясь вызвать в душе и сердце нужные образы, которые могли помочь заплакать на словах «А вы, надменные потомки...» Ведь сам же написал в сценарии: «Я плакал и не стыдился слёз боли и ярости...» Теперь мне самому же предстояло это «расхлёбывать». Неожиданно быстро почувствовал внутреннюю готовность души, буквально ворвался в комнату: там все на местах. Нюхнул нашатырь, вместил в себя всех присутствующих, ждущих от меня «чего-то»... Увидел портрет Лермонтова на стене – «дома и стены помогают». Яростный стон, слёзы... команда: «Мотор!» Я кричал сквозь слёзы с такой яростью, что среди дубля отклеились усы. Вынужденная остановка. Моментально подклеив усы, не теряя состояния, продолжая плакать в руках гримёра, ринулся на второй дубль, собраться на который мне вновь помогали портреты Михаила Юрьевича, его отца и, главное – матери, висевшие на стене. Взгляд матери – нежный, полный любви,

дающий силы... Она словно ободряла меня. Слёзы подступили к горлу. Я скомандовал: «Мотор!»

Когда сцена завершалась и я говорил Мартынову: «А ты – антипод Пушкина! И я ни за что не отвечаю, если ты сию же минуту не выйдешь отсюда!» – слёзы мешали мне говорить. На словах: «Русский человек, душою русский, а не офранцуженный... какую бы обиду Пушкин ему ни сделал – снёс бы её во имя любви своей к славе России!..» – горло сжимали спазмы. Я решился и на третий дубль, но он вышел суше. Впрочем, экран покажет. Надо сказать, что Сергей Смирнов, стоявший за моей спиной, тоже плакал. Встретился с ним глазами перед вторым дублем, и искра пробежала между нашими сердцами, губы задрожали, и мы готовы были разрыдаться от переполнявших нас чувств – боли и счастья. Именно нам оказана честь «постоять головою» за Лермонтова и Россию. Закончил съёмку с ощущением праздника, словно полководец, выигравший решающее сражение. Пожалуй, так оно и было.

В оставшуюся часть дня дописал письмо к Патриарху Пимену, присовокупил своё фото в образе Лермонтова, визитку и отправил в Патриархию Светлану Михайловну. Через час возвратилась с известием, что письмо сегодня же отдадут заболевшему Патриарху и завтра будет ответ. Возможно, понадобится моя личная встреча с руководством РПЦ.

Сцену с Бенкендорфом, переходящим из своих тайных апартаментов в гостиную Лермонтова, которую я долго не мог представить в уме, домыслил на площадке. Самое главное, что актёр Улдис Лиелдидж примчался по телеграмме «молния», и мы сняли этот кадр в своё удовольствие – не торопясь.

Пригласил всю группу на завтрашний просмотр материала. Душевный подъём не покидает меня: «Есть упоение в бою и бездны мрачной на краю!»

Довольно ныть, жаловаться и злиться от бессилия. Нужны – оптимизм, мужество, борьба и утверждение добра, радости и

красоты. Сегодня перевалили пик фильма, снята его половина – 1350 метров. Кажется, самое сложное – позади. Картина набирает мощь по крупицам: кадр за кадром – Лермонтов начинает оживать!

22 ноября. Съёмок не было. Не работать – непривычно. Посидел час с Травкиным в монтажной, прокрутили на столе четыре части, отметили кадры, подлежащие лавандированию и последующей работе комбинаторов. Дважды показывал материал: в 10 часов – генеральной дирекции, в 14.30 – родным и всем желающим членам группы. После первого просмотра, прошедшего в полной тишине, все четверо: и В.Л. Десятерик, и А.А. Мамилов, и Н.Н. Глаголева, и Досталь – единодушно отметили, что «создаётся большое произведение», высказывали пожелания. Десятерик просил усилить образы России, питающие душу Лермонтова с детства. Он поддержал Глаголеву, выразившую неудовольствие по поводу частых упоминаний Бога: «Понятно, что в то время так и было, но мы-то делаем картину для нашего времени...» А в сознании моём прозвучало: «Делаем для Вечности». Чего я, конечно, не сказал вслух. Досталь отметил, что всё и по всем параметрам в нашей картине делается на высоком творческом уровне. Десятерик и Мамилов пожали мне руку. Не могу сказать, что я волновался на этом показе, напротив – был спокоен, да и сама атмосфера в зале была доброжелательной. Л.В. Канарейкина, когда мы с ней шли по коридору, заметила:

– Мы в Объединении читаем сценарий «Грибоедов», большой сценарий, серьёзный, а вот Грибоедова в нём нет. У вас же – Лермонтов – есть.

Надеюсь, что теперь можно спокойно доснимать и показать им уже готовое «кино». Дождавшись своих дорогих стариков, приехавших вместе с тетей Фаей, в 15 часов начал показ для группы. Снова – положительная реакция, некоторые вышли ошеломлённые, говорили, что не ожидали такого. Отца, мать и тетю Фаю я такими не видел. Да и они смотрели на меня со слезами и не могли говорить. Спустя два часа я созвонился с ними, и мать сказала:

– Я даже с отцом поссорилась. Он говорит: «Поешь, поешь!» А я говорю ему: «Да не хочу я есть. Я хочу лечь и думать о Лермонтове...»

После просмотра повёл родных в павильон с декорациями, показывал уже отснятые и новые, строящиеся объекты. Был на просмотре и Усен с каскадёрами. Я порекомендовал его С.Ф. Бондарчуку на постановку боёв в «Годунове». Пресса непрестанно пишет о нас. «Советский экран» выступил с очерком сатирического характера и завершил его моими якобы словами: «Мы постараемся всё сделать самым лучшим образом».

24 ноября. Воскресенье, Ново-Дарьино. Отдых, восполнение сил: прогулки с сыном и собакой к озеру. Наслаждаюсь Пушкиным, его моцартовской лёгкостью и изяществом стиха, и ещё больше ощущаю рядом с ним величие его собрата Лермонтова. Это поистине две вершины российского духа, два кровных брата, настоящие сыны России. Читая Пушкина, приглядываюсь, что можно взять в картину. Разминаю планы на будущую неделю, прикидываю в уме сцены, которые должен снять. Мозг ни на мгновение не отключается от фильма. И перед сном, и во сне идёт непрерывная работа: монтаж сцен, «разговоры с худсоветами», проигрывание возможных ситуаций, ответ на вопросы и замечания. Я спокоен за окончательную судьбу картины, хотя и предвижу тьму «доброжелателей». Предвижу проблемы с трусливыми, трясущимися за свои «стулья блюстителями кинопорядка». Вполне возможно, что они, чувствуя душою правду картины, будут вставать преградой на её пути к людям, будут предлагать урезать, обездушивать и приглаживать мой фильм. Что ж, поборемся. Со мной не совладать, фильм не погубить, он уже стал живым организмом и будет день ото дня набирать силу и неистребимую мощь.

Ночь с 26 на 27 ноября. Два дня напряжённой, до полуночи, работы в павильоне. Снимаем «тарханскую усадьбу», «детскую

комнату» и «гостиную». Сначала укладывали в постель маленького Файбышонка, и он послушно, как вдумчивый собранный артист, слушал все мои команды и мгновенно их исполнял: входил в образ больного Мишеньки, репетировал медленное открывание глаз, расфокусированное зрение больного, пересохшие губы, метался по подушке – удивительно! Работал как профессионал, и это в три с лишним годика. Потом в эту же постель лёг Ваня и тоже входил в образ больного, но уже девятилетнего Миши, и тоже хорошо работал. Сегодня досняли два крупных плана Вани в сценах болезни. Посмотрели новый материал: «квартиру Лермонтова» и «усадьбу Чавчавадзе». Несмотря на отдельные дубли, пробитые ОТК как брак, на нестыковку в кадре отдельных планов, на то, что моё чтение «На смерть поэта» снято общим планом, а уникальный дубль, когда я не играл, а жил и плакал по-настоящему, не запечатлён, – несмотря на всё это, весь материал красивый, радующий глаз высокой эстетикой и изобразительной культурой. В интерьерах и костюмах достоверно передана эпоха. Хорошо и по свету, и цвету. Сходство с Лермонтовым уже очевидно и мне. Впервые, глядя на изображение, я и сам поверил, что на экране – Лермонтов. Динамизм, который присутствует в последних сценах, – необходим, и его надо добиваться в будущих сценах тоже.

Сегодня снимался Б. Плотников. Работать с ним – удовольствие. Профессионален, точен, духовен. Наталья задолго до съёмок входила в образ, сидела в дальней декорации, ей надо было плакать в сцене ссоры близких. Файбышонку тоже предстояло заплакать, глядя на ссору из-за двери. Я честно предупредил его, что дам ему понюхать такую жидкость, от которой он заплачет, но когда перед дублем поднёс к его носу ватку с нашатырём и он доверчиво нюхнул, слёзы мгновенно градом покатились, и он заплакал по-настоящему от неожиданности и обиды, стал тереть глаза кулачком. Я сказал ему: «Открой глазки, опусти ручку», – и он послушно исполнил команду. Каждый новый кадр, словно вклад в заветную копилку, новый бриллиантик – в сокровищницу будущей картины.

27 ноября. Усталость привычная: второе утро фехтовали с Бибо и Руслановым (Эрнестом де Барантом) на шпагах. Попутно в на-

шей декорации снялись для «совэкспортфильмовской» рекламы. Это утомление восполняет чувство глубокого удовлетворения всем происходящим. Снова замечательно работал маленький Файбышонок в важнейшей сцене, когда мама играет на фортепиано и поёт ему свою песню. Для первого дубля, чтобы вызвать его слёзки, снова пришлось прибегнуть к провокации. Я предупредил Вову, что снова должен дать ему понюхать эту «плакательную жидкость», и поднес к его носу ватку с нашатырём. Та же реакция – мгновенные слёзы, только теперь уже явно подготовленного актёра. Кулачок от глаз был мгновенно убран, и он уставился на меня. Во время дубля я показывал ему приз, который он должен будет получить по окончании съёмки, – давно обещанную красную рулетку, которую я выпросил у ассистента оператора. Файбышонок заворожённо глядел на мои манипуляции и слушал мой голос. На втором дубле, более крупном, я тихо спросил:

– Вовочка, хочешь ещё понюхать ватку?

– Нет! – воскликнул малыш и с готовностью заплакал.

Порадовал и Иван, без репетиции сыгравший свой плач за фортепиано – сцену, так хорошо отработанную им на пробе. Я волновался, удастся ли ему всё повторить на должном уровне. Спросил, капнуть ли ему в глаза. Он немного подумал, прислушался к себе и сказал:

– Кажется, я и сам смогу...

Я попросил включить запись Баха. Он вслушался в музыку, и слёзы быстро стали закипать в его глазках. Оставалось сказать: «Мотор!» – и, затаив дыхание, наблюдать замечательно сыгранный дубль. Ну разве не счастье всё это? Завтра нужно снять дюжину кадров из детских лет. Успею ли?

28 ноября. Успели. Работали в напряжённом ритме, но без суеты. Утром перед съёмкой в павильон вбежала Наталья, схватила меня за руку и, плача, закричала: «Герасимов умер!» Как обухом по голове. Из жизни ушёл большой человек, крупный режиссёр и педа-

гог, а главное, добрый человек. Теперь его оценят полностью, как бывает обычно, после прижизненного недопонимания. И «Толстого» его оценят. В нашем кино это первый настоящий фильм о великом деятеле русской культуры. Минута молчания.

Сложившаяся в моём воображении сцена рождения Миши выстроилась довольно быстро. Олег, впервые за всё время наших съёмок, взял в руки «Конвас» и с удовольствием вертелся с ним от окна к матери Лермонтова, от неё к иконе, к повитухе, к тазам, к Арсеньевой, к отцу Лермонтова, стоящему за дверью. Я кричал осветителям за окнами, стоящим у приборов, делающих молнии: «Левый! Правый! Оба!» И всё озарялось вспышками молний, придуманное мною воплощалось, вертелось, двигалось, оживало. В образе повитухи я решил увековечить свою маму. Она была счастлива, хотя надеялась, что её участие в фильме будет более длительным. Но заметив, что и Наталье, и Инне Владимировне отводится так же мало секунд, смирилась и снималась с воодушевлением. Потом Галя Беляева привезла своего трёхмесячного сына. Положив «новорожденного Мишу» в постель «матери», сняли их вместе с сидящим подле них «отцом».

Принесли фотопробы Бориса Плотникова на роль Пушкина. Борис взял фотографии и сначала не понял, кто же изображен на них, а поняв, стал с радостной дрожью вглядываться в изображение. Кажется, он ближе всех к Пушкину – нужно утверждать.

Наталья весь день работала перед камерой в напряженном душевном состоянии. Едва ли кто из учеников С.А. Герасимова был предан ему больше, чем она. Она буквально прожила все свои сцены. Перед съёмкой крупного плана Ивана-Миши, слушающего новость о смерти деда Дмитрия, я решил сказать ему о смерти С.А. Герасимова. Иван переспросил, не поняв, что случилось, потом погрустнел и два дубля не играл, но проживал ошеломившую его новость. С каждым днём всё более пробуждается и крепнет вера моих сотоварищей в наше общее дело. Утром показывал смонтированный материал Борису Петрову. Вечером мы созвонились, и он с жаром высказал свои впечатления: новый материал «квартиры Лермонтова» поразил его своей глубиной и простотой выражения сокровенных мыслей.

Наш фотограф подарил нам тройной портрет в одеждах наших героев: Наталья, я и Иван в гостиной Тархан. Портрет красивый, одухотворённый, передающий судьбоносное сплетение двух семей: лермонтовской и нашей.

29 ноября. Сегодня снимали зимнюю сцену с Варенькой Лопухиной в Середняково. Выехав за город, мы увидели подмосковные леса, сверкающие под солнцем ослепительно белым инеем. Сняли проход по колоннаде, повторяя мизансцену летнего прохода. Потом Галя в одном семидесятиметровом дубле сыграла весь свой монолог, и настала моя очередь. Я долго не мог войти в нужное состояние, просил о полнейшей тишине за камерой и вокруг. Галя, стоя спиной к камере, трогательно старалась мне помочь: переживала за каждый неожиданный шум и неполадки с техникой. Она сама играла хорошо, мгновениями была близка к идеалу. Собой я недоволен. Впрочем, надеюсь, что будет из чего смонтировать хороший эпизод.

После съёмки вернулся домой, и мы пошли с Натальей в дом новопреставленного Сергея Апполинариевича Герасимова поддержать Тамару Фёдоровну Макарову. От них выходили люди. Артур встретил нас на кухне и через пять минут, проводив бывшую у Тамары Фёдоровны пару, пригласил нас. Тамара Фёдоровна, полусидя в постели, со слезами обнялась с Натальей, потом и я поцеловал её. У нас с Натальей находились слова утешения, ободрения. Я рассказывал о «Лермонтове», говорили о необходимости жить и работать дальше. Тамара Фёдоровна сказала, что нужно снять силами его учеников задуманную Сергеем Апполинариевичем картину «Власть тьмы». Заходил Артур, беспокоясь о длительности нашего пребывания, но видел, что Тамаре Фёдоровне легче с нами, и снова уходил. Она явно не хотела отпускать нас и на прощание поблагодарила, сказав, что с нами даже перестала

плакать. Говоря о «Власти тьмы», Тамара Фёдоровна как открытие увидела во мне исполнителя роли Акима и удивилась, что они с Сергеем Апполинариевичем об этом не подумали. Она сказала, что последними словами мужа были: «Недолго музыка играла...»

1 декабря. Ново-Дарьино. Заслуженный отдых после недели полнейшей самоотдачи и наших праведных трудов. Можно встать на лыжи, пройтись с сыном до озера или в полном одиночестве прокладывать лыжню по полуметровому сыпучему снегу: прямо от дома через поле к реке, а потом вдоль берега направо к березняку. И непрестанные думы о «Лермонтове». Охватывая внутренним взором весь фильм в целом, видимый только мною одним, я проворачивал в сознании те слова и идеи, которые должны прозвучать в фильме... Бессмертие души... Героическая, самоотверженная борьба человека с тайными силами корыстолюбивого зла, существующими и поныне... Чистая и высокая жизненная любовь... Не так мало для одной картины. Раскадровал то, что предстоит снять на этой неделе: «пирушку», «два ареста Лермонтова», «гадалку», «тайные сцены в чёрном бархате»... Картина рождается во мне, переполняя всё существо, выплескиваясь за пределы души, туда, где уже трудно уследить за оттоками, ручейками и разливами мыслей, образов, решений... В который раз должен признаться, что сороковой год моей жизни – самый полный и творческий. Год, оправдывающий жизнь!

2 декабря. Утром приехал на «Мосфильм» снова раньше своих монтажниц. Сел за стол и стал прокручивать на монтажном экране дубли чтения «На смерть поэта», выбирая тот, который войдёт в картину.

В 12 часов был на панихиде С.А. Герасимова в Доме кино. Елееле протиснулся в зал. Положил цветы у гроба, возвышающегося на сцене, где совсем недавно я снимал Сергея Апполинариевича, сидящего в окружении своих учеников, на сорокалетии его легендарной мастерской. Панихиду открыл Ф.Т. Ермаш. С трудом преодолевая слёзы, говорили С.Ф. Бондарчук, И.В. Таланкин, И.В. Макарова, Л.А. Кулиджанов... Только теперь начинают вырисовываться глобальные масштабы этой уникальной личности,

не имеющей аналога в советском кинематографе и педагогике. Вспомнил нашу последнюю встречу у него дома несколько месяцев назад. Нас с Натальей пригласили на чай. Мы сидели вчетвером на противоположных концах большого стола и говорили попарно: Наталья – с Тамарой Фёдоровной, я – с Сергеем Аполинариевичем. Он, как обычно, глубоко вглядывался в мои глаза, а точнее в душу (никогда не забуду этого), расспрашивал о «Лермонтове», высказывал свои соображения о Михаиле Юрьевиче, что-то советовал, искренне желал успеха; сетовал с болью сердца на расцветающее хамство, на людей, разваливающих студию имени Горького. Я был согласен с ним.

– Ведь к вам прислушиваются, – говорил я Герасимову. – Пойдите на самый верх...

Я рассказал о том, что думаю о его «Толстом». Мои слова тронули Сергея Апполинариевича:

– Спасибо. Я знаю, что ты говоришь искренне. Мне это очень дорого.

Я не ученик Герасимова, но видел от него столько действенного добра, сколько не получал ни от кого из кинематографистов. Ему я обязан постановкой «Ваньки-Каина». Он был ходатаем за мои сценарии перед руководством Госкино. Он готов был помочь в любом деле, исполнить любую просьбу.

Вечером, возвращаясь домой по Бережковской набережной, проезжая мимо Новодевичьего монастыря, думал о С.А. Герасимове, переехавшем туда на вечное поселение.

3 декабря. Работа до изнеможения. Снимали «пирушку у Мартынова». Загримировались к 10 утра – камеру включили лишь в 16.30. Долго ожидали мебелировки и обживания декорации, полной готовности артистов. Наконец все актёры, включая трактирщиков, были готовы. Предупредил всех, что будем снимать только один дубль: и плёнки мало, и сахарная головка на чаше со жженкой должна была быстро прогореть. Посреди дубля Юра Мороз забыл текст, а Андрей Падашьян зажался настолько, что свои четыре строки читал, глядя в стол. Решил снять ещё дубль, но не с самого начала, и тут Андрея застопорило совсем. Оказывается, он тоже скрытый заика, и комплексует больше, чем я в самые мои

худые дни. Я по своему опыту знал, что Андрею надо не давать воли страху, но он впадал в него всё больше и, как я ни доказывал ему необходимость волевого наступления, всё больше скисал. Пришлось оставить на завтра. Этот бой со страхом Андрея отнял у меня немало сил. Домой еле дополз, с удовольствием погрузился в ванну. Пришёл Борис Петров. Иван играл ему свои новые вещи, и Борис долго и серьёзно анализировал его промахи, отмечал успехи. Пили чай, говорили о Герасимове, о музыке, о кино.

4 декабря. И вечный бой, покой нам только снится! С боями взят эпизод в квартире Лермонтова. Свой последний монолог Юра Мороз сыграл хорошо, со слезинкой во взоре: новые нотки ревности «Сальери». Работали не торопясь, спокойно и с удовольствием. Сняли 9 кадров и закончили раньше на час. Реализовал важнейшие мысли о спаивании России. Снимали по одному дублю. Дважды прокручивал в зале последний материал для артистов. Наталья была поражена услышанным с экрана. Только теперь она стала понимать, насколько всё серьёзно.

Снял «известие о гибели Пушкина». Пришлось изрядно побегать по павильону, набирая дыхание, растерзать душу памятью об убиенных Пушкине, Лермонтове и о других подвижниках России. Получилось с первого дубля, но Олег попросил второй из-за капли слёзы, блестевшей у меня под носом.

5 декабря. В эту ночь уснул около четырёх часов: мозг работал, проворачивая фрагменты монтажных склеек, разрабатывая предстоящие съёмки, делая новые открытия, которые нужно реализовать на экране. Утром встал измотанный, словно смену отработал на угольной шахте. До обеда сидел в чудо-комнате у Травкина, обговаривали кадры «декабрьского восстания» и порядок их чередования. Показал он мне и пробу «радужного океана», снятую на плёнку. Порадовал, хотя это и далеко от идеала, но для первой пробы неплохо. По его просьбе поднялся к Десятерику. Тот был занят, пришлось оставить записочку с просьбой нажать на кого следует, чтобы не тянули с материалами, необходимыми для работы Травкина. Сотрудничать с «великим комбинатором» – сплошное удовольствие: творческий, загорающийся человек, мгновен-

но подхватывающий мои идеи и тут же перекладывающий их на киноязык.

Потом смотрел новый материал, монтировал. Сцены в гостиной изобразительно прекрасны. Хотелось любоваться на тёплую, живую гостиную ещё и ещё. Вижу и свои огрехи, неточности крупного плана, ошибки в ритме движения камеры. Но есть из чего монтировать нужное, и я не унываю. Вечером вместе с Иваном приехали домой к Борису Петрову. Борис впервые играл мне музыку, написанную к «Лермонтову»: вальс и ещё одну тему. Красиво, хотя полностью не легло мне на сердце. Нужно ещё потрудиться.

6 декабря. Снимали видения на фоне чёрного бархата. Один за другим сменяли друг друга мои замечательные артисты: красивые Митя Золотухин, Костя Бутаев, Юра Мороз, трепетный Сергей Смирнов, нежная Галя Беляева, трогательный, всегда подтянутый Юрис Стренга, маленький безотказный, счастливый, что снова снимается, Файбышонок; собранный Иван, моя мать, Наталья, Инна Владимировна Макарова... Все они, хотя и кратко, но с удовольствием проживали свой актёрский миг перед камерой – взгляд из «того» мира...

7 декабря. Подсчитал метраж, который нам осталось снять, – 790 полезных метров. Это значит, что снято без малого 2000. Кажется, не мне одному будет тяжело расставаться с фильмом – сегодня мой брат Геннадий обмолвился: «как же я буду жить без «Лермонтова?» А картина между тем поднимается, как густозамешенное тесто, и каждая новая сцена ложится необходимым кирпичиком в стройное здание «Лермонтова».

Нет-нет да и задам себе вопрос: «Полный ли и подлинный ли портрет Лермонтова я создаю?» Ведь я выбирал в нём самое светлое, верящее, гражданскисильное, бесстрашное, оставляя в тени пессимизм, уныние, «демонизм»... Я укреплял, усиливал звучание светлых сторон, выводил образ из тупика – в сияние гармонии и веры, к которым он всей душой стремился. Недаром истинно любящие поэта сотрудники лермонтовских музеев поддерживали меня в стремлении к его идеальному образу. Всё идёт правильно! Величие подвига Михаила Юрьевича и полтора века

его бессмертия дают нам сегодня право воссоздать высокий образ героя на все времена, пример высочайшего подвига духа и человеческого бесстрашия. То, как безжалостно казнил свои «пороки» сам Лермонтов, как признавался на бумаге в том, в чём никто более не мог признаться, доказывает его высокую нравственность. «Лермонтоеды» сплели вокруг светлого образа паутину, затмевающую и искажающую его подлинный облик, но я разорву этот порочный круг! Заставлю полюбить того, кто более всего достоин любви человеческой, но кто был всегда – и при жизни, и после убийства – обделён нежностью и любовью.

9 декабря. С удовольствием смонтировал почти всю усадьбу в Тарханах. Идя после обеда в павильон, поймал себя на мысли, что конец съёмок близок, я его уже вижу, внутренне дотягиваюсь рукой и светло грущу заранее. Вчера ночью сочинил в уме бумагу на имя директора «Мосфильма»: «Уважаемый Владимир Ильич! Осознавая, что «моего Лермонтова» вижу и могу завершить согласно задуманному только я, но не исключая возможности трагической случайности, уготованной нам жизнью или чьей-то злой волей, прошу поручить завершение моего труда композитору Борису Петрову, актёру и режиссёру Дмитрию Золотухину, актрисе и режиссёру Наталье Бондарчук и писателю-артисту Сергею Смирнову, более других знакомых с моим замыслом. С уважением Н.П. Бурляев». Ночью понял, что фильм нельзя заканчивать дулом пистолета и гибелью поэта. Необходимо бессмертие. Решил снять памятник, стоящий у Красных ворот, – Лермонтова, парящего над нашей жизнью.

10 декабря. Снова двенадцатичасовая работа в монтажной, безвылазное сидение у стола, даже перекусил тут же из термосов. Смонтировал всё имеющееся в позитиве на сегодняшний день. Работалось с подъёмом до конца дня. В унисон моей реплики о том, что мне нравится работать над «Лермонтовым», что это лучший год в моей жизни, звукооператор Лилия Александровна, восторженный человек, сказала:

– Это мой семнадцатый фильм, но могло не быть предыдущих шестнадцати, но лишь «Лермонтов»... – И дальше даже продол-

жать не смогла от слёз – упорхнула монтировать фонограммы в соседнюю комнату.

11 декабря. Устал смертельно и понимаю отчего. Работа с 9 до 23-х – это не беда: можно всё вытерпеть, если на душе покой и светлая вера. Но если закрадётся в сознание червь сомнения – худо. Голову стискивает обруч, устаёшь и к ночи доползаешь до постели еле живой. Что же случилось со мной?

Утром показывал материал представителю западногерманской фирмы, купившей наш фильм ещё на уровне сценария. Немец по окончании просмотра говорил хорошие слова: «это очень интересно», «очень хорошо», «очень красиво». Я предупредил его, что будут две серии, и это не испугало его.

Зерно сомнения заронил в меня Митя Золотухин, бывший на этом просмотре. Он сказал, что фильм по стилю – отстранённый, и сцены конкретные, игровые из него выбиваются – чтение стихов о Пушкине, эпизоды с Варенькой. Обмолвился, что картина не имеет драматургического стержня, удерживающего зрительский интерес. Вот эта горечь, пожалуй, и разлилась в моей душе, отравляя радость. Неужели я так ошибся в своих драматургических расчётах? Промаявшись несколько часов, я понял, что оцениваю отснятый материал как законченный фильм, забыв о том, что в нём нет сцен, противодействующих линии Лермонтова, что я не резал длительность кусков, не выстраивал закадровое повествование, отыскивая меру и речевое русло единого целого. Всё это – дело будущего. И всё же, понимая это умом, я не могу унять внутреннего беспокойства. До меня доходят слухи о настороженном ожидании моего «Лермонтова» в разных кругах – беспокоятся, что я его делаю не мятежным, не демоническим, не надменным и прочее. Удастся ли мне убедить людей в правоте «моего Лермонтова»? Может быть, я обманывал группу своей верой и оптимизмом, радостной безбоязненностью за результат? Впрочем, даже если так случится, я всё равно – выиграл, потому что моя группа вот уже год живёт дружно, в единомыслии... Это ли не победа?

Сняли новый объект: «апартаменты гадалки». Ю. Стренга опаздывал на поезд, поэтому сняли лишь один дубль долгого (120-метрового) прохода со «стедикамом», оказавшимся доволь-

но коварным в своём управлении. Если не выйдет этот дубль – не получится и вся сцена с гадалкой. Экран покажет. Впервые за всю мою пятилетнюю работу над «Лермонтовым» засыпаю с сомнениями в душе. Утро вечера мудренее – надеюсь, мой внутренний лоцман выверит и подтвердит правильность курса, и снова станет светло.

12 декабря. Олег Мартынов болеет. Нужно попросить Романа Цурцумию помочь нам, пока не поправится Олег.

13 декабря. Утром, ещё затемно, поехал в Матвеевское к даче Сталина, где 10 лет назад снимал натуру для «Ваньки-Каина». В быстром темпе совершил пробежку, выбирая место для «дуэли на Чёрной речке». К счастью, всё здесь как прежде, можно смело в понедельник снимать. И снова – «Мосфильм», и снова удача. Мой друг Роман Цурцумия, конечно, сразу же согласился помочь, лишь попросил предупредить С.Ф. Бондарчука, так как на «Годунове» сегодня съёмка в Алабино. Сергей Фёдорович тоже был не против, и замечательный оператор Роман Цурцумия встал за мою камеру. Много лет я мечтал снимать с Романом, и вот – свершилось. Работал он мастерски: собранно, давая чёткие распоряжения, тщательно, но быстро ставя свет. За день мы сняли всего 20 метров, но все планы очень важные: отпевание матери, сняли два плана «на бархате» – Пушкин на одре. Когда снимали этот кадр, С.Ф. Бондарчук в сопровождении В.И. Юсова и другие члены группы «Борис Годунов» вошли в нашу декорацию. Внимательно вгляделись в происходящее, в Бориса Плотникова в образе Пушкина, лежащего на ложе. Мы поговорили немного о том о сём, я извинился и вернулся к камере, так как смена кончалась и Борис опаздывал в театр. Будет ли Борис Плотников настолько похож на Пушкина, что я смогу вставить этот эпизод в фильм? После съёмки поехал передохнуть к своим за город.

14 декабря. День отдыха в снегах и в покое. Всё замело. Большой лопатой расчищал дорогу, чтобы выехать. Работал над сценой дуэли с де Барантом. И как напоминание о предстоящем «поединке» – две длинные стальные боевые шпаги, висящие передо мною. К этому поединку готовился меньше, чем к сабельному: встретились четырежды с Бибо и Руслановым, поняли, что школа у нас обоих заложена приличная. Бибо наметил его узловые моменты, несколько пассажей и, кажется, теперь спокоен за результат. Я тоже спокоен. Впрочем, посмотрим, что будет послезавтра.

Если до сих пор я умышленно избегал включения «Демона» в ткань картины, то ныне, создав мощную позитивную основу образа М.Ю. Лермонтова, перечитал его другими глазами, сделал неожиданные духовные открытия и намерен вводить фрагменты поэмы в поток закадрового повествования. Наталья предложила наложение текста «Демона» на эпизод с Екатериной Чавчавадзе. Я мысленно проверил эту идею и нашел её в высшей степени интересной. «Демон» настолько прекрасен, духовен, чист, гениален, настолько не похож ни на чью более поэзию, что мне неудержимо захотелось прочитать его на телевидении полностью. Может быть, когда-нибудь я это осуществлю.

16 декабря. Что за дни! Настоящие боевые действия, партизанские рейды в «тылу врага». Часть ночи отдал тому, что репетировал в уме свою речь перед парой сотрудников, постоянно требующих законного, положенного «обиженному пролетариату» обеда, так как предвидел их возможный демарш в грядущем напряжённом дне.

В 7.45 прибыл на «Мосфильм», сел на грим. Роман прибыл в 8.30. Обговорили с ним эпизод. У него тут же родилось решение сцены – предложение снимать с рук. Он загорелся, посыпались предложения. В 9.00 на моей машине выехали в Матвеевское. Прибыли задолго до всей группы. Облазили по колено в снегу весь берег речки, выбрали место съёмок. Роман и здесь воодушевлённо комментировал каждый пейзаж, как ребенок, восторгался красотой природы. Наконец к 11 часам подъехала вся группа. И закипела работа: предстояло снять за два дня 20 планов. Сняли

первый кадр к 13 часам, и тут механик операторской аппаратуры Виктор потребовал «законного» обеда, ему вторил второй оператор Эдик тоном вечно обиженного судьбою человека. И я, уже готовый к выпаду своих «доморощенных саботажников», сказал громко, чтобы слышала вся группа:

– У нас дисциплинированная группа, и только вы двое пытаетесь всех дезорганизовать. Вы же операторы и понимаете, что сейчас самые короткие зимние дни. Работать нам осталось всего час-два. Иногда можно и подождать немного с обедом. Но кому невмоготу, идите! Приятного аппетита.

Я повернулся и пошёл с Романом выбирать новую точку. Никто из «голодающих» не ушёл, и мы в лихорадочном темпе, так как темнело на глазах, сняли целых пять планов. Роман с «Конвасом» в руках носился как ошпаренный, включая камеру без предупреждения, благо мы с «де Барантом» и так были наготове.

Прямо в гусарских сапогах и штанах, накинув лишь дублёнку, обессиленный, примчался на «Мосфильм» в монтажную и работал до 22 часов. В конце дня мне сообщили, что готов новый материал. Предчувствуя, что это будет долгожданная «сцена с гадалкой», я сам подъехал к ОТК, схватил коробки и с сердечным трепетом сел в просмотровый зал. Погас свет, и я невольно перекрестился: ведь снят всего один дубль... Что покажет экран? Затаив дыхание, следил за длинной панорамой, снятой в апартаментах гадалки. Досмотрев до рубежа, после которого я уже мог не бояться, облегчённо вздохнул: панорама снята на 5 с плюсом!

17 декабря. Сколько же человеку отпущено сил и сколько можно сотворить, если дело – в радость?! Работал с 7 до 22, то есть 15 часов.

С утра до 16 часов снимали на морозе три дубля дуэли Лермонтова с де Барантом. Сначала на шагах, потом на пистолетах. В завершение дня сняли сражённого Дантесом Пушкина-Плотникова.

Всего десять планов. В небывалом ритме, не присаживаясь, не отогреваясь, дрожа от холода (-20^0 С), без шуб, в одних рубашках. Автобусы стояли в четырехстах метрах от съёмочной площадки, но ходить туда и обратно не было времени. Члены группы поочереди бегали греться в автобусы, я же не мог себе этого позволить. Сняли вспарывание острой, как бритва, шпагой подтяжек де Баранта и ранение Лермонтова. Бибо одел мне под рубашку специальный панцирь, привязал под сердцем целлофан с губкой, пропитанной «кровью» и сам концом шпаги полоснул мне по груди, разрезав рубаху. Все переодевания совершались подле камеры. Ноги коченели в кожаных гусарских сапогах. Если не заболею – чудо!

Впервые за всю работу над фильмом я не давал спуску никому. Устроил разнос вчерашнему штрейкбрехеру, получившему задание положить два звена рельс, которые не входили от ржавчины одна на другую, и ухитрившегося истоптать, словно мамонт, всю целину съёмочной площадки, превратив белый снег в серую кашу, не пригодную для съёмки. Пришлось обрушить на него праведный гнев. Он пробовал было отвечать, но я перекрыл его голос: «Я вижу, вам всё равно, что снимать. Фильм о Лермонтове или какую-нибудь пошлятину. Если это так, то я буду делать выводы». Остаток дня он проработал прилежно.

Роман был мне во всём помощником, показывая пример профессионализма. Он чётко помнил все кадры, которые предстояло снять, и следил за их непременным исполнением. В моей тридцатилетней кинематографической жизни не было более напряжённых, интересных и, главное, имеющих такое значение съёмок. Разве что работа в «Андрее Рублёве»... К концу работы на площадку прибыл Борис Плотников, и мы сделали уникальное фото: «А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов на Чёрной речке». Сняли дубль «Пушкин, падающий в снег». Борис сыграл эту сцену сходу и, кажется, прекрасно. Вручив нашу Грамоту Роману, словно на крыльях, радостный от того, что одолели такое, заехал за Юшиным и

зам. директора и повёз их, уже в потёмках, на выбор особняка для объекта «под окнами Вареньки». Заехали в какой-то главк, заглянули в кабинет некоего «главначпупса», тот хамски махнул на нас рукой: «Подождите там!» Я сказал ему: «Так гостей не встречают!» – повернулся и ушёл, не желая просить этого прыща на теле земли ни о чём. Господи, сколько же этих «прыщей» на земле Русской? Наконец, остановились на здании Комитета по печати РСФСР на улице Алексея Толстого, но дама – заместитель председателя – тоже не захотела пособить Лермонтову и позволить ему всего полчаса постоять под окном «особняка Вареньки». Завтра пошлю своего гонца к руководству этого «Дома печати», пытающегося закрыть двери перед М.Ю. Лермонтовым. Ах печать, печать... С тебя бы начать!..

Добрался домой усталый, но воодушевлённый. Если бы надо было работать дольше – готов, энергетический резерв не исчерпан. Вот на что способен человек, если дело правое, если дело ладится, если душа парит и верит в победу!

Одна из скромных работниц группы «Лермонтов» сказала мне:

– А вы опасный человек... Как бы нам не пришлось сухари сушить...

– Почему? – спросил я. – Ведь наш фильм о России...

– Именно поэтому, – ответила она. – Тогда, при декабристах – одно, а теперь... – страшное время...

Беседа велась в полушутливой форме, и я ответил ей с улыбкой:

– Группу не тронут. Убьют автора...

Ночь с 18 на 19 декабря. Добрался до постели к часу ночи. Рабочий день длился 17 часов. Утром просмотрели с Травкиным отобранные для комбинирования новые куски, обсудили окончательно построение «радужного океана» и «восстания декабристов». До 21.30 снимали в павильоне. Группа явно была рада видеть Олега Мартынова после его болезни, да и он соскучился по «Лермонтову». В его отсутствие нам обоим стало ясно, что наш альянс «режиссёр – оператор» хорош по всем параметрам. После съёмки, захватив реквизиторскую скрипку, приехал к жене Бори-

са Петрова, Ирине, лауреату международных конкурсов: уже послезавтра должен «играть на скрипке» в кадре. Довольно быстро она научила меня правильно держать руки, и мы несколько раз порепетировали синхронную игру под выбранную музыку. Ира и Борис похвалили меня за быстрые успехи, а я успокоился по поводу предстоящей скрипичной съёмки – одолею и это, как одолел и коня, и шпагу, и саблю.

Ночь с 19 на 20 декабря. Вот и сглазил – кажется, заболеваю: с прошлой ночи саднит горло. Однако снова – 14 часов работы: полторы смены – утром на морозе «под окнами Вареньки», после этого – смена в павильоне, досъёмка старых долгов и новая сцена – «в доме Вареньки». Сегодня Николин день, и моя Демидова преподнесла мне корзину цветов. Неслыханное дело – директор фильма к концу картины преподносит режиссёру такой красивый подарок. Впервые работали с двумя большими перерывами: одним обеденным и другим вынужденным – ожидали Галю Беляеву. Снимали сцену игры Лермонтова с Варенькиной дочерью. Девочка попалась управляемая, но к концу дня – от усталости – агрессивная. Пришлось преодолевать сложности её характера, возмущение её мамы, грубо выразившей неудовольствие ожиданием Беляевой. Посмотрел начало дуэли, снятое Романом, и хотя это иная манера, чем у Олега, кадры получились хорошие. Завтра – последний съёмочный день в павильоне.

Ночь с 20 на 21 декабря. Рабочий день начал в 12 часов показом всего отснятого материала Борису Петрову, который длился 1 час 55 минут. Несколько раз за это время Борис, человек спокойный, восклицал: «Да! Теперь всё выстроилось!» Когда на экране появилась виселица, Борис был просто поражён, понимая необходимость такого кадра. Бурно воспринимал все новые сцены с «тёмной силой», с «гадалкой». Он впервые воочию видел и осознавал реальную силу картины, а я – воплощение своего замысла. «Лермонтов» зазвучал почти в полную силу. После уныния предыдущего просмотра душу охватил подъём – моё детище уже наглядно подтверждает мне, что родитель не сплоховал. Прибежал в свой кабинет, где меня ожидала группа в связи с пред-

стоящей экспедицией в Ленинград, и слёту сказал: «Фильм будет замечательным...» И увидел, как просияли лица... После съёмок пошли с Олегом в ОТК лицезреть 120 метров брака: вся пистолетная дуэль, снятая Романом, засвечена. Но настроение от этого нисколько не ухудшилось. Ну переснимим мы эту дуэль! У нас будет ещё один день радостного труда! Никакие браки теперь не вгонят меня в уныние: фильм состоится всё равно!

22 декабря. Борис Петров назвал наш фильм манифестом. Сказал, что такой картины, как и такого Лермонтова на Руси ещё не было. Впервые мы скажем людям необходимые, как воздух, слова – о бессмертии, о непобедимой любящей русской душе, о нечисти, губящей высокие идеалы. Ощущая духовный настрой «Лермонтова», хочется высказаться, пусть один раз, но – безоглядно и полно. Сегодня родилось желание вложить в уста А.С. Пушкина слова о бездуховности, о наступлении золотой орды торгашей. Ведь именно этот гений предвидел будущее Америки: «Её просторы будут застроены торгашами, для которых власть денег и золота будет превыше всего». Пусть он предупредит Бенкендорфа о готовящейся расправе: «Это не только против меня, но и против России...»

* * *

Начинаю четвёртую тетрадь, четвёртый этап постановки. Первый – от запуска до конца тарханской экспедиции. Второй – Кавказская экспедиция. Третий – павильоны.

Решил вернуть в закадровое повествование тексты Лермонтова от первого лица. Я было ушёл от этого первоначального замысла, озвучивал и подкладывал под изображение только стихи поэта, но теперь, использовав фрагмент: «Я любил грезить наяву, уноситься душой куда ни пожелаю...» – увидел, как вживился этот исповедальный кусок в ткань фильма.

23 декабря. Утро начал в монтажной, досмотрел новый материал «дуэли на Чёрной речке»: вспарывание подтяжки де Баранта, ранение Лермонтова, ломка шпаги, Пушкин, падающий в снег. Зашёл с Травкиным в его лабораторию: посмотрел чёрно-белые портреты на чёрном бархате. Натальин план меня расстроил –

надо переснимать. Впрочем, к чему расстраиваться: уже ничто не может изменить результата. Показывал материал, отснятый в павильонах, Н.Н. Глаголевой. Увидя на экране Странника с заплечной катомкой-крыльями, она воскликнула: «Оставил?! Это мы у тебя всё равно вырежем...» Я смолчал. Она сказала: «Упрямый». Увидя гададку, она тоже прореагировала бурноотрицательно. Мне пришлось заметить, что гадалку нельзя оценивать как рок – она часть интриги, сплетаемой вокруг Лермонтова. Вновь поднял вопрос о двух сериях. Она слабо возражала: «Не дадут» – я активно наступал: не могут не дать, если у них есть совесть. Она неохотно согласилась поговорить с Н.Т. Сизовым.

В конце дня занялся самым интересным: перемонтировал весь эпизод с Екатериной Чавчавадзе и подложил под изображение отрывки из «Демона», которые тут же и записал в звукооператорской и получил от Лилии Афанасьевны копию фонограммы. Посмотреть, что получилось, нет времени: увижу в пятницу на экране, но, кажется, состоялось ещё одно открытие.

Теперь ночь, и мы мчимся с Олегом в «Красной стреле» в Ленинград.

24 декабря. Ленинград. Утром на вокзале нас встретил заместитель директора картины Володя. Привёз в «Европейскую», расселил. Кажется все и повсюду: дежурные по этажу, официантка, киоскёрша, сотрудники царскосельского и павловского музеев, – все знают о том, что мы снимаем, и с нетерпением ожидают выхода фильма. Два заместителя директора готовят нашу экспедицию. Обслуживают нас две «Волги». Посмотрели дом, выбранный Виктором Юшиным вместо пушкинского на Мойке, уточнили детали съёмки. Помчались в Царское Село: через серый Питер, через туманы, окутавшие деревья загородных перелесков. Красиво, таинственно, радостно-тоскливо, торжественно. В нашем экипаже (Юшин, Мартынов, Володя и я) царит полная гармония. Мы словно чета, отгулявшая крестины: дитя уже рождено, дитя красивое, и мы, родители, разъезжаем в поисках прекрасных одежд для него.

В Царском Селе, несмотря на выходной, нас ожидала маленькая женщина-экскурсовод – с большой напористостью и негатив-

ным отношением к М.Ю. Лермонтову. Провела нас в Екатерининский зал. Всё же завидная у нас доля: посещаем чудесные дворцы, причём в одиночестве и во внеурочное время. Скользим в тишине по зеркальному паркету. Нам зажигают все огни в великолепном Екатерининском зале. Дают вволю насладиться чудесным сиянием золота, живописи, паркета и зеркал. К концу блицпрохода по дворцовым анфиладам напор нашего гида утих – она с интересом будет ожидать выхода фильма. Далее поехали в Павловск. В одной из комнат набрели на дюжину женщин-экскурсоводов, показали им фото из нашего фильма, тепло поговорили, и одна из них, Людмила (они, там, кажется, все – Людмилы), провела нас в Греческий зал. Мы вошли в него как в родное место и сразу же решили отказаться от Екатерининского зала: здесь выигрышнее для экрана, и массовки понадобится в четыре раза меньше.

После обеда наш Володя тщетно пытался добиться, чтобы меня приняли руководители Ленинграда – зампредисполкома уехала, завотделом культуры обкома тоже куда-то должна уезжать, завотделом агитации занят. Позвонили в приёмную первого секретаря – референт уведомил, что «режиссёр должен общаться на своём уровне – с завотделом культуры». Всяк сверчок знай свой шесток. Вправе ли я обижаться на них, приехав всего на один день в Ленинград? И всё же. Лермонтов у нас один, и грех не принять автора фильма, живота не щадящего за наше общее дело. Конечно, воспитание культуры человеческой – дело многосложное. Хватит ли на всех Горбачёва?

Лежу в номере «Европейской». Дремлю, а мой мыслительно-духовный реактор продолжает внутренний синтез лермонтовской энергии. Вечером, перед возвращением в Москву, заказал в номер чай, кофе, лёгкий ужин: посидели с Олегом и Виктором, обсудили наши дела.

25 декабря. Москва. Утром на вокзале нас встречал элегантный, в плаще и шляпе, Геннадий. Видеть брата таким отрадно для сердца.

Целый день монтировал новый материал: «под окнами Вареньки», оба «ареста», «ссору у Верзилиных», «в гостиной Вареньки». Устал. Не могу сказать, что рад увиденному. Воображение ожида-

ло чего-то сказочного, необыкновенного, но экран беспощадно реалистичен. Хотя изображение новых сцен выглядит неплохо. Весь день на душе смутное беспокойство, может быть, потому, что предвижу покусывания «околокинематографистов»: мол, много «о душе», «о вечности», «о Боге» – мало «народа», «русских бытовых красот» и т.д. А то, что будет воссоздан многогранный духовный мир поэта... Будет ли оценено это? Завтра попробуюсь на Гоголя. Если облик удастся – введу Николая Васильевича в сцену одного из балов.

26 декабря. Утром первым делом принёс в гримёрную большой живописный портрет Гоголя. Такой идеально спокойной обстановки для работы над гримом у нас ещё не было: даже наши шумные соседи «Годуновы» испарились – уехали на съёмку в Новодевичий монастырь. Словно сам Пушкин, давая Гоголю возможность сосредоточиться, увёл свою боярскую рать. Мы остались совершенно одни, никто нас не беспокоил ни телефоном, ни посещениями. Татьяна Васильевна – уникальный мастер – молча, спокойно ваяла облик. Спустя час я увидел в зеркале Николая Васильевича. Даже первая проба облика Лермонтова не была столь обнадёживающей. Таня Чапаева принесла мне рубашку и фрак, завязала бант. До фотоцеха я шёл с желанием никого не встретить, но попадались знакомые и не узнавали меня, лишь один узнал – поздоровался, чем огорчил.

Полночь с 27 на 28 декабря. После большого трудового дня – усталый, измотанный, но удовлетворённый. С 9 часов монтаж, подкладывание новых закадровых текстов в двух параллельных монтажных, с отлучкой в павильон на пересъёмку плана матери. Управились за полчаса и снова – в монтажную, где кипела работа. Посидел немного у Травкина, он показал мне заготовки фона «Ра-

дужного Океана» – не то. В поисках нужного решения посмотрели ранее снятые куски. Добиться желаемого, кажется, не удастся. Как описать словами Океан Духа? Его цвет, характер движения и всевременный охват? У меня нет таких слов. Да и сам я, видевший этот Океан, всё же не смог бы воплотить его на экране, будь я даже гениальным художником и комбинатором. Видимо, придётся довольствоваться лишь скромным и весьма условным его обозначением.

В 16 часов – просмотр для близких и друзей. Так как Наталья и Саша Филатов опоздали, прогнал для них повторно половину фильма. Теперь я и сам смог приглядеться к материалу, отметить длинноты и места, подлежащие усекновению. Обилие закадрового чтения утомляет слух. Нужно отбирать лишь золотые крупицы, создающие драматургию исповедального повествования. И надо, чтобы это было не чтение, но поток мысли Лермонтова. «Демона» много, но принцип верен: «Демон» нужен. Если смогу выстроить изобразительный ряд, соединённый с голосом и музыкой, может получиться своеобразная киносимфония. Сегодня получил мои фотопробы на Гоголя – облик близок, можно рискнуть сняться в картине. Татьяна Васильевна считает, что выйдет, надо лишь изменить пластику фигуры... Прочитал сценарий Б. Левковича «На съёмках фильма “Лермонтов”». В принципе неплохо, но можно сделать и более глубокий фильм о фильме. Будем с ним говорить.

28 декабря. Последние дни 1985 года. Уходит в историю год создания фильма «Лермонтов». Год величайшего творческого, духовного счастья. В глубине сознания течёт ровный мощный поток ликования. Тело устало, но душа высока и светла, как после долго совершаемого праздника, достигшего своего апогея, но конца которому пока не видно. Радостно от сознания, что ещё некоторое время праздник будет продолжаться.

Сегодня первый свободный день, когда я остался в городе: купил Наталье подарок к Новому году, в книжном на Калининском договорился, чтобы оставили мне «Альманах поэзии № 43», напечатавший семь моих стихотворений. Отослал поздравления лермонтовским друзьям в Пятигорск, Тарханы. Заехал в дом Лермонтова – как в свой дом – с радостью сына, возвратившегося

после боевых походов и побед. Ещё раз вгляделся в живописные картины поэта. Решил снять подлинный портрет матери в траурном обрамлении.

Вчера после просмотра Наталья отметила, что картина качественно улучшилась, что звучание её современно и мощно, Пушкин удался, кадры дуэли и «на одре» замечательны. Появилось желание перечитать письма М.Ю., достал с полки четвёртый том, прилёг и с удовольствием читаю...

29 декабря. Боевой, военный денёк, с захватом мощного плацдарма. Решил перемонтировать первую встречу с Варенькой, а завершил её лишь к концу дня, так как пришлось отвлекаться на «бои» на многих участках фронта. Кампания за вторую серию «Лермонтова» началась с массированной атаки неприятеля. За один день мне пришлось дважды побывать у генерального директора, говорить с главным редактором и с Н.Н. Глаголевой; мчаться в Госкино, где я дважды входил в кабинет зампреда Н.Т. Сизова; дожидаться в приёмной Ф.Т. Ермаша и говорить с ним в дверях его кабинета, а затем беседовать с главным редактором Госкино А.Н. Медведевым.

Н.Т. Сизов принял сразу, выслушав, сказал, что вопрос этот может решить только Ермаш.

– Это ЧП – запускали тебя как одну серию, дешёвый фильм, а ты снял две...

– Совесть моя чиста, я написал двухсерийный сценарий, а Карен отнял серию.

– Это было наше общее решение. И ты согласился делать одну серию.

– Если бы я не пошёл на это, то фильма «Лермонтов» могло и не быть.

– Значит, это хитрость?

– Нет, я действительно хотел уложиться в одну серию, но это оказалось невозможно... И вообще странно, как фильм о великом человеке, о всей его жизни – от рождения до смерти, можно вместить в рамки одной серии?

– Аргументов у тебя достаточно, иди к Филиппу Тимофеевичу, расскажи ему всё это и проси плёнку.

Ермаш, выглянув в приёмную, увидел меня:

– Коля, а ты что тут делаешь?

– Мне очень нужно поговорить, недолго.

– Нет, нет... А что у тебя?

– Всё замечательно, оканчиваю картину, сейчас монтирую, но фильм получается двухсерийный.

– Иди с этим к Сизову.

– Я был. Он отправил к вам.

– Нет-нет! Иди к Сизову, к Десятерику...

Вернулся к Сизову, сообщил о диалоге с Ермашом. Сизов сказал:

– Пусть студия делает официальное представление. Будем рассматривать.

Пошёл к Медведеву, договорились смотреть «Лермонтова» 3 января. Уверен: что бы ни происходило, победа будет за «Лермонтовым».

30 декабря. С утра до 12 монтировал. Поставил в материал «второй арест» и переделал начало второй царской сцены в Кремле, поставив проход по анфиладе в начало эпизода и положив на него текст Бенкендорфа и императора. Созвонился с Десятериком: сказал, что Ермаша вызвали в ЦК и встреча в Госкино не состоялась. Поздравил членов группы с наступающим Новым годом и покинул «Мосфильм».

Дома мне попалась статья в «Литературной газете» Э. Герштейн о книге А. Марченко о Лермонтове. У меня разболелась голова в предчувствии, что вот так же лихо «лермонтоеды» могут расчехвостить и мой фильм, хотя не скрою, что не могу судить о достоинствах и пороках упомянутой книги, так как не дочитал её до конца. Упало настроение от ощущения мерзкого прикосновения чего-то холодного, словно щупальцы спрута или пальцы патологоанатома. Натренированные начётчики и меня могут упрекать в том, что такая-то строка написана на год позже, что автор фильма, кто бы он ни был, не имеет права домысливать факты жизни М.Ю., вкладывать в его уста свои тексты и перекладывать сказанное Столыпиным в уста Мартынову, а изречённое великим князем Михаилом Павловичем – императору. «Лермонтое-

ды», вернее, вреднейшие из этой братии, задницей высидевшие знание дат и фактов, могут, жонглируя, как в одесском балагане, забросать ими любого инакомыслящего, словно тухлыми яйцами. Могут сделать это всенародно – пресса к их услугам. И поди отмывайся потом годами. Я-то ладно – фильм могут заплевать и отвратить от него общественное мнение.

И прокралось, как ржавчина, скрытое беспокойство в душу и снова заставило сомневаться, вернее, задаться вопросом: может быть, гений такого масштаба не даёт права на экранную свою жизнь в художественных образах?.. Может быть, действительно недопустимо вкладывать в уста такой личности написанное тобою, хоть и очень насущное, животрепещущее?.. Правомерно ли заставлять М.Ю. Лермонтова становиться активным героем нашего времени?

Мысленно разговариваю с Михаилом Юрьевичем:

«Благословляете ли вы моего «Лермонтова»? Подписались бы вы под всем, что произнесёте в моём фильме?

Истина существует. Она едина, но многообразна в словах, её определяющих: совесть, любовь, правда, гармония... На протяжении всей работы совесть моя была и остаётся чистой. Душа полна светлой веры в правоту моего «Лермонтова».

С определённого мгновения и по сей день я чувствую неразрывную связь с вами и вашу постоянную помощь. Вы незримо, но поддерживаете меня, мою группу, ведёте нас, вы рядом с нами во всех наших свершениях. Ваше присутствие почти материально: оно вздымается из глубины моей души мощной энергетической волной поддержки, радостного, гармоничного слияния. Пусть осуждают меня те, кто станет читать эти строки, пред вами я говорю совершенно спокойно:

– Я верю в правду «Лермонтова». В то, что на нынешнем витке развития человеческой культуры вы, Михаил Юрьевич, должны воплотиться именно таким – светлым, верящим, устремлённым к истине и гармонии, бесстрашным и прекрасным, великим сыном России, принесшим свою жизнь общему делу победы Света над тьмой.

Всё находится в непрестанном развитии, даже жизнь ваша после гибели. Вы продолжаете совершать новые открытия, освобож-

даться от пут человеческой лжи, сковавших вас с 1814 по 1841 год детьми зла, не могущими смириться с вашей, изначально и на всю жизнь, светлой, героической, российской душой. Слава богу, теперь мы – живые, можем бороться за ваше светлое имя, за вашу «душу странника в свете безродного», за душу России и за души людей. А посему я вновь обретаю покой до конца наступления, а там – посмотрим! Даже если будут лаять и плевать, переживём. Вам – не привыкать, а мне с вами – и море по колено!..»

Сегодня состоялась красивая премьера в самом большом кинотеатре страны – «Октябрь». «Детство Бемби» выходит на экраны необыкновенно торжественно. Наталья со своей неукротимой фантазией сделала праздник двум с половиной тысячам маленьких зрителей. Крошечный оленёнок Бемби начал служить идеям добра и света, как мощный воин. Счастливого пути!

1 января 1986 года. Первый день жизни в новом году. Зима, белоснежная природа, солнце, сверкание бриллиантиков на снегу. Новогоднюю ночь встречали в обществе наших друзей Филатовых, дорогих ялтинцев. Спокойно, без вина, с концертом детей, рассмешивших даже меня. Как обычно, в Новогоднюю полночь написал желание, сжёг бумажку под бой курантов и запил пепел соком. Если в прошлом году я загадывал съёмку «Лермонтова» и это состоялось, то в этот раз написал: «Полная победа “Лермонтова”».

Из Индии возвратился В. Сидоров. Он встречался со Святославом Николаевичем Рерихом, передал ему наши письма и фотографии, стоящие теперь на его столе.

В новогоднюю ночь и в первый день 1986 года телеэкран являл собой настоящий шабаш чёрных сил: пошлость, цинизм, девальвация всех ценностей человеческой жизни и культуры, творчества и красоты. За сутки телевещания ноль процентов духовности, словно её вообще не существует в природе и в человеке. Апогеем распада и разгула бацилл, растлевающих Россию, явилась премьера новой продукции киностудии им. М. Горького двухсерийного детского беспредела «Что такое Ералаш?» Бесстыдная и откровенная, словно вызов, работа Гусмана и иже с ним: оголтелое растление детских сердец. Последнее время борь-

ба света и тьмы переходит в непримиримую открытую войну, идущую и на страницах печати, и в кино, и в телеэфире и, видимо, во всех сферах бытия. И мой «Лермонтов» тоже скоро будет выброшен на эту арену военных действий, на самую передовую линию: туда, где стреляют.

2 января. Хорошо, что у меня есть дневник «Лермонтова». Хорошо, закончив день, побыть с ним наедине, поговорить по душам и ощутить себя неодиноким. Дневник – моя связь с поэтом, с людьми, для которых я создаю свой фильм и пишу свой дневник...

Утром отвёз Ивана в Болшево на детские каникулы и, приехав на «Мосфильм», до и после обеда с Борисом Травкиным уточнял комбинированные планы. Получил от него новогодний подарок – эпизод декабрьского восстания. Задача, поставленная перед ним, выполнена хорошо.

Ермаш сказал Десятерику, чтобы «Мосфильм» сам решал вопрос о двух сериях, поэтому монтировал, перемонтировал, подрезал части к завтрашнему просмотру на Генеральной дирекции «Мосфильма». Мои монтажницы вновь показывают чудеса работоспособности и самоотдачи, влюблённости в наш фильм. Допоздна трудились со звукооператором над фонограммами, «перетягивали части».

3 января. День, разъявший меня на части. Долго потом пришлось приходить в себя: собирать своё разорванное сознание.

В 12 часов состоялся показ «Лермонтова» Генеральной дирекции. Присутствовали Десятерик, Мамилов, Глаголева, зам. главного редактора Замошкин (бывший парторг студии) и редактор Леонов, заходили Свиридов (молча подержавший меня за руку), Доброхотов (просидевший тоже молча), помощник генерального директора Мансуров (не имеющий права голоса). С моей стороны: Демидова, Борис Петров, монтажёр Лидия Михайловна. Демидова сказала мне, что Глаголева и Канарейкина обеспокоены тем, что я снимаю «религиозную картину». Я сидел на микшерах и на протяжении всего просмотра слышал циканье и кряхтенье, шепот Глаголевой и Мамилова, при каждом слове «Бог», «веч-

ность», «дух», «гадалка» и т.д. На моих глазах вырабатывалась «общая точка зрения руководства». Показ шёл 1 час 53 минуты, длительность картины – 3093 м.

Первым высказался Десятерик:

– Есть ли здесь представители Объединения? Обсуждали ли фильм там?

– Да, обсуждали, – последовал ответ, – но не на предмет двух серий.

Тогда Десятерик сказал, что он бы «не обсуждал фильм до итогового худсовета Объединения». Может быть, он и не со всем согласен, и идейно-художественная направленность картины не во всём соответствует нашим критериям – и т.д. и т.п. Всё в обтекаемых словах и облегающих формах: «Много крестов... молитв...» «Лермонтов нам нужен, но таким, чтобы его все приняли...» «Мы вот высказывали замечания, но всё осталось без изменений...» «Но это – дело будущего, когда будем принимать...» «отсекать топором...» «...в чём-то агитировать...» «указ от такого-то числа никто не отменял, а здесь много пьют... бутылки... застолья...»

Я возразил, что, мол, нужно судить по идейной направленности этих сцен и оценке пьянства самим Лермонтовым. Меня вяло поддержала Глаголева.

В итоге все без исключения «члены с голосом» решили, что в таком виде показывать картину в Госкино нельзя: «Затянуто... Скучно... Однообразно...» – Надо показать консультантам.

– Вот Бондарчук, – сказал Десятерик, – признанный мастер, а без консультантов ни шагу не ступает: показывает, советуется... Мало гражданственности Лермонтова. Значительность образа есть, но хочется видеть его разного, живого... Потом, что это у вас за герб? – спросил Десятерик.

– Герб рода Мартыновых.

– Откуда вы его взяли?

– Из книги Нарцова 1914 года.

– А нужен ли нам этот герб? Могут неправильно истолковать...

– У тебя Лермонтов больной, страдающий, предугадывающий судьбу... – подливала масло в огонь Глаголева.

Противно вспоминать и записывать их словоблудие, косноязычное, циничное, наперебой, с троганием друг друга за коленку, когда желали вступить в словопоток. Как жестоко я обманулся в них, переоценивал неподсудность фильма о Лермонтове... Каждый из моих «судей» в отдельности в хороших отношениях со мной, чуть ли не лучший друг, но вместе все они превратились в дружную свору, готовую разорвать картину в клочья, «защищая» от неё зрителей.

А главный редактор «Мосфильма» – Адурахман Ахметович Мамилов считает себя вправе советовать мне «думать о драматургии», будто он в ней понимает больше меня, автора «Лермонтова», 30 лет занимающегося профессиональным кинематографом. Я шёл к ним, как к друзьям, но попал в стан врагов. Я был абсолютно открыт перед ними, не защищён совершенно. Это было самым удручающим моментом. Отныне буду знать, с кем имею дело, и учитывать неизбежность «коллективного одержания». После показа я, не простившись, покинул зал, и Десятерик через Демидову передал мне, что хотел сказать мне «добрые слова», а я как-то странно ушёл из зала. Передал, что они должны делать своё дело...

В ответ на мою просьбу добавить плёнку для окончания фильма мне сунули на подпись бумагу, где было указано, что это будет за мой счёт.

Далее я выдержал ещё один показ Мите Золотухину и Серёже Смирнову. С друзьями было легче, но, разъятый предыдущим просмотром, я еле высидел этот. Не знаю, как добрался до дома. Обессиленный, обескровленный, выпитый до дна – залез в ванну. Отмок, обмяк, подумал, собрался с силами записать этот серый день.

К ночи отстучал письмо в Пятигорск Павлу Евдокимовичу с описанием случившегося и приглашением на просмотр фильма «Лермонтов» в конце января. Пора уйти из этой яви в сон: утро вечера мудренее. Полежал, поразмышлял о монтаже и об аргументах на будущих судилищах. В час ночи позвонил Борис Петров. Поговорили с ним, как воины после тяжёлого сраженья перед началом нового боя: спокойно оценили обстановку и сделали вывод, что противодействие внешних сил должно лишь мобилизовать нас для дальнейшего творчества. Я сказал ему: «Пора вы-

пускать джинна – писать музыку к “Лермонтову”». Сегодняшний просмотр утвердил Бориса в его взглядах на нашу картину, укрепил идейные позиции, ещё чётче определил опорные музыкальные моменты.

4 января. Весь день на душе осадок от вчерашней экзекуции. Самое печальное для меня, верившего до этого дня в хорошее отношение руководства студии к «Лермонтову», это столкновение с оголтелой бездуховностью, подающей голоса против истины, против того в Лермонтове, что собственно и делает его поэзию бессмертной.

Удручённый, заехал в домик Лермонтова как к себе домой. Меня оставили одного в комнатах и шёпотом переговаривались: «Там Лермонтов ходит...» Поделился своими мыслями и в ответ услышал искренное возмущение подобным отношением к М.Ю. Пожаловались и они мне: «Какой-то умник от «культуры» распорядился удалить из комнаты бабушки икону. Прямо инквизиторы какие-то...»

Ожидая автобус «Мосфильма» для отправки на вокзал, топчась на морозце, я вспомнил строки Лермонтова, развеявшие сумерки души:

Пора, пора насмешкам света
Прогнать спокойствия туман.
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?

Зато как же было приятно, зайдя в вагон, увидеть родные лица своей группы: Т.В. Ковригину, Т. Чапаеву, Олега Мартынова, Сергея Смирнова... Да и всех остальных, которым прежде не так был бы рад. Посидели в нашем купе, посмеялись, разгоняя общее тревожное состояние, попили чайку. Серёжа молодец, поддерживает меня, умело подпитывает словом, юмором. Хорошо, что он сейчас рядом.

5 января. В Ленинграде нас встречали два зама, развезли по гостиницам. Я вновь очутился в «Европейской». Распоковавшись

и позавтракав, собрал маленькое совещание, объявив заму Михайлову, что удручён с первых же наших шагов в Ленинграде. Тем, что от него с утра пахнет перегаром, что он преподнёс нам на перроне сюрприз, сообщив, что невозможно снимать в Таврическом дворце, что большинство нашей группы будет жить далеко от нас в «Ладоге». Снимая фильм, я ставил для себя две равновеликие цели: снять хорошую картину и добиться, чтобы для группы этот фильм был годом радостной работы. Сказал, что мы красиво прошли большую часть пути, осталось совсем немного и дожить нужно тоже красиво.

С Олегом и Виктором дружно и быстро объездили на машине все наши натурные точки: дом Пушкина на Мойке, где мы снимем набережную с толпой народа, проход Лермонтова с Раевским. На Мойке, 70, осмотрели выбранные окна, похожие на пушкинские. Обошли Казанский собор и уточнили ракурсы: я со сценарием в руках шёл вдоль колонн и произносил текст, проверяя длительность плана, а Олег изображал катящуюся по рельсам камеру, определяя, сколько звеньев рельсов ему предстоит выложить. Обежали Дворцовую площадь, договорились, куда будем ставить вышку, где класть рельсы. Почти трусцой охватили окрестности Петропавловской крепости и утвердили домик гауптвахты, откуда поведут арестованного Дантеса. После обеда я отправился в Пушкинский Дом (Институт русской литературы). Там меня радушно приняла заведующая экспозицией. Показала Лермонтовский и Гоголевский залы, провела в запасник, где я увидел довольно красивый портрет Лермонтова, выполненный в 80-х годах XIX века Крыловым. Поговорили. Я пожаловался ей на своих недавних судей, на что она мне заметила, что и местные академисты вряд ли примут нашу картину с распростёртыми объятиями.

Последние пять десятков часов я себя ощущаю персонажем «Сказки о попе и работнике его Балде»: чувствуя, что час расплаты приближается, переживаю как тот поп за свой лоб. Однако панике предаваться не намерен, ибо совесть моя чиста и пред Михаилом Юрьевичем и пред будущим зрителем. А остальные пусть скрежещут зубами – джин в бутылку загонять будет поздно.

И потом – у меня ещё столько времени счастья: две недели съёмок в Ленинграде, несколько досъёмок в Москве, почти месяц

монтажа, тонировок, шумовых озвучиваний, записи музыки, перезаписи фильма – почти три месяца радости! Чтобы потом, быть может, долгие годы не быть допущенным к новой постановке.

Как осуждённый перед казнью, я буду ещё более жадно глотать каждый миг съёмочного процесса. Буду ещё добрее к своим товарищам по группе, сотворчество с которыми скоро начнёт отступать от меня в прошлое, в историю. Но пока это ещё в будущем. Я – счастливец, я – богач, которому судьба приподнесла такой подарок: ставить фильм о Лермонтове! Выше голову! Не уныние, а радость побеждает тьму! Радость! Мужество! Терпение!

В 18 часов в моём номере состоялось собрание руководства группы. Накупил эклеров, притащил самовар, заварил вкусный чай, привезённый из Москвы, надавил каждому в чашку облепихи, и мы по-доброму и хорошо посовещались о насущных планах работы в Ленинграде. А потом глядели телевизор сначала у меня, потом у Олега с Витей, которым наконец-то дали хороший номер – полулюкс из двух комнат с цветным телевизором. Хоть в конце картины поживут «королями». Чувствую в их отношении ко мне скрытые, тёплые эмоции, желание поддержать.

6 января. Мысленно благословляю судьбу за то, что она дала мне год и два месяца свободной, радостной, творческой работы над фильмом, вольной и безоглядной, за то, что тревога и первые волны недовольства моих критиков поднялись лишь на завершающей стадии. Утром, прибыв на съёмочную базу в заброшенных катакомбах подле гостиницы «Советская», пройдя сквозь уже готовую к съёмкам массовку, слоняющуюся в коридорах в ожидании автобуса, я с шутками оделся, сел на грим, и тут Татьяна Васильевна, сказала:

– А вы похудели...

– От переживаний, – ответил я.

– За фильм?

– Да, хорошо, что они заволновались лишь в конце картины.

С Серёжей Раевским мы прибыли на Дворцовую площадь, где проработали до 15 часов, пока с грехом пополам не сняли два кадра. Сложно было нашими малыми силами – помогали лишь два милиционера – перекрывать движение толпы, выходящей из-под

арки Главного штаба и с двух концов огромной Дворцовой площади. Приходилось задымлять машины под аркой, владельцев которых мы не сыскали. Поднимался с Олегом в люльке к самому Архангелу на столпе. Взлетев на уровень крыши Зимнего дворца, любовался Дворцовой площадью с высоты птичьего полета. Если бы не холод, ледяные ноги, да мелкие неурядицы, ощущение радости от этой съёмки было бы ещё полнее. Довольно часто я ловил себя на мысли о неповторимости этих мгновений и говорил Сергею:

– Всё хорошо!

– Я никогда не буду режиссёром... – говорил он в ответ. – Ну его!..

Лошадей мы так и не дождались и поставили карету в арке так, чтобы не было видно пустых оглоблей. А мужчины и женщины из массовки подходили ко мне: кто подарочек протянет – марку для филателистки Инны Макаровой; кто доброе слово скажет: «С вами мы готовы на край света...»

К концу дня выяснилось: Таврический дворец нам могут предоставить только 26 января, тогда как мы завершаем экспедицию 16-го; отказывают и в Греческом зале Павловского дворца. Возможность снимать в Мариинском дворце тоже под угрозой. Не сдавайся, Николай! Только вперед! Радостно и мужественно. На войне, как на войне. Не жди полной капитуляции врага и своей прижизненной победы. Борись и не сдавай позиций. Плацдарм ты можешь отвоевать нешуточный и – будь этим счастлив!

7 января. Так плохо мне давно не было. Несколько дней болело в области печени, а сегодня болезнь раскрыла свои объятия ещё шире, после того как я половину ночи мысленно отвечал будущим судьям «Лермонтова». Меня зациклило и я проворачивал возможные вопросы и ответы по несколько раз, изматывая себя всё больше и больше. Утром проснулся разбитый. Боль была уже конкретной, опоясывающей живот. Сил – никаких... Настроение серое, как и положено больному человеку.

Прибыл на базу, оделся, загримировался, и в образе Михаила Юрьевича, в офицерской шинели на дорогом меху, поехал в Управление культуры. В раздевалке встретился с директором

Павловского дворца, обговорили возможность нашего «вторжения» в Греческий зал. Она не была склонна соглашаться, и пришлось её долго убеждать. Наконец мы решили идти к зам. начальника Управления. Заглянули – там люди: стоя в дверях, я сказал, что приехал, остановив съёмку, что подожду в холле, и вышел, сел на диванчик среди снующих мимо чиновников от культуры. Лермонтов – дожидается в приёмной... Ждал около пяти минут. Настроение падало всё больше. Наконец меня пригласили. Сухопарая дама, неприступная и всёзнающая, с двумя парами очков на носу (для двойной солидности), в присутствии четырёх холодных помощников, включая директора Павловского дворца, принялась мотать мне заболевающую душу, выискивая заковыки в сводах «культурных» законов, запрещающие съёмки в музеях. Я шёл на всё: сократил массовку со 150 до 70 человек, потом – до 50. Обещал, что впущу их в зал лишь на полчаса в тапочках, после чего останутся лишь основные актёры. Давал все гарантии полной сохранности ценностей, описывал дисциплинированность моей группы, проверенную в Кремле, Тарханах, Пятигорске. Нажимал на общенародную значимость создания «Лермонтова», на то, что фильм увидит весь мир, и т.д.

А они – в ответ:

– А если вдруг разобьёте? А если сломаете?

Вывод «культурных чиновников»:

– Свяжитесь с замминистра культуры Шкурко, если он разрешит...

Видя, как я помрачнел, сухопарая дама утешила:

– Вы не бойтесь, не огорчайтесь...

И, не сдержав себя, я ответил:

– Я – боюсь, и я – огорчён. Зачем же власти города обещали нам все эти залы? Разве это – шутки? Через 10 дней мы завершаем работу над фильмом. Построить «дворец» мы не успеем, да и не имеем средств... Все актёры – 20 человек – приглашены на конкретные дни. Они прибывают из разных городов страны. Знаете, о чём я сейчас думаю? Лермонтова гнали при жизни и после смерти продолжается то же самое.

Я покинул кабинет, унося их напутствия и пожелания:

– Удачи вашему фильму...

Раздосадованный приехал на съёмочную площадку у Казанского собора. Тут уже всё было готово к работе. Зрители плотным кольцом сжимали арену наших действий. У Казанского собора Невский проспект пересекли рысцой три всадника в жандармских мундирах, направлявшиеся к нам на съёмку. С массовкой встретился, как со старыми друзьями. Довольно быстро сняли два кадра и быстро закончили работу.

Пообедав у себя в «Европейской», в 15 часов залёг с электрогрелкой и спал до 18 часов. Очнулся с тяжёлой головой и болью в пояснице. Позвонил Птиченко, тот отчитался: «Десятерик звонил предисполкома Ходыреву. В Мариинском отказано, предложено взамен снимать в Юсуповском или Меньшиковском дворце. Обращался Десятерик и к Шкурко – тот обещал помочь с Павловским дворцом». Серёжа Смирнов (врач по образованию) прислал мне с водителем кучу лекарств. Принял – полегчало. Нужно не забывать заповеди милых сердцу Михаила Юрьевича и Александра Сергеевича: «Что без страданий жизнь поэта? И что без бури океан?..» Учу стихи Гёте на немецком языке к завтрашней съёмке и огромный текст на французском.

8 января. Утром, когда я был не в состоянии подняться с постели от боли, появился Валентин Массов, и мы оба пришли к выводу, что на меня кто-то воздействует извне экстрасенсорными методами. У Валентина началось то же самое: заболела голова, сердце, появился озноб и боли в районе поясницы. Я был не в состоянии ехать на грим. Татьяна Васильевна приехала ко мне и загримировала прямо в номере. Прибыл в Петропавловскую крепость, когда уже почти всё было готово к съёмке: люди одеты и разведены по местам. Возок с тройкой лошадей освоил свой маршрут; операторская «Чайка» стояла на исходных позициях для второго кадра. Сел в возок, быстро сняли проезд на общем и среднем планах. Потом Олег ручной камерой снял мой крупный план и кинжал – и съёмка была закончена.

Демидова, прибывшая сегодня утром, полная энергии и желания выстоять и помочь мне, сообщила, что каждый из моих «обидчиков» (Десятерик, Мамилов и Глаголева) передают мне добрые слова и что Десятерик вчера, отменив все просмотры, шесть часов занимался переговорами с замминистра культуры, предисполкома и прочими официальными лицами. Разрешение на съёмку в Павловском дворце – получено! После съёмок Демидова повезла нас с Олегом и Виктором на поиск вариантов замены Таврического дворца. Оглядели ещё раз Аничков дворец и решили снимать там. В 17 часов, в одежде поручика Тенгинского пехотного полка, прибыл на приём к начальнику главка. Он с усталым высокомерным видом умного культурного человека сказал, что получил директиву замминистра культуры, разрешающую нам снимать в Павловском дворце. Вся ответственность возложена на меня, директора группы и оператора.

Вечером, когда я спустился в кафе за бутербродами, ко мне подошла сухопарая женщина лет 38 и спросила:

– Вы не Бурляев?

– Да...

– Я вас ругала.

– За что?

– За то, что вы хотите делать этот фильм.

– Какой?

– О Лермонтове. Какой вы Лермонтов? Вы на него не похожи. Мы много говорили об этом и пришли к выводу, что вы не должны это делать.

– Я уже почти завершил картину. И потом, кто это «мы» и почему у вас столь агрессивное отношение?

Дама стала заметать следы грубого наскока:

– Мы следим за вами с «Иванова детства»... У вас прекрасный «Игрок»...

Было и приятное событие, поддержавшее меня в моей болезни и немощи: в Доме книги на прилавке обнаружил «Альманах поэзии» № 43 с моей первой стихотворной публикацией. Купил 60 экземпляров.

9 января. Болезнь не отпускает. Утром заглянул Валентин Массов, подкрепил меня настолько, что я поднялся, готовый к бою, и

даже умудрился вселить бодрость в едва ли не приползшего к нам Сергея Смирнова. Все вместе мы отправились на Мойку, 12, к дому Пушкина. Там уже стояли пять огромных «Икарусов» с готовой к съёмке массовкой. Сняли проход Лермонтова с Раевским (Сергеем Смирновым) под окнами пушкинского дома. Было холодно, снег падал не переставая, создавая фон и атмосферу, необходимую для траурного стояния толпы под окнами дома умирающего Пушкина.

Обошёл все автобусы, рассказывая людям о предстоящей съёмке. Когда я говорил: где через мегафон, где без оного, – ловил на себе взгляды молодых и старых – добрые, заинтересованные. Кто чайку из термоса плеснёт, кто кофейку, кто свой бутербродик протянет, кто просто выскажет доброе слово поддержки. Довольно быстро заполнили набережную под окнами пушкинского дома. Готовя людей к съёмке, через радиоусилитель призывал их сердца прочувствовать миг гибели Пушкина. Я рассказал им, что эта набережная и этот дом были реальными свидетелями смертного часа Александра Сергеевича. Люди работали с удивительной готовностью и собранностью, идеально выполняя поставленную задачу: мгновенно приходили в хаотическое движение, снимали шапки, крестились и вновь замирали. Вот так просто исполнилось то, о чём я на протяжении пяти лет раздумывал: «Как же это я буду снимать зимой, в Ленинграде, пред домом Пушкина – на Мойке, 12?!»

Добравшись до гостиницы, мы с Сергеем рухнули по койкам, а Валентин пытался нас лечить. Спустя некоторое время померили температуру наших бренных тел: у Сергея – 37,8°, у меня – 38°. Уж и не припомню, было ли мне когда-нибудь так скверно?

Ай да Бурляев! Ай да сукин сын! Умеешь превозмогать свою немощь. Видя, что Сергею ещё хуже, старался шутить и ободрять его, хоть и к моему горлу подступает тошнота. Сергей, будучи не в состоянии добраться до своей «Ладоги», остался у меня, и мы образовали «маленький тифозный люксик» с неизменной «сиделкой» Валентином, пекущимся о нас и днём и ночью.

10 января. Продолжаю болеть: температура – 37,5°. Снимали сцену ареста Дантеса внутри Петропавловской крепости у здания

гауптвахты. День был весьма морозный, но впервые за дни нашей экспедиции с Ленинграда сползла серая промозглая хмарь, а к 13 часам выглянуло солнышко. С удовольствием работалось, несмотря на то что несколько раз, разводя массовку, стоя на практикабле за камерой, едва не терял сознание от головокружения.

Заглядывала на съёмочную площадку приехавшая в Ленинград директор нашего Объединения Л.В. Канарейкина, душевно ободрила меня:

– Самое главное для режиссёра – выстоять до конца, не сдаваться...

Оживлённые нашей исторически экипированной массовкой, конными жандармами и арестантской каретой, площади и лабиринты Петропавловки выглядели впечатляюще. Массовка работала настолько творчески, что трижды приходилось толкать стоявшего рядом партнёра, чтобы он выкрикнул свою реплику вовремя, не задерживая реплики остальных. Из Петропавловки тронулись на Мойку, 70, дабы снять три плана окон Пушкина, но снегопад прекратился и всё отменилось.

До вечера продолжали болеть с Сергеем на параллельных койках нашего «лепрозория», а вечером у меня собралось руководство группы, обсудили наше положение. Ни 11, ни 12 января снимать балы невозможно – не дают Аничков дворец. Решили перенести съёмки в Греческий зал Павловского дворца, который нам предоставляли на 13 декабря – последний день присутствия в Ленинграде большинства наших артистов. За полторы смены (14 часов) нужно будет снять 40 планов. Денёк предстоит серьёзный. Балетная труппа, с которой репетировал Марис Лиепа, не сможет сниматься 13-го, придётся искать новую.

Позвонил Наталье во Фрунзе, описал своё состояние. Она сказала, что прилетит мне помочь. Состояние здоровья удручающее, но на душе спокойствие и полная уверенность, что не только выстоим, но и победим.

Ночь с 11 на 12 января. Уж надумал было выздоравливать: даже в сауну сходили с Марисом Лиепой, – но всё началось по новой – температура 37,5°, голова трещит, озноб, тянет в постель. Целый день у меня люди: группа, звонки, корреспондентка из «Совет-

ского экрана» Н. Лагина. Лишь к ночи удалось раскадровать два бала – первый и третий. Устал от болезни. Когда же это кончится? Серёжа маялся всю ночь – не сомкнул глаз, утром уехал в свою гостиницу, а спустя несколько часов мне сообщили, что он помещён в больницу. Диагноз – ветряная оспа.

12 января. Утром поднялся без желания двигаться: разбитый, осунувшийся, небритый. После завтрака до 13 часов посидели у меня с Олегом, Виктором и Светланой: оговорили раскадровку и порядок съёмки двух балов. Работалось дружно, с юмором, хотя по множеству причин можно было впасть в уныние. Позвонила А.Т. Демидова, прокричала SOS: окружённая сотрудниками музея, не желающими впускать нас во дворец, она звала подмогу. Группа поддержки немедленно отправилась в Павловск. Вечером по телевидению показали фильм «Суриков». Картина нравилась мне и прежде, а сегодня её повтор оказался как нельзя кстати: родилась идея введения новой краски в сцену последнего бала: вальсируя с княгиней Соломирской, в ответ на лестное замечание о его последних стихах Лермонтов выскажет своё недовольство написанным, тем, что он не смог выразить того, что желал.

– Вы слишком строги к себе, – скажет Соломирская.

– Напротив, – съязвит в свой адрес Лермонтов, – каждый гном почитает свои труды великими...

А через несколько секунд он уже будет читать своего «Пророка».

Полночь. Завтра тяжёлый восемнадцатичасовой рабочий день. Завтра предстоит читать «Пророка». А значит, пока не усну, буду мысленно осваивать его. С момента запуска «Лермонтова» жизнь моя стала более чистой и высокой.

13 января. Утром приехала Наталья, полная желания помочь и подбодрить. Вместо 7 часов выехали в Павловск в 11.15. Шёл по рядам «Икаруса», видел лица, ставшие родными, и не скрывал своей радости. Особенно близким людям подарил «Альманах поэзии» с моими стихами. На душе светло, хотя работа предстоит серьёзная. За окнами автобуса проплывают выбеленные поля и деревья. Тихо играет музыка, в салоне сладкая полудрёма.

Приехали, а у Олега уже всё готово к чтению «Пророка». Сняли хороший дубль, но обнаружились серьёзные накладки костюмерного цеха.

– А вы не в том костюме... – обрадовали меня.

И когда мы уже были готовы снять проход Андрея, мне снова говорят:

– А он не в том костюме...

Конечно, костюмерам досталось.

Марис Лиепа мгновенно поставил с труппой два танца: полонез и экоссез. К радости своей, его полонез я схватил слёту, и мы с Илзе, танцуя, вели диалог. Танцевальная подготовка Щукинского училища не подвела меня и сегодня, спустя двадцать лет.

Мои артисты один за другим покидали площадку, отправляясь на свои поезда. Чтобы успеть их отснять, я вынужден был гнать съёмку в невероятном темпе, хотя уже понимал, что успею одолеть два бала за один день. Без обеда и отдыха, падая от усталости, работали почти до полуночи. Артисты Кировского балета оседали там же, где стояли, на паркет зала. И мы – успели! 126 полезных, потом и кровью снятых метров!

Автобус, везущий нас в город, был переполнен: многие стояли, кто-то сидел у меня на коленях. Ноги болели, гудели, но я не подавал вида. По радио пробило полночь, и весь автобус закричал: «С Новым годом!» Старый Новый год мы встретили в пути после тяжелейшего боя, какого не было не только за весь фильм, но и за всю мою жизнь. Встретили красиво! И куда-то вмиг исчезла усталость. На душе светло. Все вокруг дороги и любимы. Человек из массовки крикнул:

– А теперь поздравьте меня с днём рождения!

И весь автобус радостно грянул:

– Ура!!!

– Вот и разменял я 57 годочков... – говорил человек, проталкиваясь к выходу и благодаря всех подряд.

Вернувшись в гостиницу, плюхнулся в ванну. А потом, разомлевшие, чаёвничали с Марисом Лиепой, Илзе, Галей Беляевой, Юрой Морозом и Натальей. Вскоре я откланялся и отправился в спальню делать раскадровку завтрашней съёмки в Аничковом дворце, который помогла нам выбить Наталья, чем-то проняв тамошнюю директрису.

14 января. Подъём в 8.00, несмотря на то что поспать удалось меньше пяти часов: долго чертил раскадровку, учил французский текст диалога с де Барантом... С трудом разлепил глаза, но силы всё же восстановить успел и к активной работе был вполне готов. Вчерашний «бальный штурм» меня вылечил – такой парадокс. Перед отправкой на грим заехал в Аничков дворец, уточнил с Олегом порядок предстоящих съёмок. Оставив Олега руководить площадкой, отбыл на базу. Там тоже работа шла к завершению: все актёры уже были одеты и загримированы. А самое главное, группа была в боевом настроении. Всем сотрудникам костюмерного фронта я раздал подарки.

В Аничковом работалось более спокойно, хотя и тут не обошлось без цейтнота: всего за 30 минут до ухода артистов балета мы смогли начать съёмку танцев. В 20 часов, когда должны были уже всё закончить, только приступили к постановке последнего, самого трудоёмкого кадра – маскарада с участием всех актёров и статистов.

Пожилые женщины от имени всей массовки вручили мне трогательный адрес со множеством подписей, в котором они от сердца благодарили меня и моих товарищей за тактичное отношение, за счастье работы с группой «Лермонтов». Меня тронули слова: «Спасибо, что Вы ни разу не послали нас матом...» Многие

из подписавшихся подходили со словами благодарности, а потом начали неудержимо рваться в каждую сцену, так что приходилось некоторых выводить из кадра за руку.

Не скажу, что полностью удовлетворён этими двумя днями и собой: часто приходилось повышать голос, было много лишних присутствующих на съёмке, неполадки, ошибки, нечёткая работа помощников, пропадавших из моего поля зрения. Хотелось бы, чтобы крик никогда не вырывался из моих уст. Не хочу превращаться в типичного, всем не довольного режиссёра. Это не мой стиль и не мой путь. Завтра не произнесу ни одного громкого, гневного слова.

Сегодня, когда Марис Лиепа в образе императора танцевал с Олей Кабо вальс, мне было радостно на него смотреть: блестящий танцовщик. Умилила и растрогала художник-гример Т.В. Ковригина. Подошла чуть не плача:

– Я должна перед вами покаяться... Я совершила проступок, за который меня мало убить... Я не сделала вчера Гале Беляевой родинку...

Я утешил её: мол, не страшно, план снят длинным фокусом и т.д. Тогда она заплакала ещё сильнее. Я готов был обнять её и расцеловать: вот отношение профессионала к малейшему промаху. Снова каким-то чудом в последний момент, на пределе, мы успели снять всё: 124 метра. И стали ещё на один день ближе к завершению съёмок. В 23 часа, позвонив Олегу, сказал:

– Извини, брат, что мне приходится так гнать, но нет выхода. И радость, и горе у нас общие...

– Это то, о чём я говорил тебе в бане перед началом наших съёмок, помнишь? – сказал он в ответ.

И я вспомнил его просьбу, почти мольбу: «Давай и радость и беду делить пополам!..» И вновь искорка тепла и благодарности друг к другу пробежала между нами по телефонному проводу, преодолевая пространство, разделяющее наши сердца.

15 января. Сегодня должен завершить основные съёмки картины. Останется дня четыре пересъёмок и досъёмок. До финишной черты рукой подать. Теперь, даже если что и случится со мною, фильм можно будет собрать и без меня. Но, конечно, такой воз-

можности я не предоставлю никому – завершу сам. Спокойно и красиво, и даже не на пределе сил я снял исторический, костюмный фильм «Лермонтов» – с четырьмя экспедициями, с конными боями, придворными балами... На пороге своего сорокалетия я полон сил и энергии, готов на множество постановок в будущем, закален борьбой, имею достаточную закалку и душевную опору для предстоящих схваток.

Ночь с 15 на 16 января. Только что возвратились со съёмок из Павловского дворца. В 16 часов сел на грим, вживаясь в образ Н.В. Гоголя. На площадку ехали в такси с Натальей и Татьяной Васильевной и вели душевную беседу. За окнами мелькали снега, вырываемые из тьмы фарами. Начали с двух крупных планов Гоголя. Пришла глядеть вся группа, массовка и сотрудники музея. Первый дубль был удачным: состояние творческое, я не играл – жил и был на грани слёз.

Однако я снова просчитался, думая завершить съёмку к 22 часам. Всё повторялось вновь: актёры опаздывали на поезда, я пытался быстро снимать их – одного за другим. Но наконец, загнанный в угол, сказал:

– Я отменяю отъезд артистов в 23.55. Поедут в час ночи. У нас последний день. Больше нас в этот дворец не впустят...

До 22 часов мы должны были снять 17 кадров, а сняли лишь 4. Я был на нервах. Неожиданно главная хранительница музея подошла ко мне и сказала:

– Николай Петрович, только не волнуйтесь. Работайте спокойно сколько вам угодно.

Это меня ободрило. Перешли из Греческого в Круглый зал, и тут дуэт наших постоянных «саботажников» – Виктор и Эдик из операторской группы – устроил Олегу маленькую забастовку: мол, работали без обеда, надо заканчивать съёмку. Такое могли заявить только явные «не друзья» фильма. Если бы они сказали это мне наедине, я вряд ли бы сдержался, хотя вчера давал себе

зарок – не взрываться. Я избрал метод публичного воздействия и обратился к сотрудникам музея:

– Спасибо вам за самоотверженную помощь нашей группе. Мы благодарны за понимание того, что этот день в вашем дворце – наш последний шанс отснять эпизод.

Больше демаршей не было. Олег, нервничая, довольно ощутимо стукнул меня по плечу.

– Композицию кадра ставит режиссёр! – Сказал он громко и зло.

Я также громко, но с юмором ответил ему:

– Олег! Ты чего меня бьёшь? Если уж мы начнём колошматить друг друга, что ж тогда будет?

Ему стало стыдно, и уже до конца съёмок он старался не повышать голоса.

Старый артист Сем Вениаминович Цихотский, исполняющий роль «седовласого сановника», под расписку удрав из больницы, два дня работал у нас с кровоточащей язвой, совершая настоящий профессиональный подвиг. Хотя наша администрация отнеслась к нему нелучшим образом: машину в больницу прислать забыли, и он с трудом добирался до базы.

Наконец я поблагодарил всю группу за самоотверженный труд, назвал всех любимыми, «кроме двух человек, которых больше в свою группу не приглашу».

Съёмки завершились боевым атакующим натиском, как собственно и проистекали все наши «лермонтовские» баталии, какой была и сама жизнь поэта.

16 января. Последний день в Ленинграде. Последняя съёмка на натуре. Как и требовалось для «окон Пушкина», в нужный момент пошёл снег. Заказали единственный на «Ленфильме» ветродуй под руководством ветродуйщика дяди Гриши. Мы поздоровались, и он воскликнул:

– Ты – Коля Бурляев? Так мы с тобой на «Мальчике и девочке» работали... 22 года назад...

Весёлый, открытый, безотказный, помор Григорий, обожжённый ветрами, закалённый снежными шквалами. Человек, которому год оставался до пенсии, не желал покидать единственное

на студии «поддувало», на которое никто не хочет идти работать. Дядя Гриша – последний из могикан. Ну, и у нас ему пришлось потрудиться – дуть в каждом кадре.

Когда я приехал на площадку, массовка уже была одета и готова работать. Повесили рядом с окном табличку: «7, дом Болконской». Сняли на морозе три кадра. Руки ломило от холода и рации, которую не выпускал, постоянно связываясь с нашими людьми в доме, опускавшими и поднимавшими чёрный креп штор. Ноги дубели, хотя было всего 13° мороза, но для Ленинграда, продуваемого ветрами Балтики, это уже ощутимая температура. Люди из массовки один за другим подходили ко мне за автографами с карточками, запечатлевшими их в «лермонтовских» костюмах. Две женщины принесли на подпись «Альманах поэзии» с моими стихами. За два с половиной часа мы сняли всё.

Пора собираться, укладывать чемодан. Мысленно прощаюсь с Петербургом-Ленинградом. Устал. Перед отъездом заглянул к Демидовой, занёс в её номер свой вицмундир и сапоги со шпорами. У неё группа: сидят прощаются – поют, попивают из маленьких наперсточков. Попросили произнести тост. Сказал о том, что «с этого дня наша съёмочная жизнь начнет удаляться от нас в прошлое, становиться историей. У всех у нас большой кинематографический опыт прошлых картин, общений, и наша группа была не самой плохой в этом ряду...» Пожелал всем счастливого будущего: «Вперёд и выше!»

Когда мы с Олегом брели к поезду, он сказал:

– А ведь картина-то закончена. – И столько в этом было тепла и грусти!

Светлана, шагая рядом со мной по перрону, промолвила: «Я только что так рыдала...» Ей позвонили из «Ладоги» наши товарищи и наговорили много добрых слов.

В 23.55 поезд тронулся и начал удаляться от Ленинграда: от последней нашей «лермонтовской» боевой экспедиции. Вперёд! Засыпая, я с улыбкой вспоминал, быть может, самый главный момент вчерашнего дня. Когда мы поздно ночью завершили съёмку и везли в Царское Село главную хранительницу Павловского дворца, она, сидя рядом со мной, вдруг тихо сказала:

– Я должна перед вами покаяться. Ведь я была самой ярой противницей того, чтобы вы у нас снимали. Теперь мне жаль, что всё закончилось и вы уезжаете... Не забывайте нас... Если когда-нибудь будете опять снимать девятнадцатый век, пожалуйста, приезжайте.

Это покаяние искреннего доброго человека – свидетельство нашей большой победы.

17 января. Утром в поезде еле проснулся, горло саднило: то ли от вчерашнего перекрикивания ветродуя, то ли от заболевания. Приехав домой, выпил чаю и рухнул в постель. Около часа дня очнулся: за окнами светло: «Хорошее утро. Где мы сегодня снимаем?..» Усталость накопилась изрядная. К 15 часам приехал на студию. Посмотрел новый материал – «набережную Мойки», «проходы по Петербургу» – неплохо. Зашли с Олегом к Травкину, еле отсидел у него минут 40, болезненное самочувствие и вялость не давали сосредоточиться. Перенесли дела на понедельник. Забежали с Олегом и Виктором к шрифтовикам-титровикам. Обговорили необходимое, и – домой, прихватив у начальника комбинаторского цеха формуляры под титры. Вот и до титров дожили!

18 января. Ново-Дарьино, белый чистый снег – выше пояса, 26 градусов крещенского мороза. Долгожданный воскресный день отдыха, необходимый изнурённому петербургской бальной жизнью, обесточенному и обессоченному организму. За завтрашний день надо написать титры фильма; составить план досъёмок; ещё раз обмозговать необходимые комбинированные кадры; написать статью в мосфильмовскую газету – «Прощание с киногруппой»; перечитать письма Лермонтова и выписать нужное для закадровых текстов; распределить порядок лермонтовской живописи в монтаже; додумать фоны и пластику письменных текстов В.Г. Бе-

линского и М.Ю. для работы со шрифтовиками; продумать фон под титры. Вот такой предстоит отдых в воскресный день. Я переполнен фильмом до краёв, как сосуд – пламенной влагой. Она согревает, обжигает, постоянно напоминает о себе. Вот и приблизилась завершающая стадия монтажа – сращивание плоти и крови, соизмерение клеточек её составляющих, безжалостное усекновение лишнего во имя действенной мысли и ритма фильма, строжайший отбор необходимого. Настало время выстраивания мыслей М.Ю. – текстов, произносимых за кадром. Не перестаю благодарить судьбу, подарившую мне счастье этого труда.

Вчера, когда я зашёл в свою монтажную, там, рядом с моим креслом, стоял чуть ли не обеденный стол. Так наши женщины заботятся обо мне. Едва переступил порог, они сказали, что меня срочно хочет видеть С.Ф. Бондарчук. Я сразу же помчался к нему. Монтажная «Годунова» была полна народу: Вася Ливанов показывал плёнки своих приятелей-каскадёров, которые стояли тут же подле закусывающего из термосов Сергея Фёдоровича. Сел рядом с ним. Он не заметил этого, занятый творогом и происходящим на экранчике. Потом увидел меня:

– А, Микола, здорово... Сейчас иду к Десятерику, что-нибудь нужно ему сказать?

– Да нет... Пусть оставят меня в покое до конца фильма.

– Это правильно.

– Вы сейчас в городе?

– Не только в городе, – сказал Сергей Фёдорович, – но и здесь, в монтажной.

– Нам нужно будет поговорить. Предстоит борьба.

– Хорошо, поговорим.

И я, счастливый, удалился: это первый случай, когда Бондарчук сам поинтересовался, не нужна ли мне помощь.

20 января. Снова «Мосфильм» – беготня... Просмотр ленинградского материала, идущего из ОТК большими партиями. Внезапно сообщили, что много материала забраковано. Ринулся в ОТК – посмотрел, порадовался красивому изображению балов. А браком они посчитали то, что я как раз считаю удачей: размытый

диффузный экран, лучащиеся огни свечей в люстрах. Но кое-что действительно брак, например, чтение «Пророка».

Монтировать сегодня не мог: монтажницы подкладывали под новый материал фонограммы. Совещались в моём кабинете, превратившемся в Ноев ковчег из-за того, что третью комнату у нас отобрали – торопятся вытеснить. Занёс в редакцию мосфильмовской газеты свою статью. Встретился с Борисом Берковичем, режиссёром фильма о нашем фильме. Глаголева хочет забраковать его сценарий, утверждая, что в нём идёт речь о том, чего нет в моей картине. Заехал к родителям, они прочли вслух мою статью «Прощание с группой» и были потрясены моими добрыми отзывами о коллективе. Утверждали, что обычно режиссёры не пишут так о своих группах. Не знаю.

21 января. Утром просмотрели ленинградский материал. Есть огрехи, не всё мы в спешке успели: где в кадр влез прибор, где забор, где японский флаг, где дневное окно в ночной сцене, где недосмотр костюмеров – то перчатки нет, то на крупном плане мелькнёт дыра на указательном пальце. Балы выглядят скромными из-за малого количества «породистых, благородных лиц». Нужно будет выкраивать на монтаже по кусочкам. Но в целом я доволен, хотя и не всё в результате получилось так, как хотелось. Не удалось из-за скудости средств показать балы глазами самого поэта – нет желанной их фантасмогоричности. И всё же мы были удовлетворены. Снова, каким-то чудом, у нас оказалось по дублю каждого необходимого плана.

После просмотра повёз Олега и Виктора на выбор натуры. Первым посетили Кремль. Стоя перед храмом и колокольней Ивана Великого, я словно увидел их по-новому. Хочется создать величественный храмовый хоровод с золотыми куполами и звоном «сорока сороков». Потом мы посетили наш Комитет по печати, где нам приглянулась дверь председателя с золочёной табличкой и медными ручками. И наконец, приехали на Лермонтовскую площадь к памятнику. Припарковался именно на той точке, с которой мы решили снимать. Монтаж отложил до завтра: нездоровится, никак не отойду от питерского недуга: извожу платки один за другим, кашляю, всё время тянет в кровать.

22 января. Монтажница Маргарита Максимовна скоро должна уйти к Славе Овчинникову на «Годунова». Ей до слёз жаль расставаться с нами. Плакала. Я утешал её тем, что «Годунов» не менее интересная, нужная картина. Сегодня меня «обрадовали»: согласно календарному плану мне полагается на монтаж всего 10 дней. Завтра нужно проверить и повоевать за нормальный монтажный период.

23 января. Утром снова еле поднялся: носоглотка забита, губы обмётаны. Превозмогая болезнь, к 10.00 прибыл в монтажную. Думал, поработаю часок-другой – сколько сил хватит, а силы-то возьми, да и начни появляться по мере работы. Смонтировал проходы по Петербургу с Раевским (а я ещё думал, стоило ли включать в сценарий прогулки по Питеру с диалогами. Стоило – они дали Петербург, воздух, эпоху), последний бал с чтением «Пророка», планы Лермонтова и Гоголя, пожалев, что недостаточно крупно снял последнего. Монтируя с наслаждением – выздоравливал.

Днём вместе с главным инженером «Мосфильма» Чаадаевым подъехали одновременно на двух машинах к зданию цеха обработки плёнки, поднялись в зал ОТК, посмотрели наш «бракованный» материал, на который помощница Чаадаева бурно отреагировала: «Красиво! Как красиво! Какой же это брак? Это художественное решение!» Мне удалось отбить всё, что я хотел, и вдобавок – реально бракованный диалог с де Барантом. Начал борьбу с руководством за включение в титры «не подлежащих включению» членов группы и перестановку титровой иерархии – по справедливости. Художников по костюмам и по гриму надо поставить вслед за художником-постановщиком.

Потрясающе сказал А.С. Пушкин о грехе торговли поэзией и вообще искусством: «Я всякий раз чувствую жестокое угрызение совести, когда вспоминаю, что я, может быть, первый из русских начал торговать поэзией, и, конечно, выгодно продал свой «Бахчисарайский фонтан» и «Евгения Онегина», но к чему это приведёт нашу поэзию, а может быть, и всю нашу литературу? Уж, конечно, не к добру. Признаюсь, я завидую Державину, Дмитриеву, Карамзину: они бескорыстно и безукоризненно для со-

вести подвизались на благородном своём поприще, на поприще словесности, а я?..»

24 января. Весь день монтировал с таким удовольствием, какого не испытывал прежде. Вылепил пушкинский бал. Кадр с кадром сталкивались в противоборстве; воплощалась задуманная мною интрига, было интересно склеивать, интересно прокручивать напряжённый материал: Пушкин – Дантес, Лермонтов – придворная мафия, Гоголь – Пушкин – Лермонтов – единое духовное братство. В основном, сложен уже весь фильм.

27 января. Показывал картину Борису, музыкальному редактору, а также режиссёру «фильма о фильме». Просмотр длился два часа пять минут. Приехали и родители. После предыдущего показа, дирекции студии, зубы мои отточены, и весь я в боевой готовности – драться и кусаться за моего «Лермонтова». И это отразилось на первых же двух «советчиках»: родители, безоговорочно принимая картину, сказали, что Лермонтова должен озвучивать не я, а кто-то другой. Мои добрые старики явно имели в виду моего брата – чтеца – Бориса, однако я был поражён их бесцеремонностью. Одно дело – редактор, другое – близкие люди. Какой артист может озвучить моё детище, выношенное на протяжении стольких лет, родившееся из моей крови и плоти? Другой «советчик», отмечая, что фильм интересен в целом, сказал, что ему чего-то недостаёт в картине. И договорился до того, что это «что-то» не более и не менее как сам поэт, Лермонтов. Получил и он, и сразу же пошёл на попятный: мол, он полностью принимает трактовку и не представляет иного Лермонтова. Слушая «советчиков», я подавлял в себе ярость: сколько ещё мне предстоит выслушать!

Со студии мы с Борисом поехали к нему домой, где он проиграл мне музыку к «Лермонтову», красивый романс на слова поэта «Наедине с тобою, брат». «Тему матери» и «тему земли» я принял с коррекцией. Наметили «тему виселицы» под декабрьское восстание, бальные интриги и Пятигорск. Жаль, что Борис уезжает в ГДР и приедет всего за десять дней до записи с оркестром. Завтра начну чистовой монтаж картины. Руки чешутся.

28 января. Копирфабрика до сих пор выдаёт бракованные пробы, уничтожает уже которую сотню драгоценного «кодака-позитива», а наша лаборатория выдала повторно переснятые планы Лермонтова на дуэли с молниями: и тоже – брак. Помучались мы с Травкиным и в поисках эффекта движущейся субстанции «океана». Неугомонный Борис Тихонович усадил меня перед кинопроектором:

– Сейчас я проведу психологический опыт. Закройте глаза...

Я закрыл. Он включил проектор и стал вращать между лучом и мною диск, пресекающий свет. В глазах возникло почти то самое ощущение «океана». Значит, Травкин понимает, чего я от него добиваюсь. Договорились, что он сделает ещё одну пробу. Вчера он выдал мне два красивых плана: «площадь у Красных ворот» с зажжёнными окнами дома, в котором родился Лермонтов. Первый кадр – с дождём и молниями, второй – со спокойным звёздным небом и пролетающей по небу кометой. Я поблагодарил Травкина и художника Валентина Гласса за эти кадры и видел, как они оба обрадовались.

– Ну, слава богу! – с облегчением сказал Валентин.

Самые важные для меня слова сказал вчера впервые увидевший всё в целом мой друг Игорь Мамсуров: «Картина будет большой силы и современного звучания, и у тебя появится много врагов».

29 января. Чувствую себя обессиленным и обессоченным. Я словно авитаминозный больной после годичной прикованности к постели на пороге весны. Хочется лечь, забыться, дождаться прилива новых сил и жизненных соков, но надо, не останавливаясь, продолжать работу.

Сегодня снимали живопись Лермонтова в его доме на Малой Молчановке. Подъехал к дому первым, позвонил, из открытого окошка крикнули: «Это вы, Коленька!» – И Светлана Андреевна, патриот нашего фильма, понеслась открывать мне дверь. Посидели с ней, побродили по «моему» пустому дому, поговорили о фильме, в который раз вгляделся в картины М.Ю., мысленно наметил способ съёмки, раскадрировал. А там и группа подъехала. Не торопясь, сняли автопортрет и портрет матери в трауре. Рабо-

тали с юмором и взаимной симпатией, как близкие люди перед расставанием на долгие времена.

30 января. Вот и выселяют меня из кабинета, отдают весь «апендикс» этажа американцам. Помощники перенесли ко мне в монтажную бюст поэта и его портрет в раме, отчего монтажная преобразилась. Что ж, пусть нам будет хорошо в ней в эти последние два месяца работы над фильмом!

Сегодня снимали памятник Лермонтова у Красных ворот. Подъехал к 12 часам – камера уже стояла; на пьедестале памятника красовался венок из роз. Я положил привезённые нами бутафорские цветы на чашу у подножия. Выстроил кадр – и в течение 15 минут всё было снято.

На студии мне вручили заключение Н.Н. Глаголевой, в котором отмечается хороший уровень снятого материала и выражаются пожелания по сокращению ряда эпизодов, излишней религиозности героев и прочее... Отмечается и то, что я пока не прислушиваюсь к замечаниям руководства студии. Думал, будет хуже.

31 января. Когда я ехал утром по набережной к «Мосфильму» и смотрел на купола Новодевичьего монастыря, еле различимые в серой снежной мгле, думал, как же мы будем снимать кремлёвские купола в такой серятине? Но природа вновь была милостива к нам: когда подъехали к Кремлю, солнце озарило золотые маковки соборов на всё время съёмок. И облака, и клубы дыма от ТЭЦ, играя в небе, оказали нам добрую услугу. Был морозец, в парике холодно, но сновал по площади, раскадровывал купола, панорамы, наезды. Завершив съёмку и покидая Кремль, спохватился, что не успел подняться на колокольню Ивана Великого – упустил единственный шанс в жизни побывать там, откуда Лермонтов обозревал панораму Москвы. А как хотелось взглянуть на город глазами поэта! И разрешение у нас было, и наши драпировщики полдня возились на колокольне, задраивая прожектора. Ну да не беда! Планы сняли красивые, и настроение весь день было отличное. Не сомневаюсь, что кремлёвская колокольная и соборная «симфония» впишутся в духовно-изобразительный ряд фильма.

Вывез родителей и Наталью на дачу. Хотел отдохнуть, прийти в норму после Питера, но не тут-то было. Известно, что больнее всего ранят самые близкие, на правах «своих». Мать и отец опять заговорили об озвучивании Лермонтова, и вторично я резко прервал их советы. На мой крик прибежала Наталья и поддержала мой праведный гнев. Я предупредил родителей, что мой «Лермонтов» закован в броню от внешних посягательств, и чем дальше, тем более нетерпимым я буду к ненужным вторжениям. Я донашиваю своё тяжкое бремя. Скоро родится новая субстанция – фильм «Лермонтов». Он уже готов к рождению: сердце бьётся, кровь бежит по сосудам, – и калечить, ампутировать части его тела, а уж тем более уничтожать живую его душу не дозволю никому на свете. Высказался, написал – и стало легче. Хорошая штука – дневник.

Сейчас, когда, казалось бы, надо выстраивать, выписывать закадровые и внутрикадровые тексты, я зачитываюсь книгой Вересаева об А.С. Пушкине.

3 февраля. Сегодня я закончил сниматься в роли Лермонтова. Как просто... Вот и всё. И больше мне не делать грим, не надевать парики, не клеить усы. И даже можно бриться через день, а то и вовсе усы отпустить. Теперь уже всё, до последнего кадра, воплощено в явь и будет продолжать существовать помимо меня.

Сегодня, завершая съёмки, я до конца осознал, что мои помощники по картине в большинстве своём – виртуозы. И всё же внутренне поражался: как же мы одолели такую сложную работу? Призывом к единению? Подхлестыванием? Моей творческой эйфорией, безудержной верой в правое дело, в победу..? Как бы там ни было – мы преодолели все трудности. Однако и расслабились под конец основательно: костюмеры не подумали о монтажной стыковке в деталях одежды исполнителей, в результате лишь я вспомнил, что у де Баранта правая подтяжка была спущена...

После съёмки монтировал.

4 февраля. Простился с Натальей, пожелал ей счастливой дороги в Париж и поехал доснимать Нессельроде с гадалкой в особняке с роскошными резными дверями. Сняли за час. Но и здесь

не обошлось без упущений помощников: не было нужного трансфокатора, позволяющего задействовать в кадре всех вызванных актёров... На гадалке были не те перчатки...

Директор Объединения Л.В. Канарейкина приняла радушно, сказав:

– Делаем это только для вас. Идём навстречу – переносим обсуждение с 18 февраля на 28 февраля. Худсовет у нас доброжелательный, к художникам относится хорошо.

Сегодня я практически завершил съёмки фильма. Постранствовав по лабиринтам «Мосфильма», осознал, что лучшее место на студии – моя монтажная комната № 332. На стенах – портреты Гоголя, Достоевского, Лермонтова, на пьедестале над монтажным окошком экрана бюст М.Ю. Покой и воля, и царство лермонтовской мысли; нанизывание кадра за кадром на идейный стержень картины.

5 февраля. Сергей Фёдорович спросил о моих делах: я ответил, что покажу ему картину через 20 дней.

– Хорошо, – сказал он, – я как раз закончу свою.

Пришёл новый материал – «Кремль» и «Чёрная речка». Несколько дублей – брак, но, к счастью, не лучшие. Правда, почему-то от крупного плана де Баранта в конце дубля мне выдали лишь клочок в полметра. С наслаждением посмотрел и тут же смонтировал кремлёвскую соборную «симфонию», подложил звон колоколов и завершил монтаж пятой части. Смонтировал финал: памятники Лермонтова в Тарханах и в Москве. Финал важен, но, к сожалению, получилось блекло. Придётся переснять.

Узнав, что моему звукооператору Л.А. Тереховской влепили выговор на партбюро звукоцеха, рванулся туда. Слёту распахнул дверь и атаковал бюро, заступаясь за моего сотрудника. Но оказалось, что не «выговор», а поставили «на вид» за прошлые ошибки. Я дал ей самую высокую характеристику, отметив её огромную работу над картиной «Лермонтов» и, извинившись, ушёл.

Дома, принимая ванну, переосмыслил ход дуэли. А что, если сначала де Барант ранит Лермонтова, а потом Лермонтов вспорет ему подтяжку и обломает шпагу? Завтра попробую.

Днём перемонтировал первый бал с Пушкиным и Гоголем. На сей раз Гоголь, кажется, обрёл своё место и картина получила ещё большее напряжение. Как интересно, захватывающе – жить!

6 февраля. Утром Травкин показал мне новую пробу «океана», и мы снова корректировали радужный фон. Он жаловался на лабораторию, постоянно бракующую его работу, на Чаадаева, не желающего воздействовать на них. Когда монтировал дуэль с де Барантом, пришёл Олег Мартынов, сел рядом, стал помогать, подсказывать. Я всегда рад ему, да и подсказки его точны, но почему-то мысль моя тут же забуксовала, а Л.М. стала вдруг втрое дольше выискивать нужные кадры. И понял я, что монтаж – дело сугубо личное, интимное. Когда Олег ушёл, сказал об этом Л.В., она полностью согласилась.

Заходил на запись «Годунова». Слушая мощную музыку Славы Овчинникова, обнял его и сказал Сергею Фёдоровичу, что уже сейчас понятно: это классика. Слушая длинные симфонические куски, думал про себя: прав ли я, что удерживаю Бориса от развития темы?.. Держу в узких рамках?.. Позвонил его маме, попросил, чтобы она при следующем телефонном контакте с ГДР, где Борис сейчас находится, сообщила ему мои идеи.

Над шестой частью картины засиделся: много хлопот с перестановкой фонограмм закадрового голоса Лермонтова. И мало сокращений. Добравшись до сцены в Кремле (Царь – Бенкендорф), с радостью принялся вырезать лишние куски. Роскошь царского дворца, одного из первых наших съёмочных объектов, столь дорогих сердцу и глазу, ныне спокойно оценивается с позиций целостного произведения. Какое наслаждение мужественно и холодно отсекать ненужные метры! Какое удовольствие – гранить алмаз, оправлять бриллиант в дорогую оправу! Это чувство пришло уже на последних кадрах нового материала: в моей воле отобрать самое лучшее и необходимое. И мне не только не жалко обрубать плоть изображения, но даже приятно выискивать лишнее, не несущее смысла, новой информации, интриги. В который раз переделываем титры – они объёмные и администрация «Мосфильма» не хочет их принимать.

7 февраля. Помонтировал до обеда, потом возник стихийный просмотр по просьбе журналистки Н. Лагиной, пишущей о нас для «Советского экрана». Честно говоря, я и сам был не прочь встретиться со своей картиной, по которой уже соскучился. Первые смонтированные шесть частей уже смотрятся: есть ритм, ушли длинноты – интересно, дальше – всё в прежнем виде, с прежними длиннотами, но картина смотрится как нечто мощное, волнующее. Впервые слушал я и Борину музыку: тема матери, вальс, романс – всё красиво вошло в ткань картины, придало ей новое звучание. Я вновь наглядно увидел, что доведу фильм до желаемого результата: отшлифую оставшиеся части, пройдусь ещё раз по всей картине и – поставлю точку.

8 февраля. Суббота. Весь день готовил тексты к озвучиванию закадрового голоса Лермонтова. Сделал большую работу: выткал всю речевую монологовую линию, выписал новые тексты и стихи. Додумал то, что откладывал напоследок: «дороги России» проплывут под «Тучки небесные...» и стихотворение «Родина». На дуэль с де Барантом решил положить прозаический кусок из «Княжны Мэри»: «Для чего я родился...» Продуктивный день. Практически я подготовил себя к озвучиванию.

Наталья в Париже. Дома я с хворающим Иваном и мамой. У Ивана покалывает сердечко, а я чувствую его боль как свою собственную. Маленький мой, жалко его. У меня в детстве тоже частенько покалывало, да и теперь иногда бывает, но я научился справляться с этим, надо научить и сына.

В ванной, глядя в зеркало, вдруг осветился озорной радостью, подмигнул отражению и подумал: «А «Лермонтова»-то я снял! Скоро покажу вам!» Эмоция, похожая на ту, первую – «одесскую», когда я узнал о запуске «Лермонтова».

9 февраля. В который раз прошёлся по четвёртому тому Лермонтова – по прозе и письмам. Перечитал всё подчёркнутое мною раньше, насладился «Вадимом» и «Героем...» Считаю, что к озвучиванию готов. Теперь, когда ощущается всё изобразительное богатство и картина выстроена, хорошо знаешь, какой прозаический или поэтический кусок куда может лечь. Выписал все

комбинированные кадры, которые Травкину осталось снять, – их более 20-ти.

10 февраля. Перемонтировал горы «первого Кавказа», принялся за «Чавчавадзе». Масса мелочей, отвлекающих от дела, действовала на нервы. Внутри – творческий зуд, говоря словами Лермонтова, «бес писания», а точнее, «бес монтажа», а внешний мир словно специально мешает, тормозит работу, доводя меня до кипения. Вокруг, в соседних монтажных, горланят, шумят «шпионские страсти», долбает эстрадная пошлятина, аж стены дрожат. Днём в монтажной «Мосфильма» пестовать «Лермонтова» тяжело. П.Е. Тодоровский, – параллельно со мной, но только этажом выше, – монтирует свой новый фильм «По главной улице с оркестром». Встретились, обнялись, попросил его на будущей неделе посмотреть «Лермонтова». Он поделился своими мыслями: так же, как и я, он дозрел до жестоких «усекновений» материала – безжалостно кромсает всё лишнее.

Как я ни бушевал внутренне, а всё же смонтировал почти две важнейшие части: «горы» и «Чавчавадзе», причём первое – впервые выстроив, а второе – вторично перестроив.

Дома меня ждала Наталья, только что возвратившаяся из Франции с массой впечатлений, словно путешествовала полгода. Звонила мама Бориса Петрова, который с успехом гастролирует в ГДР. Через десять дней запланирована запись оркестра, а объявится он в Москве лишь за четыре дня до начала. Надо откладывать запись, но худсовет-то не отложишь. А картину хотелось бы показать с музыкой. Ох, не вовремя он уехал! Сейчас бы нам с ним работать ежедневно и еженощно – обговаривать все музыкальные вопросы, оттачивать музыкальный ряд, поглядывать на экран, искать исполнителей, репетировать, переписывать ноты и писать, писать, писать...

11 февраля. Устал, ощущаю кислородное голодание: сказывается то, что на воздухе я бываю не более двух минут в день – от двери до машины и от машины – до подъезда.

Сегодня большой праздник – показывал отделанные восемь частей и пять нерезанных лермонтоведам Т.М. Мельниковой и

С.А. Бойко. Обе после просмотра, как, впрочем, и по ходу картины, плакали. У обеих полное приятие картины. После просмотра зашли в мой кабинет с С.А. Бойко и теми членами группы, которые видели картину впервые. Воодушевление было всеобщее: администрация, мои помощники, Т. Чапаева, С.А. Бойко – все говорили наперебой, бурно выражая свои эмоции, – картина всколыхнула каждого.

С Т.М. Мельниковой договорились обсудить всё вечером. Встретились в ЦДРИ, где я выступал на творческом вечере Алексея Германа, и поехали ко мне. До 23 часов пили чай и обсуждали картину. Как всегда, её замечания верны. Больше других она волновалась за результат и сегодня была рада за картину и за Михаила Юрьевича.

Ночь с 12 на 13 февраля. Утром был у директора студии по поводу титров. Он спихивал решение вопроса на зама, говорил, что, если даст разрешение мне на столь обильные титры, завтра этого потребуют другие. Я возразил, мол, эти отговорки – бюрократический пассаж, а к «Лермонтову» нужно подойти творчески: разрешить полные титры. Ведь люди работали на картине, вкладывая в неё всю свою душу. Он сказал, чтобы мы сели втроём: он, я и Досталь, – и поговорили обо всём. На прощание сообщил ему о положительной оценке лермонтоведов и о том, что нещадно режу картину. Это же я сказал и повстречавшемуся в коридоре Мамилову. Оба не скрывали радости, что я кромсаю картину.

Прибыл в Дом ветеранов кино «Матвеевское», пообедал в компании ветеранов. Подошёл Е. Габрилович, поинтересовался «Лермонтовым». Узнав, что я уже всё отснял – удивился, а услышав, что картину вчера приняли лермонтоведы, сказал: «Ну, если уж и учёные приняли – это победа...»

13 февраля. Утром еле поднялся – болело горло, тело ломило – скверно. Весь день пробегал по кабинетам, выбивая разрешение на полные титры. Трижды – к Десятерику. Долго беседовал с ним с глазу на глаз. Вынужден был уступить ему три пункта в титрах, но разговор о российской действительности у нас с ним состоялся интересный. Мне стало понятно, почему он тогда, на

просмотре, высказывался так резко. Ясно, что он не враг картине, прекрасно видит все её достоинства и считает нужной. Он был весьма откровенен, я тоже – расстались друзьями.

Только начал сокращать сцену с Екатериной Чавчавадзе, вырубать куски «демона», как позвонила С.А. Бойко и стала умолять всё оставить как есть. Она взволнована фильмом и страстно хочет мне помочь. Днём с Н.Н. Глаголевой сидели у Досталя, обсуждая титры, доказывая необходимость каждого имени. В обед забросил вещи в «Матвеевское» и вечером переехал туда. С аппетитом проглотил оставленный мне остывший ужин и долго пил чай в раздевалке с добрыми женщинами-дежурными. С упоением рассказывал им о фильме, и они с таким же чувством слушали меня. Таким одержимым я не был никогда: я могу 25 часов в сутки идти за Лермонтова в атаку и говорить о нём со всеми, кто имеет уши. А ведь по природе я – человек не болтливый.

14 февраля. Из «Матвеевского» приехал на студию совершенно больной. Уточнил титры с Н.Н. Глаголевой. Она неожиданно стала называть меня на «вы». Зашёл к титровикам – дал команду делать титры на фоне живописи Лермонтова. До обеда перемонтировал и сократил сцену с Екатериной Чавчавадзе. Чувствуя, что поднимается температура, уехал в Матвеевское, рухнул там в постель и проспал до ужина.

15 февраля. Коммунистический субботник в честь XXVII съезда я честно отработал с 10 до 18.30: резал прощание с Варенькой в Середнеково, «въезд Лермонтова в Петербург», «вторую тайную компанию с запиской», «вечер в доме Лермонтова»...

Б.Т. Травкин принёс мне множество снятых им комбинированных планов, склеенных в единый двухсотметровый ролик. Зная, что мне сейчас предстоит увидеть и «океан», я волновался. Когда закончился просмотр, я сказал Травкину, что счастлив работать с таким художником, как он. «Океан» лучше, чем я ожидал, хотя... знаю, что мой идеал – недостижим при современных технических средствах. Кроме «океана» было ещё много красивых кадров: «ночной лагерь под звёздами», «Лермонтов под звёздным небом» и прочее...

Вчера в мосфильмовской газете появилось моё эссе «Прощание с группой». Все довольны, ведь в этом «прощании» я старался не забыть никого, и слова моей благодарности были исторгнуты сердцем.

Вчера в «Правде» появилась замечательная боевая статья Г.Н. Чухрая о кинематографе, о его вреде и пользе. Если Ермаш после этого устоит – будет странно. После такой статьи многие могут полететь из Госкино и хоть что-то должно измениться в кинопроизводстве. Г.Н. Чухрай отдыхает в Матвеевском. После ужина хотел его разыскать – глядь, он стоит у дверей. Поблагодарил за статью, выразил надежду, что она, может быть, станет той последней «каплей», которая повлечёт за собой изменения в кинопроцессе. Дал ему газетку со своей статьей. Г.Н. сказал, что очень ждёт моего «Лермонтова»: судя по моим выступлениям в Румынии, куда мы летали вместе и свидетелем которых он был – фильм должен получиться интересный.

16 февраля. Матвеевское. Первый за долгое время день покоя и отдыха. Солнце, морозно. Прошёлся минут двадцать по кругу пред домом – впервые за месяц. Горло саднит, кашель клокочет, но в общем, чувствую себя уже лучше, чем накануне. В 11 часов приехал ко мне корреспондент – делец при кино. Отнял у меня около часа, и я принялся за подготовку к завтрашнему озвучиванию – выписал новые тексты для Ивана. Позвонил Борису Петрову. Он вчера ночью вернулся из ГДР. Колеся по фатерлянду, был неразлучен с нашим детищем: переписал две темы, разработал тему Вареньки, задумал новые. Я рассказал ему, что картина получается сильной по звучанию и музыка должна поднять её ещё выше: до бетховенско-рахманинского уровня! Он загорелся ещё больше. Я просил его с этого дня всецело и каждодневно принадлежать «Лермонтову». Он и не мыслил иначе.

18 февраля. Сидел в монтажной с 10 до 22.30, вырываясь в «Матвеевское» на обед и ужин. Прошёлся ножницами по двум с половиной частям. Для одного дня – предостаточно. В 23.15 созвонился с Борисом Петровым. Он – на творческом подъёме: только что сочинил тему России на основе песни из «Вадима».

20 февраля. Вчера утром в Доме Лермонтова на Молчановке, которому вчера же исполнилось пять лет, снимали мою краткую речь для «фильма о фильме». Я надел свой лучший чёрный костюм, служащий мне уже 12 лет, и выучил текст, написанный накануне. Без репетиций, собравшись снова как на бой, сознавая всю ответственность предоставленной мне возможности выступить от своего имени пред миллионами зрителей, попытался укрепить всех нас в ещё большей любви и благодарности Лермонтову. Говорилось легко: рядом были свои – часть группы, за камерой – Олег, рядом его ассистент Валентин, в дверях маячит Т.В. Ковригина... Да и наша «хозяйка», С.А. Бойко, которая уже несколько дней после второго просмотра картины ходит сама не своя, с глазами на мокром месте. Она всё время говорит о том впечатлении от фильма, которое не оставляет её столько времени. Все её личные проблемы кажутся мизерными рядом с Лермонтовым, хочется жить и работать и т.д. Вчера перед съёмкой меня озарило – известное высказывание современника Пушкина «Пушкиным у нас умнеет всё, что способно умнеть» можно дополнить: «Лермонтовым у нас мужает всё, что способно мужать». Радуюсь этой мысли как открытию.

Зашёл к Борису Петрову. Он сыграл доработанную «тему матери», которая сразу легла мне на сердце. Божественная музыка – в ней всё: она и русская, и песенная, и духовная, и колыбельная... Затем Борис собрался с духом и начал играть мне самое главное – написанную им вчера «тему России». С первых же звуков я окунулся в единый, неразделимый поток музыки и текста, и это ощущение не отпускало меня до конца. Текст, взятый мною из «Вадима», освещённый музыкой, прозвучал ещё глубже, высвечивая суть нашей картины. Да, это было то, что я ожидал от Бориса. Эта тема вливалась в фильм, как живая вода, одухотворяющая и проникающая во все его поры. Я был счастлив. Приехав на «Мосфильм», мы с Борисом сели в монтажную попробовать, как лягут музыка и тексты на изображение. На экране – кадры детства, Борис с партитурой на коленях бормочет про себя текст и изображает оркестр, показывает, когда можно вступать с прозой, – я вступаю... Это поразительно, но музыка, словно просчитанная

компьютером, легла чётким чередованием песенных и прозаических фрагментов точно на отведённые ей места.

Смонтировал девятую часть: «последний бал», «гадалку» – сократил 23 метра. Забавная деталь: когда Л.М. стала перематывать и хронометрировать часть, дабы узнать, сколько мы отрезали, я спросил:

– Какая раньше была длительность?

– Триста восемнадцать, – ответила она.

Мгновенно окинув часть внутренним оком, я, чтобы провести эксперимент, сказал:

– Будет двести девяносто пять.

Каково же было удивление Л.М., когда её счетчик остановился на цифре «295». Совпадение?.. Уже поздним вечером шло первое озвучивание закадровых текстов. Мои слушатели, так сказать «главные режиссёры», ОТК – М. Карпова (монтажница), Л.А. Терехова (звукооператор) и С. Петрова – оценивали звучание довольно объективно, тонко чувствуя малейшую фальшь. Техник звукоаппаратуры шумела за стеклом в аппаратной так, что было слышно у нас в студии за двойными дверями. Она женщина, проработала на студии 30 лет, так и не поняв, чему же служит. Пришлось повести маленький «ликбез»: главное сейчас то, что делается у микрофона, ведь заняты искусством...

– А для меня главное – ящик... – ткнула она в свой аппарат.

Это выбило меня из колеи минут на десять, пока снова на экране не потекло наше изображение, очищая с души сор. Но на экран-то эта дама почти не глядела и вид её был равнодушно-авосечный.

Ночь с 21 на 22 февраля. И снова бой, красивый день и радость созиданья! До обеда монтировал последнюю «недорезанную» часть, сократил около 40 метров, но 10 – вставил: «дороги России», «источники», «вызов на дуэль Мартынова». И эта часть обрела ритм, динамику – прояснилась.

Борис Петров пригласил на прослушивание певицу. Когда я зашёл в кабинет музыкального редактора, она с порога, довольно по-свойски, сообщила, что с моим братом Борисом «ездила на БАМ». Она пела с листа и сходу начала «брать голосом». Я мгно-

венно остановил её, объяснив, что нам требуется голос матери, голос Вечности – нежный, обволакивающий, убаюкивающий. Она сначала смутилась, потом пропела ещё раз всё полностью, кое-где сорвавшись, как сказала она – «от холода». Борис остался ею очень доволен.

В 16 часов я снова стоял перед микрофоном, озвучивая закадровые тексты. Сегодня техник звукозаписи была другая, милая молодая женщина Елена, жадно следившая за экраном, тактичная и готовая к работе. На запись пришли Демидова и её заместитель Елена Ивановна. Сидели тихо, наслаждались лермонтовскими стихами, это было видно. Работа ладилась, записали тексты к фрагментам «смерть Пушкина», прочитал «На смерть поэта», потом «молитву» и прозу к «окнам Вареньки», а потом и «первый Кавказ». Приходилось на ходу ткать словесную вязь, соизмерять необходимость включения в текст тех или иных стихов, быстро в уме прикидывать нужное количество строф... По ходу записи фильм улучшался – дитя росло и крепло на глазах. Администрация моя просидела с нами до конца смены, и мы все распрощались в приподнятом настроении.

22 февраля. В Дом-музей Лермонтова привезли из фондов подлинный автопортрет М.Ю. Лермонтова. С трепетом взял в руки овал с ладонь ребёнка с изображением поручика Тенгинского пехотного полка – с газырями, в бурке. Около 150 лет назад Лермонтов вырезал своими руками этот овал: края рубленые, не идеально правильной формы... Он нанёс кистью на его поверхность акварельные краски, создавая на белом пространстве своё отображение. Нежное, светло-печальное, чистое, трепетное. Этот листок бумаги хранит прикосновение его пальцев, излучает радость и свет. Когда я закрывал портрет обёрткой, то словно прощался с ним навеки: когда ещё доведётся встретиться с этой реликвией? Может быть, никогда.

Посмотрел передачу «Страницы жизни и творчества М.Ю. Лермонтова», – ведущий Ю. Нагибин. Увиденное повергло меня в уныние. Меня – ладно: я знаю Лермонтова и стряхну с души эту передачу, а миллионы зрителей?.. Конечно, кое-что в передаче было: нарисован образ великого художника мирового масштаба,

обозначена его принадлежность к Русской земле, но сделано это сухо, без эмоций. Нагибин называет поэта прародителем новой российской прозы. Всё это хорошо. Но каков дух повествования? Отбор стихотворений? А главное, итог передачи, итог жизненного пути Лермонтова?..

Я просто ерзал в кресле от яростного несогласия. Пессимизм, дисгармония в противовес пушкинской гармонии, одиночество, исчерпанность души и творчества в 27 лет; поиск им самим смерти, обида на «бедного Мартынова» – все эти лживые штампы снова внедрялись в сознание людей. Господи, как хорошо, что я снял своего «Лермонтова» и он вскоре появится на свет!

Рождение моего «Лермонтова» похоже на рождение долгожданного любимого ребёнка. Сегодня я прогуливался подле Дома ветеранов кино и, ощущая в себе дитя, понимал, что скоро оно от меня отделится и заживёт своей жизнью. И автор картины, не смотрю на неё сверху вниз – мол, это всё создал я. Нет, я гляжу на свой фильм снизу вверх, полагая себя лишь проводником высшей идеи.

23 февраля. Родители втайне боятся за меня и моё будущее. Они понимают, какой фильм я создаю. Чувствуют, что я встаю грудью и в полный рост против сильных врагов. Они знают, что по стоящим в полный рост стреляют, как некогда стреляли в Пушкина, Лермонтова и во многих других борцов за Русскую душу. Отец и мать, зная о моей дружбе с тётей Фаей, просили её поговорить со мной, чтобы я не вставлял в фильм герб рода Мартыновых с масонской символикой. Но она женщина мужественная и понимает, что кто-то в жизни должен брать на себя смелость говорить правду. Изъяв этот герб после просмотра Гендирекции, высказавшейся против него, и взвесив всё, я решил, что грех отказываться от такой существенной детали в биографии убийцы Лермонтова. Странен тот факт, что, появившись однажды на страницах книг Нарцова (в 1914 г.), этот герб более никогда не фигурировал в наших послереволюционных изданиях. Так что даже некоторые лермонтоведы были поражены и называли этот факт «открытием». И я не имею права утаивать его.

Меня всё больше заботит и приводит в ярость то, что слова «Россия», «русский», всё, связанное с понятием «русское», определенными жителями моей родины воспринимается как национализм. Можно говорить «великий грузинский поэт Руставели», «великий армянский поэт Нарикаци», «великий еврейский писатель Шолом Алейхем», «великий литовский художник Чурлёнис»... Но попробуй скажи: «русский поэт», «русский артист», – как ветхозаветные старцы и их потомки здороваются с тобой уже с опаской и заносят твоё имя в чёрные списки и готовы назвать шовинистом и антисемитом. До каких же пор это будет продолжаться? Или мы, русские, не у себя дома живём?.. Не в России?.. Почему мы должны жить с оглядкой и чувствовать себя гостями на своей Родине? Так дело не пойдёт! Мы – русские! Мы – дома! Мы – в России! Мы будем говорить в полный голос!

25 февраля. Сегодня завершил запись закадрового голоса Лермонтова, а потом три часа писал закадровый голос Ивана. Работал он достаточно собранно, не отвлекаясь, впрочем, я ему не оставлял такой возможности. Читал с листа и упорно, повторяя в чём-то моё упорство, пробивался к образу маленького Лермонтова. Записали несколько дублей: «почему они мужикам руки ломают...» Но я не был удовлетворён: преодолевая отеческую жалость, решил добиться своего. Сказал Ивану, что нужно произнести это сквозь слёзы, он начал дубль, я прервал его резким окриком, заставил начать заново: и тут только голосок его задрожал и он, преодолевая рыдания, начал говорить. Записали. Честно говоря, я и не надеялся на такой результат. Я сам, за всю свою тридцатилетнюю актёрскую практику на озвучивании по-настоящему плакать не мог.

На ночь, листая томик Лермонтова, вдруг понял, что свободно ориентируюсь в его поэзии, быстро произвожу отбор необходимого, чётко вижу фильм и возможность вплетения в него бессмертных строк.

26 февраля. Сегодня принял решение изъять из фильма эпизод «первой детской любви Лермонтова на Кавказе». Будь фильм двухсерийным, сцена прекрасно могла бы существовать, допол-

няя портрет и жизнеописание Лермонтова этим милым штрихом, но односерийный монолит диктует жёсткие требования динамичной драматургии, не позволяет отступлений и лишних красивостей. Само по себе интересно всё, связанное с жизнью Лермонтова, важна любая деталь его жизни. Жаль, конечно, терять эту сцену, но чтобы выстроить картину на едином дыхании и сохранить целостность фильма, иду на это.

Сегодня с радостью обнаружил, что «Лермонтову» выделили пять монтажных комнат и целую армию монтажниц. Едва успеваю бегать из комнаты в комнату, от стола к столу: там музыку подкладывают, здесь звучит закадровый голос, кто шумовую плёнку протягивает, Л.М. сидит со мной на главных монтажных делах. Борис с монтажёром трудится над «Фильмом о фильме». Все работают увлечённо, одержимо. Лермонтов овладевает всё новыми душами.

Подложил в эпизод «ночь в горах» новый план Травкина – «землю в сиянье голубом». Он – истинный художник, и его кадры существенно обогащают фильм. Кроме того, он ещё и поэт – это выяснилось сегодня, когда он, раскрыв «Альманах поэзии», стал тыкать пальцем в мои поэтические промахи.

Борис Петров «горит» дома с партитурами, готовится к записи оркестра. Я отверг его «тему любви», предложив считать таковой «тему матери», он с удовольствием согласился – одним номером меньше.

Завтра приезжает главный консультант фильма – профессор Б.Т. Удодов, и в 15 часов я должен показать ему картину. На послезавтра назначен худсовет Объединения. Я пригласил Г. Панфилова, но сейчас он занят в театре постановкой «Гамлета» и единственное, что он может, – это «молиться, чтобы всё было хорошо». Позвонил Коле Губенко, просил его прийти и – если фильм затронет его сердце – поддержать. Коля спросил:

– Как ты сам, доволен картиной?

– В жанре биографического фильма подобной картины не было, – сказал я со свойственной мне скромностью.

Коля обещал, если не будет съёмок, явиться. Пригласили И.И. Поплавскую. «Лермонтов» на устах многих мосфильмовцев. Острословы прозвали мой фильм – «Зять Годунова».

27 февраля. Вновь в моей душе зашевелился червь сомнения. По порядку. Состоялся показ Б.Т. Удодову, приехавшему к нам из Воронежа. Вызвалась глядеть фильм и Н.Н. Глаголева, так как завтра на худсовете не будет. Села рядом и снова цикала в тех местах, которые её не устраивают. Просмотр был пыткой: то и дело рвалась плёнка, показ прерывался, включалась-выключалась ремонтируемая вентиляция (почему-то именно в это время), вспыхивала на дверях лампочка, входили и выходили люди. Да и сам Удодов опоздал на 10 минут. По окончании просмотра Глаголева, как ни торопилась уйти, осталась выслушать замечания Удодова. Он начал лить профессорский «бальзам» на души моих оппонентов и сыпать соль на мои раны. Вспомнил все свои первоначальные замечания по сценарию, которые я «не учёл в работе». Начал с точки зрения филолога-лермонтоведа разнимать словесную вязь фильма на составные части, анализируя и вспоминая по годам написание каждой фразы и стиха. Когда мы прощались, я ему прямо сказал, что от завтрашнего просмотра зависит судьба фильма и что если он завтра примет фильм, просмотрев его ещё раз сердцем, а не умом, то станет в ряды защитников М.Ю.

Я видел, что многое нужно поправлять, сокращать, перемонтировать, вычищать, но к завтрашнему худсовету это сделать было, к сожалению, невозможно. И от этого я занервничал ещё больше. Уже приехав в Матвеевское, вспомнил, что план травкинской земли стоит не на месте. Позвонил в монтажную. Мои дорогие женщины в 20 часов были ещё на рабочих местах. Попросил перемонтировать всю сцену в горах по моему новому плану. Завтра посмотрю на экране.

28 февраля. «Но поражений от победы ты сам не должен отличать».

Сегодня – победа «Лермонтова»! Громкая, общепризнанная, основательная. Состоялся худсовет Объединения. Если обычно на подобном мероприятии присутствуют 5–6 человек, то сегодня было человек 45 в зале и 32 – на обсуждении. Первым выступил Коля Губенко. Спокойно и весомо он сказал:

– Я благодарен за приглашение на просмотр. За то, что не прошёл мимо такой картины... Мы по праву гордимся грузинским

и киргизским кинематографом, но русский кинематограф у нас отсутствует. «Лермонтов» – русская картина.

Он говорил о вкусе и своеобразии киноязыка, о патриотичности фильма, о том, с какой доподлинностью воссоздана эпоха.

– Я понимаю, как же катастрофически трудно было снять такую картину на мизерные средства. Какое счастье видеть столь недостающую сердцу память о России!..

Когда Коля завершал свою речь, слёзы мешали ему говорить. Он задал тон обсуждению. Все выступающие за ним говорили подолгу, ставя себя по отношению к картине в позицию «снизу вверх». Были и советы, но они были даны с пониманием того, что дело автора принять их или отвергнуть.

Были даже реплики по поводу «миссии создания такой картины», «воплощения жизни гения». «Хвалу и клевету приемли равнодушно...»

Я поблагодарил всех и попросил Объединение отметить работу моих товарищей, их талант и самоотверженность.

После обеда два с половиной часа беседовал в монтажной со своими по поводу предстоящих поправок и сокращений. То и дело мне звонили из группы, где тоже велись эмоциональные дебаты. Все воодушевились ещё больше, все горят и теснее сплачиваются вокруг «лермонтовского» костра.

Многие в зале плакали: Коля Губенко, Жанна, Лилия Александровна, – это лишь те, кто признался в этом.

К ночи вскрыл почту – первая анонимка из Ленинграда:

Снимай кино, что за вопрос,
Но только без дублёрских правил,
И сделай так, чтобы Мороз
Нас от тебя навек избавил...

2 марта. Всё меньше «чёрных дыр» остаётся в моём целостном видении картины. Выбрал стихи для сцены с Варенькой в летнем парке: «Мы случайно сведены судьбою...» Чаша фильма наполняется и уравновешивается с моим ощущением идеала. Ещё штрих, ещё краска, мазок – и картина готова. Вижу конец, берег, он – достижим! И от ощущениея достижимости долгожданного, мечтае-

мого на сердце радостно. Восхождение близится к концу: вот она – вершина! Страховка надежна! Оснастка крепка! Дойду! Взойду!

Ночь с 3 на 4 марта. Нормальный рабочий день: с 10 до 24 часов.

До 18.30 с Л.М. сокращал третью и четвёртую части; с Зинаидой урезал и перемонтировал последнюю часть на 60 м, а Маргарита Максимовна Карпова, приписанная к «Борису Годунову», самостоятельно сократила картину на 25 метров и переосмыслила порядок текста и планов «горы первого Кавказа», и надо сказать, к лучшему. Подле нёе долго сидела, явно наслаждаясь происходящим, заместитель директора группы Е.И. Палагушина. Такой заинтересованности творчеством со стороны административных работников я никогда прежде не замечал. На четвёртом столе Лилия Алексеевна демонстрировала мне шумы. Вот это работа – дружная, воодушевлённая, радостная! Дорогого стоит!

С 20 до 24 часов озвучивали сцены с гадалкой, с Котэ, с Монго, с Ниной Грибоедовой. Пробовали актёра, но Бенкендорфа не получилось. Думаю, что его идеально мог бы озвучить Дружников.

Мосфильмовцы поздравляли меня с впервые прошедшим вчера по телевидению «Военно-полевым романом» – резонанс получился большой.

Ночь с 5 на 6 марта. Как хорошо, что состояние радостного творчества стало «хроническим»: привычной и неотъемлемой составляющей моей жизни – и можно не опасаться (как в 1975 году после моего дипломного фильма «Ванька-Каин»), что это никогда не повторится. Это будет всегда и будет восходить по спирали – идеал недостижим. Группа к исходу дня не хочет расставаться, с уст не сходят улыбки. Больная Демидова приходит после рабочего дня в тон-ателье глотнуть «живой воды»: робко, не входя в студию, стоит, любуется в окошечко.

Рядом в соседнем ателье перезаписывает свой фильм «По главной улице с оркестром» Тодоровский, и мы в паузах бегаем друг к другу, радуясь счастливому соседству, говорим: «Как летит время! Вот и сделали мы с вами по новому фильму!»

До двух часов ночи проговорил в гардеробе Дома ветеранов кино с дежурной, которую несколько дней назад вывозил на просмотр «Лермонтова». Она разбирала сцены, анализируя свои эмоции, оценивая всё в целом и в частностях. Несмотря на усталость, я тоже готов был говорить с ней до утра, соизмеряя задуманное и исполненное. Фильм ещё не завершён, не принят, а я как никогда уверен в полной победе.

– До того как я увидела ваш фильм, – сказала дежурная на прощанье, – вы много и уверенно говорили о нём... Всё оказалось правдой: фильм именно таков...

Отходя ко сну, глянул на себя в зеркало (давно не виделся сам с собой, не вглядывался в своё отражение), сказал: «Тебе – 40 лет». Увидел сеточки усталых морщин у глаз, на лбу. Их немного, но процесс изнашивания плоти – налицо. Ты пережил Лермонтова, Пушкина. Ориентируйся хотя бы на возраст Толстого. Не отказался бы и больше, но в связи с нанесением ударов по организму в молодости вряд ли это получится. Что нужно для того, чтобы прожить столько? Подумай и постарайся осуществить задуманное. Работы впереди – пропасть: с «Лермонтова» ты только начал жизнь, во всяком случае, её новый этап.

6 марта. Заснул в пятом часу утра. Встал не в форме. Снова монтаж на трёх столах. Внутри те же переживания, что и у Лермонтова: «И всё боюсь, что не успею я свершить чего-то...» Отключил телефон, повесил на дверь табличку: «Просим не беспокоить». Нервничаю. К обеду выскреб ещё метров 50. Чувствую, что ресурс лишних метров иссякает: кое-где хотелось бы видеть большую длительность кадров, как бы вообще не зарезать картину.

После обеда до ночи – озвучивание. Малишевский (роль Николая I) и Дружников (Бенкендорф) – от этой пары я получил эстетическое удовольствие: их мастерство и красивые голоса явно украсят мой фильм. (Написал «мой» и устыдился: какой же он мой? Он плод работы 5000 людей.) Имидо Кахиани – князь Чавчавадзе – прилетел из Тбилиси озвучить свою немногословную роль. Начал, как водится, не поднявшись душой и сердцем до высот Лермонтова, но потом мгновенно собрался, услышав в записи свой обыденный голос, и уже дальше, цепко и музыкаль-

но артикулируя, нашёл верную интонацию. Сидел в тёмной студии, смотрел на экран, живописующий «царские покои Кремля», глядел на Дружникова, на Малишевского, работающих у микрофона, и с радостью спрашивал себя: «Это что же? Ты уже озвучиваешь «Лермонтова»? Ты его уже отснял?..»

7 марта. К 15 часам, к началу просмотра, голова была тяжёлой. Впервые посадил за пульт управления звуком – микшер – Лилию Алексеевну, а сам сел посреди своих актёров, пришедших посмотреть картину. Первый раз был её рядовым зрителем. Теперь фильм жил сам по себе, совершенно отдельно от меня. Всё мне казалось длинным. Кое-где я даже зевал, то ли от усталости, то ли от нехватки кислорода, то ли... Приглашённые мною писатели дали высокую оценку картине, назвав её «произведением, которое, как симфонию, невозможно сразу оценить детально...»

Ночь с 8 на 9 марта. Вовремя наступили выходные дни: начал выписывать из лермонтовской прозы тексты для озвучивания второго плана. Что может быть лучше слов самого М.Ю. для воссоздания духа поэта! Фильм приобрёл своеобразный творческий иммунитет: отторгает всё, не свойственное Лермонтову. С радостью отметил это и на ходу, переоценивая первооснову, вырезаю лишнее, убираю своё и вношу Лермонтовское.

9 марта. Хорошо отдохнул за эти два дня: лежал, обложенный со всех сторон сценарием, книгами Лермонтова. Отоспался, сквозь дремоту и сон выверяя детали картины, уточняя в уме целое. Дважды гулял: с сыном и один, беседуя с собою. Впереди последние две недели – завершающий марш-бросок, который приведёт меня к финишу более чем пятилетнего труда над «Лермонтовым». Четырнадцать золотых дней! Ценность каждого дня будет ощущаться стократ острее всех предыдущих. Промелькнут они неповторимой стремительной чередой и – всё!

10 марта. Утром зашёл к начальнику кинопроката Евгению Константиновичу Войтовичу, сказал, что завершаю работу, покажу её через 14 дней, длительность картины 2950 метров – 11 коробок. Он ответил:

– Желательно довести до десяти. Но, впрочем, если фильм хороший...

После этой реплики я окончательно решил вместить картину в 10 коробок.

Работалось бы хорошо, если бы не осадок от коридорной беседы с одним кинематографистом, снявшим три-четыре невзрачных фильма и переквалифицировавшимся из режиссёров в сценаристы, а теперь и в артисты. Некогда он хотел снимать фильм о Лермонтове и в те, уже далёкие времена предлагал мне роль Михаила Юрьевича. Сегодня можно назвать его имя – Андрей Смирнов.

– Ты «Лермонтова» снимаешь? – сухо спросил Андрей.

– Да. Уже заканчиваю.

– Как же ты... Ты же знаешь сценарий Саши Червинского.

– Нет, – ответил я, – сценария Червинского я не читал. Ты мне его не давал.

– Ты меня поразил... – сказал он.

– Чем же?

– Своим выступлением на вечере Гены Шпаликова. Тем, что ты там нёс...

– Не понял, – прервал я его.

– О спаивании России... Окуджава сказал: если бы он знал, что будет такое, он не пришёл бы в Дом кино.

Показательная беседа. Первый сигнал «друзей». Не минует меня «чаша сия». Вдруг как-то отчётливо в сознании прозвучали слова М.Ю:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья.
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья.

Я не имею права примерять на себя тогу «Пророка», но тут мне показалось, что я понял поэта ещё больше. Что ж, придётся выдерживать град каменьев, ведь он-то выдержал.

11 марта. Встал не отдохнувший, как после ночного загула. Полдня резал картину. К 14.30 спокойным шагом вошёл в микшерскую. Борис Петров уже там, с ним звукооператор В.В. Вино-

градов, дирижёр Н. Петухов, солист Большого театра П. Глубокий, музыкальный редактор В. Лаписов, с которым я буду писать музыку уже к третьей своей картине. Войдя, сказал:

– С праздником!

– Каким?

– С началом записи музыки к «Лермонтову».

Спустились с Борисом вниз к оркестру.

Оркестранты вежливо поприветствовали меня постукиванием по инструментам. Я коротко сказал о том, что группа «Лермонтов» отдаёт в руки оркестра своё дорогое детище и желает оркестру радостного и творческого труда. И музыканты вновь ответили мне вежливым постукиванием.

Виноградов, когда я возвратился к пульту, одобрительным кивком приветствовал моё «обращение».

Первый музыкальный номер – инструментальный «романс» прозвучал дважды, вызывая в душе чувство радости. Я с закрытыми глазами сопереживал музыке, в уме и сердце отчётливо ощущая её слияние с изображением. Далее писали «тему Родины» – песню «Воля». Когда оркестр отрепетировал её с огрехами, но целиком, всем стало ясно, что мы присутствуем при рождении серьёзного музыкального произведения. Я поздравил Бориса:

– Это будет жить долго...

Владимир Владимирович Виноградов, лучший музыкальный звукорежиссёр «Мосфильма», записывая «Волю», ежился от восторга и восклицал:

– Давно такого не записывал! Как можно в наше время придумать что-то новое?!

Всеволод Лаписов улыбался, прищурив глаза.

После перерыва начали с «Вальса». Репетировали около часа. Когда прозвучало первое, не совершенное ещё исполнение, Виноградов подошёл ко мне и шепнул на ухо:

– Он будет очень знаменит...

А я сидел в последних рядах огромного зала, смотрел, слушал и думал: «Семьдесят музыкантов спустя 145 лет после смерти Лермонтова, собрались и играют сочинённую в его честь музыку... Знал бы об этом поэт!.. Пять лет моей жизни, борьбы и труда завершаются так музыкально...»

После репетиции, сделав перерыв для оркестра, пригласили наверх дирижёра. Он вошёл и сказал:

– Это «маллеровская» партитура. К ней надо подходить дифференцированно... Все воодушевлены... Хотят довести вальс до идеала.

Записали два дубля и остановились.

– Такую вещь нужно репетировать минимум неделю, – сказал Виноградов. Но по его лицу было видно, что записью он вполне доволен.

Начали репетировать «тему матери» – голос с оркестром. Голос божественный, тема изумительная. Прекрасного певца Петра Глубокого сменила замечательная певица Ольга Бузина, два года певшая на сцене Венской оперы. После записи одного-единственного дубля в микшерскую собрались все: прослушали... Потом творилось нечто невообразимое для этих стен: услышанное всколыхнуло всех. Муж певицы сказал о Борисе:

– Он гениальный парень... Это явление в музыкальной жизни...

И его поддержали все до единого. Это была настоящая победа Бориса. Его музыка к «Лермонтову» будет жить.

Оркестр аплодировал сегодня каждому новому номеру. Грандиозная работа!

Прощались мы все как добрые друзья, породнившиеся в высотах духовного полёта. Долго благодарили, жали друг другу руки, говорили об удовольствии сотрудничества. Один из оркестрантов спросил Бориса, проходившего мимо:

– Сколько ещё осталось?..

– Ещё один номер, – ответил Борис, ожидая подвоха.

– Как жаль, – сказал музыкант, – что так мало.

– Ради этого стоило жить... – заметил кто-то Борису.

– Это надо исполнять на предстоящем съезде композиторов! – восклицал Сева Лаписов.

После записи, несмотря на то что время близилось к полуночи, я завёз Ивана домой и отправился к Борису. За чаем поделились с его мамой и Ириной нашей радостью. Я сказал, что сегодня был счастлив вдвойне: и за фильм, обретающий такую музыку, и за Бориса, который получил всеобщее признание. Я в некотором роде

являюсь его первооткрывателем, проводником на «Мосфильме» и считаю его будущим русским классиком. Иногда я прямо так и рекомендовал его людям. Теперь люди оценили Бориса сами.

12 марта. Проснулся с ощущением душевного восторга от воспоминаний о вчерашнем музыкальном триумфе. С желанием ринулся на «Мосфильм». Рассказал всей «монтажной роте» о записи музыки. Сел подчищать картину. Пришла Демидова с Петровой, посовещались, уточнили планы на последние дни работы. Демидова вчера весь день бегала по руководству, уточняя порядок сдачи картины. Договорилась, что Объединение посмотрит её с Главной редакцией студии и Госкино для окончательного решения вопроса о длительности фильма. Я совершенно спокоен: уверен, что всё будет хорошо. Уверен был и прежде, а с обретением музыкальной поддержи – просто убеждён: попробуй кто встать против лермонтовского монолита... Сижу за монтажным столом притихший, переполненный ощущением того, что совершается нечто абсолютное, может быть, даже (страшно написать это слово) – великое на обозримом отрезке последнего кинематографического десятилетия.

Подъехал Борис, и мы с ним подложили музыку к первой части – легла идеально. Задал Борису новую задачу – отыскать место «видению». Он спустя минуту сказал: «Последний бал». Попробовали – ложится хорошо, завтра домонтирую. Из монтажной, перекусив на пару с Борей из термоса, отправились в эталонный зал на запись хора Минина. Приехала Ирина, жена Бориса, и они с ним записали игру Лермонтова и Трубецкого на фортепиано и скрипке. Прослушав напоследок «тему матери» с оркестром и хором, мы завершили смену на полтора часа раньше.

Закрыв глаза, я наслаждался, соотнося музыку с картиной и с радостью богача думал: «Неужели это моё?»

13 марта. Золотые дни текут с душевным ликованием и работой с 10 до 22 часов, что изматывает основательно.

Утром шла параллельная запись синхронных шумов и музыки. Оставив Л.А. Тереховскую командовать шумовым парадом, посидел с В.В. Виноградовым, понаслаждался музыкой и пошёл на

озвучивание. Работали с 12 до 16 часов быстро и слаженно. Озвучили много: все сцены с Царём и Бенкендорфом, все фрагменты с де Барантом, попробовал Сергея Смирнова и ещё четырёх актёров на Раевского, двух актёров – на Гоголя, записал дикторский перевод французского текста и разговоры на французском для балов, трио: Плаксин, Малишевский и я. Читал тексты по-французски из Мольера, оставшиеся в памяти с 1967 года, времён обучения в Щукинском училище. Владимир Шурупов (мой старый друг, крёстный отец по театру Моссовета, приведший меня к Завадскому в 1960 году) озвучил генерала Галафеева.

С 16 до 23.30 с Борисом Петровым подкладывали музыку под изображение. «Видение» наконец обрело своё законное место в чтении «Пророка», куда удивительно лёг вальс. Замечательно сложилась сцена Миши с дедом. Правда, здесь споткнулись: не хватило метража на русскую песню, надо вырезать из сцены 9 метров текста. Усталость брала своё, и я решил отложить решение этого эпизода до утра.

14 марта. С 10 до 12.30 с Борисом монтировали под музыку эпизод с дедом – хорошо! Есть корни лермонтовского подвига, есть Россия, есть живая вода правды. Работать – наслаждение: всё получается, сходится, образуется! До 16 часов подложили несколько музыкальных тем, и все они вживлялись в изображение как в своё родное, долгожданное тело. Отдельные куски музыки ложились под изображение с попаданием до кадрика, под некоторые приходилось совсем немного увеличивать метраж. С 16 до 20 часов озвучивал сцены с Раевским, записали закадровый текст к сцене в доме Бахметева с Галей Беляевой и артистом, озвучивающим её мужа. Успели всё, что наметили, и закончили раньше на пять минут. Борис Петров за это время подложил ещё несколько тем и показал их мне. Всё легло замечательно. С 20 до 24 часов записывали синхронные шумы.

Пришёл Бибо, принёс сабли и шпаги, но звенеть клинками пришлось мне одному, так как невозможно было одновременно смотреть и на экран, и на партнёра. Взял в руки два клинка и сходу после одной репетиции записал весь сабельный поединок к изумлению и радости профессионалов-шумовиков. Я посидел

за пультом с Лилией Алексеевной увидел, что они справляются и без меня, пожелал им удачи и в 23 часа покинул «Мосфильм». Нужно отдохнуть перед завтрашней записью закадрового голоса Лермонтова.

15 марта. Через фабком выбили разрешение на работу группы в выходной день. Озвучили 10 частей. Совершенно не заметил, как время просвистело до 17 часов. Только обессилел – глядь, а время-то... Конечно, где взять силы без обеда? Перекусил из термоса и сразу обрёл второе дыхание. Поднялся в монтажную, там Борис только что закончил подкладывание музыки ко всей картине. Показал мне несколько эпизодов – хорошо! Борис сам удивлён: как вошла в картину музыка, сколь точны акценты в игровых кусках, как четко выстроилась вся музыкальная драматургия.

– Что ж ты удивляешься, Борис, – сказал я ему, – ведь мы с тобой работаем над «Лермонтовым» уже пять лет.

Снова ринулся в тон-ателье и до ночи с увлечением занимался шумовым озвучиванием. Бригада из трёх женщин-шумовиков в присутствии режиссёра работала окрылённо. Оказывается, наш брат, режиссёр-постановщик не очень-то балует их цех своим присутствием. Вспоминают Тарковского, тоже сидевшего на шумах. Три женщины озвучивали маршировку целой армии, конницу. Работали с азартом, до упаду. Домой приехал в 24 часа, после 16 часов работы. И хоть бы что. Откуда у человека столько сил?

Вся наша группа и все, кто вовлечён в её орбиту, существуют на постоянной внутренней подзарядке, осознавая важность совершаемого. Я рад, что последние драгоценные дни столь насыщены. Ведь они скоро канут в Вечность. Я сам совершил маленький внутренний подвиг. Закончив озвучивание «На смерть Пушкина» на крике, тут же взялся за «Пророка». Записал с первого раза, но захотел ещё, хотя мог и не повторять: всё было вполне приемлемо, но переозвучено с пользой для фильма. Молодец Н.П.!

Лилия Алексеевна, после вчерашней ночной смены доплелась домой еле живая, а утром ей вызывали «скорую помощь», отхаживали уколами.

Параллельно с нами сегодня работала картину группа Радиона Нахапетова. Его помощники сказали мне, что им до сих пор не

давали смен озвучивания из-за «Годунова» и «Лермонтова», хотя сдача картины у них должна состояться всего на несколько дней позже нашей. Из этого я не без гордости заключил, что «Лермонтову» нынче на «Мосфильме» – почёт.

17 марта. «Мать» готовится к «родам». Настроение праздничное, светлое, уверенное. В отличие от рожениц, мне точно известно, когда свершится таинство: завтра и послезавтра в «родовой палате» «Мосфильма» – в Студии перезаписи. Дочищал крохиогрехи. Позвонила Н.Н. Глаголева, спросила имена исполнителей (видно, занимается редакторскими отчётами), узнав, что я сократил картину до 2850 метров, сказала: «Вот и хорошо». С 12 до 20.00 – озвучивание реплик второго плана и массовых сцен. Работали артисты Театра киноактёра – и снова невероятное: мы озвучили за 8 часов весь фильм плюс закадровые реплики Вани. Артисты, закончившие институты, вынуждены озвучивать массовку, «гур-гур». Даже Ваня, узнав о том, что среди них ученики С.А. Герасимова, сказал:

– А почему они озвучивают массовку?

Рядом, в студии перезаписи, в боевом настроении работад над «Годуновым» С.Ф. Бондарчук.

– Вы уже в «родовом» зале, а я приду сюда завтра, – заметил я.

– Сколько тебе дали смен перезаписи? – поинтересовался Сергей Фёдорович.

– Полторы.

– И нам полторы. И это – на 16 частей.

– Приходите на Гендирекцию двадцатого числа, – попросил я Сергея Фёдоровича, – это для меня очень важно.

Вечером мне позвонили из Театра киноактера и предложили осенью поставить у них спектакль, который потом я мог бы перенести на экран. Я обещал посмотреть на этот предмет своих «Близнецов».

18 марта. Сегодня должны начаться «роды». Утром встал раньше обычного, не спалось. Приехал на «Мосфильм». Душа ныла из-за брата Геннадия: ни дома, ни здесь его не оказалось, и это повергло меня в тревогу. В обеденный перерыв сел в машину,

отъехал до пустынной натурной площадки, распахнул дверцу, достал термосы и поел в покое, под мартовским солнцем, среди декораций разрушенных зданий американского городка прошлого века. Мои дорогие женщины-монтажницы, видя моё состояние, приуныли, пытались меня ободрить – кто кофе предложит, кто словом порадует. Надо держать себя в руках. К 16 часам силы стали появляться.

1 апреля. И снова в пяти монтажных, не считая монтажной «Фильма о фильме», кипит работа: из каждой комнаты доносятся стихи, мелодии, шумы «Лермонтова». Наши монтажницы сегодня позже всех покинут студию, а завтра раньше всех придут: в 7.30 начнётся чистовая перезапись.

Лилия Алексеевна то и дело тащит меня к себе – послушать шум ветра... шум грома... выстрел... Вчера она дала мне послушать биение сердца, и я удивился, почему же до сих пор никто из нас не додумался до этой звуковой краски. Правда, ещё на записи оркестра по моей просьбе Борис выделил из общего музыкального фона сердечное биение – на ударных. Попробовали сегодня соединение двух сердец – «пушкинского» и «лермонтовского» – прекрасно!

2 апреля. К 14 часам родилась первая (часовая) часть «Лермонтова». Возились мы с нею с 7.30: продирались сквозь хаос, нагромождение звуков. Я даже начал нервничать и настаивать на более нежном, магическом звучании начала картины – звуковой ряд должен не напрягать ухо слушателя, а вводить его в русло фильма постепенно, исподволь. Когда мне прокрутили готовую часть, я оценил её на пять с плюсом. Показал Борису новый финал. Надо было видеть его восторг, он оценил главное: финал выстроился точно и кульминационно. А на поиск нового финала подвигнул меня С.Ф. Бондарчук, сказав, что он думал о том, как лучше закончить «Лермонтова». Я тоже стал думать и вот – додумался! Завершив смену перезаписи в лучшем ателье «Мосфильма» № 2, нас сменила группа «Годунова».

В тёмный зал вошёл Сергей Фёдорович Бондарчук. На экране – наша картина. Он замер посреди тёмного зала.

– Это замечательно, – воскликнул он, – продолжайте, сколько хотите. Бодрый, весёлый, полный энергии. Мы обнялись, и я познакомил его с Борисом Петровым. Рассказал о своём новом финале. Говорил эмоционально, живописуя каждый кадр. Реакция Бондарчука была столь же эмоциональной. Сергей Фёдорович всё полностью одобрил. Познакомил я Бориса и со Славой Овчинниковым – я очень хотел, чтобы они подружились, мне всегда казалось, что они близкие по духу люди.

К вечеру я изрядно выдохся. Но вернувшись после перезаписи в монтажную, обнаружил, что дел у меня там – никаких! Фильм «Лермонтов» – смонтирован окончательно!

3 апреля. Перезапись второй части картины. Вчера я принял первую часть всей душой, а сегодня, посмотрев вторую, такого чувства, увы, не испытал. Магия, возникшая в первой части, во второй – исчезла. Хочется поменьше гула и побольше музыки, хора в сценах первой любви, и чтобы мягче звучала «кода» песни «Воля», нежнее вступал оркестр в сцене болезни маленького Миши. Я был расстроен и даже призвал звукооператора меньше думать о внедрении каждого отдельного шума, а больше о картине в целом. Вновь вернёмся ко второй части, когда запишем все десять. Отлежится, отстоится.

Поднялся в монтажную «Годунова», обратился к Люсе Фейгиновой:

– Родственница. Выручай! Нужны планы птиц в небе и русские пейзажи...

Она достала из коробки не вошедшие в «Годунова»: материалы, план, снятый Юсовым с вертолёта, и панораму на реке. Увидя их на экранчике монтажного стола, я попросил всё отдать мне.

Странное ощущение свободы: смена окончилась уже в 12 часов и не надо больше сегодня работать. Поехал по солнечной Москве, накупил цветов и фруктов, посетил тётю Фаю, навестил мать с отцом. Когда нет дел, хочется лишний раз порадовать своих ближних.

Вчера в интервью болгарскому радио я снова говорил о тенденциях лермонтоведения, дореволюционного, да и нашего тоже, искажающих подлинный лик М.Ю. Это говорилось на новом вит-

ке бытия, когда за плечами – законченная картина. Говорилось абсолютно убеждённо и без тени сомнения. Мой вызов противникам Лермонтова брошен, и картина – наглядный пример того, как надо бороться с чернокнижниками.

Сегодня впервые за несколько дней заглянул в кабинет Демидовой, там группа «лермонтовцев» обсуждала возможность поездки на премьеру фильма в Пятигорск. Намечались кандидатуры и маршруты по Северному Кавказу. Надо запланировать поездку в Пензу и Тарханы. Желательно до 10 мая.

4 апреля. Долго, мучительно перезаписывали седьмую часть, а когда прослушали – приняли единодушно: она пролетела на одном дыхании. Звукооператор Степан Дмитриевич, довольный, хлопал в ладоши и повторял лермонтовский текст: «Опоили Россию, одурманили...» В работе он сдержан, немногословен, добивается выразительности и гармонии каждого звукового куска.

Ещё ночью меня вдруг осенило, что на первом балу «Вальс» должен звучать при появлении А.С. Пушкина. Утром подложили: легло, поразительно попав акцентами на кульминационные места. Борис всем сердцем радуется каждому улучшению.

На монтаже заменил птицу в сцене с дедом и поставил вертолётный план из «Годунова», и получился хороший фон песни: «А вольность мне гнездо свила, как мир, необъятное!» «Годуновский» пейзаж с рекою пошёл под текст деда о России: «А вот она – Россия!.. Земля наша. Матушка родимая!» К 18.30 почувствовал усталость. И не мудрено – 11 часов работы.

Заглянул в тон-ателье к Сергею Фёдоровичу, где были Юсов и зам. гендиректора Чаадаев, которому я сегодня отправил бумагу с просьбой не выгонять нас из этого тон-ателье, ибо только в нём находится необходимая для записи техника, реверберация...

Сергей Фёдорович спросил меня:

– Доволен новым финалом?

– Да.

– Покажи...

– Сейчас?

– Да. Давай прямо здесь.

Я сбегал наверх за плёнками и прокрутил Сергею Фёдоровичу последнюю часть.

Когда просмотр закончился, он сказал:

– Вот... другое дело. Только убери общий план памятника Лермонтову, и будет прекрасно.

Чаадаев обещал не выгонять нас из тон-ателье до 8 апреля.

Я вручил Сергею Фёдоровичу альманах со своими стихами, чему он был рад.

Приятно было видеть, что он искренне переживает за «Лермонтова».

– Хорошо, что ты мне показал, – сказал он на прощание.

6 апреля. Ново-Дарьино, воскресенье, выходной. Вчера обдумал и написал вчерне, а сегодня набело либретто фильма «Лермонтов» для кинопроката. Прихватил на дачу десятый том Пушкина с письмами, достал новую общую тетрадь. Снять фильм о нём мне хочется более всего остального. Только сначала сделаю тайно грим и фотопробу. Идти на это можно, лишь имея исполнителя главной роли.

7 апреля. 8 часов утра. Сижу в кресле в огромном, как дворцовый зал, ателье перезаписи, гляжу в полудрёме, с недосыпа, на гигантский широкоформатный экран, жду, когда на нём засветятся кадры моей картины, и мы начнём «рожать» четвёртую часть. Степан Дмитриевич налаживает, готовит к работе американский пульт перезаписи, лучший в стране, переговаривается с аппаратной, выясняет, какая плёнка пойдёт на каком посту.

Знаменательно, что именно в этом зале 14 лет тому назад я впервые увидел на экране в «Солярисе» Наталью Бондарчук: был потрясён и фильмом, и ею, и внутренне решил, что мы должны быть вместе. В этом зале родилось моё чувство, здесь же спустя 14 лет рождается мой фильм.

Интересно и то, что, завершая «Лермонтова», я взял в руки Пушкина. Так же зарождался и мой Лермонтов. Он начинался без шанса выжить и – выжил.

Почему кинодраматурги не решаются писать о Пушкине? Во-первых, нужен исполнитель, во-вторых – «нема дурных»: наши

кинодеятели любят работать наверняка, чуя впереди твёрдый рубль.

8 апреля. Работали над шестой частью с 7.30 до 23.30. В конце дня послушали вторую часть. За исключением мелочей – она прекрасна. А самое лучшее в ней, да, пожалуй, и во всей картине – русская песня о воле. Слушали в присутствии заглянувшего к нам В.В. Виноградова. Он сказал много лестного для нас: «Работа тонкая, идейно-художественно выверена и филигранна по нюансировке.

Пока все шесть частей нанизываются одна к одной, как жемчужное ожерелье.

9 апреля. А конец работы всё ближе, всё ощутимее – осталось два дня до того момента, как я должен поставить точку и произнести: «Картина готова». За двое суток непрерывного глядения на экран устал глазами и телом до изнеможения. Доплёлся до дома, рухнул в постель – поспал два часа, добирая то, что недоспал предыдущей ночью.

Сегодняшнее утро начали с доделки седьмой части. Записали сцену ночного лагеря с романсом «Наедине с тобою, брат...» Добились единого звучания музыки, диалога и лагерной жизни. Далее записали восьмую часть на едином дыхании. Степан Дмитриевич работает с огромным увлечением и тщательностью.

– Чувствую близкий конец, – говорит он с грустью. – Ну, уж последнюю, десятую часть нужно будет сделать лучше всех, потому что судят по первой и последней...

Заехал в лермонтовский домик как в свой родной, пригласил на просмотр заведующую музеем.

Мысль о создании «Пушкина» всё крепче овладевает мною. Остановить меня может только моя неудачная фотопроба: отсутствие сходства с А.С. Пушкиным.

11 апреля. В 11 часов 15 минут 11 апреля 1986 года я поставил точку: ФИЛЬМ «ЛЕРМОНТОВ» – СОЗДАН!

В 15 часов состоялся первый просмотр. Подходя к залу, увидел толпу. Хотел сесть за микшер – нет, говорят, на техкомиссии

нельзя: выставил ровный уровень и – отдыхай! Если обычно на техкомиссии присутствует человек 10–20, то у нас в зал набилось около ста, если не больше.

Начался показ. Смотрели тихо, не шевелясь, заворожённые происходящим. Несколько раз пожал мне плечо сидящий сзади Валя Массов, несколько раз пожимал и я плечо сидящего передо мною Степана Дмитриевича Богданова.

Закончился фильм, поаплодировали. На лицах – сосредоточенность, в глазах – слёзы.

– Я уревелся, – честно признался В.В. Виноградов и сказал мне ещё несколько дорогих для меня слов: благодарил и желал добра в будущем.

Обнялись с Петром Глубоким. Я поблагодарил его за голос, так украсивший фильм русской песней и романсом.

Странное чувство: фильм завершён – начал самостоятельную жизнь. Я стал его зрителем. И должен признаться – мне этот фильм понравился.

В 17 часов состоялся второй показ для актёров. До ночи я собирал отзывы моих сегодняшних зрителей. Столько хороших, тёплых слов, идущих от сердца! Общее мнение:

– Удивительно русский фильм.

– Так вот каким был Лермонтов!

– Фильм смотрится на едином дыхании...

– Готовь сердце к подвигу и ничего не бойся, – сказал мне Митя Золотухин словами своего героя.

Давыдов так описал состояние актёров после просмотра: «Вышли молчаливые, сосредоточенные, закуривали с дрожащими руками...»

Вместе с актёрами смотрела фильм и Татьяна Чапаева. Шепнул ей на ухо, что бы она подобрала мне одежду Пушкина под портрет Кипренского.

12 апреля. Суббота. Забрав с собой пару общих тетрадей да томик писем Пушкина, отправился отдохнуть на дачу.

Выехали под дождём – прибыли в снегопад. По омерзительно восхитительной погоде, по грязи и падающему с небес снежку

прошёлся по воду и начал двухдневный отдых, а вернее, работу над Пушкиным.

15 апреля. Светлана Петрова оставила монтажницам план подбора кадров для рекламного ролика. Написано небрежно – «левой рукой». Решил, что буду сам и план составлять, и ролик монтировать.

В 16 часов состоялся показ «Бориса Годунова». Зал был полон. Сесть пришлось с С.Ф. Бондарчуком. Фильм вызвал противоречивые чувства.

16 апреля. Утром в кабинете Демидовой обсуждали текущие дела. Титры Алла Терминасова сняла ниже уровня ГОСТа, завтра надо идти к начальству. Один план не сняли комбинаторы – вспышку молнии на пистолетах. При этом уже смонтирован почти весь негатив, кроме первой и последней частей.

Позвонил в Пятигорск А.П. Роспопову, сообщил, что ратные бои за Лермонтова завершены и я готов приехать в Пятигорск с фильмом, если будет разрешение Ермаша. Александр Павлович позвонил в ЦК КПСС и попросил содействия.

22 апреля. Алма-Ата. Всесоюзный кинофестиваль. В конкурсе детских фильмов участвует «Детство Бемби».

Сегодня в ЦК нас принимал Кунаев. На встречу ехал в автобусе рядом с А.Н. Медведевым. Показал ему фотопробы на Пушкина. Он сказал, что препятствием на моём пути будет М.М. Хуциев, периодически возобновляющий ходатайство за свой сценарий, но обещал быть проводником моего «Пушкина». Анализируя картины, созданные в 1986 году, назвал 5–6 фильмов, которые станут заметным явлением в кино, в том числе и «Лермонтова».

23 апреля. Фестивальная суетливая жизнь. Кручусь весь день как белка в колесе: выступления в кинотеатрах, институтах, общение с прессой и телезаписи. Конечно же повсюду говорю о «Лермонтове». Радуюсь, что вечером могу добраться до постели и открыть том Пушкина. Это лучшие мгновения дня.

Ночь с 1 на 2 мая. Позавчера сдавал «Лермонтова» западногерманским заказчикам. Принимал тот же господин Пачке. Впервые «Лермонтова» переводили на чужой язык, а я слушал и анализировал восприятие картины немцами. Что им Гекуба? После просмотра задал вопрос: «Знают ли немцы Лермонтова?» Ответ: «Очень мало». Немец посетовал, что у него будут явные проблемы с переводом картины, и просил меня о некоторых литературных пояснениях. Выразил корректную неудовлетворённость комбинированными планами звёздной ночи.

5 мая. Вчера с И.В. Макаровой, Натальей и представительницей Совинформкино Медеей Михаиловной Шкурко выехали в Пензу на торжественную премьеру «Лермонтова», где нас встречали с цветами, кинокамерами и фотоаппаратами.

Разместившись в гостинице, сразу же поехал в кинотеатр «Современник», где вечером состоится премьера. Отвёз фотографии для оформления стенда. У кинотеатра – огромная афиша: «Лермонтов». Я втайне надеялся, что Пенза постарается сделать из этого события праздник. Вроде, так оно и получается.

В 18 часов, выйдя на этаж за чаем, столкнулся со своей ассистенткой Таней Денякиной. Это означало, что прилетела остальная часть группы с недостающими шестью частями фильма, сегодня в полдень выпущенными из «печей» лаборатории. Прибыли Демидова, Петрова, Птиченко и Геннадий.

В 19.05 мы вышли на сцену перед переполненным восьмисотместным залом. С нами поднялся и житель Пензы Валентин Массов. В зале я увидел первого секретаря обкома КПСС и второго секретаря обкома по идеологии Г.В. Мясникова, с которым мы общались в первый наш приезд в Пензу. Нас представил местный профессор-филолог, сказав, что картины он ещё не видел и ему предстоит оценить увиденное.

Потом выступил я. Познакомил с группой, рассказал немного о том, почему необходимо снимать картины о великих людях России, об искажении их образов перед народом, о том, что у нас сегодня праздник и хочется, чтобы этот просмотр стал праздником и для всех зрителей. Вот сейчас мы сядем в зал и будем сами впер-

вые смотреть первую копию «Лермонтова», и для нас очень важна эта первая аудитория, первая реакция на наш фильм.

В течение всего фильма зал сидел замерев, трижды аплодировали на чтение: «На смерть поэта», после валерикского боя – «Зачем...» и «Пророк». По окончании началась овация. Пока наша группа поднималась на сцену, аплодисменты нарастали. Вдруг в левом крыле зала встали со своих мест две женщины, рядом ещё и ещё. И вот весь зал поднялся, продолжая аплодировать. У многих на глазах были слёзы. Наконец я подошёл к микрофону:

– Вот ради этого, видимо, и стоило жить... Ждали ли мы этого? Да, ждали! Верили, что фильм встретят так? Верили! И все-таки это неожиданно!

И снова овация. Не помню, о чём говорил ещё. Просил задавать вопросы, высказываться о фильме. Раздались выкрики:

– Нет слов!.. Спасибо!..

В 20-м ряду поднялась женщина лет 45 и внятно, громко сказала:

– От имени всех присутствующих низкий вам поклон за такой фильм. – И поклонилась, и я поклонился ей в ответ. И снова зал зааплодировал.

И вновь говорил я, и слёзы стояли у меня в горле, перехватывало дыхание, и я видел на лицах зрителей сопереживание и сердечное понимание.

Начали поступать записки мне, Наталье, Инне Владимировне: «Фильм, как песня!.. Ваш фильм русский, народный!.. Он вовремя!.. Спасибо вам!..»

Наталья Бондарчук, отвечая на вопрос, сказала:

– Очень важно, что премьера картины о Лермонтове проходит на его родине, в такой замечательной атмосфере.

Поднялся человек в 25-м ряду:

– Появится ли книга о том, как снимался фильм? Хорошо, если в ней будут цветные фотографии. И чтоб её трудно было купить.

Я ответил, что писал дневник на протяжении всей работы над фильмом и, возможно, сделаю такую книгу.

В беседе с секретарями обкома партии я спросил Г.И. Мясникову:

– Когда-то вы спрашивали, каким будет наш «Лермонтов», и я ответил – добрым. Убедил ли в этом вас наш фильм?

– Ну, добрым он не был, – ответил Георгий Иванович. – Он был разным. И фильм это показал.

Мы договорились, что я приеду в Пензу с картиной в июле на ежегодные лермонтовские празднества. Сотрудники кинотеатра накормили нас вкусным домашним ужином. К чаю был подан огромный двухэтажный торт с надписью «Премьера».

После ужина заехали на пушкинскую выставку экслибрисов, миниатюр, рисунков и живописи из частной коллекции. Так, в день расставания с «Лермонтовым» состоялась встреча с А.С. Пушкиным.

7 мая. Ну и деньки! Душа переполнена счастьем, сердце готово разорваться на части. Теперь «Лермонтов» уже не мой – он для всех! Родившуюся у Натальи идею завести альбом для отзывов о фильме мы реализовали на следующий день в городе Белинском после показа в клубе. И снова зал встал, аплодируя нам.

Потом мы отправились в Тарханы. У въезда в усадьбу увидели на дороге двух девушек в русских национальных платьях, ожидавших нас на продуваемом холодным ветром с мелким снежком, открытом месте. Они кинулись нам навстречу, неся на вытянутых руках караваи на рушнике.

Тархановцы смотрели картину по-особенному: поначалу живо реагируя на своих односельчан, запечатлённых на экране, узнавая родные пейзажи. Но вот окончились кадры тарханского периода жизни М.Ю. Зрители притихли, втянулись в стремительно развивающиеся события, в летящую к неминуемой развязке жизнь Лер-

монтова. Когда после выстрела де Баранта Лермонтов начал целиться во француза, какой-то парень в тишине зала воскликнул: «Не стреляй!» Он не желал, чтобы великий соотечественник убил человека, и, словно услышав его просьбу, Лермонтов на экране отвёл пистолет в сторону и выстрелил в воздух.

После просмотра мы поднялись на сцену. Я вывел под руку и Тамару Михайловну Мельникову, говоря ей на ухо: «Вы тоже член нашей группы». Она вела этот вечер. Сотрудники музея, директор совхоза, председатель исполкома, колхозники – все выходили и говорили о своих впечатлениях.

Пожилая крестьянка в платке, сидевшая во втором ряду, тихо сказала, нежно глядя снизу вверх на нас, стоящих на сцене:

– Спасибо вам большое... приезжайте к нам ещё...

И это стоило многословия иных хвалебных речей. Потом дали слово мне. Я никогда не говорил так хорошо словно выученную назубок речь: итоговую, поэтически красноречивую, философски осмысленную, краткую. Она говорилась среди друзей, в ней было моё душевное отношение к совершившемуся здесь, в Тарханах:

– Ну вот и всё! Закончен более чем пятилетний труд. Здесь он начинался, тут и завершается. Сюда, в Тарханы, я приехал один пять лет назад «испросить благословения» поэта на постановку этого фильма. Тогда был мой творческий вечер в клубе. Вы сидели в зале, глядели на экран, а я с ключом от усыпальницы ушёл в часовню и молча стоял над гробом поэта. Может быть, я обманываюсь и это было самовнушением, но мне казалось, я получил от Михаила Юрьевича это право. И с тех пор Он неразлучно был нашей крепостью и опорой. Второй раз я стоял пред усыпальницей Лермонтова перед началом работы, когда уже с большой армией своих товарищей по группе приехал на съёмки. Потом, по завершении двухнедельного труда в Тарханах, я снова пришёл туда проститься перед отъездом в дальнейший поход. И вот сегодня вновь мы посетили это место, положили цветы. Мы работали

честно, с любовью. В эти дни наш фильм, словно новорожденное дитя, отвязывается от нашей пуповины, отрывается от наших сердец и начинает самостоятельную жизнь. Счастливого ему пути!

Несмотря на то что перевалило уже за полночь и группа была измотана трёхсоткилометровой дорогой и пятью выступлениями, я пустил по залу альбом для отзывов. Пока кто-то один писал, другие проводили импровизированное собрание, на повестке дня которого стоял вопрос о благоустройстве Тархан, постройке нового клуба, достойного имени М.Ю. Лермонтова.

Когда мы возвращались в Пензу, я сказал своим товарищам:

– Знаю, что вы устали, но сегодня все мы были участниками исторического события: Лермонтов вернулся в Тарханы живой и невредимый, пришёл на встречу с потомками тех, кто знал его при жизни.

7 мая. Продолжалась праздничная круговерть. Уснув в три часа, в восемь уже поднялся. Все ещё спали, а мы с Геннадием, прихватив две части из фильма, помчались на пензенское телевидение. Туда же успели поднести фотографии, снятые вчера в Тарханах: В. Елшанский совершил подвиг – печатал всю ночь. Мы показали их по телевидению, и передача получилась хотя и небольшая, но полноценная.

Выступили в Культпросветучилище, в кинотеатрах «Салют» и «Родина». Повсюду люди сидели и слушали нас в звенящей тишине, жадно впитывали каждое слово, а потом писали отзывы. В

кинотеатре «Родина» записались для радио. Сколько раз вставали залы после нашего выступления! Сколько человек плакали в залах и сколько раз сжималось наше горло! Оказывается, от праздников можно ошалеть, а от переполненности души – обессилеть.

В перерыве между выступлениями я заехал на полчаса в обком к Г.В. Мясникову. Обменялись подарками: я ему – свой сценарий, стихи и фото, он мне – свою книгу. Поблагодарил его за прекрасный приём, сказал, что, видимо, следует сделать общесоюзную премьеру «Лермонтова». Он спросил:

– А это у вас не эйфория?

– Эйфория от Лермонтова есть, – ответил я. – На этом чувстве и фильм одолели. Но это, к сожалению, скоро пройдёт. Будут новые дела и фильмы.

– Я не думаю, – сказал Георгий Васильевич, – что вас поддержат в ЦК. Такие премьеры обычно устраивают для общественно-важных картин: «Победа», «Берег...»

– А «Лермонтов» разве не общественно важен?

– Какая дата предстоит? Скольколетие?

– 172 года со дня рождения, – ответил я.

– Ну, разве это повод?.. Это у вас эйфория. А я – здравомыслящий человек. Вот вы говорите, что по-новому представляете Лермонтова, в чём это новое?

– Хотя бы в том, что мы делаем акцент на положительных, позитивных началах Лермонтова.

– У вас будет много критиков.

– Знаю, я готов к этому.

– У вас есть слабые места.

– В чём именно?

– Хорошо, что вы убрали детскую дуэль с Мартыновым... Вы вообще уделили ему много места. А ведь убило-то Лермонтова николаевское время, общество. Есть пробелы в драматургии...

– А что же, по-вашему, удерживает зрителя в напряжённом состоянии на протяжении всего фильма?

Он пожал плечами:

– Вы очень много совместили обязанностей: и режиссёра, и исполнителя главной роли, и...

– Я вообще приверженец авторского киноискусства, когда всё взято из сердца художника, а не из пальца чужого дяди. Искусство – штучка субъективная... Как вы относитесь к тому, чтобы книга о том, как делался фильм «Лермонтов», вышла у вас, в Пензе?

– Нужно посмотреть, какая это книжка, какого объёма. – Георгий Васильевич и в этом проявил полное здравомыслие. – План издательства на 88-й год свёрстан, значит, речь может идти о 89-м...

Я ещё раз поблагодарил его за гостеприимство и покинул кабинет, внутренне сожалея, что попросил об этой встрече.

На вокзале нас провожали всё руководство кинопроката, директора кинотеатров, в которых мы выступали. За это время мы успели породниться и прощались с искренней благодарностью.

Ко мне подошла женщина-военпред, попросила автограф, спросила меня:

– А вот этот уход в дуло, прорыв туда... откуда вы это взяли?

– Из личного опыта, – ответил я.

Они долго шли за уходящим поездом и махали вслед.

Мы сидели в купе, пили чай с остатками торта «Премьера», и все наши мысли были в Пензе, в Тарханах. Читал вслух отзывы зрителей, сидели ошеломлённые: нас поняли, нас приняли, картина вызывает те мысли, которые мы в неё закладывали!

Часть вторая

«...В МЕНЯ ВСЕ БЛИЖНИЕ МОИ БРОСАЛИ БЕШЕННО КАМЕНЬЯ»

10 мая. Премьера «Лермонтова» в Доме кино. Зал переполнен. На сцену вывел 30 человек, остальные члены группы остались в зале. Моё поведение на сцене не было обдумано заранее, речь не подготовлена, за что мне вскоре пришлось расплачиваться. Едва начал говорить, как внутренний «компьютер», уловив негативную энергетику зала и просчитав «за» и «против», подсознательно сработал, устроив «короткое замыкание». Я, с трудом шевеля языком, представил каждого. Затем, не желая обнажать душу, обнажал её по инерции, совершая ошибку за ошибкой, сказал о высоких духовных задачах картины, о том, что на просмотрах в Пензе и Тарханах залы аплодировали стоя, люди плакали. Впредь нужно тщательно готовить свои речи в стане врагов, физиономии которых я видел в первых рядах... Через три дня, 13 мая, в Кремле на Пятом съезде кинематографистов враг отыгрался на моих ошибках.

В основном просмотр проходил в напряжённой тишине, но в моменты столкновений Лермонтова с его антагонистами критически на-

строенная зрительская масса Дома кино живо корёжилась и скрыто шипела. После картины вокруг нас образовалось кольцо тех, кто принял фильм, прочие обтекли нас и растворились.

На следующий день в ресторане Дома художников я дал товарищеский ужин группе, было 50 человек. Без алкоголя, без угара, посидели, прощаясь надолго. Чисто мы начинали картину, чисто завершили её, чисто простились.

13 и 14 мая. Мне довелось принять участие в «историческом V съезде Союза кинематографистов СССР». Я прослушал почти все выступления (около 70), «насладился» атмосферой вседозволенности разбушевавшейся кинематографической массы. Мы присутствовали с Натальей как гости, не удостоившись чести, за четвертьвековое служение киноискусству, быть избранными делегатами. Мы-то – ладно, не избрали ни С.Ф. Бондарчука, ни Л.А. Кулиджанова, ни других ведущих кинематографистов. Я лицезрел настоящий «разгул демократии».

Побоище состоялось в торжественном зале Большого Кремлёвского дворца. Били всё, что ещё вчера возвышалось над кинополем: Л.А. Кулиджанова, С.Ф. Бондарчука, Ф.Т. Ермаша вместе с Госкино, Н.С. Михалкова. Возможно, чиновников били и справедливо, ибо наболело, накипело за десятилетия застоя. Но взрывы гнева разъярённой и освобождённой киномассы на глазах вздымали незримые элементы радиоактивной пыли, разъедающей здоровые поры организма не только кинематографа, но, казалось, и самого государства. Собственно из этих-то элементов и соткано тело киносоюза приблизительно на 80 процентов. Это видно невооружённым глазом при посещении наших киностудий и беглом чтении табличек имён на дверях кабинетов и комнат. Это ощутимо и по контингенту, населяющему тёпленькое «гнёз-

дышко отдыха» кинодеятелей: по Дому ветеранов кино, по Дому кино в Болшево и прочих мест обетованных.

После отчётного доклада Л.А. Кулиджанова достаточно самокритичного, на слушании которого присутствовало всё руководство страной во главе с Горбачёвым, Громыко, Рыжковым, начались жаркие прения. Ораторы сменяли один другого, горячо, эмоционально выпуская в эфир накипевший пар.

Но самое горячее началось после обеда, когда Политбюро покинуло заседание. Молоденький, никому не известный, но достаточно «нежный» критик Плахов убойным центром своего выступления сделал выпад против «Лермонтова» и его создателя, то есть – меня. Когда он начал говорить о «Лермонтове», я приготовился выслушать очередные слова одобрения, к которым так привык за время его добрых премьер. Не тут-то было. Суть его речи была такова: «Недавно мы посмотрели фильм «Лермонтов», автором сценария, режиссёром и исполнителем главной роли в котором является Николай Бурляев, который высокомерно уверял собравшихся в Доме кино, что целью своей ставил правдивое воплощение образа Лермонтова, утверждение высоких духовных идеалов. Ничего общего с подлинным образом Лермонтова этот фильм не имеет. Иллюстративен, статичен, на уровне старых люмьеровских картинок. Это – затянувшееся ученичество и инфантилизм. Образец семейного кинематографа» (*горячие аплодисменты, хохот*). Николай Бурляев высокомерно отверг талантливый сценарий о Лермонтове Александра Червинского». (А ведь я этот сценарий до сих пор и в глаза не видел, хотя по отзывам знаю, что образ Лермонтова в нём достаточно негативен.)

Я допускал, что со временем против моего «Лермонтова» будут выпады в прессе, но плаховский нокаут отрезвил меня окончательно. Показал воочию оперативность врага и мою творческую наивность, желание всюду видеть стремление ко всеобщей гармонии. Урок мне преподали серьёзный: была объявлена настоящая война, а значит – глупо обнажаться на передовой.

Как и в жизни Михаила Юрьевича, выстрел раздался быстро, чтобы сразить прицельно и наповал: Плахов сообщил залу о моём «высокомерном заявлении», что первые зрители фильма приняли его восторженно, со слезами на глазах. Не буду говорить о бестакт-

ности «молодого, нежного критика Плахова», дерзнувшего подобным образом начать формирование тенденциозного общественного мнения. Очернить, оклеветать, исказить – известный метод тех сил, у которых дурная цель всегда оправдывает дурные средства.

Не скажу, чтобы ошеломлённость от выстрела долго владела мной. Ко мне быстро вернулось осознание силы: фильм «Лермонтов» уже живёт и уничтожить его будет труднее, чем самого поэта. Враг разъярён и не скрывает этого. Он поднял забрало, ринулся в атаку. У него множество паучьих лазеек для выхода в эфир... Но всё же он бессилен, ибо «Лермонтов» делался бескорыстно, чисто, создавался любовью сотен людей для многомиллионного народа. А против этой волны не устоит никакой паучий рой. За такое дело не страшно и на плаху, не жалко и жизни. После речи Плахова многие подходили ко мне, выражали свою поддержку. Некоторые говорили, что хотят выступить с ответным словом. Но никто не выступил. Поддавшись беспокойству Натальи, я отменил свой вылет в Баку, сдал билет, и мы начали думать о том, как защитить фильм.

Я позвонил Глебу Панфилову и Инне Чуриковой и, выслушав их добрые слова в мой адрес, попросил на деле помочь картине: посмотреть её не откладывая и высказать публично своё мнение. Глеб рекомендовал «не суетиться», мол, улягутся страсти... он посмотрит... и т.д. На обилие утешительных слов Инны в мой адрес и заверений в любви я сказал: «Беда в том, что все мы разобщены в отличие от дружно наступающих тёмных сил». И напомнил, что некогда почёл своим дружеским и гражданским долгом пройтись по кругам чиновничьего ада, защищая «Жанну д'Арк» Панфилова, и теперь вправе ожидать того же от Глеба.

Позвонил Люде Зайцевой, намеревавшейся выступить в защиту; она обещала, что 14 мая в 13 часов мы из Кремля поедем на «Мосфильм» смотреть картину. В назначенное время она преспокойно продолжала сидеть в президиуме, а при встрече в коридоре сказала: «Что ты так переполошился?.. Ну зачем нам отвечать им?.. Мы тут поговорили с Элемом Климовым...» и т.д.

Затем мне сообщили, что готовится новый убойный выстрел по «Лермонтову» – будет выступать Сергей Соловьёв, некогда перехвативший у Андрея Смирнова эстафету с «червинским сцена-

рием» и намеревавшийся снимать фильм о Лермонтове. Соловьёв собирался разобрать мою картину по косточкам и потребовать положить её на полку. В перерыве подходил Али Хамраев, говорил, что он, если ему дадут слово, ответит Плахову. Алику слово дали в самом конце, но и он ничего не сказал о картине, правда, ему дали всего две минуты. А страсти накалялись с каждой минутой, с каждым выступлением.

Никита Михалков попробовал защитить Сергея Фёдоровича Бондарчука, напомнив «серой своре коллег» о «Судьбе человека», «Войне и мире», «Они сражались за Родину...» Но и он мгновенно получил своё от Владимира Меньшова и Юрия Ильенко. Первый сказал: «Вы быстро повзрослели, Никита Сергеевич...», второй выпустил в эфир слово «барство». Он напомнил, что, когда Никита представлял свои картины в Англии и читал там лекции о советском кино, он, Ильенко, якобы тоже «демонстрировал свою картину в Финляндии», о чём узнал из прессы. Пожаловался, что некогда его, Ильенко, фильм в Японии представлял Никитин папа. Меньшов снова ударил по С.Ф. Бондарчуку – по «Красным колоколам», отметив неудачу – выбор актёра, сыгравшего Ленина. Он заявил, что авторитет Бондарчука был выше авторитета Ленина в решении судьбы картины – ей присудили даже Госпремию. Лотяну и Ильенко нанесли удар по А.Н. Медведеву, припомнив ему слова о том, что в «забаллотировании на съезд крупных советских кинохудожников верх одержала серость».

И в зале и в фойе витал дух разъярённой агрессивности, люди с опаской, колюче ощупывали взглядами лица окружающих, словно боясь получить неожиданный удар ножом в спину.

В. Наумову, выступившему без должного «уважения к залу», вообще не давали говорить: хлопали, шумели, топали ногами... Я оглядывался, ища глазами источники гнева, и не видел их. Все лица были спокойны и непоколебимы. Кто хлопал, кто топал, кто улюлюкал, кто подзуживал исподтишка, понять было невозможно. По трусливо-агрессивному духу, витавшему над залом, по нескрываемой злобе и по объектам нападок было видно, что в зале сокрыты силы хаоса, распада и уничтожения. Когда в самом конце прений зачитывали список тех, кто не успел выступить – 27 человек, – кто-то невдалеке от меня несколько раз выкрикнул:

«Дайте слово Соловьёву!» Я оглянулся и снова не мог обнаружить источник крика, хотя он был в нескольких метрах от меня. О выступлении Соловьёва, о сути его речи знали заранее и требовали именно его.

На сороковом году жизни мне преподали урок, который я безусловно усвою. В сознании происходит перестройка отношенческих и поведенческих установок. Пора уходить в духовное подполье, конспирацию, но как это сделать? Замкнуться, обособиться от внешнего мира? Невозможно. Нужно продолжать активную работу в мире, наращивать мощности духовной деятельности, наступать, не сдавая завоёванных позиций, – «ни пяди родной земли». Нужно не забывать о враге, не забывать, что он может быть в любой аудитории. Нельзя давать ему пищи. Хватит ли мудрости?.. Господи, как сложен мир! Какое апокалиптическое время! Пир во время чумы! Армагеддон! Война без пощады: жизнь или смерть.

15 мая. Москва – Баку. Всесоюзная неделя детских фильмов.

В Баку сообщили, что и здесь москвичами сеется отрицательное отношение ко мне, к Наталье, к «Бемби», ко всему «бондарчуковско-бурляевскому отродью».

17 мая. Утром выехали на «рафике» из Баку за 170 км, в городок Куба, где бывал Лермонтов. Взял я сюда и копию своей картины. По программе тут должны были показать «Ералаш» и картину Сапарова «Мужское воспитание». Я предложил показать и «Лермонтова», но уже на картине Сапарова начал понимать опрометчивость своего решения: шестисотместный зал, набитый школьниками старших классов, гудел от разговоров словно улей. Экран кособокий... части обрываются...

«Лермонтова» показывали без перерыва. Такого просмотра в моей жизни ещё не было! Я сидел у двери, и мимо меня туда-сюда шастали парни и девочки. Тем, кто хотел посмотреть фильм, слушать фонограмму было трудно. Я решил испить чашу муки до дна. Час тридцать я медленно изжаривался, словно на сковороде, накапливая обиду и ярость. А я-то, дурак, полагал, что здесь Лермонтов, фильм будет воспринят с не меньшей любовью, чем в Тарханах!

Закончился фильм, я выскочил на сцену: микрофоны свинчены, свет не зажигают. В зале раздались аплодисменты, но я жестом попросил тишины и обрушился на зал, сказав, что не верю в их аплодисменты. Стоило ли пять лет трудиться стольким людям, затрачивать своё сердце, стоило ли ехать за тысячи вёрст, чтобы увидеть, что всё это никому не нужно! Они, красивые, юные, равнодушны к духовным ценностям нашей культуры, к жизни поэта, пожертвовавшего жизнью. Мы сами виноваты, развратив детей нашими «детскими фильмами», «ералашами», сыщиками, каратистами... Я не сдерживал своё негодование и, не сделав в конце выступления никакого реверанса, покинул сцену, оставив в шоке и своих коллег, и притихший на сей раз зал.

Вечером мы ездили к домику, в котором жил М.Ю. и где ныне установлен барельеф с его удачным изображением. Положил цветы к подножию.

18 мая. Происходит отрезвление. Над многим мне предстоит задуматься, многое переосмыслить, оценить своё реальное положение в мире – среди друзей и врагов. Сделать выводы и продолжить движение вперёд.

Вечером бродил по старому городу, открывал для себя сердце Баку. Глаза наслаждались красотой, кинематографичностью узеньких улочек и храмов, двориков и крепостных стен.

Боже, как я был наивен, надеясь, что все бросятся навстречу «Лермонтову», едва я закончу картину! Единственный человек в Баку, прокатчик Карен Григорян, увидевший фильм в маленьком зале Госкино, обзванивает прессу и местную интеллигенцию, приглашая посмотреть картину. Ему отвечают: «А ты слышал о плаховском выступлени в Кремле?.. Он из «Правды» – там может не понравиться защита фильма...»

Пять дней я нахожусь в Азербайджане и лишь два раза добился показа фильма: один раз для восьми человек, другой – для бездушных подростков. Всё яснее осознаю, в каком мире живу я, как жили до меня те, кто пытался бороться за правду. Подвиг Лермонтова стал ещё более ощутим и нагляден:

Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья,
В меня все ближние мои бросали бешено каменья...

* * *

Пора, пора насмешкам света,
Прогнать спокойствия туман!
Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?

Понятнее стала сердечная печаль С.А. Герасимова по поводу неприятия его картины, его благодарность мне за слова душевной поддержки, его фраза: «А может, и не нужен никому Толстой?..» Когда я начинал эти записки, Сергей Апполинариевич был ещё жив. Сегодня его нет в рядах настоящих воинов. Не выдержало сердце даже такого исполина. Что ж – вперёд! И больше радости и юмора в отношении паучьего копошения вокруг. Да и Михаил Юрьевич ободряет: «Иногда мне кажется, что целый мир ополчился против меня. Это бы меня очень опечалило, когда бы не было так лестно...»

19 мая. Баку. Утром в холле восьмого этажа гостиницы долго дожидался своей очереди записываться на местном телевидении. Записали меня последним, после «Ералаша». Говорил довольно резко, чем вызвал сожаление ведущей Тамилы.

В кинотеатре «Вэтэн», в зальчике на 50 мест показывали «Лермонтова». Согнали учащихся какой-то школы, да Карен успел пригласить человек пять знакомых: журналистов и родственников. Каким-то образом художник успел сделать огромную афишу с изображением Вареньки и Лермонтова. Учащимся раздали анкетки, я попросил их написать о картине своё мнение. Посмотрел с ними картину и отправился на закрытие «Недели».

Детское жюри никак не отметило «Бемби», но геологи вручили приз – тяжёлую вазу, а Союз композиторов – диплом за музыку Бориса Петрова. И на том спасибо. Пять дней провёл я здесь ради трёх полупровальных показов «Лермонтова». Сердце ноет от бессмысленности совершённого: в тот момент, когда картина находится в опасности, я истратил драгоценные пять дней из восьми оставшихся до моего исчезновения на всё лето.

20 мая. А я-то думал, что летопись фильма будет закончена вместе с его завершением! Отнюдь! Начинается летопись борь-

бы за жизнь фильма. Вернувшись в Москву, сразу же окунулся в деятельность по защите картины. Начал обзванивать ЦК и МГК ВЛКСМ, критиков и режиссёров, тех, кто потенциально мог вступиться за фильм: предлагал посмотреть картину.

Глеб Панфилов сообщил, что на ближайшем секретариате Союза кинематографистов, 28 мая, будет показан и обсуждён мой «Лермонтов». От Юрия Марковича Нагибина узнал, что, когда он предложил поговорить о «Лермонтове» в августовском номере «Кинопанорамы», ему ответили: «Пожалуйста, но вашим оппонентом будет критик Плахов и разговор должен быть критическим».

Сидя в кабинете секретаря МГК ВЛКСМ, который звонил в редакции газет «Комсомольская правда» и «Московский комсомолец», я понял, что по журналистским каналам, по паутине барзописцев уже распространено негативное отношение к фильму. Они отказываются публиковать что-либо в защиту картины, ссылаются на выступление Плахова и на то, что якобы в ЦК тоже плохое отношение к картине. А это явная ложь.

Вечером в актовом зале МГК ВЛКСМ показывали «Лермонтова» аппаратчикам. Картина понравилась, обещали поддержку.

22 мая. Дни подготовки к бою. Комсомол организовывает просмотр в московском кинотеатре. Вчера показал картину Нагибину, и он в тактичной форме высказал своё мнение. Мой «Лермонтов» расходится с его представлением о поэте, но он принимает подобную трактовку и моё последовательное, ни в чём не отступающее от поставленной задачи воплощение. Он согласен, что мой Лермонтов более строен и красив, чем представляемый им – коротконогий, кривоногий и т.д. Он понимает моё идейное осветление Лермонтова. И отвечая моим оппонентам, упрекающим меня в слабой драматургии, Нагибин отметил сложенное своеобразие картины, конфликтность буквально от первых кадров до самого «дула пистолета». Он одобрил конфликт «Лермонтов – Мартынов», проходящий через весь фильм, и конфликт Лермонтова и Пушкина с двором. Он принял мой «особый, сложный поэтический строй биографии души поэта со своими правилами игры...»

Поговорил с А.Н. Медведевым, и это общение вернуло мне полное равновесие. Он недоумевал, чего от меня хотят мои оппоненты. Сегодня мне позвонила секретарь Элегия Климова и пригласила на «Голгофу» 28 мая, а на следующий день состоится обсуждение «Лермонтова» на секретариате.

– Поразительно, что люди, которые столько терпели от Госкино, перенимают тот же самый стиль, против которого так возражали сами... – сказал А.Н. Медведев и порекомендовал мне не дать вовлечь себя в дрязги оправдания и защиты.

Похоже, что озлобленная свора кинематографистов-революционеров, пришедших к власти, хочет к «кругам чиновничьего ада» прохождения картины по инстанциям прибавить ещё один круг – свой «творческий ад». Ну нет, братцы, со мною у вас этот номер не пройдёт, я вам окажусь не по зубам.

Виктор Юшин рассказал мне, что в беседе с Сергеем Соловьёвым выслушал много негативного в мой адрес и в адрес картины. Мол, как вы могли взяться за сценарий Бурляева, ведь существует – Червинский! Ай да Сергей, бывший приятель, которому я помогал создавать его дипломный фильм «От нечего делать». Развёл нас Лермонтов. Не может пережить Сергей, что не ему дали снимать фильм о Лермонтове, а мне. Зависть и месть – удел мелкой души. Эта крысиная возня вокруг «Лермонтова» становится мне смешна. «Штурмовая бригада» моих недругов похожа на камикадзе, выброшенных на заклание скрытой пружиной тёмных сил. Они запятнают себя этой оголтелой кампанией.

Встретился с начальником Главкинопроката Е.К. Войтовичем. Он настроен оптимистично: готовят 1500 кинокопий. Советовал держать голову выше и не вступать в дрязги.

Сегодня я показал картину Валентине Ивановой из «Советской культуры» и сотрудникам московского музея Лермонтова. Новая для меня, молоденькая, но достаточно противная «лермонтоедка» ринулась в атаку, словно с цепи сорвалась. В достаточно грубой форме (по глупости своей иного тона избрать она не могла) стала обвинять меня в искажении фактов и цитат... В том, что я не отобразил московский период жизни Лермонтова, а отдал столько места тарханскому детству – этому «квасному патриотизму». Неуёмная ораторша (от слова «орать») возмутила всех. Даже В.

Иванова пыталась её урезонить, но, поняв безнадёжность своей попытки, умолкла.

– Но вы-то меня понимаете? – обратилась ко мне эта молодая гиена.

– О, да! – ответил я. – Я вас прекрасно понимаю.

23 мая. Утром созвонился с В.И. Десятериком. Он весьма удивлён экстремистскими выпадами «группы натиска», но сказал, что пока руководство не будет вмешиваться в естественный ход событий. Советовал держаться достойно и спокойно.

По предварительной договорённости меня принял Н.Т. Сизов.

– Чего пришёл?

– Меня приглашают на заседание секретариата Союза кинематографистов, но я не совсем понимаю, чего от меня хотят. Вы видели картину?

– Нет ещё. Завтра-послезавтра посмотрю. Зачем ты набрал столько родственников в картину? Если бы я был на студии, не позволил бы тебе этого.

– Между прочим, – заметил я, – каждый из них – талантливый артист. И честь для картины, что они согласились на такие маленькие роли. И те режиссёры, которые бросают в меня этот камень, сами в каждом фильме снимают своих родственников.

– Мой тебе совет, – сказал Николай Трофимович, – веди себя на секретариате достойно, мужественно прими всё, признай ошибки, если они есть, и не иди на конфликт.

Зашёл и к А.Н. Медведеву. Он позвонил в сценарную студию и попросил извлечь для меня из архива сценарий Червинского. Дал его под расписку на пять дней.

Глеб Панфилов на правах заместителя худрука Объединения после просмотра без колебаний подписал представление фильма на I категорию. Потом около часа мы беседовали в студийном парке. Он говорил темпераментно, резко, но не очень обидно, потому что искренне. Он не принял картину с самого начала, со

сценарной основы. (Позже я узнал о его дружеских и творческих отношениях с Червинским.) Раскритиковал режиссёрское воплощение образов, обрушился на звуковой ряд фильма, упрекал за назидательный тон там, где следовало быть легче, говорил, что я не реализовал в должной мере главный козырь – личный, актёрский.

– Вот когда ты просто говоришь: «А вот и наши», – и скачешь к гибели, вот тут Лермонтов человечен, тут меня проняло. Но таких крупинок в картине немного.

Глеб посоветовал мне критично просмотреть картину, не упиваясь полным её приятием, и сделать выводы на будущее. Рекомендовал не педалировать «все русское, российское», дабы не вызвать обратной реакции. Вчера, общаясь с Плаховым, Климовым и Дёминым, он сказал им: «Даже если вы сто раз правы и фильм Бурляева не получился, вы не имели права в таком месте и в таком тоне перечеркивать личность Бурляева и всё им созданное. Слово не воробей... И при чём тут семейственность? Грех упрекать Бурляева в протекционизме, он всего добивался сам и был признан всеми задолго до того, как встретил Наташу и стал её мужем...»

Не скрою – мне было многое не по душе из сказанного Глебом, но прямота его искупала всё. Так со мной ещё никто никогда не разговаривал.

Пять лет, пока создавалась картина, дались мне легче, нежели последние десять дней, десять дней, которые потрясли весь мой мир. Как же тяжела доля кинорежиссёра, дерзнувшего говорить от сердца! Какое счастье, что членов Союза кинематографистов СССР со своими вкусами и мировоззрениями – всего 6,5 тысячи, а нормальных зрителей, для которых и создан мой «Лермонтов», – миллионы. А предела совершенству, конечно, нет. Спустя некоторое время я пойму все свои промахи и, может быть, даже решу, что можно было бы снять «Лермонтова» иначе. Но «Лермонтов» такой, каков он есть. И делал я его именно таким. Таким он и останется навечно.

Начал читать сценарий Червинского:

«...Скучно ездить по святой Руси, нечего греха таить, куда как скучно! Горе вам, горе, горе, горе! Дорога делается всё хуже... Грязно, скучно, досадно...»

«...У меня тяжелый, неприятный взгляд, его не все выдерживают...»

«...Прощай немытая Россия, страна рабов, страна господ...» (Вожделенная моими опоннентами «Немытая Россия» которой Лермонтов никогда не писал!)

Четырнадцатилетний Миша Лермонтов преследует дворовую девку Марфушку в одной домотканой рубахе и в уединённом саду:

«...Безумная надежда проснулась во мне, и, хоть я знал, наверное, что счастья мне не суждено, но прыгнул на Марфушку сзади и неловко обхватил руками...»

И далее развитие секс-интриги:

«...Ночью я ждал её в своей комнате. Я разделся и присел на кровать... Мною овладело необычайное волнение. Чувство моё достигло предела, когда на лестнице раздались еле слышные шаги – она поднималась на цыпочках...

– Я люблю тебя! – прошептал я и поцеловал, боясь коснуться её своими отвратительно холодными руками. – Сними же платок...

Она покорно сбросила его, стащила чепец, волосы рассыпались по круглым плечам. Я как безумный стал обнимать её и шептать, как она дорога мне. Марфушка цеплялась за шаткую спинку кровати.

– Погодите же, погодите... – сказала она рассудительно, легко отстранила меня, мигом разделась и легла. Мягкость пуховика ошеломила её.

– Как у вас хорошо! – прошептала Марфушка.

Она была так прекрасна, что мне опять казалось кощунством дотронуться до неё.

– Идите ко мне! – позвала Марфушка.

– Да, да, я сейчас, – говорил я, склоняясь к ней.

Она потянула меня к себе обеими руками.

– Я люблю тебя, люблю! – повторял я, яростно лаская её и от этого теряясь ещё больше.

Она поняла.

– Барин, лягте тихонько, погодите...»

После увоза опальной «возлюбленной»:

«...Я зарыдал и убежал к себе.

Толстая девка принесла на подносе чай.

– Барин, – сказала она жалостно, – не убивайтесь. Хочете, я к вам нынче приду?

Я ударил по подносу ногой. Чашка разбилась о потолок...»

«...Дуэль Пушкина есть акт самоубийства, – заявил Мартышка. Пушкин понимал, что муза покидает его и нарочно подвергал жизнь опасности».

Лермонтов:

– Говорят, у меня неприятный смех – будто водят рукой по стеклу...

– Мы – горстка людей в царстве чудовищ, – сказал Мартынов.

– Мартынов, объясни, пожалуйста, кто это «мы»?

– Ты прекрасно понимаешь – кто! Мы – это те, кто понимает, кто находит друг друга в толпе, кто словно знает секрет жизни, и если бы все были «мы» – один бог знает, какая была бы замечательная жизнь...»

Лермонтов:

– Жизнь каждого из нас ужасна и бессмысленна...»

Вот такого Лермонтова хотели бы видеть на экране Червинский, Смирнов и Соловьёв!

25 мая. В 8 утра мы вылетели из Москвы с Марисом Лиепой и Виктором Юшиным, оставив в аэропорту до следующего рейса Демидову, Птиченко, Денякину. В Минводах нас встречал начальник кинопроката, отвёз в Пятигорск и поселил в роскошном номере из двух комнат с прихожей и ванной. Видно, что Владимир Павлович снова проявил заботу о нас, лермонтовцах. Нас сразу же пригласили перекусить в комнату с кухней, предложили истопить сауну, на что мы с Марисом с радостью согласились.

В 15 часов в кинотеатре «Космос» состоялась торжественная премьера «Лермонтова». При-

сутствовал А.П. Роспопов со всей семьёй. Мы выходили на сцену и до, и после картины. Снова глядели с Марисом фильм. Я измучился страшно: ведь приходится в который раз переживать всё от начала до конца – каждый метр плёнки. Доигрывать и всей душой дотягивать там, где не дотянуто. И страдать от видимых только мне огрехов. После картины зал долго аплодировал, люди говорили с мест, выходили к сцене, несли цветы, просили автографы, писали в альбом свои отзывы.

Одна молодая женщина, педиатор, скромно поджидала меня после просмотра у кинотеатра и столько доброты и нежности было в её глазах, когда она говорила: «Только ваше доброе сердце могло создать такое...» Простите, злосердечные оппоненты, но «Лермонтов» создан для таких людей, а вы – перебьётесь, перебеситесь...

После выступления перед вторым сеансом, в 17 часов, поехали к себе, пообедали, дали интервью для пятигорского радио и снова вернулись в кинотеатр на вечерний показ.

На нём появились Демидова, Птиченко и Денякина, и я по очереди вызывал их на сцену под аплодисменты зала.

Потом нас с Марисом и Юшиным пригласил к себе домой А.П. Распопов, и мы провели тёплый вечер в его доброй семье. Ели шашлык, пили потрясающий чай по-распоповски, который знает даже Горбачёв. А.П. водил нас по своей квартире, показывая фотографии, запечатлевшие его с Брежневым, Андроповым, Горбачёвым и другими политическими деятелями. Мы говорили друг другу добрые слова, которые шли от сердца.

В 23 часа Марис на машине А.П. завёз меня домой, а сам помчался в аэропорт. Он вырвался (задаром) на несколько часов из Москвы в Пятигорск, чтобы поддержать картину, и я благодарен ему за это.

26 мая. Вчера Марис не улетел, вернулся в Пятигорск, переночевал в соседней комнате на диване без простыней, продрог и утром, когда я отправился в горком, он вновь собирался в аэропорт.

Из горкома забежал в музей Лермонтова, отнёс материалы по картине, фотографии из фильма, свой сценарий, прошедший все

бои, журналы, газеты, документы... Зашёл в домик М.Ю. Служительницы приняли меня как родного: «Можно ли верить своим глазам?! Михаил Юрьевич, проходите в свой кабинет...» И я прошёл. Меня оставили одного. Я сел в кресло за стол... И несколько минут побыл в полном покое, молча беседуя с Лермонтовым через прикосновение пальцами к полированной глади стола. Дорогие мгновения вечности! Стерлись временные границы, душа во мгновение ока пронзила полтора столетия. Вот так сидел он перед дуэлью, перед смертью... Капало с крыши, был серый пятигорский день, мокрая листва за окном, из которого виднеется угол крыльца... Краткая жизнь Пророка, стоящая столетия бесполезного существования.

Из домика я помчался на телевидение. В маленьком зальчике было полно народу. Говорил открыто, резко. О съезде кинематографистов, о А. Тарковском, о гонителях «Лермонтова», о бездуховности... Отвечал на вопросы.

Провёл ещё четыре встречи – в кинотеатре «Машук» и в санатории – с переполненными залами на 400 и 700 мест.

Люди встречают картину жарко, восторженно. Фильм будоражит сердца. Группа моя окрылена, счастлива.

27 мая. На встрече с сотрудниками Лермонтовского музея многие негодовали в адрес «нежного критика», хотели написать ему ответ. В заключение выступил режиссёр со студии «Центрнаучфильм», случайно оказавшийся в зале. Его речь была речью художника в защиту художника-коллеги. Он советовал оценивать произведение по законам, мною заданным, и не требовать того, что не вписывалось бы в мою картину. Его речь была страстным и умным аккордом, завершившим нашу встречу.

В Кисловодске провели три встречи со зрителями, которые благодарили нас, желали фильму долгой жизни. К ночи вернулись в Пятигорск, но уже без Юшина и Птиченко – они улетели в Москву.

28 мая. Вернулись в Москву. Ещё находясь в самолете, завершил чтение сценария Червинского. Слева и справа от меня сидели Демидова и Таня Денякина, тоже читали. Таня, прочтя 20 стра-

ниц, не захотела продолжать, а Демидова продвигалась дальше, то и дело выражая своё отвращение к предмету чтения.

Я думал, что сценарий будет интереснее и выстроеннее – все-таки пишет профессионал. Но ничто не спасёт владеющего словом, если он не знает то, о чём повествует. Более того, Червинский не любит Лермонтова, рисуя образ мелкий, вожделеющий, бесталантный, агрессивный, бездуховный, антипатриотичный... Случайный набор сцен, необязательных, не относящихся к лермонтовской жизни: например, самоубийство деда Арсеньева за четыре года до рождения Лермонтова. Случайные персонажи. Без симпатии провёл Червинский М.Ю. Лермонтова через весь, если можно так выразиться, сценарий, холодно разделался с ним в конце, пристрелив без эмоций, равнодушно, словно воплощая реплику современника: «Собаке – собачья смерть...»

Сценарий Червинского – акт уничтожения светлой личности М.Ю. Лермонтова. Какой там «свет», какой «герой»? Серый, маленький, вожделеющий урод. Кого благодарить за то, что это преступление не состоялось?..

Прилетев ночью в Москву, до пяти утра перепечатывал пятигорские отзывы, готовясь к предстоящему бою.

29 мая. И грянул бой! Вернее, целенаправленное избиение ногами автора-режиссёра и его детища. Но прежде группу «Лермонтов» промариновали в холле полтора часа. Со мною были мои соратники: художник Виктор Юшин, артист Марис Лиепа и директор Александра Демидова, замдиректора Михайлов с альбомами отзывов в руках.

Конференц-зал, увешанный портретами выдающихся кинематографистов, был забит до отказа. Несмотря на то что это был Секретариат, множество людей не имели к нему никакого отношения. Нас встретили хмуро, как на заседании «тройки». И понеслось. Всё было разыграно по голосам, как по нотам: один за другим вспархивали на трибуну инквизиторы, словно бесенята из табакерки. Начал обсуждение Элем Климов.

Из стенограммы. **Э.Климов:** «Мы переходим к третьему пункту нашей повестки, к обсуждению фильма «Лермонтов», сценарий и постановка Николая Бурляева. Мы пригласили критиков, ли-

тераторов, литературоведов... От себя хочу сказать, что мы не можем миновать тот момент, что на съезде критик Плахов дал оценку фильму, попавшую на страницы газеты. Группа кинокартины «Лермонтов» направила в адрес съезда письмо, в котором протестует против такого резкого выступления, когда картина не была ещё показана широкому зрителю. К письму прилагаются отзывы о фильме, данные зрителями на родине Лермонтова и носящие некий панегирический характер. В этом письме перечисляются заслуги Николая Бурляева перед кинематографом. Замечу, что это письмо им же самим подписано... Мне было странно читать это. Однако это воля каждого – поступать так, как он хочет. Николай Бурляев сделал так. Переходя к обсуждению, хочу напомнить, что Николай Бурляев является талантливым актёром, его имя известно во всём мире... Он пробует себя на поприще сценариста и режиссёра. Я прошу высказаться Андрея Плахова...

А. Плахов: «Все, что я думаю по этому поводу, было уже высказано мною на съезде... Нечего прибавить. Письмо Николая Бурляева – воля автора. Но сам принцип подобных писем создаёт крайне нервную обстановку в нашем союзе. Картина была показана в Доме кино и тем самым выставлена на наш суд. Беспрецедентный непрофессионализм. Теперь нужно создать квалифицированное мнение о картине».

М. Козаков *(выскакивая к трибуне):* «Я хочу проинформировать вас, чтобы легче было обсуждать, так сказать, от имени общественности... Одно дело – не выпущенная на экран картина «Лес», которая не была даже показана в Доме кино, но против которой были приняты самые суровые меры. Критика фильма «Лермонтов» полностью справедлива, и нет ничего плохого в том, что она попала на страницы прессы. Коррупция. Мне известно, что на Эйдельмана, давшего свой отзыв на сценарий Бурляева, было оказано давление. То, что он дал этот отзыв, – дело его совести, давление оказывала зам. главного редактора Студии телевидения Н.А. Филатова».

Э. Климов: «У нас есть отзыв Эйдельмана на сценарий «Лермонтов», а так же его письмо в Секретариат. Зачитать?»

Все: «Да...»

Э. Климов читает «письмо-отречение» Эйдельмана о том, что он под давлением дал этот отзыв, денег за него не получал, никаких исправленных вариантов не читал, не видел ни материала, ни картины, на которую не был приглашён автором, «видимо, обидевшимся на мой отзыв».

М. Козаков: «В титрах картины есть благодарность в адрес Андроникова. Но мне дочь Андроникова говорила, что Ираклий Луарсабович даже не читал сценария».

С. Соловьёв: «Николай Бурляев мой старый товарищ. Он участвовал как актёр в одной из моих картин. Бурляев говорил о слезах зрителей, посмотревших фильм. Когда закончился этот фильм, я тоже плакал от чувства обиды, от бестактности режиссёра (неверный выбор актёров: мама Лермонтова). Выход к массовому зрителю невозможен. Мне будет чрезвычайно обидно, если доверчивый зритель увидит это... Ведь существовал же талантливый сценарий «Из пламя и света» Александра Червинского, по которому я хотел снимать фильм. Не дали. Я надеюсь, что Совэкспортфильм не станет продавать этот фильм за рубеж, торговать русскими берёзками. Чего бы я хотел? Чтобы все мы отнеслись к этой картине как к общей нашей драме. Картину не выпускать. Моя группа отработает три дня в счёт покрытия затрат на фильм «Лермонтов». Люди не должны видеть такого Лермонтова, нельзя выдавать это за Лермонтова. Я испытывал чувство боли и негодования. Лермонтов – это наша “духовная родина”».

Е. Сидоров (проректор Литературного института, вскоре ставший министром культуры. – *Н.Б.*): «Я с уважением отношусь к артисту Николаю Бурляеву и на этом закончу комплиментарную часть. То, что я увидел в фильме, – уверенный непрофессионализм с некоторой долей агрессии и вседозволенности. Всё в этом фильме – на одном удручающем уровне. Изобразительность – раскрашенные слайды и красная роза на белом снегу – визитная карточка эстетики фильма. Отец и Пушкин – один актёр. Гоголь-Бурляев смотрит на Лермонтова-Бурляева. Неизвестно, что делали в фильме профессора Удодов и Мануйлов (это надо проверить). Нельзя превращать Лермонтова в славянофила. Литературная основа фильма некачественна. Я был удивлен тем, что в фильме, кроме стихов Лермонтова, встречаются стихи Бурляе-

ва, это вообще странно. Нет ни сценарной, ни драматургической основы. (*Агрессивно*): К концу фильма я как бы сам подталкивал руку Мартынова. Не мог дождаться, когда же всё это кончится?!»

И. Дубровина: «С точки зрения нормального зрителя, Сергей Соловьёв полностью прав в оценке фильма, не права группа со своим письмом. Всё в этом фильме по принципу: «Он был корнет и был поэт». Оказывается, Николай Бурляев пишет не только письма съезду, но и стихи?.. Генерал награждает Лермонтова «Золотой саблей» после Варикского сражения – это неверно...»

Э. Климов: «Я прошу ближе к сути, конкретнее...»

И. Дубровина: «Хорошо. Но есть мелочи в фильме, которые становятся началом концепции. Это красная рубаха Лермонтова, расстегнутая до пупа так, чтобы был виден крестик. И даже галстук откинут в сторону, чтобы лучше видеть крестик. Рубаха деда тоже распахнута и тоже виден крест. Бесконечные купола, церкви, лампады и так далее. Религиозные мотивы в Лермонтове сильны, но нельзя это изображать таким образом. А где ж богоборческие мотивы, отмеченные мистиками, Мережковским? Это не Лермонтов, а неврастеник, который бегает в фильме и с трясущимися губами читает стихи «На смерть поэта». Дёргающийся неврастеник, полуюродивый попик. Почему талантливый артист Николай Бурляев, которого мы помним от «Колокола» до «Военно-полевого романа», подчиняется Бурляеву-режиссёру? Что недостойного в оценке Плахова, данной картине на съезде, ведь контрвыступления не последовало? По ходу просмотра во мне зрел вопрос: “Знал ли режиссёр, сценарист и актёр Бурляев, на что он руку поднимал?”»

Э. Климов: «Я прошу не превращать всё это в судилище. Не надо мазать всё одной чёрной краской. Есть ли иные мнения? Глеб? Ты хочешь?»

Г. Панфилов: «Мне очень тяжело, дискомфортно присутствовать на том, что сейчас происходит. Не могу видеть, как при мне бьют лежачего человека. Да, действительно фильм слабый. Но картину можно чуть-чуть улучшить, взяв четыре смены перезаписи. Я берусь как товарищ помочь. Говорить о закрытии неправомерно. Я всей душой переживаю, что у нас получился такой фильм. Ведь был же изумительный сценарий талантливого прозаика и сцена-

риста Александра Червинского. Коля Бурляев сам творец того, что сегодня происходит. Здесь нет тех, кто разрешил этот сценарий. Кого-то ведь устраивал легковесный сценарий Бурляева?»

А. Червинский *(ободренный похвалой, ринулся к трибуне, крича на ходу):* «Вот вы его щадите, а меня не пожалели. Десять лет назад закрыли мой сценарий по распоряжению Ермаша, он даже не обсуждался. Мне прикрыли сценарий «Верой и правдой», на полке «Тема». Два года назад, в сентябре 1984 года, я узнал, что на «Мосфильме» запускается «Лермонтов». Я этого сценария читать не стал. Я снова предложил в письме обсудить мой сценарий, устроить честную дуэль двух сценариев. Но Кулиджанов мне цинично заявил: «Союз не место для подобных ристалищ. Вы талантливый человек, пишите прозу». Сценарий Бурляева невозможно было получить из 1-го Объединения. Защитники бедного мальчика... Бесконечные намёки в фильме на врагов России. Это не ошибка, а заблуждение, поддержанное сильными людьми. Фильм – явление коррупции, с этим надо бороться».

М. Козаков *(с места):* «Золотусский, писавший о Гоголе, утверждает, что Гоголь не бывал на балах. И лишь два раза видел царя. Один раз в Италии».

Л. Нехорошев: «Я поддерживаю Глеба Панфилова. Мне тоже горьки недостатки фильма. Гоголь Бурляева смотрит на Бурляева-Лермонтова... Может быть, кроме озвучания следует сделать купюры».

Э. Климов: «Нам нельзя превращаться в редактирующую инстанцию».

А. Червинский: «Фильм Бурляева начинается с живописи Лермонтова. Но всем известно, что Лермонтов был отвратительный живописец».

Р. Быков: «Это не коррупция, это компанейщина. И это не должно проходить мимо внимания Союза. *(После спокойного начала Ролан вмиг перешёл на истеричный крик.)* Мне закрыли то и это... Мне не дали... Мне запретили...»

Э. Климов: «Успокойся, Ролан. Мы лишаем Ролана слова, заботясь о его здоровье».

Р. Быков: «У меня есть слово к Николаю Бурляеву. Он выдающийся актёр... Репортажный актёр... У тебя сложный момент в

жизни. Я чувствую твою внутреннюю агрессивность... Коля, вспомни о законах высшей этики. Не вставай на путь, на который ты сейчас вступаешь...»

(И это говорил мне мой друг Ролан, который даже и фильма-то не видел, так как не присутствовал на вчерашнем показе Секретариату. Ролан, которого я столько раз спасал, выносил хмельного из трудных его положений. Ролан, который едва не стал мне родственником, умоляя на коленях мою мать отдать за него мою сестру).

Р. Ибрагимбеков: «Неудачная попытка закроет появление фильмов о Лермонтове на долгие годы...»

А. Марченко: «В фильме нет верности исторической правде. Фактами вертят как удобно. Режиссёр лишён исторического чутья. Бурляев говорил, что люди плакали над фильмом. Да, могут плакать, так здесь всё безвкусно. Но фильм будет иметь успех...»

А. Гребнев: «Я согласен с Глебом. Наше дело не запрещать картины, а защищать... Защищать сценаристов...»

А.Н. Смирнов *(реплика с места ещё одного бывшего претендента на постановку фильма о Лермонтове):* «Конечно, это случилось благодаря связям, но не всякому режиссёру по зубам такой фильм...»

Наконец, как и положено на судилище, мне предоставили «последнее слово».

Э. Климов: «Пожалуйста, Коля...»

Я собрал свои бумажки, медленно прошёл к трибуне, положил на неё шпаргалки, обратился к Элему, подле которого стояло несколько бутылок с минеральной водой и фужеры: «Можно попить?..» Элем бросился наливать мне, а его оргсекретарь Лисовский (из ЦК партии) бережно вложил бокал в мою руку. Не торопясь отпив и поставив бокал рядом, я начал не сразу: обвёл взглядом всех присутствующих... Все – в ожидательной тишине. Я глубоко вздохнул и начал: «Да!? Не дай бог вам оказаться в этих стенах, на моём месте... Сначала о письме... Я был в отъезде, когда наша группа, обеспокоенная происходящим с картиной, начала писать это письмо...»

Э. Климов: «Но ведь ты его подписал?»

Н. Бурляев: «Да. Тут есть неувязка, каюсь... Критик Плахов в своём выступлении извращал слова, сказанные мною в Доме кино. Он сказал, что я «высокомерно отверг талантливый сценарий Александра Червинского». В те годы я его не читал. Но сейчас я его достал с огромным трудом, окончил читать вчера в самолете. Вот лишь две сцены из сценария... (*Я пересказал сцены с Марфушей*.)

Весь сценарий А. Червинского дышит нелюбовью автора к своему герою. Об этом красноречиво свидетельствует хотя бы фраза о том, что «Лермонтов был отвратительный живописец». Лермонтов был изумительный живописец, создававший свои полотна по законам поэзии. И в живописи он был настоящим поэтом.

Мой сценарий читали Андроников, Мануйлов, Удодов, доктор наук Гуральник из Института мировой литературы, Шадури, Эйдельман. Читали сотрудники всех лермонтовских музеев: в Тарханах, Пятигорске, Москве. Читали и обсуждали».

Когда я назвал имя Эйдельмана, Элем остановил меня: «Секундочку. Вот отзыв Эйдельмана...» Миша Козаков схватил у Элема отзыв, ринулся с ним к трибуне, встал рядом со мной, так что мне пришлось потесниться: «Давайте я прочту». И стал читать, делая ударения на критических оценках. Закончив, он сел.

Н. Бурляев: «Как видите, ничего «обидного» здесь нет, и этот отзыв был приобщен к делам фильма. А теперь об Андроникове. Ираклий Луарсабович был первым человеком, к кому я обратился, когда задумал эту работу. И при наших многократных общениях не было его дочери. Ираклий Луарсабович читал мой сценарий, и не один, а оба варианта. Будучи не удовлетворен первым вариантом, я написал второй. Ираклий Луарсабович дал отзыв, записанный зам. главного редактора Телеобъединения.

Мы показали нашу картину в Тарханах, Пензе, Белинске, Баку, Пятигорске, на Кавминводах, где снимали наш фильм и где показать его – наш долг. Просмотры проходили при переполненных залах. За 7 дней фильм посмотрели 14 тысяч зрителей. Ещё до того, как против нашей картины началась кампания, мы завели альбом для отзывов. В каждом зале я предупреждаю: «Пишите все, что думаете, все “за” и “против”. Нам важно всё, ведь речь

идёт о Лермонтове. В пяти альбомах, которые мы принесли сюда, более 200 отзывов. Под некоторыми – 10, 20, 40 подписей. Итого в этих альбомах около 1000 подписей и лишь три отзыва отрицательные. Позвольте нам зачитать некоторые из них.

Э. Климов: «Будем читать?»

Многие: «Нет!!! Не надо!!!»

Э. Климов: «Мы отклоняем это предложение».

Н. Бурляев: «Я настаиваю на своей просьбе. Чем же мне отвечать вам? Ведь мы делаем наши фильмы не друг для друга, а для народа».

Хитрук *(с места):* «Это безнравственно».

Н. Бурляев: «Я мог бы ответить на все ваши обвинения, но я не буду этого делать».

А. Плахов *(с места):* «Вы писали в «Советской культуре» о том, что читали сценарий о Лермонтове и не приняли его. Что это был за сценарий?»

Н. Бурляев: «Это был сценарий непрофессионального сценариста. Имени его я не помню. Я отверг этот сценарий».

А. Плахов: «Спасибо».

Э. Климов: «Садись. Мы обсудили фильм «Лермонтов». Это был наш долг, поскольку речь идёт о национальной культуре. Воля автора исправлять что-либо с Глебом Панфиловым и Гребневым или нет... Мы и впредь будем обсуждать подобные вопросы...»

В завершение Элем сказал, что и он не принял моего фильма, что я взвалил на свои плечи слишком много обязанностей: режиссёр, сценарист, актёр... Что он, Элем Климов, рад бы справиться хоть с одной ипостасью – режиссурой... Что ж – каждому своё...

Как напоминало это суды времён культа личности! Те недавние времена, когда композиторы судили Шостаковича, а литераторы – Ахматову, Цветаеву и Пастернака... После подобных «творческих» расправ жертву можно было выносить на носилках с инфарктом. Я же вышел с гордо поднятой головой, такой же спокойный и подтянутый, каким зашёл в зал «суда». И со мною рядом прошли это аутодафе мои дорогие соратники: Марис Лиепа, Виктор Юшин, Александра Демидова и её заместитель. Они не открестились ни от меня, ни от нашего «Лермонтова». И я всегда буду благодарен им за это.

2 июня. Принял решение не ехать в Киев, а показать картину там, где опаснее всего, откуда сейчас все бегут, кому нужнее всего примеры подвижнической жизни. Может быть, проберусь поближе к Чернобылю.

Созвонился с Л.Н. Нехорошевым. Он сказал, что у него неспокойно на душе после Секретариата. Спросил, что я собираюсь делать. Не воспользуюсь ли их с Глебом советом и не буду ли что-либо поправлять?

– Вы спрашиваете меня как официальное лицо?

– Нет, – ответил он.

– Я подумаю.

3 июня. Первую половину дня посвятил прояснению обстановки вокруг моей картины, дабы принять окончательное решение: поправлять что-либо или нет. В Госкино ожидают обстрела «Лермонтова» и в будущем, но рекомендуют «не паниковать», «оставить всё как есть...» К обеду узнал от Демидовой, что нашей цветоустановщице Божене Масленниковой приказали делать последнюю копию (эталон для прокатных копий). И словно гора с плеч: вот оно и окончательное решение – ничего не править. Всё останется как есть. Скушают всё, голубчики. Приятного аппетита! Из Украинского ЦК позвонили Ермашу с просьбой прислать им «Лермонтова». Ермаш сказал, что «всего одна копия», «еще рано», будет коллегия по «Лермонтову...» В Москве жара, в воздухе вкус апокалипсиса, а может – это мое взбудораженное состояние, ощущение будущего тернистого пути и ожидание поездки в Чернобыль. Идею эту я не оставляю: завтра начну действовать через МГК ВЛКСМ.

Ночь с 6 на 7 июня. Что происходит?! Что за время?! Волны, взболомученные на «лермонтовском» Секретариате Союза кинематографистов расходятся кругами. Происшедшее передается из уст в уста, деформируется, превращается в слухи и сплетни. Вчера, вознамерившись кое-что поправить в картине, дабы сократить количество уязвимых моментов, зашёл к Досталю, но тот отговорил, описав хлопотность моего желания. Сегодня мой «Лермонтов» сдан со всеми исходными на копирфабрику.

Зашел к и.о. главного редактора Объединения по поводу представления на категорию «Лермонтова» и моего нового сценария «Близнецы». Она сказала, что после общения со мной по телефону Н.Н. Глаголева, узнав о том, что творится вокруг «Лермонтова», была увезена в клинику с инфарктом. Кровь людская – не водица, взаимные истязания заканчиваются трагически. По поводу представления на 1-ю категорию Объединение начинает сомневаться: может, в контексте гонения на «Лермонтова» лучше подать на 2-ю. Что до моих «Близнецов», то решили пока не давать им ходу, дабы не подвергаться возможному обстрелу.

Днем показал картину А. Лиханову и Т.А. Сам глядел под углом зрения моих обвинителей. Очернение картины способно окутать её облаком зла.

Вечером заехали к С.Ф. Бондарчуку. Он сидел в бане, работал, писал сценарий «Вишневого сада». Вместо предполагаемых десяти минут пробыли у него три часа. Говорил главным образом Сергей Фёдорович на эмоциональном взводе. Рассказал о своем общении с Тамарой Фёдоровной Макаровой на съезде.

– Вы видели «Лермонтова»?

– Да, Серёжа, фильм несовершенный. Коле надо было ещё учиться...

– А вы знаете, – сказал Сергей Фёдорович, – что это первый фильм в мировом и советском кино, показывающий зло, мешающее людям жить?..

– А какое это зло?

– Нужно читать книжки, – сказал Сергей Фёдорович.

На коллегию Госкино Секретариат Союза кинематографистов вынес список режиссёров, которым надо запретить работать в кино, там есть и Наталья, но нет меня. Кроме самих секретарей, «разрешается творить» ещё семи режиссёрам.

Пять актёров из фильма «Лермонтов»: Галя Беляева, Оля Кабо, Павел Русланов, Виталий Бабенко, Андрей Давыдов, – были приглашены МГК ВЛКСМ на Пушкинский праздник. Им была поручена честь возложения венков к памятнику Пушкину. Я узнал, что МГК подготовил контрписьмо по «Лермонтову».

Какая печальная радость сокрыта в бегстве из своего города?! Зайти в вагон, раздеться, встать у окна, глядеть на перрон, ко-

торый сейчас начнет уплывать, и устремиться в неизведанное. Получив приглашение через посредника, некогда учившегося в Щукинском училище, взял билет и еду, не зная куда, к кому... Ни имени, ни адреса: «Встретят у пятого вагона».

Мне не хватает одиночества, не хватает общения со своей душой, с Богом, с вечностью. А без этого я не смогу начать новую тему. «Николай Рубцов»?.. «Близнецы»?.. «Идиот»?.. Или жизнь «замечательного человека»? Чья жизнь? Пушкина – не даст шпана из Союза кинематографистов.

* * *

10 апреля 1987 года. Саратов. Утром встретили у пятого вагона, и уже к вечернему выступлению в молодёжном центре был вполне удовлетворен своим визитом в этот город.

Полдня провёл с замсекретаря комитета комсомола большого производственного объединения Дмитрием. Немного рассказал о битве идей в современном мире, о «Лермонтове». Он привёл меня к Первому секретарю ГК ВЛКСМ, тот вызвал корреспондентку – сходу состоялось интервьюирование. Сделали бросок через площадь в Обком КПСС – там полный зал пропагандистов. Сходу обрушил на них свою правду о «Лермонтове» и действиях обновлённого Союза кинематографистов. Зал был шокирован, люди захотели увидеть «Лермонтова». Сказал о том, что фильм показывали в «Ударнике» всего два дня и спрятали. А много ли у нас фильмов о великих людях России? Долго ли будут оболванивать умы масскультурой и прятать то, что несёт запас духовной прочности? Две молодые женщины (одна видела мой фильм, вторая – нет) решили провести показ «Лермонтова» в их кинотеатре с анкетированием.

11 апреля. Саратов – Москва. Еду один в купе, в покое. Выспался. Но что бы я ни делал: умываюсь ли, пью ли чай, – во мне идет постоянный диалог. Частенько «выступаю» на трибуне в Белом зале Союза кинематографистов, давая врагам последним бой, который заканчивается моим разрывом с Союзом. Бросаю им свой членский билет и говорю: «Пока в этих стенах правит шпана – ноги моей здесь не будет!» – И гордо ухожу.

Все проводники, официанты благорасположены ко мне. Подсел молодой начальник поезда Булат. Разговорились. Я зашёл в его радиоузел с кассетой музыки из «Лермонтова», проводница приготовила чай, и мы провели час за слушанием музыки, просмотром фотографий из фильма и душеспасительными разговорами.

Звонил на днях ведущей телепрограммы «Музыкальный киоск» Элеоноре Беляевой. Она рассказала, что её остановила в Останкино хозяйка «Кинопанорамы» и спросила:

– Вы, говорят, ездили на «Мосфильм» смотреть «Лермонтова»? Хотите передачу о нём делать?

– А что, нельзя? – спросила Элеонора.

– Ну, это – отдельный разговор...

Кочевники, захватившие в плен Останкинскую (Вавилонскую) башню, бдительно охраняют эфир от обнародования «любви и правды чистых учений...» Очевиден негласный запрет всем СМИ о предоставлении мне возможности говорить: Бурляев стал персоной «нон грата». К счастью, главный музыкальный редактор, посмотревший фильм, принял его и хочет что-то сделать. Он уже говорил с Беляевой, и они объединились. В номере «Московских новостей» 12 апреля 1987 года новый выпад против «Лермонтова». Уже двадцатый критик, Т. Хлоплянкина, обругала письма граждан, обеспокоенных травлей фильма и плохим его прокатом.

Уже полгода через СМИ ведётся последовательная подготовка общественного мнения к выходу фильма на экран: 22 разгромные статьи и ни одного положительного отклика. Редакции отказывали в публикации положительных рецензий десяткам авторов, даже таким именитым, как В. Астафьев, В. Распутин, Ю. Нагибин, Ю. Бондарев, крупнейшим лермонтоведам, критикам, профессорам МГУ. Фильм «Лермонтов» поделил страну на два лагеря. На имя Президента Горбачёва поступают письма, под которыми стоят тысячи подписей в защиту фильма. По всей стране устраиваются просмотры с яростными обсуждениями «Лермонтова». Но ни одна положительная рецензия так и не может прорваться к читателям. Именно в эти трудные для меня и для моего фильма времена мне посоветовали обратиться к Вадиму Валерьяновичу Кожинову. Я набрал номер его телефона.

– Много читал о вашем фильме, – сказал Вадим Валерьянович так, словно мы давно были знакомы. – Авторам статей и их аргументам не могу доверять полностью. Хотелось бы посмотреть фильм.

После просмотра «Лермонтова» Вадим Валерьянович стал абсолютным сторонником фильма. Обещал написать рецензию. И сдержал своё слово. Вскоре статья была им написана и передана в редакцию газеты «Советская культура». Началась пора ожидания выхода статьи, которая длилась полгода. За это время мы сблизились духовно. Часто встречались, созванивались, подолгу беседовали, кажется, обо всём на свете.

Кожинов рассказал мне, что ему уже угрожали: мол, «что вы ввязываетесь? Против фильма всё руководство Союза кинематографистов! Бурляев считает себя законченным гением. Он не потому отверг сценарий Червинского, что тот был плох, а потому, что сам хотел быть и сценаристом...» Судя по его весёлому голосу, эти звонки весьма забавляли Вадима Валерьяновича: «Крепко вы, Николай Петрович, потревожили осиное гнездо», – смеялся он в трубку.

Меня принял главный редактор «Советской культуры» А.А. Беляев, сообщив, что посмотрел фильм два раза. Остановился на том, что ему понравилось и что нет. Интересно, что говорил он сегодня совсем не так, как в прошлый раз: часто отводил глаза в сторону, подбирал слова. Задал мне вопрос:

– Вы читали статью Кожинова?

– Да.

– Мы смягчим её, отредактируем то место, где он пишет о космополитичности критика...

– Что-то я не припомню такого места в статье.

– Нет, оно там есть, – настаивал редактор.

Пообещал мне, когда выйдет фильм, опубликовать два мнения.

Я сказал, что ожидание выхода картины в прокат – долгое тяжёлое испытание.

Вадим Валерьянович согласился представить фильм на премьере в кинотеатре «Зарядье». Прибыла и наша киногруппа:

актёры И.В. Макарова, Н. Бондарчук, Иван, Усачёв, Файбышев, Цихотский, Сушков, Агеев, директор А.Т. Демидова и три её зама, композитор Б. Петров, второй режиссёр С. Петрова... В банкетном зале накрыли прекрасный стол с бутербродами, фруктами, кофе. Мы с Вадимом Валерьяновичем и со всеми друзьями произнесли безалкогольный тост за нашу встречу, за премьеру и дружно вышли на сцену. После представления киногруппы и выступления актёров мы спустились в зал, чтобы послушать Вадима Валерьяновича. Это было поистине кожиновское, блистательное выступление. Здесь он впервые публично прочитал свою статью о фильме и сообщил зрителям, что уже пятый месяц её не публикуют в «Советской культуре».

Возвратившись из Мурманска, прямо из аэропорта приехал к родителям. Отец с порога спросил:

– Ты читал?

– Что? – насторожился я. – Опять? Где?

– «Культуру» читал?

– Когда?

– В эту субботу.

Я с сердечным трепетом взял в руки долгожданную газету. И не торопился открыть её на нужной странице: подробно разглядывал, изучал её... И – вот она! Статья Кожинова! И рядом – Графова. И от редакции: «Два мнения о фильме «Лермонтов». Господи, сколько же я ждал этого и дождался. Это – победа!

Читать начал с «графовского» плевка. Плевок был хилым и глупым, но встречный ветер боевой кожиновской статьи возвращал плевок Графова с удесятерённой силой. «Правота и воля режиссёра» – так была озаглавлена статья Кожинова. Её заметно урезали, но даже в усечённом виде она была сильна – единым духом уничтожала все пасквили и наветы на опального «Лермонтова». Я трижды перечитал её. Спасибо Вадиму Валерьяновичу»!

12 апреля. В Новосибирском академгородке просмотр и обсуждение «Лермонтова» прошли с большим успехом. В шестисотместном зале выступали учёные и рабочие. Сегодня заехал в «Россию», представил картину. В завершении краткой речи – горячие аплодисменты. К 20 часам прибыл в киноконцертный

зал «Варшава», где принял участие в концерте лауреатов премии Ленинского Комсомола. Показал «Фильм о фильме “Лермонтов”, сказал краткое, но эмоциональное слово о поэте-герое, «грудью шедшем вперёд, жертвовавшем собою», и о критике.

16 апреля. Только вчера в Малом зале Дома литераторов, когда объявили моё выступление, я понял, что «Лермонтов» набирает сторонников, правда, и встреча была по линии «Добровольного общества трезвости». Краткая речь была принята горячими аплодисментами, которые продолжались ещё долго после того, как я занял своё место за столом президиума. На этом собрании Докусова, пришедшая с письмом на XX съезд комсомола, собрала 56 подписей в защиту «Лермонтова». Подошли активисты ДОТа с какого-то почтового ящика у Сокола и просили выступить у них на следующий день. К ночи Докусова прочла мне окончательную редакцию письма. Утром она избегалась по ЦК ВЛКСМ и вокруг оного с целью доставить письмо на съезд. Я дал ей телефон охраны Кремля, помогавшей нам в съёмках, и те обещали помочь в доставке письма.

Получил конверт из Новосибирска со статьей для газеты и студенческую газету Томского электронного института со статьёй доцента кафедры истории КПСС «В защиту “Лермонтова”». Звонят с просьбой выехать в Ленинград, Смоленск, Краснодар – всем обещал.

Позвонил директору Мосгоркинопроката Плащанскому, попросил, чтобы «Лермонтов» шёл в «России» ещё и весь май. Он обещал дать команду. Вечером позвонили из музыкальной редакции TV с предложением участвовать в вечере Мариса Лиепы в Останкино.

19 апреля. Сегодня Е.В. Языкова сообщила мне о её разговоре с Н.П. Кончаловской. Та очень обрадовалась известиям обо мне, сказала: «Что же он меня бросил?!», – изъявила желание посмотреть «Лермонтова». Узнав об этом, я сразу же позвонил Наталье Петровне.

– Я давно не таскала тебя за вихры, – сказала она и мы условились, что сегодня же вечером я приеду к ней на дачу на Николину гору.

Я захватил с собой сына Ивана: ведь когда я впервые попал в дом Михалковых, я был почти такой же, как мой сын теперь, разве что на два года старше.

Мы обнялись с Натальей Петровной. Она, видимо, заранее решила взять меня «за вихры», что и исполнила при встрече.

– Мало осталось волос, – сказал я, – но ещё есть.

Мы прошли в дом Никиты и поставили кассету с «Лермонтовым». Кроме нас с Иваном были дочь Натальи Петровны Катя, Егор – сын Андрона – с подружкой и другом и ещё одна приятельница Н.П. Смотрели они, не проронив ни слова. Когда Лермонтов читал «В минуту жизни трудную...», Наталья Петровна шёпотом повторяла стихи. Она полностью приняла фильм, оценила форму картины, её поэтичность, оторванность от земли, от быта, одухотворенность, чистоту, мою влюблённость в Лермонтова. Сказала, что фильм войдёт в историю кинематографа и ещё будет оценён. Была удивлена кампанией, развязанной Союзом кинематографистов, хотя высказала возможные причины такой оценки: бездуховную неспособность оторваться от земли, жажду бренного копошения в бытовизме, мелочах и т.д. Она гладила меня по руке и говорила:

– Так вот каким ты стал, Коленька. Будь спокоен. Это – зависть. Они тебе завидуют...

Иван сыграл нам концерт Гайдна, своё произведение на стихи Лермонтова «Парус», сымпровизировал лермонтовскую тему из нашего фильма... Наталья Петровна сказала, что у него «особое дарование».

Попили чай с куличом и пасхой, поговорили об Андроне, Никите... О том, что нам с Никитой нужно объединяться.

На прощание я подарил Наталье Петровне своё фото в образе Лермонтова с надписью: «Дорогой Наталье Петровне! Андрону и Никите. Пусть то доброе, что было в нашей жизни, никогда не забудется. Желаю вам мира в ваших домах и судьбах. Ваш Николай Бурляев». Обнимая меня на прощание, Наталья Петровна шепнула: «Храни тебя Господь!»

22 апреля. Вчера весь день до просьбе Натальи занимался с её американской коллегой Патрицией Уимпени. Дважды кормил её в

Доме кино, возил в «Россию» на «Лермонтова». Смотрела она очень эмоционально: взмахивала руками, качала головой. В сцене «Валерик» на словах Лермонтова: «Зачем?» её глаза наполнились слезами. Фильм её ошеломил: всю оставшуюся часть вечера она говорила только о нём. Когда мы входили в ресторан Дома кино, полный алкогольного смрада, из дверей выходил мне навстречу отужинавший, налитый вином В. Дёмин с компанией. Похожий на разомлевшего от допинга Карабаса Барабаса, он зыркнул на меня глазами, и мы, не поздоровавшись, отвернулись друг от друга. И тогда лишь до меня, как до жирафа, дошли предупреждения одной из дам, приближённых к Секретариату Союза кинематографистов:

– Я всё знаю о вас. Не тратьте время на борьбу. Пишите стихи, снимайтесь...

– Бросить режиссуру?

– Конечно. Борются лишь силы зла, – сакраментально шепнула кинобаба-яга.

Вечером она тоже вертелась у дверей ресторана.

Редактор издательства «Советская Россия» изъявила желание ознакомиться с моими стихами; писатель И.М. Шевцов сказал, что «Лермонтов» – самое сильное его впечатление от кино за последние 25 лет.

23 апреля. Ночью написал заявку на книгу о том, как создавался «Лермонтов». В кинотеатре «Россия» составили график представляющих фильм деятелей культуры. Вчера представлял, и очень хорошо, журналист А. Поздняев. Позвонила Н.Н. Жукова, которая 14 лет назад брала у меня интервью для «Советского фильма», и сказала: «То, что мы пытаемся долгие годы сделать в своей области, в печати, вы в ещё большей степени, открыто и эмоционально сделали в кино». Не скрою, такие, почти ежедневные, звонки зрителей ободряют меня.

24 апреля. Итак, забрало поднято ещё выше, отступать поздно – теперь только вперед! За Россию, за память о своих корнях, вернее, за возрождение памяти, за выживание моей земли, моего народа, а значит, и человечества. Война всему, вредящему моей стране, война «зеленым змиям».

Да будет смертным этот бой!
В бою – у Правды перевес.

Только что вернулся из Союза писателей с «телечаепития». Телезапись длилась без малого четыре с половиной часа, постепенно раскачиваясь, нагреваясь и накаляясь, шла беседа об алкоголизации России. Выступали учёные, писатели, врачи, партийные работники. Речи, терпимо относящихся к алкогольной проблеме сменялись поначалу робкими, а к концу категоричными выступлениями непримиримых противников «зеленого змия». Основной защитник «ненасильственных методов борьбы» с пьянством ученый-змий Левин и его ученый сын Левин-младший несколько раз возникали с елейными словесами откровенно вредительского характера. Они с улыбкой прогнозировали какие-то сдвиги в решении этой проблемы к концу 2000 года. Удерживали от активных мер, чем основательно разозлили меня.

К исходу четвертого часа записи, видя, что телевизионщики жестами просят «закругляться», я подал записку ведущему С.С. Гагарину: «Прошу слова», и слово мне было тут же предоставлено. Когда ведущий объявил, что «у нас в гостях известный кинорежиссёр и актёр, автор фильма «Лермонтов» Николай Бурляев», присутствующие встретили меня аплодисментами. Я сказал:

– Вижу, что время наше истекает, а хочется сказать о многом. Сегодня я испытал чувство зависти по отношению к писателям, имеющим подобное общество трезвости. Наш Союз кинематографистов этим похвастаться не может. И не мудрено: многие из секретарей нашего союза прочно держатся за рюмку с водкой. А ведь от нас, деятелей культуры, от тех, кто пишет книги, снимает фильмы, зависит воспитание общественного мнения. Мои коллеги в Союзе кинематографистов борются с фильмами духовными и нужными. В нашем фильме «Лермонтов» мы, авторы, высказались устами Лермонтова о нашем отношении к алкогольной проблеме. Известно, что отец убийцы Лермонтова – Соломон Мартынов – был богатым винным откупщиком и принимал активное участие в спаивании русского народа. Его винные заведения были даже у стен Кремля. Удивительно, что именно наш подход к этой

проблеме вызвал наибольшие нападки московской кинокритики. Но кинокритики – это особая каста. Сейчас они возомнили себя правее Папы Римского и побежали «впереди перестройки».

Я тридцать лет работаю в кино, долгие годы жил среди кинобогемы. Первым, кто дал мне попробовать алкоголь, был всеми нами уважаемый Владимир Высоцкий. После кинопроб на «Ивановом детстве» мы с ним отправились в сад «Эрмитаж», где Володя купил бутылку шампанского, и мы её распили. Мне было 14 лет. Я ни в чём не упрекаю своего друга, я даже был горд тем, что становлюсь взрослым, но потом я долго не мог отвязаться от этого дурмана. Впрочем, об этом можно сказать и стихами:

Так Бахус – грязный винодел,
Без боя Русью овладел!

Дайте, пожалуйста, мне эти страшные фотографии детского алкогольного «Чернобыля»...

Мне передали складень из фотопортретов страшных лиц новорожденных дебилов от родителей-алкоголиков. Я развернул их на груди как плакат:

– Так что же, будем с улыбкой ожидать 2000 года и плодить такое?! Я, потерявший многих близких из-за этого алкогольного яда, голосую за сухой закон.

Аплодисменты были мощные и продолжительные.

После меня ещё 3–4 человека доказывали необходимость введения сухого закона. Левин пытался спорить, но его не желали слушать. Передача достигла апогея, говорили на высоких тонах. Я подал председателю заявление, которое он огласил: «В Добровольное общество трезвости Союза писателей РСФСР от Н.П. Бурляева. В связи с тем, что в Союзе кинематографистов СССР нет Добровольного общества трезвости, прошу принять меня в члены ДОТ СП РСФСР». По окончании записи режиссёр Вилен Семёнович Визильтер клялся, что оставит всё моё выступление полностью. Я вручил ему часть из «Лермонтова» со сценой попойки у Мартынова.

Познакомились с профессором Б.И. Искаковым. Он сказал: «По-моему, мы долго друг друга искали». Крепко пожав друг другу руки, он обещал завтра же посмотреть фильм и привлечь к выступлениям перед сеансами группу профессоров.

25 апреля. Был в гостях у доктора филологических наук, иракского писателя, критика, переводчика Аднана Салима, показывал его гостям «Лермонтова» по видео. Сам Аднан, его дочь и один из друзей смотрели фильм повторно. Все говорили о фильме как о явлении в духовной жизни народа. Аднан и его друзья вызвались представлять фильм в кинотеатре «Россия». Итого – 62 деятеля культуры и науки в графике представления фильма «Лермонтов». По невидимым проводам уже вчера вечером разнеслось, что «Бурляев в Союзе писателей ударил по Союзу кинематографистов». Это сообщил мне друг Аднана.

27 апреля. Еду по приглашению ленинградцев на три дня воевать за «Лермонтова». По пути на вокзал проехал мимо памятника М.Ю., стоящего во тьме, сделал равнение на него и посигналил: мол, еду на очередной бой «за дело общее» наше. Организм утомлен зимой и борьбой за картину. Несколько похудел, и на душе последние два дня неспокойно. Правда, едва сел в поезд, тонус выровнялся в предощущении дороги и новых схваток. Дорога и бой – моя стихия.

Ещё не знаешь ты, кто я,
Утешься, нет, не мирной доле,
Но битвам, Родине и воле
Обречена судьба моя.

28 апреля. На вокзале Ленинграда меня встретили два немолодых человека и отвезли в приморский район, в мастерскую художника С.Ф. Бобкова и его жены Светланы Викторовны. Вечером в кинотеатре «Молодежный» подле Невского проспекта состоялся показ и обсуждение «Лермонтова». И снова фильм стал поводом для патриотических разговоров о борьбе за русскую культуру. Я говорил об идеале, о человеческой гармонии, об осторожности в этой борьбе. Нельзя играть на руку тем, кто хочет стравить два лагеря. Встреча длилась почти пять часов. Выдающийся историк искусства и критик Марк Николаевич Любомудров предложил выдвинуть «Лермонтова» на Государственную премию.

29 апреля. Наутро в горком явилась некая черноголовая дама и в резких тонах, с обвинениями в «анти...» заявила протест против вчерашнего показа. Директор ДК «Выборгский» перепугался и опечатал свой зал, сорвав моё завтрашнее выступление. Его перенесли в ДК «Первое мая». Вечером я был гостем Марка Николаевича и провёл интересные часы с ним, его друзьями и девяностолетним отцом, который, прощаясь, пожелал мне удачи.

30 апреля. Утром позвонил Марк Николаевич и поинтересовался прессой по «Лермонтову». Я по памяти назвал ему все газеты «за» и «против». Он хочет вставить материал о фильме в свою статью в «Нашем современнике». Узнав обо всём пресс-сионе, сказал, что моя картина сделала важнейшее дело, выявив наглядно суть нашей прессы. Сказал, что и он, и я – своеобразные «камикадзе», первопроходцы, ставящие на себе социальный эксперимент – жестокий, но полезный для окружающих.

«Искусство есть водворение в душу стройности и порядка, а не смущенья и расстройства...» «Искусство должно выставить нам на вид все доблестные народные наши качества и свойства, не выключая даже и тех, которые, не имея простора свободно развиться, не всеми замечены и оценены так верно, чтобы каждый почувствовал их в себе самом и загорелся бы желанием развить и взлелеять в себе самом то, что им заброшено и позабыто...» – Н.В. Гоголь.

30 апреля. Трижды по радио Ленинграда прозвучала информация о моих авторских вечерах: «В эти дни в Ленинграде проходят творческие вечера заслуженного артиста РСФСР, лауреата премии Ленинского комсомола, кинорежиссёра Николая Бурляева. Актёрский дебют Николая Бурляева состоялся около 30 лет назад в фильме Андрея Тарковского «Иваново детство», получившего мировое признание. С тех пор Николай Бурляев снялся почти в 50 фильмах: «Андрей Рублёв», «Игрок», «Мама вышла замуж»», «Отпуск в сентябре», «Пошехонская старина», «Маленькие трагедии», «Военно-полевой роман». Вчера в кинотеатре «Молодежный» с большим успехом прошёл творческий вечер Николая Бурляева, на котором демонстрировались его режиссёрские ра-

боты «Выбор» и «Круг», а также новый художественным фильм «Лермонтов», в котором Николай Бурляев выступил как автор сценария, режиссёр и исполнитель главной роли. Новая работа «Мосфильма» была горячо встречена зрителями. Сегодня авторский вечер Николая Бурляева состоится в ДК «Первое мая».

Но и это не всё: около 14 часов в мастерскую ворвались телевизионщики из «Телекурьера» и взяли у меня интервью. Попив чай, испарились, пообещав, что через четыре часа всё это будет в эфире, а я остался с надеждой на чудо, ибо говорил всё открытым текстом: о травле Секретариатом СК патриотического фильма «Лермонтов» и киномастеров, несущих духовные ценности народу, – Бондарчука, Кулиджанова, Чухрая... Назвал имена участников «судилища» над «Лермонтовым» – Плахова, Демина, Соловьёва. Привёл цитату из книги «замечательного ленинградца М.Н. Любомудрова».

Но «чуда» не произошло. В 19 часов в эфир вышла программа «Ленинград», где мне действительно уделили минуту, показав всю виртуозность тайных ножниц, обкорнавших мою речь словно на уроке кройки, оставив лишь безобидные слова: «с этим фильмом трудно бороться: он – патриотический, он о наших корнях...» «Можем ли мы похвастаться, что у нас есть русское кино...» Но спасибо и на этом.

В ДК «Первое мая» зал был неполным, зато там были легендарный врач-академик Ф.Г. Углов, профессор Пушкинского дома, изгнанный оттуда захватчиками науки, А.З. Романенко, Любомудровы – отец и сын... Обсуждение было горячим и единодушным.

1–4 мая. На даче пришёл в состояние боевой готовности к своему творческому вечеру в Доме союзов. Сестра Людмила, ответственная за распределение пригласительных билетов, рассказала, что каждый просит по 10–20 билетов.

Поначалу я отнесся к этому вечеру как к очередному: «Ну почему не дать ещё один...» – однако многие деятели культуры, заслуживающие истинного уважения, хотят быть там. Я впервые осознал простую мысль, захватывающую дух, – на меня смотрят с надеждой как на одного из лидеров, борцов за русскую культуру.

Позвонил Коля Караченцов после просмотра «Лермонтова», но не застал меня. Я позвонил ему – тоже не застал. Говорил с его женой, услышал много добрых слов о фильме. В «Ленкоме» распространяется сплетня будто «фильм плохой».

4 мая. В Октябрьском зале Колонного зала Дома союзов, – бывшем Благородном собрании, где Лермонтов читал свои новогодние эпиграммы в костюме астролога, – состоялся мой творческий вечер. В Доме союзов собрались крупнейшие учёные и писатели, поэты и литературоведы, журналисты, сотрудника Генштаба и кремлёвской охраны. Присутствовали те, кто противостоял повороту северных рек, – профессора Николаев, Искаков, Брюсова, Бестужев-Лада и многие другие. Был П. Проскурин, подаривший мне свою книгу с доброй надписью.

Конечно, нужно было ответственнее отнестись к построению вечера: не давать полностью «Мальчика и голубя», не читать всего «Ивана Вольнова», не представляться поэтом. Меньше говорить «я» и даже «мы», но – «дело», «коллектив».

Получил критический разбор вечера своими друзьями. Полностью согласен с ними.

Выводы – наступило качественно новое состояние, нужно пересматривать и перестраивать стиль поведения, мышления, публичных выступлениий. Пора кончать с элементами актёрской саморекламы и самолюбования: «Я – в искусстве». После «Лермонтова» люди поверили в меня – нужно оправдывать их доверие.

8 мая. Еду с В.В. Кожиновым в Краснодар. Много говорили о всякой всячине нашего общественного бытия. Он дал мне почитать свою статью для книги о Юрии Селезнёве и предложил написать о нём воспоминания.

Напишу о том, как прочитал книгу Юрия Селезнёва «Достоевский», как мой приятель позвонил ему и сказал, что нам с ним нужно непременно познакомиться. В рождественскую мочь 1984 года этот же приятель привёз меня к Селезнёву. Юрий уже ждал нас, махал в окно рукой. Распахнул перед нами дверь, не дожидаясь звонка. Сильный, красивый, похожий на русского витязя. На пороге я сказал ему: «Именно таким я вас и представлял». Мгно-

венно сблизились. За ужином много говорили. Юрий высказал мысль о явлении Христа в Иерусалим как о светлом луче, направленном в самое пекло, сравнил с облучением раковой опухоли. Я захватил сценарий «Лермонтова».

Встреча вторая. Я спросил разрешения у Юрия приехать к нему с моим близким другом. Он замялся, но, получив заверения в надёжности моего друга, разрешил. Я же ввалился в его дом ещё и со своей собакой, чем ошарашил хозяина. Но через несколько минут он, оценив такт моего Чудика, расположился и к нему, и к моему другу: сменил гнев на милость, скованность – на душевную беседу. Выслушав Юрия, я сказал ему: «К вам нужно приставлять охрану...» А мой друг высказался ещё прямее: «Как вас ещё не убили?» Юрий печально улыбнулся и сказал: «Ведь кто-то же должен. Люди прочтут и смекнут – значит, можно, дай-ка и я скажу, чем я хуже... Разве мы не у себя дома, не в России?»

11 мая. Слушали с Иваном Рахманинова в исполненнии Русского народного оркестра «Баян» под управлением А.И. Полетаева. Открывал композитора заново. Хочу, чтобы его «Вокализ» играли на моих похоронах. Под эту музыку и жить хорошо на Руси, и помирать веселее: в ней вера в Россию и бессмертие духа. После концерта в зале осталось человек 15, близких людей, и Анатолий Иванович ответил на вопросы корреспондента Юрия Сергеева о рок-нашествии, о сути подлинной музыки и рок-бизнеса. Подлинное возвышает душу, причащает её к истокам народа, становясь противоядием «поп-бескультурья». Рок, брейк и прочая бесовщина – не музыка, но бизнес, движение, отупление, раскрепощение низменных инстинктов, вседозволенности, наркотический дурман. Учёные доказали, что вечер в рок-дискотеке или концерте равносилен пол-литру водки, и последствия такого рок-вечера равнозначны пьянке – несколько дней нужно очищать организм.

13 мая. Состоялась закупочная комиссия Совэкспортфильма. В малом зале гостиницы «Салют» собрались представители 14 соцстран. Я показал рекламный «Фильм о фильме», произнёс десятиминутную речь, после которой сотрудник Совэкспортфильма, не смотревший «Лермонтова», сказал, что гарантирует 50 процентов

закупки. В холле с афишами советских картин «Лермонтова» нет и в помине. Я попросил приклеить хотя бы рекламную листовку.

14 мая. Посетил спектакль Центрального детского театра «Крестики-нолики». Автору пьески, Александру Мойшевичу Червинскому, сидевшему через пару рядов за мной, я вечер явно подпортил. Я сидел в первом ряду и записывал антидуховные, антидетские, аморальные высказывания «червинских персонажей» – выродков его озлобленного сознания. Актёры «стреляли» в меня со сцены глазами. Я решил покинуть зал, не дожидаясь выхода актёров на поклон. Прошёл в боковую дверь – закрыто. Вернулся в зал, попробовал пройти сквозь ряды – тупик. Тогда я демонстративно пошел по проходу. Встретился глазами с Червинским – в них жалкая улыбка, издевка над моим «запертым» положением! На поклоны он вышел с серым лицом, но я уже выходил из зала. Спустя некоторое время актрису, пригласившую меня на спектакль, уволили из театра.

15мая. Совершил набег на театр Пушкина, посмотрел пасквиль Червинского на Лермонтова «Из пламя и света». Увиденное превзошло ожидания. Диверсия Червинского против гения России воплотилась в гипертрофированном виде. На роль Лермонтова выбрали маленького, шепелявого, патлатого, словно мальчик из ПТУ, артиста. В роли его антипода Мартынова выступил высокорослый красавец блондин. Довольно противный, вожделеющий по ходу пьесы, на каждую юбку Лермонтов непрестанно «доставал» красавца Мартынова и так надоел залу, что когда, наконец, красавец Мартынов его пристрелил, зал облегчённо вздохнул. На поклонах все цветы несли красавцу Мартынову, обходя монстра-героя. Школьники, заполнившие зал, рукоплескали «красавцу». Какого же Лермонтова они в тот вечер вынесли из этого зала в своём сознании? Не получилось у Червинского в кино – выпустил свой яд в театре.

20 мая. Внезапно, с 18 мая, кинотеатр «Россия» поставил на ремонт малый зал, где шёл «Лермонтов». Позвонил Площанскому, попросил подыскать другой кинотеатр. 18-го же в кинотеатре

«Звездный» открылся XIV кинофестиваль молодых кинематографистов «Мосфильма». Выставлена и моя картина.

Вчера был в гостях у профессора Ю.С. Николаева. Ему 82 года. Он вынужден был из-за гонений и наветов оставить руководство клиникой, где ныне он всего лишь консультант. Много говорили о его системе голодания, о нашей действительности, о «Лермонтове». Он восторгался картиной, моим умением фехтовать и обращаться с лошадьми: «Сколько же нужно было вам потрудиться, чтобы добиться этого?..» Слушали музыку из фильма, пили чай. Ю.С. рассказывал о том, что его отец был учеником Л.Н. Толстого.

В Политехническом прошла встреча поэтов и писателей с читателями: «О Москве, о Родине, о любви». В конце выпустили меня. Говорил правду, открыто, темпераментно: о Союзе кинематографистов, следящем за моими действиями, предостерегающем, советующем «не бороться, бросить режиссуру»... Из зала на сцену вышла женщина и рассказала о своём открытии фильма, о совпадении экранного образа с её представлением о Лермонтове, о своей статье, отправленной в «Московскую правду».

22 мая. Состоялась встреча в Управлении кинофикации. Зашёл к Грибановой и та, сказав, что «нам нужно до конца определиться», повела меня к Белявскому. Интуитивно я предугадал характер общения и прихватил с собой магнитофон. Белявский демагогично давил да «некассовость» фильма и на то, что они де сделали всё, что в их силах, что ни одной картине они не делали такого проката по Москве. Разговор шёл на повышенных тонах. Я парировал натиск Белявского и двух его помощниц. Сидящая справа чёрненькая мадам упорно толковала о том, что педагоги плохо отзываются о фильме, что люди его не принимают. Я стоял насмерть, не соглашаясь с их порочащими фильм доводами. Говорил о подрывной деятельности кинопрессы, о том, что в «России» фильм шёл с успехом, на что Белявский парировал цифрой: «43 процента загрузки зала».

23 мая. Был на вечере Мариса Лиепы, который записывался для TV в концертном зале гостиницы «Орлёнок». Зал шикарный. Я не смог дождаться конца и уехал, после того как Марис пред-

ставил меня, показав отрывок из «Лермонтова и рассказав кратко о картине.

24 мая. Узнал, что жюри Мосфильмовского кинофестиваля обошло своим вниманием «Лермонтова». Отнесся к этому с юмором. Значит, у них нашлись работы лучше по режиссёрской, актёрской, операторской, композиторской, художественной части. С чем я их и поздравляю.

26 мая. Круговерть с подготовкой к отлёту в Южную Америку: полдня провёл в Совэкспортфильме. Увидел видеокассету «Лермонтова» с английскими титрами, которую мне записали для поездки. Раз пять заходил к Огневу, оформлял бумажки для изготовления визиток, ездил их литовать, потом в типографию Министерства культуры и снова в Совэкспортфильм. На сей день «Лермонтова» купили Корея, Вьетнам, Польша (TV) и ФРГ. Итого – 800 000 зрителей.

Встретился с Войтовичем, рассказал о прокате фильма. Он искренне поразился моей активности, узнав о двух месяцах показа в «России» и о 45 выступивших перед фильмом деятелях культуры.

26 мая. Вылет в Южную Америку отложили на два дня. Получил паспорт, визитные карточки. Перечитал свой перуанский дневник 1984 года, поднимая со дна памяти приятные воспоминания. Захотелось вновь увидеть старых знакомых, поездить по Лиме вдоль океана, поесть океанских «марискос», выпить кофе-капуцин. В Москве отвратительная погода: дождь, холодно – осень.

2 июля. С 28 мая по 17 июня путешествовал по Южной Америке.

Показали по ЦТ «Чаепитие в ЦДЛ». К удивлению, моё выступление дали почти полностью, сократив лишь чтение поэмы и «критику критиков». Остались и моё обвинение секретарей СК в приверженности к алкоголю, и рассказ о «первой бутылке с Высоцким», и даже (о чудо!) был показан фрагмент из «Лермонтова», касающийся спаивания России. Начались звонки, поддерживаю-

щие моё выступление, пошли письма с благодарностью из разных городов страны. Доходят слухи, что меня хотят исключить из Союза. Бедные, смешные алкоголики! «Силы быстрого реагирования» из центральной прессы спустя 7 дней после передачи дали новый залп по мне и по «Лермонтову» и всё через ту же «Неделю». Демидова сказала мне по телефону:

– Врагов у вас после «Чаепития» стало ещё больше.

Вчера в ямских банях какой-то человек, увидя меня, спросил:

– Николай?!

– Да.

– Дайте вашу руку... Хочется поблагодарить вас за вашу позицию. Мы следим за всеми событиями.

3 июля. Ново-Дарьино. Отсиживаюсь, отдыхаю от боёв на даче. Собираюсь с силами, с мыслями для «Записок режиссёра», составляю план. Я должен высказать всё, что думаю об этой фантасмогории вокруг «Лермонтова» – открыто, без иносказаний. Напишу и об отсутствии русского кинематографа в нашей многонациональной кинематографии, и об экстремистской линии нашей киношпаны из СК. Статья эта должна стать поводом для серьёзных раздумий о путях нашей кинематографии.

6 июля. За два года о «Лермонтове» в советской печати появилась масса публикаций. Положительных рецензий – 38; отрицательных – 23. Поступают письма в Союз кинематографистов, в «Советский экран» и на мой адрес с откликами на фильм, на критику. В «Работнице» № 7 вышел материал в защиту «Лермонтова». Не скрою, что с удовольствием взял в руки номер, на обложке которого красивая фотография мальчика у берёзки с караваем хлеба в руках, и прочёл замечательное письмо-статью искусствоведа Елены Стрельниковой из Ферапонтова монастыря. Многих разозлит этот материал, взбесит этот очаровательный русский крепыш с караваем хлеба. Жива Россия! Жив «Лермонтов»! У «Работницы» тираж – 17 миллионов, а читают его – все 50!!! Номер ещё не появился на прилавках, а главному редактору уже был гневный звонок из ЦК: кажется, всё из того же «отдела агитации» – не хотят они «агитировать» за Русскую культуру! Война идёт на

всех участках фронта и, пожалуй, по всей стране, по всему миру. Не хотят нормальные люди жить под лживыми растлителями-паразитами, торгашами-христопродавцами и продавцами всего, что только возможно продать. Прошлой ночью начал разгораться в сознании «близнецовский» проект, – кажется, начну пробивать и пестовать этот сценарий.

Неожиданно на моём горизонте замаячила фигура Олега Чубайса, брата «рыжего могильщика России», вице-премьера Анатолия Чубайса. Олег, уже давно слинявший в Америку, предложил мне приехать в США почитать лекции в университетах, показать фильм. Он рьяно взялся за организацию моего визита, но спустя месяц сообщил:

– Вам не стоит приезжать в Америку. Вас и Валентина Распутина здесь считают лидерами Русской национальной идеи... Вас здесь плохо воспримут...

Не скрою, это известие было для меня весьма лестным.

7 июля. Сегодня начал писать письмо в ЦК (М.С. Горбачёву) о кампании-травли «Лермонтова». Написал 7 страниц от руки, а выразил лишь пятую часть задуманного.

11 июля. С 6 июля в Москве – Международный кинофестиваль. До вчерашнего дня я бездействовал, жил на даче, отдыхал-писал, а вчера выбрался на кинорынок и увидел: «Лермонтова» на нём нет.

Сегодня утром подъехал к «России», чтобы получить пропуск и начать действовать. И сразу встретил трёх человек, которых рад был увидеть. Сергей Фёдорович Бондарчук. Подошёл к нему, обнялись, поцеловались. Сказал ему:

– Я просто хотел вас обнять. У вас скоро будет внук... или внучка.

– Да ну?

– Да, уже 7 месяцев...

– Крепко ты разозлил этих... в Союзе... своим выступлением на чаепитии.

– Вы будете завтра на даче?

– Да, наверное...

– Мы, может быть, к вам заедем.

– Хорошо! Ну, ты – боец!

Подошёл Коля Губенко:

– Ну, как ты?

– Всё хорошо, – ответил я.

Прошелестел на «мерседесе» Никита Михалков. Я призывно посигналил, он оглянулся, я открыл дверцу – обменялись приветствиями, обнялись, поцеловались, как ни в чём не бывало. Спросил его:

– Ты долго в Москве пробудешь?

– Дня три.

Его уже обступали друзья – у Никиты сегодня в 11 часов премьера фильма «Очи чёрные». Один из них, писатель Беляев, подал мне руку: «А, Бурляев! Видел вашего «Лермонтова»...»

– Ты будешь завтра на даче? – спросил я Никиту.

– Да, наверное.

– Я позвоню.

Мимо торопились на просмотр Евтушенко в розовых штанах и желтой кожаной куртке с дамой с разрезом до бедер. Прошёл Саша Адабашьян, Иннокентий Смоктуновский. Какая-то девица с иностранцем и с разрезом почти до задницы. Все – в мятом, жёваном, клоунском... Последний писк моды.

12 июля. Ново-Дарьино, второй день в ангинозном состоянии. Вчера зашёл к зампредседу Совэкспортфильма Бегинину, попросил показать «Лермонтова» на кинорынке. Сказал, что я приеду с группой. Он полистал бумаги, мол, всё расписано, но надо попробовать, – и отправил меня к помощнице. Та тоже полистала свои «амбарные книги»... Наметили показ на вторник или среду, далее рынок пойдёт на убыль. Покрутился в холле с сиротским, нищенским ощущением: «Купите, не дорого отдам...»

Сегодня заехал к Никите на дачу. Он поджидал к обеду Де Ниро, и мы побеседовали минут 15–20. Никита говорил об Элеме Климове, о том, что тот садист: в Каннах сказал Никите, что он всё сделает, чтобы тот не получил приза.

– Он хочет, чтобы меня вообще не было. Говорит, что я профанирую Чехова на Западе... А когда дали приз Мастрояни, я сказал

Элему: «Ну что, не вышло?» Элем развел руками... Я говорил Элему, что мной может руководить лишь талантливый, добрый человек. «Ты – не добрый и не талантливый... Какое шоу ты устроил из Хатыни...»

Никита говорил о том, что хочет ставить Грибоедова и взять на главную роль западную звезду, ибо, «лишь цепляясь к этому локомотиву», можно вывезти российский кинематограф на мировой рынок. Говорил, что нас не знают на Западе, что он лично известен 30 тысячам кинокритиков и кинематографистов. А какой-то фильм увидело 5 миллиардов человек. Никита резко отзывался о плаховых, быковых, соловьёвых и прочих деятелях, обо всём, что они творят.

В конце нашей беседы он сказал:

– Тебе знаком этот человек?

К нам подходил Андрон. Обнялись, поцеловались. Никита ушёл купаться, а мы ещё минут двадцать говорили с Андроном. Я задал ему вопрос:

– Ты намерен и дальше работать там? Приезжай домой...

И выслушал его монолог о том, что здесь сейчас очень плохое для кинематографа время. Разгул экстремизма. Что он будет сюда приезжать. С удовольствием поставил бы здесь «Рахманинова»... Будет читать лекции, помогать, чем может, но...

– Там у меня баба, ребенок... Это прекрасно – путешествовать... Прекрасно, что ты можешь прилететь пообедать с другом в Лондоне. Я считаю себя русским, живущим сейчас не в своём имении...

Много негативного сказал он в адрес Элема и К^{0}. Я заметил, что скоро это кончится.

– Для вечности – скоро, для человеческой жизни – много...

Сказал, что у него там очень много работы, три проекта...

– Ты там работаешь в хороших условиях, на прекрасной технике... Захочешь ли ты после этого вернуться на наш уровень? – спросил я.

– Я готов снимать здесь на нашей камере, на нашей киноплёнке...

– Ты советский гражданин?

– Конечно. От нашего паспорта, даже если захочешь, не отделаешься до смерти. Даже если запустишь его в космос, он прилетит обратно.

– Что тебе известно о моём «Лермонтове»? Какие сплетни?

– Говорили, что фильм слабый, что ты там снял родственников...

Я немного обрисовал реальное положение дел.

– Нужно работать. Во что бы то ни стало. От нас останется только наше дело, а не статьи, переписка... Работай, бери любой сценарий и снимай. Мы вот с Андреем взяли плохой сценарий и переписали «Иваново детство»... Надо понять, что евреи действительно богоизбранный народ. Они умней?.. Богаче»... Духовнее?.. Не в этом дело. Они избраны были распять Иисуса. Избраны были покинуть землю, уйти в края обетованные... Я сейчас работаю с евреями и часто не доволен ими, но не с евреями нужно бороться, а за русского человека. Вайду и Занусси никто в Польше не спрашивает: Почему вы ставите в ФРГ? Почему не живёте в Польше? Бертолуччи вот поставил фильм в Китае... Это нормально. Все идёт к этому... – закончил Андрон.

Вечером мы с Натальей и Иваном приехали к Сергею Фёдоровичу и конечно же значительную часть времени говорили о наших делах. Сергей Фёдорович рассказал, как Паша Лебешев, дыша винным перегаром, сказал ему о моём выступлении на «чаепитии ЦДЛ»: «Зачем же Коля – так, о нас?.. Пойдём выпьем...»

Когда на замечание Натальи о моей позиции я отрезал: – «Я всюду буду говорить то, что думаю». – Сергей Фёдорович сказал: «И правильно».

Выпили чаю, Иван сыграл деду Листа, Шопена, красивую новую импровизацию на лермонтовский «Парус» и на заданную тему – «Соловьиное утро». Поиграл джаз. Под конец вечера я захотел поговорить с Сергеем Фёдоровичем наедине. Вышли в сад. Я сказал:

– Они у меня отняли год и четыре месяца. Я вынужден был обороняться. Теперь пора браться за дело. Вы читали мою повесть «Близнецы» и рекомендовали написать сценарий. Я написал его два года назад, давал читать в ваше Объединение. Но тогда и я был

в опале, и не была ясна участь вашего Объединения. Они месяца два мялись, и я забрал сценарий назад. Как вы относитесь...

– Конечно, они опять поднимут вой... «Семейственность»... Но я плевать хотел на них. Больше тебе нигде не дадут снимать. Ты делал картину у нас – ты имеешь право у нас работать. В худсовете у нас Нехорошев, Василий Иванович Соловьёв, Игорь Таланкин, Никита, Ирина. Я поговорю с Таланкиным. Правда, у нас уже план будущего года перегружен: не пять, а шесть единиц.

– Не важно – когда, главное – снимать.

Сергей Фёдорович сказал, что будет ставить для TV «Тихий Дон», что это «работа на 5–6 лет, до конца жизни».

– Как ты думаешь, играть мне отца Григория Мелихова?

– Это вы сами должны решить.

– Опять ведь будут кричать, что вот, мол, сам...

– Да пошли бы они на..! – ответил я.

Когда летел в Норвегию на премьеру «Годунова», он читал в «Московских новостях» статью, где написано, что вот, мол, Бондарчук и Бурляев были актёрами, но никакие они не режиссёры.

– Да, я тоже читал это: «о собачке, кусающей труп не ею убитого льва...»

– Первое желание было распахнуть дверцу и выброситься... – печально сказал Сергей Фёдорович. – А потом... Вот с этим я и приехал в Норвегию.

То, что Союз кинематографистов задел его и травит – это их ошибка. Здесь они обломают зубы. Им это не простится. Народ всё видит...

– Именно люди и помогли мне, поддержали: столько писем коллективных, столько подписей...

– Вам нужно смотреть на всё это с улыбкой... Быть выше этого... Ведь они ударили именно по тому, кто вскапывал в кинематографе глубокий пласт российской культуры.

Я рассказал ему о силе «сплетни», которой поддался и я. Ведь мне с детства наша киношная «элита» внушала: «Война и мир» – плохая картина, – это отвратило от фильма на долгие годы. И только теперь, увидя фильм по телевидению, я понял, какая это великая картина.

Прощаясь, я сказал Сергею Фёдоровичу и Ирине Константиновне:

– Может быть, в следующий раз мы приедем к вам вчетвером...

14 июля. Мотня весь день, с ангиной, до изнурения. Утром с парой больших афиш в рулоне и с четырьмя маленькими экспортными листовками «Лермонтова» приехал в комнаты Совэкспортфильма в гостинице «Россия». Оставил всё это у дежурной и поднялся на пятый этаж в номер Эдди Эллисона. Его не было, но мне открыли комнату, и я оставил ему листовку и приглашение на завтрашний просмотр «Лермонтова». Рванул в ЦМТ на кинорынок. Проверил наличие пропусков для моей группы на завтра. Через рекламных дам заказал листовки и вывешивание рекламы: дал им комплект фотографий. Повстречал Родо из Перу, Ростика из Венесуэлы, пригласил на просмотр. Геннадий Цареградский подтвердил, что приведет своих юго-восточных азиатов из Гонконга и прочих стран. Попросил главного редактора «Советского фильма», чтобы пособил с приглашением прессы. Утром мне позвонил Анжело ди Дженти, обещал привести итальянцев. Совэкспортфильмовцы обещали пригласить кого смогут.

Интересное общение получилось с В.Г. Глущенко, бывшим деканом иностранного факультета ВГИКа, ныне представителем Совэкспортфильма в Польше.

– Ты молодец. Я полностью поддерживаю твою позицию, не сдавайся. Пусть ты один, но ты выступаешь честно, когда другие боятся. Вот Стасик Ростоцкий – такой был вояка и сник. Можно по-разному относиться к твоей картине, но позиция твоя принципиальна. И правильно, что ты всю эту шентропу посылаешь куда подальше. Они действительно превратили Союз в бардак. Все курят в зале, давят окурки в креслах. Элем, пуская дым, говорит: «Пожарники просят меньше курить...» И нарочно дымит с издевкой...

Глущенко обещал поддержку. Простились до встречи в Польше.

В. Прокопенко сказал, что завтра в 8 часов утра вывесит афиши «Лермонтова» в «России» и приведет три афро-азиатские делегации. Представитель в Нигерии Андрей Лысов пообещал кого-

нибудь привезти, другой обещал греков. Посмотрим, что из всего этого получится. Созвонился с Галей Беляевой. Она будет завтра представлять фильм со мною вместе.

15 июля. Когда сильно ожидаешь чего-то, готовишься, получается совершенно иначе. Утром примчался в ЦМТ. В закутке художников на столе – готовая реклама «Лермонтова». Добавил мою афишу и, убедившись, что реклама висит, поехал переодеваться в белый костюм. Примчался ровно в 15 часов и сходу – на 19-й этаж в кинозал. Там один лишь Эдди Эллисон, и тот всего на час. Запустили картину. Эллисон после бессонных ночей кемарил в зале, но я не обижался, будил его только в определенные моменты. Кроме нас с ним были в десятиместном зальчике Галя Беляева, моя сестра да две молодые журналистки. Не досмотрев фильм, Эллисон вынужден был откланяться. Сказал, что ему очень понравилось, что запросит фильм на Неделю советских фильмов в Австралии. Будем надеяться. «Лермонтова» покупает уже пятая страна – Монголия.

16 июля. Из Пятигорска пришла телеграмма от кинофикации, что они не могут оплатить мне проезд и мои встречи 27–30 июля не состоятся. Позвонил начальнику пятигорской кинофикации Баклагову и, ссылаясь на свой разговор с А.П. Роспоповым, которому я обещал, что приеду в Пятигорск на Лермонтовские дни, сказал: раз они так бедны, я приеду за свой счёт – пусть готовят показ «Лермонтова». Не выразив восторга, он обещал.

17 июля. Отвёз на «Мосфильм» экземпляры сценария «Близнецов». Хочется думать, что с этого дня начнётся отсчёт нового фильма. Хотя тучи вокруг меня сгущаются.

20 июля. Вчера узнал, что в «Правде» дня три назад снова прошлись по мне в контексте выступления в ЦДЛ: мол, снял плохой фильм и свожу счёты с Союзом. А к ночи, листая перед сном «Огонек» № 29, наткнулся на новый погром «Лермонтова». У Инны Владимировны Макаровой, узнавшей в «Правде» и хорошо помнящей времена тотолитарных репрессий, заболело сердце. Наталья эту ночь не спала.

В который раз перечитал сборник лермонтовской поэзии. Перепечатал на машинке одиннадцать стихотворений, выбранных мною на основе сегодняшних моих умозаключений. Получилась своеобразная композиция. Намерен почитать её в домике Лермонтова и на пятигорском телевидении.

22 июля. В № 7 «Нашего современника» вышла статья М.Н. Любомудрова. Очень аргументированно, сильно и о самом главном. Названы своими именами и «каста кинокритиков», и травля «Лермонтова».

24 июля. Вчера заезжал в гости к Андрею Позняеву, где встретился с Еленой Стрельниковой, написавшей в «Работницу». Был и ещё один мой защитник, музыкант Сергей Новиков из Смоленска, автор статьи «Утаили от зрителя. Почему?» Он со своей женой, сынишкой и другом составили ансамбль «Живая вода», поют русские народные песни. Попели нам – красиво!

После публикации в «Работнице» главному редактору позвонила из отдела агитации и пропаганды ЦК инструктор Людмила Артемовна Лисовая и сделала выволочку: «Зачем опубликовали письмо? Зачем расхваливаете “Лермонтова”? Я же вас предупреждала...» и т.д. Потребовала переписать объяснительную записку, в которой редакция унизительно оправдывается: «может быть, не стоило хвалить...», добавить абзац, обеляющий Лисовую в глазах её начальника – заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК Склярова. Мол, товарищ Лисовая предостерегала нас, но мы напечатали...

Всё тот же Скляров вызывал в ЦК главных редакторов пяти журналов – «Нашего современника», «Москвы», «Молодой гвардии», «Работницы» – и предостерегал их от дальнейших публикаций в защиту «Лермонтова». Упрекал в шовинизме и т.д. Видать, и на Склярова давят сверху. Кто его вышестоящие начальники?.. Яковлев! Ах, как они хотят повывести русский дух из журналов, как вывели его из газет московских, пожелтевших и остервенившихся против всего русского. В «Вологодский комсомолец» приходит множество писем после публикации в нём статьи в защиту «Лермонтова». Пишут: «такое впечатление, что на улице среди

бела дня избивают ногами человека и не позволяют за него заступиться».

1 августа. С 27 по 30 июля был в Пятигорске. Три раза выступал перед показом «Лермонтова», читал стихи М.Ю. Сказал краткую речь на торжественном собрании в честь 75-летия музея, 27 июля, в день гибели Лермонтова. Поезд опоздал и я прибыл в музей, когда вечер уже начался. Меня провели в домик М.Ю., открыли его кабинет, предложили сесть в его кресло – побыть в одиночестве... Когда я с новым директором Лидией Ивановной Морозовой вышел из дверей домика, несколько человек из полутысячи собравшихся от неожиданности зааплодировали. Когда вечер закончился, ко мне ринулись десятки людей с книгами Лермонтова на подпись. Кто-то говорил мне: «Михаил Юрьевич, распишитесь», кто-то называл меня – «наш Лермонтов». Подписывая одну из книг, я сказал: «Видели бы это сейчас враги фильма...» 30 июля всё моё выступление перед домом Лермонтова полностью прозвучало по радио.

Созвонился с главным редактором телевидения, и он решил предоставить мне полчаса прямого эфира. Я спросил:

– С какой степенью откровенности можно выступать?

– С полной, – был ответ.

Мы с журналисткой Светланой просмотрели фрагменты, которые я привёз, отобрали необходимое, обговорили круг вопросов. Наше единение – идейное и духовное – было полным. Ровно в 17.25 в прохладной студии (на дворе плюс 40!) мы вышли в эфир. Показали фрагменты из «Лермонтова», поговорили о критике. Я назвал её кампанией травли кастой московских режиссёров и кинокритиков. Говорил о наметившейся опасной тенденции к жестокосердному кинематографу, о втягивании нас через TV на рельсы западной поп-культуры, о том, что у России – свой путь; о рок-наркотике, о его воздействии – ниже пояса.

На встрече в редакции «Кавказской здравницы» откровенно говорил с собравшимися. В редакции раскол, есть силы, протестовавшие против «Лермонтова» и встречи со мной, но они всё равно хотят напечатать материал в поддержку «Лермонтова». От

них поднялся к А.П. Роспопову. Он уходит на пенсию, обещал поговорить с редактором газеты, помочь с публикацией.

После этого меня свозили в родную Долину Нарзанов. Аллу Хаббасовну на турбазе не застал. Нас покормили. Испили нарзан из источника подле домика, в котором я жил два года назад. По старой памяти омылся по пояс в горной речке. Проехались до места, где я снимал «Валерикское сражение». Оно показалось мне таким маленьким. На экране всё выглядит гораздо эпичнее, объёмнее. Побродил немного по окрестностям, повспоминал... Погода начинала портиться. Поехали обратно в Пятигорск. Поездкой доволен, выполнена программа максимум: показал «Лермонтова» в нескольких залах, укрепил контакт с музеем, выступил по радио и телевидению, поговорил с прессой, встретился с первым секретарём горкома и тысячами зрителей.

В июльском номере журнала «Искусство кино» очередной залп неуёмного С. Рассадина по «Лермонтову». Он не в силах скрыть ярости своей «братии». Весьма красноречива его фраза обо мне и моём фильме: «И не предвидели! А нужно было предвидеть!..» В «Культуре» на одной полосе в двух статьях – два упоминания о «Лермонтове» и обо мне, вступившем в Общество трезвости.

3 августа. Мне стукнул 41 год.

14 августа. Магадан прислал номера «Магаданского комсомольца» с опубликованным 25 июля большим интервью со мною, в котором я вновь высказался о политике Союза кинематографистов. Получаю письма со всей страны, идущие ко мне домой, на «Мосфильм», в Союз кинематографистов. Приходят и анонимные, с угрозой и бранью за «чаепитие в ЦДЛ». Написал вчерне открытое письмо в «Советскую культуру», сейчас редактирую его. Ответил на письма в десятки городов.

25 августа. Ново-Дарьино. Наталья красиво донашивает нечто, что пока ещё сокрыто от нас, но скоро, даст Бог, заявит о себе во весь голос. Дал согласие на однодневный эпизод у Андрея Малюкова, оговорив три свободных дня в Будапеште, чтобы показать там «Лермонтова».

Кинофикация во главе с Белявским отказалась от проведения в «Повторном» встречи с нашей группой в День кино. Отказали и в переносе сеанса «Лермонтова» на вечер. Отказали вывесить наши фотостенды в фойе кинотеатра: это «испортит интерьер».

Отвез в Объединение своих «Близнецов» по третьему заходу. Вчера позвонил новому главному редактору В.И. Соловьёву. Он «Лермонтова» не видел, но сказал, что читал много прессы о нём и даже моё магаданское интервью, которое я приносил в Объединение. Одобрил эти публикации.

26 августа. В 21 час у Натальи начались схватки, за 40 минут домчал её до ВНИИЦа. Через каждые пять минут схватки повторялись, но ехала она спокойно, «по-деловому». В 22 часа сдал её «под расписку» в родильное отделение. Теперь, помолившись, буду ожидать.

27 августа 1987 года, в 2 часа 10 минут родилась Мария Николаевна Бурляева: 3900, 55 сантиметров. Моя дочь! За день исколесил пол-Москвы: купил детскую кроватку, немецкую коляску за 100 рублей, ванночку, пеленки-распашонки. В 21.30 мы с Игорем Мамсуровым прибыли во ВНИИЦ. В его отделении облачились в белые халаты и шапочки и проследовали через всё здание в послеродовое отделение. Медсестра-осетинка Татьяна восклицала: «Какая красивая девочка! Никогда не видела таких красивых девочек: розовенькая, чистенькая... Я утром сказала профессору Гатиной: «Пойдите, посмотрите». Она пошла, посмотрела и сказала: «Хорошенькая, глядя на неё, снова хочется рожать». Именно эта медсестра первой сообщила мне сегодня о рождении моей дочери. Ах, как красиво звучит: «рождение моей дочери»!

Прошли в палату Натальи. Через две минуты внесли мою дочь Машеньку. Глаза были широко открыты. Она мимировала личиком, то ли готовясь плакать, то ли выражая недоумение. Я начал с ней говорить. Она, услышав мой голос, мгновенно перевела с потолка взгляд на меня и внимательно, глубоко, изучающе стала слушать меня и вглядываться совершенно осмысленно; при этом совершенно успокоилась, словно ждала меня, будто узнала меня. Машенька переводила внимательный взгляд то на Наталью, то

на Игоря в зависимости от того, кто говорил; и снова смотрела в меня. Господи! Этому существу всего 12 часов. Ещё 12 часов тому назад она была в утробе матери и вот, пожалуйста, смотрит на нас маленькими глазёнками и, кажется, довольна началом своего земного существования. Игорь сказал, что она с сильным «полем» – будет сильной личностью.

Она мне понравилась сразу! Связь установилась мгновенно! Сколько беспокойных мыслей, тревог – всё позади. Началась новая жизнь. Дай тебе Бог, Мария Николаевна, красивую, полезную Отечеству жизнь.

Когда её отнесли на два шага от меня, готовясь к водворению на место, Машенька забеспокоилась, замимировала личиком, забегала глазами. Я снова вплыл в поле её зрения, и она успокоилась.

28 августа. Сегодня вытащил из почтового ящика ещё несколько писем. Одно из них от писателя, второе, самое хорошее, от заведующей отделом Музея-усадьбы Л.Н. Толстого «Ясная поляна» Ольги Юрьевны Сафоновой. Замечательное, глубокое, интеллигентное письмо.

10 сентября. Был у нового главного редактора Объединения В.И. Соловьёва. Говорили более часа: о «Лермонтове» и о прочих проблемах бытия. От «Близнецов» он не в восторге. Боится проповеди, не подкреплённой изобразительным рядом. Договорились, что я напишу к сценарию предуведомление. На экраны вышла «Юность Бемби». Состоялись две красивые премьеры. Скоро следует ожидать кинокритики. Ни о какой работе, конечно, нет и речи: всё – в Маше, дома – столпотворение.

В «Повторном» «Лермонтов» прошёл с заполнением зала на 70 процентов.

Пять выступлений в Калинине: два перед «Юностью Бемби», два – перед «Военно-полевым романом» и – перед «Лермонтовым». При такой загрузке успели даже прогуляться по городу, постоять над Волгой, омыться в её водах, зайти в храм XVI века, где я поставил три свечи за новоявленную душу – Марию Николаевну Бурляеву. Зажег огонёк перед иконой Казанской Божией

Матери, перед распятием и перед Николаем Чудотворцем. Жизнь в таком ритме – по мне. Отрадно вновь выходить на поле боя за «Лермонтова».

17 сентября. Посетил Останкино, более часа беседовал с автором-ведущей Меркуловой и её напарником о возможности поддержки «Лермонтова» на московском канале. Они просили найти высокоавторитетного человека, который сможет представить картину. Остановились на Ю.В. Бондареве, В.Г. Распутине, А.А. Тарковском, Ч. Айтматове. Сегодня же дозвонился на дачу Юрия Васильевича Бондарева. Представился. Говорили как сердечные друзья.

– Я давно знаю вас как прекрасного актёра, как режиссёра – пока нет.

– Я очень хочу вас увидеть, – сказал я.

– Позвоните мне в понедельник в 10–11 часов... Что там у вас с картиной? Хотя... я всё понимаю.

– У вас есть дома видеоустановка? – спросил я.

– Да.

– Тогда всё проще, фильм есть на кассете.

– Хорошо, дайте мне её, я посмотрю и тогда поговорим.

Я сказал ему об открытии памятника Сергию Радонежскому 20 сентября.

19 сентября. Это замечательный памятник я видел в мастерской Вячеслава Клыкова. Мало произведений монументального искусства сравнятся с ним по красоте, образности, по чистоте светлой, патриотической, возвышающей душу идеи. Старец в монашеском обличии, соединив на груди куполом руки, охранительно держит их над головой отрока Варфоломея. Яркий символ отеческой веры в грядущее России. Я смотрел на памятник с высоты второго этажа, издали, недолго, но и этого было достаточно, чтобы душа наполнилась ощущением Прекрасного. Я обнял и поцеловал Славу. А сегодня по программе «Время» какой-то новый комментатор заявил на всю страну, что «лидеры “Памяти”» хотят незаконно поставить памятник Сергию Радонежскому, обходя официальные ведомства. Враг внутренний неприми-

рим, беспощаден, оперативен, нагл. Какая подлость – заявить на всю Россию, на весь Союз, что это – «антиобщественная акция». Очернить чистое, бескорыстное, патриотическое общественное начинание – памятник достойнейшему мужу России, просветителю и вдохновителю победы на Куликовом поле, объединителю земли Русской. Впрочем, эти наглецы умеют быстро всё ставить с ног на голову, называть белое – чёрным, бить сходу по рукам, по голове, чтоб другим не повадно было. Однако они играют с огнем. Опасно бить по рукам, а тем более по голове просыпающегося великана.

19 сентября. Сегодня в «Московской правде» вышла статья поэтессы Тамары Пономаревой, в которой говорится о подвиге Сергия Радонежского и о памятнике Вячеслава Клыкова. В редакции буря. Памятник при транспортировке к месту установления «арестован» ГАИ на 20-м километре Ярославского шоссе. Придрались, кажется, к неисправности в электрике. Если раньше я ещё раздумывал «ехать не ехать» на открытие памятника, то теперь твердо решил – «поеду».

21 сентября. Вчера пришлось столкнуться с чудовищными фактами нашего бытия. К 15 часам мы с Т. Пономаревой спешили в Радонеж на открытие памятника.

При съезде вправо, на Городок, стоял кордон из милицейских машин. Сказали, что здесь нет проезда, направили дальше по шоссе. Там у очередного съезда с шоссе – снова кордон. Проехали. Далее проехали ещё сквозь 5–6 заслонов. Всюду спрашивали «Куда?» Советовали сидеть дома, не вмешиваться, говорили: «Дальше – все равно не пропустят». Встречая сопротивление, моя устремленность к цели возрастала. На последнем кордоне проверили и права, и удостоверение, записали данные моего членского билета Союза кинематографистов и фамилию Тамары. Сказали, что здесь не пропустят. Видя мою решимость, посоветовали ехать обратно до 59-го километра, там оставить машину и идти полтора километра пешком до Радонежа. Я не выдерживал унизительности происходящего, доказывал милиции неправоту подобных действий, показывал статью Тамары в «Московской правде».

На 59-м километре те же вопросы: «Куда?» «Зачем?» Я сказал:

– Кинорежиссёр с «Мосфильма»... Еду смотреть, что творится в моём Отечестве.

– Резонно, – ответил милицейский бас, – оставьте машину там и идите пешком.

Оставил... И пошли мы с Тамарой под дождём, по осенней грязи, через поля и леса, по тропам и оврагам, не зная куда... Шли по интуиции... Наконец вышли на дорогу. Справа, позади увидели милицейский кордон – заставу, перекрывшую съезд с Ярославского шоссе. Ну, ни дать, ни взять, как в кино про войну: пробираемся по оккупированной врагом территории. Вышли на дорогу и, не скрываясь, пошли к селу. Нас обгоняли чёрные «Волги» и милицейские машины. Подходя к Радонежу, что означает «Радость нежная», увидели новые цепи милиции. Капитан сказал, что дальше «пока нельзя, там официальные лица».

– Здорово, Коль! – сразлёту окликнул меня Савва Ямщиков, подлетевший с четырьмя друзьями. – Тебя что, не пускают? Я работник Фонда культуры...

Его пустили одного. Уходя, он сказал, что передаст там, чтобы меня пропустили. Пока ожидали – беседовали с симпатичными капитаном и майором. Я говорил, что всё происходящее – постыдно: не пускать людей почтить память великого сына Русской земли, что этому будет дана оценка историей. Я понимал, что они всего лишь исполнители, но не мог удержаться:

– Мы добирались сюда полями-лесами, едва не ползком... Унизительно. А если вам дадут команду стрелять?

Капитан говорил, что ему действительно стыдно, что раньше он читал о подобных исторических драмах, а теперь сам стал участником. Говорил, что их подняли по тревоге... Наконец он вызвался проводить нас к центру событий. За ним, как за каменной стеной, дошли до церкви. Там колыхалось тысячеголовое море. Перед церковью была насыпь, покрытая цветами, воздвигнутая на месте предполагаемой установки памятника. Здесь я увидел и Славу Клыкова – поцеловались. Меня окликнул Г.В. Мясников, проходящий мимо с Василием Ивановичем Беловым. Мы с Беловым впервые пожали друг другу руки.

– Я – Бурляев.

– Я узнал вас, – улыбнулся Василий Иванович.

Ко мне подходили, жали руку, благодарили за фильм. Дождь усилился... Кто-то укрывал меня зонтом. Человека четыре пригласили выступить на их предприятиях с показом фильма.

Когда слово взял первый оратор, погода мигом прояснилась, небо над нами обесстучилось, поголубело и солнце – яркое, летнее, светлым лучом пролилось на место, где должен был стоять памятник. Первый исполкомовец в мегафон, но как-то очень тихо сказал о том, что наш народ чтит память своих предков, что памятник будет открыт позже, поблагодарил всех пришедших почтить память Сергия. Это прозвучало насмешкой.

Затем Г.В. Мясников сказал, что вчера в Фонде культуры они беседовали с Вячеславом Клыковым – «талантливым скульптором», и тот понял, что в сложившейся ситуации открывать памятник нельзя. Но Фонд культуры поможет Клыкову завершить работу в хорошем материале, и памятник непременно откроют в мае – июне.

Когда Мясников шёл мимо меня, я задал ему вопрос: что будет с клеветой, прозвучавшей по программе «Время» и приписавшей Клыкова к «Памяти»? Ведь это надо опровергнуть. Он сказал, что согласен. Меня снимали «фотоохотники», что было мало приятно. Вдруг я вспомнил – эту церковь я снимал для «Лермонтова», когда мы выехали в последний день лета за пейзажами к сцене «Внук и дед». Всё завязано в единый узел. Обратно до машины меня подбросили на милицейском газике, и милиция наперебой брала автографы. Я покидал «Радость нежную» с тягостным чувством русского человека, живущего словно в гетто – в своём окупированном Отечестве. И вдруг стало совершенно очевидно, в чьих руках ныне вожжи правления.

С Бондаревым договорились, что я завезу к нему в Союз писателей РСФСР, передам кассету с фильмом. Когда я приехал, секретарша вызвала его из кабинета С.В. Михалкова. Вышел, улыбаясь, тепло пожали друг другу руки. Он сказал:

– Давайте... Идёт секретариат...

Я отдал ему пакет.

26 сентября. Утром позвонил Бондареву. Говорили около 30 минут: о литературе, кинематографе, критике, распаде искусства, о новых «секретарях кино», об Элеме, о жестокости... Он ещё не видел фильма, но видели жена и его близкие друзья – им понравилось. Поначалу он сказал, что не хочет лезть на телеэкран, показываться часто в отличие от любителей-писателей.

– Чехов, Толстой, Бунин... Представляете ли вы их на телевидении?

– Его тогда ещё не было, а ныне это – мощное оружие...

– Ублажающее мещанина, – сказал Бондарев.

– Московская программа не вся ублажает. Есть люди, противодействующие тенденции распада.

– Если у вашего режиссёра есть гениальные идеи, дабы не идти по проторенной дорожке, тогда... возможно.

– А какие критики вас критиковали?

Услышав набор имён: Рассадин, Кичин, Марченко и К^0, – я сказал:

– Тогда всё ясно. Это кампания.

Юрий Васильевич рекомендовал мне работать, «слушать только свой талант и не оглядываться ни на хвалу, ни на хулу». Советовал обратиться в Объединение В. Наумова. Говорил, что Феллини его любимый режиссёр (и здесь мы с ним солидарны), что скоро наш экран захлестнет «порно», в Польше, Чехословакии и в Венгрии это уже существует вовсю.

В «Спорте» первые три сеанса в среднем загрузились на 60 процентов.

Вчера картину представлял профессор Б.И. Искаков, сегодня по списку – Марис Лиепа. На афише, вывешенной на улице, возле надписи сценарий и постановка Николая Бурляева рядом от руки приписано: «И другие Бондарчуки».

Связался с кинотеатром, получил от контролёрши исчерпывающую информацию: «Вчера представлял лектор. Очень хорошо... После фильма люди стояли со слезами на глазах и не могли говорить, благодарили, писали в альбом для отзывов... Кланялись вам за такой фильм. Народу было можно сказать много... В соседнем зале, на «Ва-банк!» – 15 человек. А у вас около 50. Время неудобное, люди работают, а то было бы больше.

30 сентября. Выезд на дачу – глоток свежего воздуха, как живой воды в пустыне. Задыхаюсь в городе: негде приткнуться, разве что стул на кухне подле телевизора. О работе нет и речи. Внутри начинает подниматься беспокойство, которое может привести к отчаянию.

Окружающая жизнь, сдобренная идеологической порнографией, прущей из всех аудиовизуальных щелей, вгоняет то в ярость, то в транс. В № 9 «Молодой гвардии» в двух статьях пишут о «Лермонтове». Впрочем, вся критическая подборка (21 молодой писатель, критик, историк) сильна своей попыткой противодействия «культурной революции», а точнее – «культурной деградации». Позавчера принимал зампреда кинематографии Монголии. Возможно, пригласят с «Лермонтовым». В прошлое воскресенье по TV шла «Камила», в понедельник «Мама вышла замуж», в это воскресенье покажут вечер Мариса Лиепы с отрывком из «Лермонтова». На экранах Москвы идут разом 7 моих картин. Есть чему завидовать «кинематографистам».

Сегодня наконец удалось под лучами осеннего солнца продумать послесловие к «Близнецам» и напечатать его первый вариант.

4 октября. Напечатал второй вариант, неправильно заложив копирку. Следовательно, будет и третий вариант. Меркулова больна, значит, увидит «Лермонтова» не раньше 9–11 октября. Лермонтовская дата – 15 октября. Успеет ли сделать материал к дате? Забрезжила идея предложить одному из двух новых журналов публикацию «Дневника кинорежиссёра». Если идея понравится, можно начинать постепенно перепечатывать из дневников набело.

Хотя и обрезали изрядно всё, касающееся «Лермонтова», но всё же фраза Мариса Лиепы об «очень интересной картине» и небольшой фрагмент – «второе чаепитие императора» – были показаны по московскому телевидению.

5 октября. А сегодня совершенно неожиданно по той же московской программе после «Новостей» была показана полуторачасовая запись оркестра «Баян» и почти полностью дано моё интервью об оркестре, который из живого родника за два года превратился в мощную реку.

Итак, за неделю я четырежды «маячил на телеэкране» – факт малоприятный для тех, кто желал бы, чтобы я не существовал вовсе, кто объявил мне информационную войну и перекрыл все выходы в телеэфир, кто за интервью, взятое у меня, выгоняет с телевидения журналистов... И ещё радость: позвонили из Госкино, предложили в декабре поехать с «Лермонтовым» во Вьетнам представлять страну на Неделе советских фильмов. Обрадовался больше, чем поездке в Южную Америку: ведь это первый официальный выезд «Лермонтова» за границу, укрепление позиций картины, это первый мой выезд за границу в качестве режиссёра. Всё это дорогого стоит – дожил я и до этого.

К концу дня посетил издательство «Молодая гвардия» – место, объединяющее многих хороших людей. Видел там Ю. Лыкошина, Ю. Лощица, К. Раша... С А. Поздняковым и П. Гореловым беседовали в кабинете П. Алёшкина о картине и о моей рукописи с повестью, сценарием и стихами, которая уже у зама главного редактора.

6 октября. Настала пора листопада, а у меня пора душевного раздрыга. Ничего не могу и не хочу предпринимать. Ни на что не могу решиться: ни на постановку своих «Близнецов», ни на Рубцова, в котором мне не хватает подвига, жертвы во искупление грехов человеческих, высоты духа героя... Не могу ничего читать. Не знаю, к какой литературе протягивать руку, не могу решиться на написание «Дневника кинорежиссёра». Не хочу никого видеть, кроме своих детей и Натальи. Хочется одиночества: уйти в сонное забытьё, в покое подумать, выпустив мысль на свободу, – авось до чего-то додумаюсь... А может быть, и не надо торопиться определяться с темой новой постановки. Ждать год... два... три – сколько потребует созревание новой темы..? Даже если я останусь как режиссёр автором одного фильма – этим фильмом будет «Лермонтов». Мало ли этого?

Вчера Павел Горелов, литературовед из ИМЛИ, сказал, что поэзия требует всего человека полностью, что Возрождение обмануло нас образом всеобъемлющего гения Леонардо. Вспомнились слова покойного дяди Шуры, репрессированного вместе с Мандельштамом: «Стену нужно долбить в одном месте...»

А вдруг они правы? Горелов говорил, что Шукшин был хороший писатель, но он занимался не только этим, а литературе нужно отдаваться полностью. Так чему же должен отдаваться я? Только актёрству?.. Врёте! Никто за меня не создал бы «Лермонтова» таким, каким его создал я. А может быть, у другого, более опытного автора и режиссёра фильм стал бы лучше? Но это был бы уже не мой «Лермонтов».

На телевидении в Останкино до моих ушей донесли отголосок ходящей сплетни: «Он носится со своим “Лермонтовым...”» Да «ношусь» и буду «носиться». Готов «носиться» всю свою жизнь, ибо «Лермонтов» для меня – более чем фильм: это живая социальная, историческая, художественная, гражданская субстанция. Я не игрался в «Лермонтова», я жил им, сражался за него, а теперь сражаюсь вместе с ним, и армия моя увеличивается с каждым днём, с каждым показом. Он вербует по стране сторонников навсегда. Одна фраза «Магаданского комсомольца»: «В зал вошла разрозненная масса, вышел – монолит!» – оправдывает все мои страдания. Вот этого-то и боялись мои недруги.

Перед премьерой «Юности Бемби» в Центральном детском кинотеатре одна из зрительниц сказала мне:

– Я посмотрела «Лермонтова» двадцать семь раз.

9 октября. Поговорил с Юрием Васильевичем Бондаревым. Возвратившись позавчера с Дальнего Востока, больной, он успел посмотреть «Лермонтова». Фильм ему понравился. Он отметил нестандартный подход к теме и то, что фильм не тяжеловесен в повествовании об исторической личности. Ему понравился и сам герой.

– Вы талантливый человек! Плюйте на этих критиков с шестнадцатого этажа и работайте, делайте своё.

Понравилась ему и линия заговора против Лермонтова.

– Как прошёл фильм в прокате?

Я рассказал, что прокатчики делают все, чтобы провалить фильм.

– Только я не смогу говорить по телевидению отдельно о фильме. Если говорить о самом Лермонтове, а потом сказать о фильме – это дело другое...

– Мне очень дорого всё, что вы говорите. Вы очень поможете в данной ситуации, – сказал я Юрию Васильевичу.

– Не впадайте в рыдания по поводу критики... – ободрял меня Бондарев.

– Рыданий не было и нет.

– Вот и хорошо. Мне понравилось ваше интервью. Видно, что вы умеете мыслить, а значит, извините, царапать, писать....

Мы договорились, что ему позвонят с телевидения.

10 октября. Мой старый приятель Дмитрий Зенюк, работающий теперь на телевидении, снова и снова откладывает просмотр «Лермонтова» ввиду занятости. Позвонил Меркуловой, узнал, что вчера она говорила о своей идее главному редактору в присутствии Зенюка, тот сказал, что он «обеими руками за», но должен переговорить с зампредами. В их числе назвал имя Пряхина, недавно оболгавшего памятник Сергию Радонежскому в программе «Время». И лишь после этого Меркулова будет дозваниваться Ю.В. Бондареву.

– Какая же это гласность и демократия, – сказал я, – если снова нужно спрашивать разрешение на каждую тему...

Сегодня получил копию коллективного письма (30 подписей) из Новосибирска, направленную в адрес телевидения и на «Мосфильм» с просьбой о широком показе картины.

13 октября. Созвонился с Зенюком, чтобы узнать, может ли он поехать на просмотр. Дима ответил, что вчера у него умер друг и он должен заняться печальной процедурой проводов. Далее он сказал:

– Я вчера говорил с главным редактором. Там всё в порядке... он поддерживает...

Меркулова сказала, что её главный редактор до сих пор ничего ей не ответил и это удивляет её: ведь он обещал, что скажет ей о решении. Так или иначе, мы договорились, что завтра я привезу в Останкино фрагменты фильма, чтобы перегнать их на видео. Она сказала, что, если не получится записать Бондарева, фрагменты пойдут под закадровый голос. Дай-то бог!

15 октября. Накануне дня рождения Лермонтова продолжались бои за «Лермонтова»: быть или не быть ему на телеэкране. Вчера в 23 часа созвонился с Меркуловой, и она подтвердила, что главный редактор по-прежнему молчит, но просила, чтобы я привозил плёнку на телевидение к 11 часам утра. Перед сном я набросал текст для диктора о юбилее Лермонтова. В 11 утра прибыл в Останкино в редакцию «Добрый вечер, Москва!» Приняли хорошо. Работа кипела. Ритм суперэкспресс: разговоры на повышенных тонах, но не агрессивно. Меркулова познакомила меня с сегодняшним ведущим Андреем Георгиевичем Скрябиным. Он мне сходу:

– Мы знакомы уже лет тридцать. Я бывал у вас на улице Горького с Михаилом Талем.

– Мы будем сегодня давать материал о «Лермонтове» к его годовщине? – спросила Меркулова.

– На нас обрушится все сионистское лобби.

Тем самым он дал понять, что хоть и не видел фильма, но подоплёка травли ему ясна. Мы уединились в соседней комнате. Я дал ему прочесть мой текст о Лермонтове. Он сходу начал примеряться к тексту для подачи в эфир. Выбрал две стихотворные цитаты об осознанной жертве Лермонтова, одобрил мою фразу о преходящей клевете и вечной любви народа.

Спросил, чем я лично объясняю кампанию против фильма.

– Дело не только в личной зависти Соловьёва, Смирнова и компании критиков русофобов и гомосексуалистов... Не только в том, что Союз кинематографистов жестоко мстит Бондарчуку, а я близок к нему... И вовсе уж не в том, что в фильме моём участвуют мои родственники... И у Соловьёва и у Смирнова в каждом их фильме – их жёны... Дело в том, что я посмел затронуть запретную тему. Я намекнул в фильме, что к уходу из жизни Лермонтова и Пушкина причастен один и тот же круг лиц. И лица эти принадлежали к тайному «братству». Кроме того, я узнал от одного сотрудника КГБ, что один из моих «гонителей» сам является членом «братства» и что он находился в разработке компетентных органов до последнего времени. Но теперь тема тайных организаций становится всё менее злободневной для спецслужб. На днях по программе «Время» показывали интервью с гроссмей-

тером французской ложи, прилетевшим к нам открывать масонские ложи в Москве и Ленинграде. Недавно я читал в одной из книг о тайных «братствах» слова о том, что если имя и дело какой-нибудь человека будет им неугодно, они станут порочить и имя, и дело его задолго до того, как о нём узнают люди. Что собственно и происходит со мною и моим «Лермонтовым», который ещё толком и не вышел на экран.

Скрябин, передавая мои листки с текстом для перепечатки, сказал по телефону:

– Это для всемирно известного киноактёра и режиссёра Николая Бурляева.

– Для Бурляева, – ответили ему, – примем текст и на листках в клетку...

Меркулова при мне дала телефонное указание «Экспресс-камере», работающей по городу, отснять памятник и доску у Красных ворот.

Я остался ждать главного редактора, чтобы все мы окончательно выяснили, «быть или не быть» Лермонтову в эфире. Узнав, что главный в МГК КПСС, я был доволен, ибо появлялся шанс, что там эту идею поддержат.

В 18 часов позвонил Меркуловой «на выпуск», узнал, что информация пойдет.

В 19.30 началась программа «Добрый вечер, Москва!», и приблизительно в 20 часов ведущий заговорил о М.Ю. Лермонтове. Юный усач – ведущий «Экспресс-камеры», стоя у памятника, задал нескольким прохожим вопрос: «Когда родился Лермонтов?» Ни один не ответил. Он остановил ещё несколько человек, попросил прочитать что-нибудь из поэзии Лермонтова, и снова никто ничего не смог вспомнить. Далее ведущий сам прочитал четыре первых стиха из «Паруса», и действие перешло в студию, где Скрябин скороговоркой произнёс мой текст о преходящности клеветы и о вечности любви народной. Он прочитал: «Ещё не знаешь ты, кто я. / Утешься, нет не мирной доле, но битвам, / Родине и воле обречена судьба моя». Ведущий сообщил, что недавно вышел на экраны фильм «Лермонтов», и предложил вниманию зрителей фрагмент: вызов и дуэль с де Барантом.

Сюжет был сжатым, хлёстким как выстрел. Наутро, приехав в редакцию за плёнками, узнал от Скрябина, что уже были звонки: «Почему вы показываете картину, раскритикованную критиками? Это что, Бурляев проталкивает или Бондарчук?»

Выстрел «Лермонтова» снова прозвучал, его услышали и враги, и друзья: эту передачу смотрят около 45 миллионов до самого Урала.

3–12 ноября. С Галей Беляевой показывали наш фильм во Вьетнаме на Неделе советских фильмов. Поразительно, но даже там, за экватором, мы видели такую же, как в России, сердечную и внимательную реакцию заворожённых зрителей.

23 ноября. В кинотеатре «Спорт» загруженность зала в среднем на 50 процентов. Альбом заполнен десятками положительных отзывов и одним отрицательным. Отзывы замечательные: «Мы передаём фильм друг другу как святыню. Он – властитель дум. Студенты-строгановцы». В ноябре фильм идёт в кинотеатре «Темп» на Беговой. Представлял картину 21 ноября. Зал был заполнен наполовину, но собрались те, кто хотел увидеть фильм. Говорил откровенно, что шокировало главного администратора, в принципе хорошего парня.

Написал ответы на семь вопросов «Собеседника». Выразил своё негативное отношение к перестройке в кино, к усилению торгашеского духа в кинематографе. Носатенькая завотделом культуры выдохнула: «Смело!» Из чего я понял, что шанс на оглашение моей позиции невелик.

Прочитал новый выпад против «Лермонтова» в № 11 «Журналиста». В июле они ответили журналистке Н. Заславской, что не могут печатать её положительный отзыв, так как он не в профиле журнала. В то время они уже готовили выпад для ноябрьского номера.

25 ноября. Вчера во Дворце культуры Зеленограда состоялся вечер в честь 173-летия со дня рождения М.Ю. Лермонтова. Ехал как на праздник. Восьмисот-местный зал – полон. Ожидая выхода в тёмном закулисном пространстве, пережил удивительные мгновения. За светящимся экраном в центре сцены висел большой портрет Михаила Юрьевича. Поэт словно смотрел картину о себе самом. Несколько раз экранное изображение почти совмещалось с портретом – неповторимые мгновения в моей жизни. Вечер и приём были тёплыми. Начал с того, что попросил зал почтить память поэта, отдавшего жизнь за нашу духовную свободу, вставанием. Сокровенный миг уважения и благоговейной тишины сердца. Зазвучала музыка Бориса Петрова, я начал читать лермонтовские стихи: «По небу полуночи ангел летел...» «Когда б в покорности незнанья, / нас жить Создатель осудил, / Неисполнимые желанья Он в нашу душу б не вложил. / Он не позволил бы стремиться к тому, что не должно свершиться...»

Музыка звучала без остановок, человек на микшере был внимателен, чутко ловил атмосферу и давал нужный уровень звучания. Далее конечно же меня понесло, начал драконить гонителей «Лермонтова». Выступил местный кандидат филологических наук, который начал было критиковать фильм, но зал мгновенно, не соглашаясь с его мнением, сдул его со сцены.

26 ноября. Утром созвонился с А.Е. Суздолевым, заменившим Б.К. Войтовича в кресле начальника Главкинопроката. Рассказал ему о положении дел с «Лермонтовым», показал прессу. Он прочёл при мне статью «Утаили от зрителя. Почему?» Я попросил его на оставшиеся полгода проката пустить «Лермонтова» долговременно в одном из кинотеатров Москвы, главные администраторы которых согласны принять фильм. Он обещал переговорить с Управлением кинофикации. Жаловался на ухудшение положения проката на то, что показывать нечего: вымучивают старое и актив-

но внедряют американское. Вид у него был не бойцовский – долго на этом месте вряд ли протянет. Он сказал, что «Лермонтов» за 9 месяцев проката собрал 1 миллион 200 тысяч зрителей. Цифра в 50 тысяч за первый месяц проката, удивила их, ведь «Лермонтов» тиражирован всего в 500 обычных и 300 узкопленочных копий.

27 ноября. Сегодня три месяца моей дочери Машеньке. Она вовсю улыбается в ответ на смешные звуки, показывая, что с чувством юмора у неё всё в порядке. Сегодня дважды, по полчаса, её купал.

Кассирша из «Темпа» сказала, что посещаемость 50 процентов и что это ей не понятно, ибо «картина хорошая». Порой закрадывается сомнение, а нужно ли столько сил тратить на борьбу за «Лермонтова»? Не выглядит ли смешным мой постоянный военный дозор: оборона и натиск?

30 ноября. Зашёл с В.В. Лавровым в редакцию журнала «Москва». Он представил меня заведующему отделом прозы Юрию Михайловичу Медведеву, одному из лучших литературных критиков страны. Тот сразу же напомнил мне, что был на моей свадьбе и ему принадлежат строки: «Валяй Бурляй – владей Варлей». Он высоко оценил «Лермонтова», сказав, что эпизод «Валерик» принадлежит к шедеврам мирового кино. Я сказал ему, что давно порывался ответить моим критикам, и он предложил мне это сделать через их журнал.

1 декабря. Полдня посвятил подготовке к своему творческому вечеру в ДК «Метростроя». Составили В.В. Лавровым текст о вечере для «Досуга» и передали в редакцию. Заехали на завод «Манометр» к постоянным слушателям клуба книголюбов, встретились с рабочими одного из цехов: местные корреспонденты запечатлели это на фото. Заехали и к руководству районных книголюбов. Переговорили с корреспондентом «Добрый вечер, Москва!» Она предложила отснять вечер полностью.

2 декабря. Столкнулись в бассейне со Станиславом Куняевым – обещал прийти на мой вечер. Созвонился с Ю.В. Бондаревым. Он сказал, что постарается быть и высказаться о фильме. Марис

Лиепа тоже должен быть. Звонил главный редактор «Вологодского комсомольца». Он только что вернулся из обкома с пленума, где снова велась речь о «Лермонтове», и официальное отношение к их редакции сменилось с гнева на милость. Приглашают приехать в Вологду 17–22 мая 1988 года на первое празднование Дней славянской письменности и культуры.

3 декабря. Навестил больную А.А. Меркулову. Много говорили обо всём. Она предложила простой и от этого гениальный план показа «Лермонтова» по телевидению. Договорились к 40-летию смерти Н.К. Рериха сделать пятиминутный сюжет «О прекрасном» с чтением рериховских текстов.

6 декабря. Сегодня наша «опальная чета» четыре с половиной часа занимала телеэфир. Утром показали «Военно-полевой роман», вечером – «Солярис». Событие эпохальное: первый раз на телеэкране фильм нашего дорого Андрея Тарковского. Посмертное признание в масштабе всей страны. Долго же он ждал этого момента и не дождался при жизни. А я хочу немедленного выхода «Лермонтова» на телеэкран?! Смотрели мы «Солярис» всей семьёй: Наталья, я и наши дети – Ванечка и Машенька. А Андрея уже нет на свете. И теперь уже всем очевидно, что он был выдающийся режиссёр. Он искал гармонию, создавал бескомпромиссно-исповедальные фильмы, говорил о совести, о любви, о нравственности, о душе, о тайнах бытия. Честь ему и слава. А его нетерпимость и эгоцентризм сегодня не вспоминаются.

Встречался в Останкино с Т. Градовой, предложившей снять для TV мой творческий вечер 17 декабря. Поднялся в редакцию, хотя и чувствовал, что обнаруживать себя раньше времени на телевидении не надо. Поговорили. Между отделами Градовой и Меркуловой – конкуренция. Будь что будет.

8 декабря. Договорился с директором музея Востока снять живопись Рериха. Всю ночь не мог уснуть от вдохновенных мыслей по поводу предложенной мне Меркуловой программы «О прекрасном». Ради этого труда можно отложить всё остальное. Говорить 45 миллионам сограждан о том, в чём ныне дефицит: о кра-

соте, гармонии, свете... Подключить к этому операторов Романа Цурцумию, Олега Мартынова, Толю Заболотского, снять «Лад» В.И. Белова...

По выпавшему снегу еле добрался до аэропорта: шины лысые, машина еле ползла, угрожая остановиться. В Орджоникидзе встретил Шафар – ответственный секретарь Общества книголюбов – на чёрной «Волге» Союза писателей. Устроили в лучшую гостиницу. В 15 часов пошли на телевидение, записали беседу для «Новостей» и в 19.15 посмотрели её на экране. Сократили вдвое, удалив все острые места: по поводу натиска приспособленцев и масскультуры. И на том спасибо. Пригласили завтра записать стихи Лермонтова. Зашли с Шафаром в Общество книголюбов: тепло, уютно, милые женщины. Напоили чаем с мятой.

Напротив кинотеатр «Октябрь» на 1200 мест: на фасаде – огромная роскошная реклама «Лермонтова». Выпустили хорошие афиши для расклейки по городу. Информация о премьере вышла и в сегодняшней центральной газете «Социалистическая Осетия».

9 декабря. Итак, я в бывшем Владикавказе, в местах, помнящих опального М.Ю. Лермонтова. Окна моего номера выходят на Кавказский хребет, виден Казбек. Перед отелем протекает Терек. Сегодня утром записался на радио, потом на телевидении. Вечером в кинотеатре «Октябрь» представлял «Лермонтова», выразив благодарность осетинам Ирбеку Кантемирову, Бимболату Кумалагову и Косте Бутаеву за их вклад в создание фильма.

Выступил в переполненном тысячеместном зале училища МВД. Замечательная встреча!

10 декабря. Утром с почётным председателем Общества книголюбов Геннадием Измаиловичем Кусовым поехали на встречу с библиотекарями города. Именно ему я обязан тем, что мы с «Лермонтовым» – в Орджоникидзе. Он узнал о фильме от С.А. Бойко в московском домике М.Ю. Лермонтова, ринулся в кинотеатр «Россия», где тогда шёл фильм. Поговорил о фильме с профессором В.И. Кулешовым и решил пригласить меня с фильмом в Осетию. Он подарил мне свою новую книгу о Пушкине в Осетии.

После встречи меня повезли в горы. У Геннадия Ивановича там домик. Ехали в сплошном тумане, лишь на пять минут на

перевале он рассеялся и я увидел небо и горы. Дача находится рядом с «городом мёртвых», где возвышается фамильная башня Мамсуровых. Мясо для шашлыка для нас готовил шеф-повар – тоже Мамсуров. Хорошо поели, поговорили, попели под гитару... А в 19 часов – выступление в санатории «Осетия».

11 декабря. Последний день в Орджоникидзе. Утром выступил на обкомовском семинаре в Центральной библиотеке. В зале сидели министр культуры Осетии, писатели, актёры. Говорил, как никогда – наступательно, откровенно, называя фамилии и критикуя новую политику Союза кинематографистов СССР. После выступления ко мне подошла за автографом сотрудница библиотеки из отдела искусства. Сказала, что она «очень любит меня как художника, но слышать моё выступление ей было больно». Я поспорил с ней: мол, не могу быть другим, и вновь задумался: нужно ли воевать с конкретными лицами?

И днём и вечером были показы. Отвечая на вопросы, получил записку: «Ваш фильм критики и литературоведы разгромили как слабый и шовинистический. Как вы к этому относитесь?»

– А вы как относитесь? – спросил я.

После паузы некий мухомор, похожий на Мефистофеля, нервно выпалил:

– Я с этим абсолютно согласен. Ваш фильм шовинистический, он внушает вражду к иноземцам.

Всякое приходилось слышать на обсуждении, но такого... Я спокойно ответил:

– Если любовь к Отечеству вы считаете шовинизмом, мне вас жаль. Замечательные слова написал Николай Константинович Рерих: «Радость наша в том, что русский народ не шовинист... Он и беды переживёт, ибо высоко небо этого народа...»

После встречи ко мне за кулисы пришла интеллигентная дама, завотделом пропаганды и агитации Обкома КПСС и сердечно, эмоционально, робея от боязни сказать не так, как хочется, выразила свою благодарность за фильм и за встречу.

И хотя было всё для того, чтобы быть удовлетворённым, засыпал с ощущением осадка от вопля «Мефистофеля».

13 декабря. Благополучно возвратился в Москву, правда, еле завёл на буксире свою машину, брошенную во Внуково.

Родители с восторгом сообщили мне, что вчера вышел «Досуг в Москве» с фотографией из «Лермонтова» и анонсом предстоящего вечера в ДК «Метростроя». Они вновь окрылены: из Свердловска возвратился брат Борис и сообщил им, что меня и фильм повсюду хвалят, ждут... Рад за родителей. Дочь за эти пять дней подросла, сразу узнала, заулыбалась, закокетничала, загулила, делясь своими новостями. Чтение Рериховских текстов будем снимать 15-го. Уже заказана телекамера и туда, и на мой вечер.

15 декабря. Заехал к Боре Петрову за фонограммой музыки. Нашёл его в смятении. Он только начал выходить из полуторагодового пике. Читая тексты Рериха, он распрямлялся на глазах. Идея телепрограммы «О прекрасном» его зажгла.

16 декабря. Весь день мотался на машине по Москве, готовил завтрашний вечер. Достал копию «Лермонтова» на «Мосфильме», перебросил девять фотостендов из кинотеатра «Темп» в ДК «Метростроя». В кассу огромная очередь, человек шестьдесят. Кассир кричит:

– Товарищи, осталось всего шесть билетов, на балкон.

Я подошёл к ней и спросил:

– А мне оставили двадцать билетов?

– Конечно.

– А что, уже всё продано? – поинтересовался я.

– Да.

– Это меня радует. Тогда я возьму четырнадцать билетов, а остальные шесть – для зрителей.

Одна из женщин сказала:

– Вчера я уже видела фильм, а сегодня приехала опять...

Слышать это было приятно – художнику необходимо подтверждение небесполезности его труда. Чему я обязан этому вниманию? Рекламе в «Досуге»?.. Ведь в кинотеатрах залы заполняются лишь наполовину.

Меркуловой не удалось дать анонс о завтрашнем вечере. Сказала, что Рерих пойдёт 21-го.

Позвонил Володе Васильеву. Он только что прилетел из Италии. Попросил его посетить мой вечер и сказать что-то для телевидения. После того как я сообщил ему про гонения на меня и на фильм, он с готовностью согласился.

17 декабря. Утром, забросив Ивана в школу, заехал к родителям, на Горького. Завалился в постель, чтобы отдохнуть и внутренне собраться к выступлению. Мой Чудик, обычно такой тактичный, залаял на дверной замок. Я рассердился, удалил его в соседнюю комнату. Только задремал – он с грохотом ворвался, открыв дверь лбом. Я спросонья разозлился, вскочил, хотел наподдать по шерстяной пушистой заднице, но промазал и угодил ногой в дверь. Рерих прав: «Пусть каждая разрушительная злоба получит удар заслуженный». Я получил и удар, и урок. Лежу, прогоняю в уме фрагменты предстоящей встречи, намечаю план, вырабатываю тактику. Судя по всему, вечер продлится около 4 часов. Чудик прибежал мириться, видно, чувствует свою вину: потерся о кровать и лёг под рояль. Насколько же собаки добрее людей! Прости меня, Чудик, я не прав.

В 17.20 я заехал за В.В. Кожиновым и литературоведом Д. Ильиным, и мы поехали в ДК. Несмотря на то что до начала было ещё 45 минут, у входа толпился народ. Полная молодая особа, которую я частенько вижу на «встречах», сказала мне, что ходила на «Лермонтова» 49 раз, и если ей посчастливится попасть на вечер, то увидит фильм в 50-й раз. Большая группа зрителей прорвала кордон у входа и вломилась в здание. Ну, дела!

Приехали гости из Вологды. В. Катаев из Магадана подарил плакат, выпущенный у них к просмотру «Лермонтова», с цитатами из противоположных мнений: Марченко и В.В. Кожинов, Графов и Ю.В. Бондарев. Вверху плаката – направленные друг на друга два пистолета и в разрыве между ними дата – 27 июля 1987 года. Привёз он мне и несколько статей «за» и «против» фильма. Приехали телевизионщики.

Вечер начал В.В. Кожинов. После показа фрагментов настало время выходить на «лобное место» и мне. Зал был замечательный: внимательный, интеллигентный, доброжелательный. Неожидан-

но Е.И. Палагушина вынесла мне от киногруппы «Лермонтов» огромную корзину цветов.

В антракте я должен был давать интервью телевидению, но оператор «израсходовал всю плёнку», звукооператор не записал ни метра фонограммы: «испортился магнитофон»... Тамара Градова считает, что это не случайно. Тем не менее, вечер шёл полным ходом: зрители смотрели картину, аплодировали, кричали «Браво!» По окончании хлопали довольно долго, но я решил не выходить на сцену, ибо дело шло к ночи. И только поняв, что я больше не появлюсь, зрители начали расходиться.

Были и крикуны из обоих лагерей, и дебаты в фойе на грани дозволенного, и провокационные вопросы. Я читал все записки подряд. Отвечать на вопросы было легче, чем прежде, благодаря тому, что все эти темы уже целый год муссируются в прессе. Моральное удовлетворение от вечера есть. Картина живёт, интерес к ней всё более возрастает. В магаданской газете написали о «ВСЕСОЮЗНОЙ ДИСКУССИИ, РАЗВЁРНУТОЙ В НАШЕЙ ПРЕССЕ».

23 декабря. На протяжении последних дней до меня долетают положительные отзвуки от зрителей последнего вечера. Вместе с тем в газетах продолжается русофобская кампания. Некая «Лосото» в «Комсомольской правде» выразила опасение, что русские возомнят себя «передовой нацией». Её тревожит, что гибель Лермонтова и Есенина приписывается действиям внутренних врагов. С вами, «друзья», не соскучишься!

25 декабря. Вчера зарубили выход в эфир сюжета о Рерихе, придравшись к плохой операторской работе. Сегодня в «Неделе» шестой раз прошлись по «Лермонтову», вернее, по двум публикациям в «Магаданском комсомольце» и в журнале «Москва». «Силы быстрого реагирования» проявляют чудеса оперативности: журнал едва вышел, а уже готов ответ врага. И снова «Неделя» намекает на то, что все статьи в зашиту фильма написаны словно одним человеком, то есть – мною.

27 декабря. В который раз принялся писать свой ответ критикам, но на сей раз постараюсь довести дело до конца, благо и журнал есть, готовый её опубликовать. За день напечатал 8 страниц.

28 декабря. Продолжал работать над статьёй. Пишу наотмашь, зная, что снова вызову огонь на себя. Но это – война, она объявлена, она идёт. Стороны подняли забрала, обнажив лица. Давно я хотел сказать то, что думаю, – теперь скажу наверняка.

Ночь с 31 декабря 1987 года на 1 января 1988 года! Ново-Дарьино. С Новым годом! Готово уже почти 20 страниц статьи, но чувствую, что она потянет на все 30!

Новый год встречали семьёй: я, Наталья, Иван и Мария. Первый Новый год для моей дочери. Снимал на киноплёнку. До 5 утра хлебали телевизионное «поп-дерьмо»: сначала наше, потом зарубежное. Зараза пошлой эстрадной вакханалии безраздельно царствует в телеэфире.

1988 год

1 января 1988 г. Ново-Дарьино. Первый день нового года провёл в работе: завершил статью для журнала, почитал её Ивану, спросил: «Ну, как? Сравнивая с уровнем «Водного транспорта»?

– Выше! – коротко ответил мой сын.

Получилось 22 страницы. Кое-что ещё нужно будет доработать.

– Ну, ты дал этим критикам, – сказал Иван и, подумав немного, добавил: – не напечатают...

4 января. Сообщил в журнал о готовности статьи, но дописал ещё 6 страниц.

10 января. Ю.М. Медведев, прочитав статью, сказал, что она пойдёт у них в журнале, но кое-что нужно сократить, кое-что добавить.

Два дня назад получил первый номер «Советского экрана» со статьей ещё одного «нежного критика» В. Кичина «История с заго-

ворами». Беря в руки журнал, предчувствовал: что-то в нём должно быть. Листаю – и вдруг: «Кто позволил так распоясаться Бурляеву?» Сначала глазам не поверил... Прочитал дважды: первый раз – постигая мерзость данного сочинения, с некоторым душевным волнением; повторное прочтение – холодное, спокойное, аналитическое, с прицелом для залпа по уязвимым местам. А уязвимого в писанине этого «голубого» – хоть отбавляй. Додумался: спел аллилуйю масонству на страницах советского журнала.

Духовно компенсировался, прочитав в № 1 «Литературной газеты» замечательную статью В.Г. Распутина «Если по совести», где он пишет о том, что понятия «Родина», «патриот», «память», «история» всё больше сталкивают в шовинистическое русло. Это моральное подкрепление подоспело ко времени. Не откладывая, написал в статью вставки об этом и об отсутствии русского кинематографа, и о «масонстве Кичина». Коль ввязался в драку – иди вперёд и вперёд без страха. Осознаю, что сегодня многие смотрят на меня с надеждой.

14 января. Тревожные дни: оптимизм угасает. Даст бог – временно. В Доме кино состоялся «экологический вечер», организованный Р.А. Григорьевой. Впервые ощущал себя среди «домкиновской» публики «одиозной фигурой». Вечер был скучноват, речи защитников Байкала и Катуни не бойцовские, вялые, неумелые или чересчур нервные. Культура поведения на публике у «борцов за экологию» низка.

Из кранов в квартире уже неделю течёт мазутная вода: 2-й Часовой завод подлил нам в употребление 5 тонн мазута! Тревожно и пессимистично.

18 января. Читал статью сотруднику МГК, человеку спокойному, не плюсующему свои эмоции. Он сказал: «Очень сильная статья. Печатать надо всю, без сокращений». Прочитал речь Распутина. Молодец! Без страха и без иносказаний идёт вперёд.

«Силы быстрого реагирования» советской-антисоветской печати работают ошеломляюще дружно, быстро и нагло. Молниеносно реагируют на то, что требует их досмотра и клейма.

19 января. Позвонила женщина из Свердловска, прочитавшая статью Кичина в «Советском экране». Женщина хотела ободрить меня, сказала, что вся эта травля направлена на одну цель – выбить меня из колеи, затруднить мою дальнейшую работу.

Сказал ей, что я совершенно спокоен, «из колеи» меня выбить невозможно – корни глубокие. Женщина сказала, что напишет своё мнение в «Советский экран».

20 января. Сегодня, когда я приехал к родителям, они встретили меня громкими восклицаниями:

– Радость-то, какая! Ты сейчас упадёшь!

– Я ни от чего не упаду, говорите.

– Госкино и Союз кинематографистов посылают тебя с «Лермонтовым» на международный кинофестиваль в Стамбул!

Позвонил в Госкино. Там подтвердили:

– Мы посылали в Турцию кассеты с последними фильмами, они отобрали только «Лермонтова». Направляем в апреле две делегации по 7 дней. На открытие – Панфилов с Чуриковой, с «Темой». На закрытие: вы – с «Лермонтовым» и Тенгиз Абуладзе – с «Покоянием».

– Их картины тоже в конкурсе?

– Нет. На конкурс отобрали только «Лермонтова». Абуладзе едет на ретроспективу своих фильмов. Кроме того, будет ещё и ретроспектива Тарковского.

Вот так. Принял это известие так же спокойно, как и травлю. Хотя, конечно, такое известие приятнее.

– Что же ты не радуешься? – спросил меня отец.

– Самая большая радость была, когда фильм запустили и потом, когда его приняли в Госкино. Тогда я пережил в сознании все будущие возможные и «победы» и «поражения». А победил я уже тогда, когда мне «позволили» снимать этот фильм.

Верю и не верю в то, что свершится в апреле. Сильно не настраиваю себя, дабы не разочаровываться в случае отмены поездки. Но уже сам факт такого приглашения замечателен. Немного помечтаю... А если и впрямь поеду?.. А если ещё и с призом вернусь?.. А?!

21 января. Созвонился с «Нашим современником», узнал, что Юрий Тюрин уже сделал две страницы своего ответа на «кичинский мадригал масонству» и что журнал намерен это опубликовать. Зам. главного редактора сказал, что я продолжаю быть на линии огня, М.Н. Любомудров интересовался обо мне: мол, «как он»? Наталья настаивает на прекращении полемики с критиками и Союзом. Я пресекаю эти разговоры: не люблю, когда в мои дела вмешивается кто бы то ни было.

26 января. Позавчера В.В. Кожинов свёл меня с писателем Николаем Дорошенко, чтобы мы начали работать над «Рубцовым».

Сегодня узнал в Госкино, что турки прислали мне именное приглашение: «кому-то из турок так понравился ваш фильм...» Заехал в рекламный отдел Совэкспортфильма, заказал фотографии с негативов. Сказали, что рекламные листовки они уже отправили в Турцию. В прошлом году Гран-при на фестивале в Стамбуле получил наш фильм «Храни меня, мой талисман», поэтому вряд ли турки вновь присудят победу советскому фильму.

28 января. Завёз в Совэкспортфильм пять плакатов «Лермонтова» из моих «запасов». Заехал на «Мосфильм» за негативом рабочего момента для распечатки на автографы в Стамбул. Зашёл к куратору Турции в Совэкспортфильме Кумирову. Тот встретил не особенно радушно и на мои слова: «Мы едем в Стамбул...» ответил: «Это вы едете, а не мы...» К завтрашнему дню обещал выяснить по поводу копии фильма для Турции. Подтвердил, что в Стамбул уже отправлена сотня листовок «Лермонтова»... Машина работает, но всегда может дать обратный ход... Поэтому я не буду выпускать из вида деятельность моих «шефов».

Сегодня посмотрел фильм моего однокурсника Антона Васильева «Босиком по траве», названный его родственником Сергеем Соловьёвым «Бурляевщиной». Профессионально фильм слаб, но его идейная направленность и любовь к русской деревне заслуживают уважения. Фильм начинает цеплять за сердце лишь в последней трети. Союз кинематографистов и Госкино фильм встретили в штыки. Конечно, ко многому тут можно придраться: к драматургии, режиссуре, исполнителям... Но рядом с этой кар-

тиной я не поставлю безземельных киноэстетов-кочевников с их вымученным формотворчеством.

От сотрудников «Нашего современника» узнал, что В.Г. Распутин в Москве. Попросил их свести нас, дабы я мог показать Распутину «Лермонтова». Заехал к Славе Клыкову с той же просьбой, ведь они с Распутиным друзья. Памятник Сергию Радонежскому, кажется, принят Министерством культуры. Есть решение Совмина об установке.

31 января. Обзвонив справочные гостиниц, в которых, как мне сказали, обычно останавливается В.Г. Распутин, я выяснил, что он в «Москве», в № 418. Позвонил:

– Валентин Григорьевич?

– Да.

– Доброе утро.

– Доброе утро.

– Это режиссёр и актёр Николай Бурляев.

– Очень приятно.

– Я давно мечтаю показать вам мой фильм «Лермонтов». Я могу заказать зал на «Мосфильме» в любое удобное для вас время.

– Я сам давно хочу посмотреть картину, но, к сожалению, улетаю во вторник. В понедельник время расписано полностью.

– Понятно. Когда вы предполагаете снова быть в Москве?

– Пока не знаю.

– Если можно, я вам оставлю мой телефон...

– Конечно, я запишу его в свою книжку. Что вы сейчас делаете? – спросил Распутин после записи телефона.

– К сожалению, почти два года после окончания «Лермонтова» вынужден заниматься его опёкой. Был в Венесуэле, во Вьетнаме, в апреле еду с фильмом на Международный кинофестиваль в Стамбул... Надо бороться за фильм. В прессе до сих пор идёт травля.

– Да, да, я читал, знаю. Но можно бороться и новой работой.

– Да, согласен. Сейчас работаю над «Рубцовым». Мне очень многое хочется вам сказать. Я читаю все ваши публикации и благодарю вас за то, что вы делаете. Низкий вам поклон за это.

– Да, но ведь нас так мало.

– Неправда. Я много езжу по стране, вижу, какой отклик у людей, какая благодарность.

– Мало тех, кто делает что-то...

– Это верно. Но то, что делаете вы, пробуждает многих. Они читают, думают: «Раз он говорит, чем я хуже?»

– Дай-то бог! – вздохнул Распутин.

Я рассказал об экологических клубах «Бемби».

– Я не знал, – что Наталья ваша жена.

– Да, мы уже вместе 17 лет.

Завершая разговор, я сказал, что мог бы познакомиться с ним через наших общих добрых друзей – Славу Клыкова, Савву Ямщикова, Ренату Григорьеву, – через журнал, но решил позвонить сам.

– И правильно сделали.

2 февраля. Обзвонил Совэкспортфильм, Госфильмофонд, Фильмоэкспорт, копировальную фабрику... Выяснил – с негатива напечатана экспортная копия «Лермонтова» и отправлена на изготовление английских субтитров. Английский перевод сейчас в работе, по окончании которой текст поступит на проверку к «американцу» или «англичанину». Договорился, что возьму английский перевод для консультации со своим специалистом, а также непременно посмотрю готовую субтитрированную копию.

Сегодня, заглянув в редакцию журнала «Москва», увидел в конце коридора главного редактора Михаила Алексеева. Он надевал дублёнку, готовясь уходить. Путь его лежал мимо меня, и я поздоровался с ним, не заметив, с кем он идёт. Человек, идущий за ним, обратился ко мне:

– Вы – Бурляев?

– Да. – И я узнал, кто стоит около меня. – А вы Астафьев! – И мы крепко сцепились в рукопожатии. Я накрыл его руку своей ладонью: – Я очень рад вас видеть... Вы долго здесь будете?

– Долго!

– Я хочу показать вам «Лермонтова».

– Сейчас я ложусь в больницу, а когда выйду – увидимся.

Алексеев, улыбаясь, спросил меня:

– А вы читали у нас Бондаренко?

– Конечно, читал, спасибо. Я принёс для вас свою статью...

Уже отойдя, Виктор Петрович Астафьев обернулся и, подняв обе руки, пожелал мне всего доброго, а я – ему.

Кто-то из сотрудников меня спросил:

– А вы что же, впервые увиделись с Астафьевым?

– Да.

– Как он к вам бросился... Как к старому боевому товарищу.

6 февраля. У Толи Заболоцкого узнал, что Виктор Петрович будет у него в 10 часов утра, что он идёт в Малый театр на «Холопов» Гнедича.

Позвонил, подошёл Астафьев:

– Коля?

– Да. У вас есть лишний билет?

– Да, и не один.

– Я заеду за вами к Толе.

– Хорошо...

Пока ехали до Малого театра, Виктор Петрович, сидя на заднем сиденьи, просматривал толстый альбом с фотографиями из «Лермонтова». Говорил, пересыпая речь крепкими выражениями.

У памятника Островскому мы подождали двух дам. Первая – редактор Нина Ивановна, увидев меня, смутилась и с нескрываемой радостью спросила:

– Лермонтов?

– Лермонтов! – сказал Виктор Петрович.

Потом подошла Валя Малявина: неожиданная встреча спустя много лет. Валя несколько месяцев назад вернулась, отбыв более четырёх лет в заключении по обвинению в убийстве мужа. Посадили её безвинно.

Посмотрели хороший спектакль с Гоголевой в роли княгини Плавутиной, с Панковой, Марцевичем, Глушенко. Хорошая пьеса, классически выстроенная, с умными красивыми текстами, добротно декорированная, с роскошными костюмами. Редкое для нынешнего театра зрелище! Виктор Петрович и все мы были очень довольны. Заехали за Толей и поехали обедать к моим родителям. Отца я успел предупредить, что к нам едет Астафьев.

Виктор Петрович говорил, что Лермонтов его любимый поэт, что свою последнюю книгу он заканчивает стихами Лермонтова. Говорил о чудовищности современной драматургии, об исчезновении традиций, рассказывал истории из своей военной и писательской жизни. Если человечество погибнет, то напоследок оно жестоко изобьёт растлителей.

– Это бывало уже не раз в истории человечества. Высекут их и лет на 300 усмирят. – И добавил: – Они добьются того, что мы объединимся... Именно поэтому я вошёл в редакцию «Нашего современника»...

Виктор Петрович говорил, что ему очень понравился «Военно-полевой роман». Валя Малявина сказала, что, когда они с А. Тарковским были на Венецианском кинофестивале, Андрей надписал ей мою фотографию из фильма. А когда объявили, что «Иваново детство» получает «Золотого Льва», они по очереди целовали мою фотографию.

Просматривая альбом с критической прессой, Виктор Петрович поражался:

– Как же они умеют дружно работать...

Мой отец всю трапезу не сводил с Астафьева восторженного взгляда, а под конец не выдержал и вокликнул:

– Да неужели вы – у нас, здесь Проскурин!?

Виктор Петрович весело засмеялся.

7 февраля. Был в гостях у завкафедрой русской литературы XIX века МГУ профессора Василия Ивановича Кулешова, который подарил мне свою новую книгу о Пушкине. Он рассказал о своей вологодской размолвке с Астафьевым, о которой теперь сожалеет. Я предложил ему отправить Астафьеву свою книгу о Пушкине, и он при мне бросился исполнять эту «благую идею». В сердечном порыве написал на книге что-то, уединившись в другой комнате. Вошёл, смущаясь своего порыва, сказал:

– Может, и не надо было так писать!? – Прочёл вслух: – «Дорогому Виктору Астафьеву с искренней любовью и душевной привязанностью. **P.S.** Простите мне, дураку старому, стычку в Вологде – это недоразумение характеров. Я совсем другой, со-

всем русский из нерусских и крест несу с 1937 года. Сын рабочего, солдат войны. Но я ещё напишу свою книгу «Судный век», где будет правда, ещё не снившаяся нашей литературе. Не вру! Ваш Василий Кулешов (из рязанских мужичков)».

Прочитав, Василий Иванович всплеснул руками:

– Главное – не написал о Пушкине! – И приписал сбоку другими чернилами. – «На Пушкине подрались, на Пушкине и мир!»

8 февраля. Забрёл в Дом кино на один из фильмов французской недели. Наелся дерьма: выхолощенная, без привкуса искусства поделка. Обсасывание проблем, созданных буржуазной действительностью. Всё это грядёт в скором времени и у нас. А публика? Как на одесском привозе: сальные циничные рыла торгашей. Радуются, хлопают... И на входе стукачи с повязками. Совсем как при «застое». Квакающее похотливое болото.

9 февраля. Днём посмотрел ещё полтора дерьмовых «авторских» самоиспражнений французских коллег. Встретил Наталью из Бонна. Узнал, что в альманахе «День поэзии» за этот год есть стихотворение Олега Кочеткова, посвящённое мне. Свердловчане приглашают с фильмом к себе.

11 февраля. В 7.00 в Горьком меня встречали А. Маюров и два подполковника, устроили в гостинице «Ока». Бросил вещи, переоделся и поехал в военно-строительное училище. Командующий генерал-трезвенник вывел училище на высокий для армии духовный уровень. В райкоме партии дал интервью корреспондентке молодёжной газеты. Обессиленный дорогой, трёхчасовой спячкой в поезде и выступлениями, отдохнул 20 минут в гостинице и поехал на городской трезвеннический пленум, где сходу был усажен в центр президиума и выступил с речью. Господи, как для меня непривычны эти собрания, президиумы, трибуны, речи! Кажется, это моя первая речь на «пленуме». Задумался: а не организовать ли мне общество трезвости Союза кинематографистов?

Вечером выступил в кинотеатре перед показом «Рублёва». Все билеты проданы. Не отпускали долго – засыпали вопросами.

12 февраля. За день отмахал 500 километров до городка Красные Баки и обратно. Там выступил перед аудиторией единственного в СССР университета трезвеннических знаний. Замечательная аудитория, располагающая к полной откровенности. Ректор университета – замечательная женщина, третий секретарь горкома КПСС, бывшая учительница. Накормили вкуснейшими пельменями с грибами, пирогами и мочёной брусникой. Неожиданно пришлось выступать и перед сотрудницами ресторана, где мы обедали.

Вернувшись в Горький, выступил в ДК Речного флота. Зал был не полный. Думал выступить в полсилы – куда там. Увидя 3–4 лица, фыркающих на мои слова и иронично взирающих на меня, «закусил удила». Вопросы сыпались один за другим. Зрители выявили свою осведомлённость в газетной полемике о фильме. Парировать приходилось, не вкладывая шашки в ножны. Да, брат, «взялся за гуж, не говори, что не дюж». Сказал «А» – выудят из тебя и «Б»! Ухо надо держать востро.

В сегодняшней «Горьковской правде» очерк: «Встречи режиссёра».

13 февраля. Вручили сегодняшний номер газеты «Ленинская смена» с информацией о моей предстоящей встрече с клубом кинолюбителей «Время», где писалось: «И хотя гостей принято встречать хлебом-солью, хозяева предполагают, что разговор получится не очень-то мирный». Это «гостеприимное» предуведомление обещало мне нескучное проведение вечера.

Хорошо выступилось в Высшей школе МВД и ВПШ.

На встречу с клубом приехал за 40 минут до окончания фильма. А. Маюров, сидевший в зале с начала вечера, сказал мне, что председатель клуба во вступительном наставлении говорил о том, что ему известно настроение членов клуба, желание дать сегодня бой, что фильм осуждён всей критикой, что Бурляев ездит по городам, защищая свой фильм, что «вот он и к нам приехал». Председатель просил своих товарищей быть сдержанными, спокойными, чтобы в Москве о них не говорили как о босяках.

От начала фильма до моего входа в зал просмотр сопровождался смешками, хохотом, топаньем, фырканьем. Когда я во-

шёл в зал и сел на свободный стул, все разом примолкли. Лишь одна девица, предо мною сидящая, фыркнула на первые слова романса «На едине с тобою, брат», но её подруга движением руки разом её пресекла.

А потом грянул бой. Много залов видел я, но такого – никогда. Единодушная, сплоченная рать сионизированных бойцов. Подкованных, холодных, безжалостных, непоколебимых, пришедших пощупать Бурляева и, если удастся, потопить в своих словесных испражнениях. И ничего у них не получилось – я выстоял, спокойно парируя каждый вопрос и пожелав им на прощанье «мирной жизни». Ироничные девицы и юнцы провоцировали вопросами о масонских мотивах, об отчестве Мартынова, о символике герба, о травле фильма... Пытались выудить из меня моё объяснение причин этой кампании. Пробовали выяснить мои планы, мои вкусы и привязанности. Ни один их вопрос не мог застать меня врасплох. Полемический арсенал мой сформировался в процессе борьбы за фильм довольно основательно. Мне было интересно, упоительно в этом бою. Противники знали о своей непримиримости и улыбались друг другу. Первый раз за долгое время я остался полностью удовлетворённым от проведённого поединка. Но лица этих юнцов я запомню надолго – их холодные глаза. Подобные лица можно видеть в программе «Время», повествующей о бесчинствах сионистов на арабских территориях. Если бы у них в руках были автоматы и разрешение «на отстрел» – живым бы они меня не отпустили. Это организованная бригада потенциальных карателей.

Позднее я узнал от сотрудников КГБ, что у этого клуба прямые контакты с Израилем, что в этот вечер в их планы входило затащить меня в какую-то компанию и убить. Ретроспективно вспоминаю момент вечера, когда некая девица усиленно приглашала меня в какие-то гости, но какой-то человек в штатском плечом оттеснил меня от девицы и едва не под руки вывел из этого зала.

14 февраля. Утром мне дали газету со статьёй коктейль-корреспондента Светланы Тихомировой о моей вчерашней встрече. Автор констатировала: «Дискуссия была похожа на фехтовальный поединок, когда на одного нападают сразу несколько – со

всех сторон. Не могу оставаться спокойной, когда бьют толпой одного, даже если этот один не прав. И мне вдруг стал так понятен этот Лермонтов – остался только воин, один на белом поле экрана...

Парадоксальным образом победа зала на этом обсуждении обернулась поражением, потому что зал действовал по той же модели, что была показана в фильме – все против одного. И подтвердил право автора именно на такое решение темы...»

15 февраля. Совэкспортфильм напечатал на японской бумаге 20 экземпляров по три карточки для Стамбула, 50 ксерокопий с английскими текстами о фильме и авторе и 200 моих фотографий для автографов.

Условились с В.П. Астафьевым, что вечером он посмотрит фильм на квартире Лиепы, у которых есть видеоаппарат.

В 18.00 я позвонил Виктору Петровичу, он сказал, что заканчивает ужин: «приезжай». Толя Заболоцкий встретился мне у дома, сказал: «Виктор Петрович только что прилёг. У него отекли ноги. Дай ему поспать минут 20». Когда я переступил порог квартиры, Виктор Петрович выскочил из комнаты, на ходу поправляя подтяжки:

– Николай!? Ты!? Поехали!

– А может, ещё отдохнёте?

– Да нет, поехали. Я отдохнул.

Перед отъездом он подписал мне свой «Печальный детектив».

Получив ключ у соседей, мы вошли в квартиру Лиепы. В гостиной горел торшер, всё было готово к просмотру. Мы утонули в двух удобных креслах рядышком. Я подставил под ноги Виктору Петровичу табуретку, выключил по его просьбе торшер и... начался просмотр. За полтора часа показа Виктор Петрович нарушал молчание всего несколько раз:

– Это живопись Лермонтова?..

– Блистательная сцена! – воскликнул он после чтения «На смерть поэта», положив мне руку на плечо.

– Какое красивое лицо! (*О крупном плане Котэ – Кости Бутаева, на трапезе у князя Чавчавадзе*.)

Когда Лермонтов заиграл на скрипке, Виктор Петрович сказал:

– Я не знал, что он играл на скрипке. – Прекрасная музыка! Наконец-то, после всей нынешней ...

Закончился фильм. Пока я минуты две выключал аппаратуру и включал свет, Виктор Петрович молчал. Наконец он сказал:

– Теперь мне понятно, почему они тебя убивают... Мне фильм очень понравился. Хотя так нельзя говорить. Это по-дамски... «очень понравился». Фильм красивый... Прекрасная музыка...

У него своё представление о Лермонтове, но он вполне принимает моё видение.

– Ты сделал то, что хотел, просто и откровенно.

Он непременно будет защищать фильм в своих статьях.

Пришли хозяева: мать, Илзе и её молодой человек, скрипач. Мы встретили их как гостей. Ещё 10 минут поговорили. Виктор Петрович рассказал о том, что в августе, полгода назад, у него умерла дочь в 39 лет, и только-только его семья поднимается «из-под этой плиты».

Потом мы поужинали у моих родителей, побеседовали. Виктор Петрович сказал, что в его будущей экранизации «Кражи» есть роль для меня, вспомнил эпизод из своей военной жизни. В мой альбом он написал: (факсиме Астафьева)

«Первый фильм о Лермонтове! И сразу же, как и при жизни Лермонтова, явление поэта и страдальца вызывает скандал. Что это? Рок? Привычка бранить прекрасное? Зло обывателя, что на него не похоже, с ним «не сходится», но больно тревожит и ранит злом ослеплённое ожирелое нутро. Но обыватель приходит и уходит, а прекрасное остаётся. Лермонтова второй раз не убить! В. Астафьев, 15 февраля 1988 года».

Не удержавшись, я выразил свою надежду: «Если бы вы выступили в центральной печати...»

Я отвёз Виктора Петровича домой и, прощаясь, сказал:

– Мечты исполняются. Закончив картину, я задумал показать её вам, Белову и Распутину. Белов видел, вы тоже. Распутин обещал в следующий приезд.

– Валентин здесь будет 2 марта на пленуме Союза писателей.

Виктор Петрович пожелал мне стойкости:

– Они, действительно, добьются того, что мы объединимся. Он часто повторял, что «фильм красивый», что «и должно было быть красиво»; что «если бы я показал Лермонтова похотливым бабником, тискающим баб, это бы критику удовлетворило».

16 февраля. Фильмэкспорт вручил мне русский текст субтитров и их английский перевод. В Госкино сообщили, что Глеб и Инна не поедут, освобождаются два места. Я предложил отправить меня к открытию фестиваля, дабы я успел поработать на пользу дела. Будут делать запрос в Турцию.

18 февраля. Сегодня в ЦДЛ на пленуме писателей встретился с Олегом Кочетковым, который подарил мне альманах «День поэзии» со своим стихотворением, посвящённым мне.

Забрал статью в «Москве», отвёз её в «Наш современник» А.И. Казинцеву. Напомнил ему об обещании главного редактора выступить в защиту фильма. Казинцев, видевший фильм в «Зарядье», подтвердил, что напечатают мою статью, и тут же начал читать и править. Я со свойственной мне откровенностью попросил поместить её в майском номере. Но в майском они дают «реплику» Юрия Тюрина на кичинскую писанину, а вот в июньский номер может пойти моя.

Толстоведы из Ясной Поляны прислали мне свои компетентные замечания по вопросу «Толстой и масонство» для моего ответа Кичину. Пригодится.

22–23 февраля. С поэтом В. Краснопольским были в Гомеле на встрече со зрителями. В дороге читал информационный бюллетень Союза кинематографистов с новым выпадом против меня: «письмом зрителя, возмущенного моим выступлением в ЦДЛ».

От редакции: «Полностью разделяем возмущение автора письма... Факт сам по себе одиозный и, откровенно говоря, вопиющий». А дальше – «читатель»: «Многое возмущает в этом, безусловно талантливом актёре, и об этом не раз уже высказывались мнения в печати: и самонадеянная попытка режиссуры, и опора на семейные связи, и искажение образа великого русского поэта... Охаивать свой собственный Союз... Николай Бурля-

ев должен знать, что ему, Бурляеву, придётся держать ответ перед всеми людьми, которым дороги понятия «честь», «совесть», «порядочность»... Коложвари Наина Яковлевна (Новгород)».

Под ударом этой очередной стрелы провёл встречи в Гомеле. Казалось бы, уже пора привыкнуть не обращать внимания на покусывания, ан нет – поджимает сердечную мышцу. Замечательный образ создал В. Краснопольский: «Волчья стая, затравливающая кабана. Кабан, мощное животное, способное одним ударом уложить любого волчину, попав в окружение волчьей стаи, начинает терять силу. Волки стоят вокруг, гипнотизируя кабана беспощадными глазами, злобным рычанием и кусающими бросками. Кабан начинает нервничать, обороняя себя то от одного, то от другого выпада, подставляя бока волкам, выжидающим момента. Кабан слабеет, силы покидают его от нервного перенапряжения. Самый матёрый волчина, видя слабину и панику кабана, вцепляется ему в зад, тащит кабана, от страха сдавшего в весе, визжащего, как грудной поросёнок. Второй волчина вцепляется в глотку кабана, умерщвляя животное...» Господи! Как похожи методы волчьей стаи и стаи кинокритиков! Только меня им не одолеть. Я им не по зубам!

24 февраля. Вчера выступили в Севруге – близ Чернобыля, сегодня – в Добруге. Залы полупусты. Подготовились хозяева плохо. Следуя своим правилам, я и перед полузаполненными аудиториями работаю с полной отдачей.

25 февраля. Завершили турне по полупустым залам Гомеля. На встрече в ПТУ один из «негативов» выступил с гневной речью, мол, вы говорите о фильме только хорошее, а критика высказывается о нём плохо. Или вы один идёте в ногу, а все – не в ногу?

– Да, – отрезал я. – Они идут не в ногу, и я не согласен с их тенденциозной критикой.

Меня поддержал весь зал. «Негатив» дождался моего ухода со сцены и бросил в спину: «Да, маэстро! Удивили вы нас...» С осадком приехал на последнее выступление, которое прошло на удивление хорошо. В каждом зале я спрашивал: «Вы видели фильм?»

Из сотен зрителей на Гомельщине видели фильм четыре человека, двое из них в другом городе, случайно.

Ночью, трясясь в жарко натопленном вагоне, и перед сном, и во сне мечтал о Стамбуле. Грезил, как нас с Тенгизом Абуладзе телеинтервьюируют в аэропорту, как я поздравляю свою группу с победой и показываю им Гран-при. Пусть это только мечта, но сама возможность мечтать – прекрасна. Я даже не сплюну через плечо – будет что будет. Всё приму с благодарным сердцем.

28 февраля. Сегодня в Ново-Дарьинской церкви окрестили мою дочь Марию: крестные Вадим Бурлак и Алла.

4 марта. Вчера принял у Фильмоэкспорта копию для кинофестиваля в Стамбуле. Изображение изумительное – одна из лучших копий «Лермонтова». Краски проработаны до полутонов, до воздушности. Сотрудники удивились, когда я вручил им благодарственное письмо на бланке киногруппы – поздравление женщин с 8 Марта. Сказали, что я первый режиссёр, сделавший это, что это событие – очередной показатель доброты и т.д. Отдельное письмо с личной благодарностью я вручил переводчице.

5 марта. Сегодня в праздничном концерте для сотрудников бассейна «Чайка» выступали вместе с Никитой Михалковым. За 20 лет это, практически, третье наше общение. Говорил он, как обычно, с юмором. Прощаясь, снова отложили нашу встречу на полтора месяца – когда он вернётся из Иркутска, а я из Стамбула.

Долгожданный выезд со всей семьёй на дачу. Спим в одной комнате: я и двое моих детей – сладкие, улыбчивые создания. Приятно сознавать, что это – мои сын и дочь. Приятно проводить ночь в одной с ними комнате, поправлять соску младшей, непрестанно улыбающейся из коляски, и шутить со старшим.

6 марта. Журналист Александр Кобец неожиданно предложил – сделать интервью со мной для «Советской России». Он сам выбрал среди кинематографистов именно меня. Дело срочное: завтра утром он должен представить материал в газету, чтобы 8 марта это было напечатано. Он примчался ко мне в Ново-Дарьино. Часа три отвечал на его вопросы, после чего довёз до

станции, и он помчался в Москву, чтобы за ночь всё обработать. Договорились созвониться в 6 утра, чтобы он прочёл мне готовый материал. Мало веря в благополучное достижение цели, говорил, не считаясь со временем и, как обычно, откровенно. Поглядим, что из этого получится.

7 марта. А получилось вот что. Как и договорились, я позвонил Александру в 6 утра из автомата. Час, стоя на холоде, слушал и корректировал интервью. Оказалось, что во время нашего разговора батарейки сели и половину записи он восстанавливал по памяти. Ещё не всё он успел расшифровать. Условились, что в 10 часов он прочтёт мне остальное. Но я проспал и не застал его по условленному телефону. Я нервничал, не желая, чтобы материал выходил без моего ознакомления с окончательным вариантом. В 17 часов Александр по телефону сообщил, что интервью «зарубил» некий обозреватель «Советской культуры» по имени Юрий (может быть, Тюрин?), который хорошо меня знает, мы с ним общались два дня назад. Сказал, что интервью только вызовет третий шквал критического обстрела и повредит прежде всего Бурляеву, что он через пару дней позвонит мне и т.д. Может быть, всё к лучшему. Начерно закончил корректуру своей статьи. Осталось лишь перепечатать.

9 марта. Перепечатал статью, вставляя дополнения, на ходу усиливая звучание. Читал родителям, ошеломив их крутизной и аргументированностью. Наталье читать не стал, опасаясь перестраховки и торможения. Отец и мать полностью согласны – благословили на публикацию. Вновь понял, что самое трудное в творческой жизни – решиться и сделать шаг. Привыкаю к решительной поступи. Так было на «Ваньке-Каине», так воплощался «Лермонтов», так появилась статья в «Водном транспорте», так рождается и моя новая статья. Так будет всегда. Другим быть я не могу. Тогда это будет уже не Бурляев.

10 марта. Передал статью в «Наш современник», дописав в неё ещё что-то прямо в редакции, ибо сознание непрестанно продолжает доработку материала.

12 марта. Митя Золотухин ещё до чтения статьи высказал отрицательное отношение к самому факту продолжения газетной полемики. Прочитав, был уже не столь категоричен, хотя по-прежнему считал, что лучше «оставить последнее слово за критиками, промолчать» и делать своё дело, не становиться «борцом». Этой статьей я подписываю себе смертный приговор, они мне перекроют все дороги в будущем. Он бы смолчал. Я ответил, что не смолчу, это – мой путь, плевал я на эту шпану, и обязательно скажу своё «последнее слово», щелкну их по носу. Я не намерен глотать их отравленные пилюли.

15 марта. Родилась идея поставить к 1000-летию Крещения Руси сценическое действо «Евангелие от Марии».

19 марта. Вчера получил в Совэкспортфильме видеокассету «Лермонтова» с английскими субтитрами и бумагой-разрешением на вывоз кассеты и моих минифильмов «Выбор» и «Круг» в Стамбул. Через 24 дня, если ничего не случится, я должен вылететь в Турцию. Живу предвкушением этого события.

В №3 «Нашего современника» наткнулся на требование членов Добровольного общества трезвости ввести в центральный совет «академика Ф.Г. Углова, профессоров В. Жданова, Б. Искакова и кинорежиссёра Н. Бурляева».

Главный редактор «Мосфильма» Л.Н. Нехорошев сказал, что Сергей Соловьёв заявлял о своём желании ставить фильм о Лермонтове.

21 марта. Отмечали двухлетие окончания работы над «Лермонтовым». В 18 часов на двух машинах выехали ко мне на дачу А. Демидова, О. Мартынов, В. Юшин, Л. Тереховская, Е. Палагушина, С. Стручёв, М. Карпова.

Утром запасся съестным, набив полную коробку, но почти всё осталось. Налегли на картошку с ветчиной, к тортам почти не притронулись. Чаем поил самым лучшим: английским и китайским с мятой. Закусив, прочел им мою статью, вынеся на обсуждение. Олег и Юшин дали дельные советы. Нужно будет кое-что поправить и вести повествование от своего имени. Выйдя перед

чтением в сад, я любовался их чайной идиллией в окошко дома. Приятно было вновь видеть своих соратников. Им было хорошо друг с другом. Все говорили о том, что их новые группы уступают «Лермонтову»; что они впервые отмечают двухлетие фильма. С теплотой «бойцы вспоминали минувшие дни и битвы, где вместе рубились они».

1 апреля. Сегодня состоялась моя вторая встреча с архимандритом Тихоном, наместником Даниловского монастыря. Отужинали скромной, постной пищей и прошли в патриаршую гостиную к видеомагнитофону. Кроме наместника на просмотре присутствовали три монаха, сестра наместника с дочерью, регентша с сыном и ещё одна женщина. Обсуждение было горячим. Фильм взволновал всех, особенно молодых монахов, показавших отменное знание лермонтовской поэзии. Один из монахов сказал мне: «А я не знал, почему двое суток: «Одну молитву чудную твержу я наизусть...» Другой спросил: «А почему вы в “Тучках небесных” пропустили “...степью лазурною, цепью жемчужною?”» Третий говорил: «Какие красивые стихи: “Я матерь Божия, ныне с молитвою...”» Архимандрит Тихон зачитал пред всеми строки, написанные им в мой альбом: «Большое спасибо вам, Николай Петрович! Вы этим фильмом тронули наши сердца. Трагедия великой личности известна: пророк не приемлется в своём отечестве, своими современниками, но его величие не умаляется. Великое увидим на расстоянии времени, без него нет смысла жизни».

2 апреля. Киносатирики не унимаются, продолжают покусывать «Лермонтова». Сегодня по телевидению показывали похабнейшую «киноюморину» из Дома кино. Вначале и в конце вмонтировали кадры из «Лермонтова». Вначале – под танец Лермонтова с Соломирской подложили рок-ритмы, в конце – на проходе бабушки, матери отца и маленького Миши – сказали о «семейном подряде». В завершение дали титр: «Лермонтов, или родня».

13 апреля. Приближается день, которого я так давно ожидаю, которым живу последние два месяца, – день отлёта в Стамбул.

Вчера и сегодня в который раз корректировал и сокращал статью. Завтра должен отнести её в редакцию и последний раз выверить текст перед отправкой в типографию. Сегодня мне предложили показать картину В. Солоухину, который всё читал в прессе и хочет увидеть фильм. Я согласился. Послезавтра поеду к нему с видеокассетой.

Сегодня неожиданно услышал музыку из «Лермонтова» в телепередаче «Служу Советскому Союзу», подложенную фоном под патриотические кадры. Приятный сюрприз – не скрою.

Присутствовал в Советском комитете защиты мира на выборах Ассоциации «Мир – детям мира», членом которой, кажется, стал. Президент А. Алексин назвал имя А. Пистуновой, критиковавшей «Лермонтова» в «Советском экране». Я попробовал вычислить, кто же из ста присутствующих здесь женщин – она. Взгляд выбрал самое яркое пятно: расплывшуюся, крашеную рыжуху, с мёртвой жабьей улыбкой и с красным шарфом на шее. Я не ошибся. Когда всё закончилось и Наталья подвела меня к Н.Н. Дроздову, ведущему программы «В мире животных», он как раз беседовал с Пистуновой. Увидя меня, дама словно испарилась: она явно боялась встретиться со мною глазами, подать руку. Не захотела использовать шанс сказать мне: «Батенька, что ж это вы наснимали?!» Может, я бы и задумался. Однако это первая моя очная встреча с «врагом». Первая победа. Отныне каждому моему критику я буду открыт, буду улыбаться, буду приветлив с ним. Зато Николай Николаевич, увидя меня, мигом забыл о своей собеседнице. Сжал мою руку обеими руками:

– Как я рад вас видеть! Я потрясён вашим фильмом!

– Каким? – спросил я на всякий случай.

– Как каким? «Лермонтовым»! И долго не выпускал моей руки, говоря о похожести, об инкарнации...

Звонил из Ленинграда мой давний приятель Евгений Энно, только что посмотревший «Лермонтова» в двухсотместном кинотеатре. Говорил взволнованно о переполненном зале, о реакции зрителей, об аплодисментах, о горячих откликах. Приятные отзвуки спустя два года со дня окончания работы.

Из «Нашего современника» сообщили, что мою статью отодвигают на сентябрь.

13 апреля. Показал «Лермонтова» Владимиру Солоухину и Илье Глазунову в его мастерской. Поначалу Глазунов торопился, однако наша встреча продлилась с 18 до часу ночи.

Пять часов они с Солоухиным бомбардировали меня своими монархическими концепциями, покоробленные тем, что я иронично показал царя, «обвинив его в гибели Лермонтова». Изо всех сил пытались обратить меня в свою веру. Говорили: «Вы талант, вы единственный кинорежиссёр, посмевший ныне говорить о России, не черня её. Если вы дальше будете снимать в нужном русле, то и мы, и многие вас поддержат...» Илья Глазунов ожесточенно ругал весь нынешний кинематограф: Тарковского, Климова и прочих, обвиняя их в русофобстве. Прошёлся и по «Андрею Рублёву», продолжая развивать свою давнишнюю мысь об «антирусскости» этого фильма. Пришлось напомнить ему, что «Рублёв» завершается новеллой «Колокол» – гимном непобедимости творческого Русского духа. Говорил, что и мой «Лермонтов» не избежал их влияния, но «как огоньки в фильме мерцают чувства истинной любви к России...»

– За это они вас и ненавидят. Вы нарушили их законы...

Были и здравые мысли, но экстремизм и агрессивный тон общения были с трудом переносимы. Я выдержал их натиск: сидел, спокойно (внешне спокойно) слушая их, не вступая в спор. Рядом были глаза и уши недруга из «Огонька». Я спросил «недруга»:

– В вашем интервью с Элемом Климовым есть реплика: «С “Лермонтовым” мы уже разобрались...» Как её понимать?

– Климов сказал это в негативном плане.

Когда Глазунов поцеловал папку с вензелем и росписью Николая Первого, я спросил его: «Что ж, руки Николаю будем целовать за то, что он дважды ссылал Лермонтова под пули?»

Ответа не последовало. Тяжело было в этой мастерской, увешенной редчайшими иконами многомиллионной стоимости, подле Глазунова, вещающего словно пророк: безапелляционно, уверенно, цинично, с матом (это при двух девушках, одна из которых десятиклассница). Он говорил о «Лермонтове»:

– Это советский фильм... жидовский фильм. Если бы мы жили в те времена, я бы вызвал вас на дуэль и убил. Вы оскорбили честь

государя императора. Я готов всюду голосовать за фильм обеими руками...

– Зачем же голосовать обеими руками, если вы не принимаете картину? – спросил я.

Глазунов «тратил на меня время», отрывая его у работы, – своей картины к 1000-летию Крещения Руси, тратил, надеясь на обращение в веру. Дал свой телефон, приглашал после Турции в гости, говорил, что у него масса интересных книг...

За весь вечер я не сдержался лишь однажды, когда Солоухин завёл пластинку о «дурном характере» Лермонтова.

– Как же глубоко «лермонтоеды» внедрели в наше сознание этот миф. Вот и вы, замечательный русский писатель, говорите о том же, поддерживая эту вредоносную сплетню...

Что ж, значит, нужно было мне увидеть и такие грани жизни. Эти люди участвуют в активной жизни, они – часть нашей культуры.

14 апреля. Наконец-то! Летим в Стамбул! Всё последнее время жил в ожидании: готовился, мечтал, радовался, не допуская мысли о том, что это может не состояться.

Встретился в Госкино со своей делегацией: Тенгизом Абуладзе и Валентиной Ивановой. Как глава делегации, по заведённому ритуалу получил в Совэкспортфильме валюту на всех (по 17,5 фунта «на рыло»), документы, билеты, напутствия... Копия фильма и реклама уже отправлены в Турцию. Обежал магазины, накупил сувениров, хлеба и прочее. Отвез Абуладзе до гостиницы, договорился забрать его по пути в аэропорт. Он сказал:

– Я рад, что ваш фильм едет на конкурс.

– А вы его видели?

– Ещё нет.

Я сказал ему, что сплетня Кичина о том, будто я бросал камни в создателей «Покаяния», – ложь, и что я написал опровержение.

Он спросил:

– А стоило ли писать?

Сегодня по пути в аэропорт мы мило беседовали, начав притираться друг к другу: говорили о родившихся почти в одно время моей дочери и его внучке, о своих фильмах...

В аэропорту встретились с Валентиной Ивановой, не торопясь попили кофе, прошли все формальности. Всё – спокойно, обыденно, устало: все плохо спали эту ночь. И всё же, занеся ногу на борт самолета, глядя в опрятную спину идущего впереди Абуладзе, я возликовал сердцем и готов был от любви (к Абуладзе, ко всему происходящему) чмокнуть Тенгиза в спину. Свершилось! Дождался! Дожил! Лечу! Везу «Лермонтова» на Международный кинофестиваль! Я знал, что подобное случится, ещё когда только завершил работу над фильмом. Предчувствовал его судьбу: фестивали, поездки – его «жизнь в людях».

Валентина, показывая на меня, объясняет по-английски соседу-турку: «Николай Бурляев... «Лермонтов»... «Андрей Рублёв»... «Иваново детство»...»

Милая стюардесса, с проворностью молодой щучки подавая мне завтрак, задержалась, склонилась к уху:

– Кроме вас я никого не знаю... Есть с вами ещё артисты?

– Вот известный кинорежиссёр Тенгиз Абуладзе, автор «Покаяния». Знаете такого?

– Ну как же, – ахнула девица, – а где он?

– Вот – с краю, седой.

После завтрака жизнь стала ещё теплее. До Стамбула 2000 километров, время в пути 2 часа 40 минут. Самолётик маленький, Ту-134, на 80 мест, весь заполнен. Один из двух сортирчиков не исправен. «Аэрофлот» и не думает пока перестраиваться: на завтрак – всё та же холодная курица, капля красной икры и чай из опилок. А на душе «торжественно и чудно»: ведь по сей день в судьбе моей всё сложилось идеально. О такой жизни можно было лишь мечтать, а личные испытания – необходимый атрибут. Валентина, сидя за моей спиной, продолжает информационную суету:

– «Лермонтов»!.. – снова восклицает она.

– Ах, я так и думала! – вторит её соседка.

– Вне конкурса – «Покаяние», «Тема» Панфилова и фильмы Тарковского...

Приятно слышать, в каком обрамлении едет к туркам мой «Лермонтов».

Вот мы уже над Чёрным морем, в тумане скрылась милая Одесса. Вот – Стамбул. С первых шагов становилось всё интереснее.

Встретили нас местный совэкспортфильмовец Виктор Маленкин, консул СССР и представитель ТАСС в Турции. На двух машинах эскортировали вдоль побережья Мраморного моря, мимо Босфорского пролива, через который перекинут висячий мост: от опоры до опоры подвесили в воздухе 1 километр 300 метров!.. Бесконечная крепостная стена, в которую за века встроились, вросли жилища... Издали полюбовались храмом Святой Софии...

Поселили нас в одном из лучших отелей – «Мармара», возвышающемся над всем Стамбулом. Явился переводчик с конвертом и аккредитацией на фестиваль, сложенной в папочку, полную приглашений на различные приёмы. В конверте – 60000 лир на мелкие расходы. Заглянул в программу: из 160 фильмов на конкурс отобрано 16. Отметил представительность фестиваля: открывалась программа «Лермонтовым», далее шли фильмы Австралии, Венгрии, Чехословакии, Турции, Японии, Англии, Югославии, Испании, Польши, Канады, Франции, Швеции, Китая, Сирии. Председатель жюри – американский кинорежиссёр Элиа Казан. Иванова и Абуладзе, узнав об этом, ахнули. На днях должен прибыть Миклош Янчо.

«Лермонтова» будут показывать послезавтра, в пятницу, аж четыре сеанса: 12, 15, 18.30 и 21.30. Я представляю картину в 13 и в 21.30. В это же утро в 11 часов я принимаю участие в пресс-конференции вместе со Стивом Грубером, Майклом Редфордом, Иштваном Сабо и Жаном-Шарлем Такела.

А вокруг Абуладзе разыгрывается сенсационная история: цензурный комитет Турции запретил показ его «Мольбы». Творческая интеллигенция заявила протест, устроила вчера демонстрацию, что в стране с чрезвычайным положением запрещено. Элиа Казан на пресс-конференции тоже заявил протест, из многих стран мира в дирекцию фестиваля пришли телеграммы с протестом.

Ну а самое интересное – в самолёте встретил знакомую Ирину, бывшего сотрудника Госкино, ныне 8 лет живущую в Стамбуле, замужем за турецким продюсером, режиссёром, имеющим две кинофирмы. Она рассказала мне новости, ввела в курс турецкого бытия и зачитала выдержки из турецкого журнала, где пишут о фестивале: фильму, получившему Гран-при, будет присуждена

премия в миллион лир. Она перевела в более понятное мне значение и получилась баснословная цифра – 72 тысячи долларов.

Виктор накормил нас вкусным обедом с форелью, клубникой и сказочными восточными сладостями. Абуладзе рухнул, как подкошенный, отдыхать до утра. А нас в 21 час повезли на приём на телевидение.

Дирекция фестиваля издала роскошный толстый буклет. На ночь решил полистать, начал с конца: Тарковский... Абуладзе... Панфилов... звезды мирового кинематографа... И вдруг – глазам не верю: на первой странице первым номером мой «Лермонтов». Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Конечно, уснуть не мог. Вгрызся в изучение моей гостевой папки: оттуда узнал, что сегодня в 11 часов жюри уже посмотрело мой фильм. За предыдущие дни они отсмотрели 8 фильмов, за оставшиеся два с половиной дня работы увидят ещё 7 картин.

Состав международного жюри таков: председатель жюри Элиа Казан – кинорежиссёр, США; Перет Бачо – кинорежиссёр, Венгрия; Клаус Эдер – критик, генеральный секретарь ФИПРЕСИ, ФРГ; Эрден Кирал – режиссёр, Турция; Джордж Ганд – продюсер, директор Международного кинофестиваля в Сан-Франциско, США; Жак де Глоу – продюсер, Франция; Том Рамвуд – кинокритик (Великобритания); Катрин Вилкенинг – киноактриса, Франция.

На фестивале присутствуют директора 15 международных кинофестивалей со всего мира.

14 апреля. Стамбул. 2-й день. «Никогда я не был на Босфоре...» А вот и был!

Вчера побывал на приёме в честь гостей фестиваля, устроенном Турецким телевидением в Белом дворце султана, находящемся в парке над Стамбулом. В нескольких залах на двух этажах были накрыты столы на шесть персон каждый. Происходило то, что я с трудом переношу: вымученная (во всяком случае, для меня) болтовня на чужом языке, улыбки и поддакивания там, где ни хрена не понимаешь: «О, ес... О, ес...» По правую руку от меня сидела вице-президент телефирмы ИМИТ, бабуся за 50, с мужем и спутником кубинцем. Мимо сновали знакомые по экрану заморские

лица. Все вокруг скучали, выпивали, жевали, стреляли глазами, курили. Моя соседняя мадам сразу же заохала: «О, «Лермонтов»!.. Ваш просмотр послезавтра. Я обязательно приду. Может быть, мы купим ваш фильм для турецкого телевидения...» Пришлось показать ей фото и подарить рекламные листовки.

Виктор разъяснил мне, что эти «72 тысячи долларов» – приз для лучшего турецкого фильма, а для иностранцев – лишь «Золотой тюльпан» и приз жюри. С трудом высидел положенные два часа. Дождался «восточных слабостей» и, наконец, откланявшись, поехал с Виктором на его «опеле» через весь ночной Стамбул – над Босфором и Мраморным морем – в свой отель.

Устал так, что даже записать в дневник ничего не мог – отрубился. Утром встал не знаю когда – часов-то нет. И Абуладзе нет. Иванова намеревалась смотреть турецкие фильмы. Позавтракал с роскошного шведского стола – отель оправдывает свои «пять звёздочек».

До пресс-конференции Абуладзе обошли с Виктором все кинотеатры, в которых идут фестивальные фильмы, чтобы я мог при желании забегать на просмотры. Зашли в Центр объединения кинопродюсеров Турции, где пройдут наши с Абуладзе пресс-конференции. Прошёлся в одиночестве по главной улочке Стамбула, на которой все эти кинотеатры и наш отель, присмотрелся к ценам и товарам. Балдею от девичьих платьицев и прочих одежонок, но, как обычно, рядом со мной идёт моя бедность.

Около двух часов пополудни ко мне в номер заглянул пропавший Абуладзе: Валентина затащила его утром на турецкий фильм. Посидели, поговорили. Хотели попить в номере чаю: как ни совал я свой кипятильник во все розетки – стамбульская электросеть не желала подавать ток в советский поильник. Абуладзе, узнав, что в жюри его приятель, венгр Бачо, обещал поговорить с ним обо мне. Как ни приятно было общение со столь интеллигентным человеком, я решил посмотреть чешский конкурсный фильм, дабы узнать уровень картин-конкурентов.

Чешская картина «Лев с белой гривой» оказалась традиционной, болтливо-постановочной, лживой киноверсией жизни чешского композитора начала века. Сбежал в антракте без сожале-

ния. По сравнению с этой жвачкой мой «Лермонтов» выигрывает значительно.

До пресс-конференции оставалось минут 40. Побродил по улочкам вокруг сесама. Заглянул в мечеть на голос муллы. Едва ступил за порог, поставил ногу на ковер – мулла, сидящий визави входу и поющий молитву в микрофон, отрицательно махнул мне рукой – «Нельзя!» Я жестом извинился и остался на мраморном крыльце. Священник что-то громко сказал. За моей спиной выглянул из лавки человек, ответил мулле, что понял его и жестом показал мне: «Вы можете снять обувь и зайти...» Я поблагодарил и ретировался.

На пресс-конференцию Абуладзе набилось человек 120 – стояли, толпясь в проходах. Первой выступила Иванова, наговорив несуразной ерунды, поразив меня своим непониманием того, где она находится и что интересно в данном месте, а что нет. Говорила, словно на летучке в «Советской культуре». Явно для меня она похвалила С.Ф. Бондарчука и высказала опасение, что как бы одна мафия в кино не сменила другую. Абуладзе говорил в традициях грузинского тоста: с юмором, грацией, образно и обаятельно, – но его весьма искажали переводчики. Пауза между каждой порцией его слов длилась безумно долго, пока с турецкого переводили ещё и на французский, да при этом спорили между собой оба переводчика. На вопрос о его отношении к запрещению цензурным комитетом Турции показа «Мольбы» он ответил гениально:

– Мне говорили, что одна из «запретительниц» – очень милая и красивая актриса, – сказал Тенгиз и процитировал строки Шекспира: «Ты так прекрасна, что я готов умереть от твоей руки...»

Ответ его вызвал восторг.

После конференции побрели на приём-коктейль во Французское консульство. Консул и советник по культуре встретили нас у входа в зал, пожали руки. Часа три мы толкались среди гостей. Половину срока я томился, стараясь уединиться. Вторую половину – вошёл во вкус, ибо ко мне выстроилась целая череда кинематографистов и журналистов, узнавших меня по «Лермонтову» и по фильмам Тарковского. Многие, открывая факт моей причастности к «Иванову детству», «Рублёву» и «Военно-полевому роману», аж взвизгивали от восторга.

Долго не отлипал от меня американец из Калифорнии Джордж Ганд. Он говорил о том, что видел «Лермонтова», бубнил о своём положительном отношении. К нему присоединился Рональд Холовей, снявший фильм «Климов» (об Элеме) и ещё какая-то журналистка. Потом наш консул повлёк меня к Абуладзе, который искал меня, чтобы познакомить с Иштваном Сабо, министром кинематографии Венгрии, и Петером Бачо – венгерским кинорежиссёром, призером Венецианского кинофестиваля, членом нынешнего жюри. С ними рядом находился и румынский киноклассик Попеску Гопо.

Только что сверился со списком жюри и приятно ёкнуло сердце: тот американец-бубнила, Джордж Ганд, который не отлипал от меня минут 20 – не только руководитель Сан-Францисского международного кинофестиваля, но и член жюри. А рослый немец Клаус Эдер, с которым я долго беседовал о «Лермонтове» и других вещах, не только член жюри, но и генеральный секретарь ФИПРЕССИ. Он отмечал прекрасно снятый Кавказ и Россию. А я-то, несмышлёный, долго тяготился этой толкучкой, не понимая, что это – то место, где люди «активно общаются», что и является главной целью данных мероприятий.

Потом ко мне прилип бывший советский гражданин, ныне «француз» Владимир Сычёв, приятель И. Глазунова, тоже монархист. Он предложил свои услуги переводчика, попросил разрешения подвести ко мне китайцев, которые оказались симпатичными общительными молодыми людьми – кинорежиссёр Занг Земинг и Зоу Кемей, представительница китайского Экспортфильма. Они буквально визжали и подпрыгивали, разговаривая со мной. Я всех приглашал на завтрашний просмотр и все обещали быть непременно. Владимир суетился вокруг, делал фото, говорил, что сотрудничает как фотограф с множеством журналов от «Таймс» до «Пари матч».

Мы покидали Французское консульство одними из последних. К Абуладзе подошла мадам из Израиля и на хорошем русском языке пригласила его в июне на Иерусалимский кинофестиваль, на что тот ответил:

– Сожалею, но я только что договорился с Иштваном Сабо. Он приедет ко мне в Грузию именно в это время...

Уходя, Абуладзе спросил:

– У меня, кажется, что-то было в руке?.. Ах да, стакан! – и засмеялся.

Тенгиз весьма повеселел. Решили идти пить чай к нашему консулу, Александру Прищепову. Остаток вечера в квартире консула и его жены Ирины прошёл в поглощении отличного чая, оладьев и в интересной беседе. Абуладзе рассказывал, как наши продавали американцу «Покаяние», как А. Яковлев сократил прокат фильма с 1000 до 500 копий, как многие регионы страны отказались от проката «Покаяния».

15 апреля. За окном дождь, Босфор в тумане, на душе томительно и радостно. К новым битвам готов. До полуночи мысленно редактировал предстоящую пресс-конференцию. Решил говорить открыто, как дома. В Сесам пришёл, когда все участники пресс-конференции были в сборе. За стол президиума пригласили кинорежиссёров трёх конкурсных картин: француза Жана Шарля Такелла, венгра Иштвана Сабо, создателя знаменитого «Мефисто». СССР представлял я. В зале – человек 50 журналистов. Первому слово предоставили мне. До сих пор для меня загадка: почему во всех буклетах «Лермонтов» фигурирует под №1?

Я выразил благодарность организаторам фестиваля за приглашение на конкурс. Сказал, что приехал я не за премией. Что даже если фильм останется без поощрения, я уеду удовлетворённый, ибо познакомился с новой для меня страной и познакомил Турцию с моим любимым детищем – фильмом «Лермонтов». После меня несколько слов сказали Жан Такелла и Иштван Сабо, и начались вопросы. Первый же – ко мне. Попросили подробнее рассказать о личности Лермонтова и прочесть его стихи. Распрашивали меня и о Тарковском. Такелле и Сабо задали всего по одному вопросу, касающемуся авторского кинематографа.

После окончания мы, три участника пресс-конференции, тепло простились. «Белый турок» Сенар, обучавшийся во ВГИКе у В. Наумова, попросил меня задержаться и дать интервью его приятелю для журнала «Кино». Завершив интервью, журналист был в восторге, сказал, что такого материала в их прессе ещё не было.

В 15 часов в кинотеатре «Дуниа» состоялся первый сеанс «Лермонтова». Директор, молодая женщина, взволнованно сообщила мне, что в зале очень много народу. Как и обещал, пришёл и Тенгиз Абуладзе в сопровождении турецких грузин, кормивших его обедом. Прервать грузинскую трапезу – подвиг честного человека.

В восьмисотместном зале собралось человек 600, что по местным меркам – аншлаг! Билет стоит дорого – 2000 лир. Встретили горячими аплодисментами. В завершение моей речи я произнёс фразу по-турецки: «Я желаю вам радости и счастья вашим детям», – и зал взорвался аплодисментами.

Я запамятовал, что перед «Лермонтовым» должны показать мои мини-фильмы «Выбор» и «Круг», не предупредил зал, но выручил переводчик Мехмед-бей: сел к микрофону и перевёл, что положено.

«Лермонтова» каждый раз смотрю глазами данного зала. Сидя рядом с Абуладзе, смотрел его глазами: сверхкритически. Фонограмма звучала еле-еле: переводили с английских субтитров на турецкий язык. После шестой части, как здесь положено, картину прервали, устроили антракт-перекур. Ко мне потекли люди, пожимали руку, выражали своё доброе отношение, просили автографы... По окончании фильма дружно и продолжительно аплодировали. Абуладзе тоже.

А в это время где-то в Стамбуле заседало жюри и решался вопрос о награде.

Войдя в зал на второе представление в 18.30 я глазам не поверил – зал был забит до отказа. Мое появление на сцене было встречено ещё радушнее. Хлопали громко, дружно, долго.

Начал я так:

– Перед вами счастливый человек!

И снова овация.

Говорил я дольше, чем на первой встрече, но зал внимательно и тихо слушал меня. Когда же я еле-еле дочитал с бумажки по-турецки приветствие им и их детям, восторг в зале был неописуемый, овация не смолкала, пока я шёл через весь длинный зал. Люди махали мне, кто-то по-русски говорил: «спасибо», пожимали руки...

Эта главная встреча удалась сверх ожидания идеально: праздничнo и сердечно. В дверях зала меня обнял сияющий Александр Прищепов: «Великолепно, Николай! Великолепно!»

Мехмед поймал такси и отвёз меня в тот же самый парк над Босфором, где я уже бывал, но теперь в Жёлтый дворец султана на приём, организованный в честь участников фестиваля мэром Стамбула. Стоячий ужин-коктейль был в полном разгаре. Зная, что решение жюри уже состоялось, я был не прочь узнать о нём, выискивал глазами знакомых членов жюри. Вот Бачо. Поздоровались издали кивком головы и на челе его невысоком не отразилось ничего. «Значит, премии нет», – подумал я. Вторым я заметил Клауса Эдера. Поздоровались за руку, тепло, как и вчера. Переводчик спросил:

– Вы немец?

– Да, к сожалению, – сказал он, виновато глядя на меня.

– Почему к сожалению? – ободрил я его по-английски. – А Гёте, Бетховен, Шиллер, Бах?

Я выискивал глазами моего «прилипалу», американца Джорджа Ганда – третьего известного мне члена жюри. Обрадовался ему как родному, не стесняясь, заговорил начистоту:

– Ответьте мне, чтобы я спал спокойно: мне не дали премию?

Что он мне пробубнил на гортанном американском сленге в ответ – не понял ни хрена. Тогда я задал ему второй вопрос на засыпку:

– У вас нет желания пригласить «Лермонтова» на фестиваль в Сан-Франциско?

Сказал, что это вполне реально. Мы стояли вчетвером с Абуладзе, Гандом и переводчиком, как вдруг ко мне через весь зал

стала стремительно приближаться телекамера с яркозажжённой лампой. Перед нею шёл представительный человек. Такое ощущение, что камера пикирует на призёра. Человек пожал мне руку и сказал по-английски:

– Я – мэр Стамбула Реджип Эрдаган. (Пройдёт несколько лет и он станет премьр-министром Турции.)

– А я советский актёр и режиссёр Николай Бурляев.

– Вы из Москвы?

– Да.

– Вы знаете моего друга – мэра Москвы Сайкина?

– Нет, – ответил я. – А вы знаете «моего друга» – Ельцина?

– О да! – ответил мэр.

Корреспонденты и камеры сгрудились вокруг нас, вспыхивали, стрекотали и трещали, как в заграничном фильме о кинозвёздах. Я достал из пакета подарки – расписные хохломские сувениры: поднос, матрёшку, ложку...

– О, я знаю это! – воскликнул мэр и принялся, «на публику», извлекать матрёшку из матрёшки.

Домой вас везли в «звёздном» автобусе, полном знаменитостей: Абуладзе, Сабо, старик Попеску Гопо, у которого, оказывается, мать русская. Две французские киноактрисы, сидевшие за мной, шептались: «Это русский актёр!» – и почему-то робели.

Вернувшись в отель, переоделся и, не глядя на усталость, рванул в кинотеатр посмотреть на заполненость зала. Снова пришлось порадоваться – больше половины: сидят тихо. Остался и я, увидел моего «белого турка», утирающего слёзы. Он бросился ко мне, поцеловал: «Я не могу наглядеться на этот фильм». Уходить мне уже было неудобно.

После сеанса меня благодарили по-русски, по-английски, по-турецки. Главным образом, подходили молодые люди, желали успеха, победы.

Утренний завтрак был давно усвоен, на приёме у мэра к закуске не притронулся, поэтому не отказался перекусить вместе с «белым турком» и его приятелем журналистом.

Во время трапезы Сенар вдруг сказал мне:

– Если я больше никогда не увижу Россию, перед смертью я хотел бы ещё раз увидеть этот фильм.

Когда он вернулся из СССР, у него конфисковали все вещи и книги, заточили в застенок с четырёхлетним сыном, пытали током. И когда он, обессиленный, возвращался в камеру, сын его целовал, успокаивал, говорил, что всё будет хорошо, предлагал рассказать папе сказочку.

16 апреля. Утром соединились за завтраком с Абуладзе и Ивановой. Ешь – не хочу, жратвы навалом... жаль, что утром не хочется есть.

На двух автобусах нас, участников фестиваля, повезли на экскурсию по Стамбулу. Прибыли в заповедную зону, где находятся византийские сооружения и дворец султана – нечто адекватное по значению нашему Кремлю. Не я один обманулся в надеждах на солнечную турецкую погоду. Все гости оделись легкомысленно и продрогли на ветрах и в каменных палатах дворца. Ночью спал всего часа три и смертельно усталый брёл в стаде киногениев со всего мира: снимал Иштвана Сабо, Абуладзе на свою кинокамеру.

Особый восторг и двусмысленные ухмылочки «киногениев» вызвало посещение султанского гарема и информация о том, что у него было сотни жён и адалисток, что ходили они пред ним, танцевали обнажённые, но с прикрытым лицом, и что при этом присутствовали его маленькие наследники.

Ко мне подходят самые разные люди: китайский режиссёр и прокатчица, профессор филологии из ФРГ, кинокритик из Австрии и другие. Выражают своё мнение о фильме. Спросил китаянку, приобретёт ли она фильм. Ответила – «непременно».

За обедом, устроенном здесь же, в султанской крепости, ко мне обратилась шибко расстроенная полька:

– Мы надеялись, что наш фильм получит главную премию, но дали французам.

Это известие воспринял совершенно спокойно. Моё душевное равновесие не нарушилось нисколько. После обеда у меня и Абуладзе взяли интервью, причём мне пришлось быть переводчиком. Меня спросили:

– Чем для вас интересна личность Лермонтова?

– Бесстрашием, – ответил я, – и готовностью к самопожертвованию.

Прогуливаясь об руку с Абуладзе, мы налаживали всё более тесный контакт. Говорили о многом – от политики до секса. Он от души хохотал над моим рассказом об отце, просыпавшемся каждое утро в 6.00 под звуки гимна Советского Союза со вздохом: «Эх, ё...т...м...!», – и засыпавшего ночью с тем же вздохом.

– Это гениальный образ! – хохотал от души Тенгиз.

– Дарю, – сказал я. – Если я когда-нибудь увижу это в вашей картине – буду рад!

Наконец добрались до отеля. Ванна с пеной и постель. На душе хорошо, хотя и «беспризёрно» (от слова «приз»). Часок передохнул, облачился в лучшее своё одеяние: белый костюм, голубые носки и галстук от Диора. Пусть видят, что я и без приза хорош. С Абуладзе, Ивановой и местным тассовцем поехали на торжественную церемонию закрытия фестиваля. Кинотеатр – поистине царский: потолки, как в Большом театре, с лепниной, обрамляющей сцену, сплошь заставленную непрерывающейся цепью корзин с цветами и венками.

Зал полон. Мы не стали искать кресла со своими фамилиями, разместились в третьем ряду. Ведущие в вечерних костюмах, встав за пюпитры с лампочками, начали читать на турецком и английском языках заключительные итоги: 160 картин за две недели в 7 кинотеатрах посмотрело 150 000 зрителей; в этом году особенно много зарубежных знаменитостей – более 100 человек. Начали называть имена крупнейших деятелей кино. Каждый вставал, и его тут же высвечивал луч прожектора. Одним из первых назвали «создателя “Лермонтова”», советского кинорежиссёра и актёра Николая Бурляева». Под гром аплодисментов стремительно поднялся, обернулся к залу, поднял обе руки. Вскоре после меня назвали Тенгиза Абуладзе, и он встал под шквал рукоплесканий. Наконец ведущие пригласили на сцену членов международного жюри: последним, с особой помпой, председателя жюри Элиа Казана. И я впервые увидел 80-летнего «Илью Абрамовича», как потом выяснилось, бывшего турецкого еврея. Он начал свою речь с того, что родился в Стамбуле и закончил политикой: мол, хочет послужить сближению турок и греков и для этого снять фильм

в Турции. Потом он назвал победителей. «Золотой тюльпан» – Жану Шарлю Такелле. «Тюльпан» оказался весьма красивым, позолоченным, вручал его приглашённый на сцену мэр Стамбула – по манере поведения, прирождённый комик, непрерывно играющий бровями. Когда «американец Казан» и «француз Такелла» оказались на сцене рядышком, я обнаружил их невероятное физиогномическое сходство: оба носатенькие, ну прямо как родные братья. «Брат брата не обидел».

Когда я выходил из зала, ко мне подошел весьма интеллигентный человек и сказал по-английски:

– Ваш фильм – лучший на фестивале.

И хотя я и так был в неплохом расположении духа, его признание было весьма утешительно и приятно.

Приём по случаю закрытия фестиваля состоялся в дорогом ресторане на берегу Босфора под висящим через пролив мостом. Большую часть вечера я томился в прокуренной давке, мечтая вырваться на волю. Тенгиз обхаживал местных алигаторш – сорокалетних мадам. Лишь в два часа ночи удалось добраться до дома.

17 апреля. После завтрака Виктор повёз нас с Абуладзе и Ивановой на экскурсию. Много слышал я об Айя Софии и не ожидал увидеть что-либо потрясающее. Ну, храм и храм. Много я их видел по разным странам. Но то, что я увидел, потрясло, восхитило, наполнило душу восторгом. Вступив под гигантские просторные своды собора Святой Софии и взглянув вверх на 113-метровый купол, невольно ахнул, и душа возлетела под своды, сердце наполнилось несказанной радостью и гордостью за Человека. Как мало подобных, абсолютных подтверждений мощи человеческой, его духовного могущества, его гения! Этот храм нужно показывать всем как противоядие от бездуховности и распада. Гений архитектора создал неповторимое: раскинул, разметал стены и вознёс гигантский воздушный купол на недосягаемую высоту.

Первый собор из всех, что я видел, не подавляющий, но окрыляющий душу с первого взгляда. Тончайшая мозаика стен похожа на роспись. Золотой фон мозаичных фресок излучает свет и радость. В одной из колонн есть отверстие, в которое надо вставить палец и повернуть его на 360°: тогда ты «будешь в порядке».

Вставил, повернул, хотя я и так в порядке. Невозможно поверить в то, что громада собора воздвигнута людьми всего за четыре года. История Византии – Константинополя – Стамбула за тысячелетия существования этого босфорского чуда видела многое: войны, катаклизмы, завоевания... Греки... крестоносцы... турки... русские... белая эмиграция... На украшение храма Византия дала 600 центнеров золота. Всё прекрасно в Святой Софии и свято, и венчает это чудо божественная мозаика Богоматери с младенцем на руках.

Иванова всё более располагается ко мне: млеет от моего юмора, прислушивается ко всему, что я говорю, становится откровеннее в разговорах.

18 апреля. Когда у Ивановой в номере мы пили чай, а Абуладзе пропускал стопарик водочки, пришли за ним Виктор и менгрел, живущий в Турции, – критик Хайяти Асилиазиси. Он пригласил и нас на обед и переговоры с президентом кинофирмы. Обед давался в дорогом ресторане. Нас принимал руководитель крупной фирмы «Фора корпорейшен», писатель, драматург, президент театральной секции ЮНЕСКО Рефик Эрдуран. Он обратился к Абуладзе и ко мне с предложением снять наши новые фильмы в Турции. Говорил, что их корпорация имеет достаточно средств для осуществления больших кинопроектов, может оплачивать любые услуги в любой стране, в любой валюте. Они предоставляют полную свободу режиссёру в выборе темы, не обязательно относящейся к турецкой жизни. Не ставят никаких условий, кроме двух: не затрагивать отношении с армянами и греками. У них есть лишь одно пожелание, чтобы фильм вышел на европейский уровень и получил премию. Режиссёр может приглашать любых актёров, любых операторов, художников, снимать где угодно, главное – быстрее. Эрдуран сказал, что у них есть хорошая поддержка в прессе и правительстве – министры иностранных дел, культуры и финансов сказали ему: «Делай то, что считаешь нужным».

Эрдуран рассказал историю о том, как в 1955 году он выкрал из турецкой тюрьмы Назыма Хикмета, устроил его побег и переправил на лодке за пределы Турции. Ныне Хикмета считают крупнейшим писателем Турции, но книги его печатать запрещено.

Порешили на том, что его фирма посылает официальные письма об Абуладзе – на студию «Грузия-фильм», обо мне – председателю Госкино СССР. Копии этих писем они перешлют нам.

Практически мне предоставляется возможность снимать, что я пожелаю и по возможности быстрее. Я крепко задумался над этим, загорелся. Теперь важно не остыть и решить, что снимать.

Вечером нас принимала Ирина (с которой мы познакомились в самолёте, когда летели в Стамбул) и её муж – вице-президент ассоциации кинопродюсеров.

Здесь, в их ресторанчике для кинематографистов, я узнал, как мой «Лермонтов» попал в Турцию. Ответственный за внешние связи дирекции кинофестиваля критик Вежди Саяр – обаятельный, интеллигентный бородач – попросил у Виктора Маленкина список советских картин, тематически подходящих для них, и выбрал «Лермонтова». Запросил из Москвы кассету, посмотрел и пригласил на конкурс.

В отеле меня поджидали мой «белый турок» Сенар, а с ним – парень-архитектор и милая девушка. Они пришли высказать мне свою благодарность за фильм и пригласить завтра поужинать в интересном месте.

19 апреля. Утром, прогуливаясь по улице, увидел в витрине фирменного магазина «Ямаха» мечту моего сына – электроорган с полной клавиатурой и богатой электронной программой. Сложив все имевшиеся у меня «тугрики», я эту машину купил. Ванька будет счастлив.

На нашей встрече с советской колонией в зале Генерального консульства собралось человек 60. Первой выступила Иванова. Говорила неплохо, неожиданно жёстко и критически по отношению к линии нового Союза кинематографистов. Потом продолжил я. Говорил о Союзе ещё резче. О том, что на 80 процентов не принимаю их тоталитарную линию, усиливающую междоусобицу и агрессивность...

К 19 часам за нами заехал переводчик Мехмед, переводивший прозу Лермонтова, Толстого и многих русских писателей, некогда преподававший русский язык в турецкой школе военной разведки. Имеет чин полковника. Он повёз нас с Ивановой в гости к

известному турецкому режиссёру Энгину Айге и его жене актрисе Гюльсен Гунгер. Посидев у них два часа, отужинав, поговорив на малоинтересные для меня темы, вызвал такси и уехал в отель, где меня уже поджидала молодая пара, с которой я вчера познакомился. Уговорили поехать в ресторанчик над Босфорским проливом. В трёх километрах вдали начиналось Чёрное море. Вечер был звёздный, спокойный и душевный. На противоположной стороне Босфора иллюминация – совсем как в Ялте. Гитарист играл импровизации, мы беседовали. В заключение я спел им под гитару три свои песни, вызвав восторг немногочисленных посетителей и гитариста, который признался, что он видел меня 20 лет назад в «Ивановом детстве», что они любят меня.

Возвратившись, заглянул к Абуладзе, попросил его написать мне в альбом несколько слов о «Лермонтове». Он вежливо уклонился:

– Чтобы писать, мне надо посмотреть ещё раз... Я человек серьёзный. Я посмотрю и тогда...

Значит – никогда. Что ж! Проживём без мнения Абуладзе.

Собрал вещи, посмотрел немного американское, турецкое, западногерманское и люксембургское телевидение. Этой красочной секс-дрянью я наелся за эти дни до рвоты. Все парни и даже солидные мужики выказывают страстное желание покобелиться. Ведьмы с крашеными патлами корчат омерзительные рожи, облизываются, призывно вихляют задницами. Главная идея видеоклипов – разнузданная случка. Впрочем, всё это уже царствует и у нас.

20 апреля. Утром встал с тяжёлой головой, болью в затылке. Последний раз глянул поутру на заоконную панораму пасмурного Стамбула и первый раз – с чувством пресыщения, безразличия и скуки: пора домой.

Подарил Абуладзе маленькие подарки: его восьмимесячной внучке – игрушечку, Тенгизу – стеклянный голубой глаз «от сглаза».

Из Стамбула летели через Анкару, где посидели минут сорок в прокуренном зале и снова в самолёт.

До Москвы ещё 2 часа 45 минут. Скорей бы уж! Надоело и голова болит. В Анкаре самолёт опустел, появилась возможность расположиться просторнее.

За обедом Абуладзе, сидящий через пустое кресло от меня, окликнул: «Коля! Это должно быть очень вкусно», – и протянул мне кусок большого яблока.

Кажется, я понял причину своей сверляще-тупой боли в затылке и тяжести во лбу: не хочу выглядеть перед Абуладзе просителем, не доволен своим вчерашним разговором с ним. Не привык считать себя бедным родственником. Он мог дважды помочь мне: ведь он сам выказывал желание поговорить с членом жюри о «Лермонтове», чего так и не сделал. И на своей пресс-конференции он мог представить меня, сидящего в зале, и тем самым обратить внимание прессы на конкурсного «Лермонтова». Зная о сложной судьбе картины, он мог дать отзыв и как художник поддержать художника. Ничего этого он не стал делать. Впрочем, моё уважение к нему не уменьшится. Для меня он останется одним из самых крупных из ныне здравствующих кинохудожников.

Понял причину головной боли – и она стала отступать, сознание прояснилось, настроение улучшилось. Скоро Москва! Родные, дети – Ваня, Машенька. При одной мысли о ней, её светлом облике, радостном голосе, смешном пританцовывании – тонус резко воспарил.

Пора подводить итоги стамбульской поездки. И они вполне удовлетворительные. «Лермонтов» пришёлся по сердцу и в Турции. Он венчал грандиозную ретроспективу двух наших классиков – Тарковского и Абуладзе. Его посмотрели 8 крупных кинодеятелей из международного жюри, прокатчики, директора международных фестивалей, журналисты из многих стран мира. Зрительские симпатии отданы «Лермонтову»: мнение о том, что это лучший фильм на фестивале, я слышал не из одних уст. Мне предложили снимать картину в Турции, и чем быстрее, тем лучше.

Мы коротко сошлись с Абуладзе. Иванова может написать об участии «Лермонтова» в конкурсе стамбульского кинофестиваля, хотя я принципиально не говорил с ней об этом. Невозможно, чтобы стамбульский пример «Лермонтова» не отозвался в будущем.

3 мая. Валентина Иванова написала в «Советской культуре» отчёт о Стамбульском кинофестивале, где мимоходом дважды упоминала о «Лермонтове», «тепло принятом публикой». Ну что ж – хоть шерсти клок. При её запуганности и это – подвиг.

7 мая. Получил предложение Марины Арсеньевны Тарковской написать воспоминания об Андрее для составляемой ею книги. Отложив всё прочее, сел писать. Марине Арсеньевне очень понравилась моя работа. Поблагодарила и сказала, что я оказался самым дисциплинированным из всех участников сборника: первым вручил ей свои воспоминания. Вчера я приехал к ней домой, впервые свиделись близко. Скорректировали и дополнили рукопись в полном единодушии.

Марина Арсентьевна дала мне в руки дневник матери Андрея, описывающей его рождение. «Рожала дома. Мальчик хорошенький, с раскосыми, как у татарчонка, глазками серо-голубыми, складненький, но с кривыми пяточками...»

Читать это без волнения я не мог. Марина Арсеньевна сказала:

– Здесь и отцовские записи... Кто мог предполагать, что через четыре года он уйдёт...

Много говорила она и о Ларисе, по поводу которой мнения наши полностью совпадают. Когда эта женщина увела Андрея от Ирины, Марина не могла с этим примириться. Андрей очень переживал, приезжал к ней для разговора: «Почему ты её не принимаешь?» Лариса же всячески делала вид, что всё идёт хорошо, что все её приняли. Жила на широкую ногу, увеличивая долги Андрея. Лариса сыграла свою неблаговидную роль в судьбе Андрея, так как он был внушаемым человеком. Она водила за нос Марину Арсеньевну, прилетевшую в Париж решить вопрос о захоронении брата, говоря: «Да, да, я тоже хочу, чтобы Андрея похоронили на родине», – а сама за их спиною проворачивала вопрос о похоронах во Франции. Связалась с эмигрантами, которые на высочайшем уровне, у президента Миттерана, испросили позволения на захоронение Тарковского во Франции. Сил они приложили к этому много, ибо по закону хоронить в земле Франции нефранцузского подданного запрещено. Лариса и К^0 использовали беспомощное тело Андрея в своих целях.

Марина Арсентьевна написала В. Максимову письмо, что Андрей Тарковский должен быть похоронен в России, что похороны на Родине стали бы мощным актом консолидации сил громадного количества народа, для которых Тарковский был знаменем. Во Франции на кладбище за гробом следовало лишь 15 машин, его втиснули в чужую могилу эмигранта есаула Гордеева. Спустя год Лариса произвела эксгумацию и перенесла прах Андрея в другое место, придавив его памятником Эрнста Неизвестного. Томись во Франции вечно! Но Андрей должен упокоиться в родной земле, которую он бесконечно любил. Верю, что когда-нибудь это случится.

Завещания Андрея Марина Арсентьевна не видела. Сестра Ларисы, Антонина Павловна, сказала, что она видела бумагу с подписью Андрея, на которой что-то напечатано на машинке. Сестра Андрея допускает, что это подлог, что Андрей вряд ли давал указания о том, где хоронить, ибо человек до конца надеется на жизнь. Андрей мог оставить Ларисе чистые листы со своей подписью, куда она могла допечатать всё что угодно.

10 мая. По первой программе TV в «Музыкальном киоске» Элеонора Беляева представила молодого композитора Бориса Петрова и показала отрывок из «Лермонтова», сказав, что картина вызвала массу противоречивых мнений и «дискуссий». Произнесла она это с иронической усмешкой, подчеркивающей недостойность кампании.

– Мы не будем сегодня говорить об этом, но мы бы погрешили против истины, если бы не отметили прекрасную музыку композитора Бориса Петрова, поддержавшего творческий замысел режиссёра и актёра Николая Бурляева.

Солист Большого театра Пётр Глубокий, стоя у рояля, под фонограмму спел романс из фильма «Наедине с тобою, брат, хотел бы я побыть...», – а на его крупный план накладывались кадры из «Валерикского сражения». Мера подачи фрагмента была микроскопической, но в целом вся программа – весьма мощный наступательный аккорд в поддержу «Лермонтова» перед всей страной.

17 мая. Живу практически всё время за городом, наезжая в Москву раз в три-четыре дня, куда меня вообще не тянет. Читаю роман С. Алексеева «Слово». Думаю о темах для турецкого «проекта». Что я могу им предложить?

«Князь Серебряный» (с В.И. Соловьёвым). Зачем он туркам?

2. «Слово» (история до Крещения Руси... татары... Гражданская война, Отечественная, наши дни (с С. Алексеевым)? Тоже не для мусульман.

3. Новая тема по экологии природы и души (с С. Смирновым)?

4. «Режиссёр»? – Да.

5. «Сны над Танаисом» (с С. Смирновым)? – Да.

6. История русских мамлюков в Турции (с С. Смирновым)? – Да.

7. Житие Иисуса Христа (с С. Смирновым)? – Да!!!

20 мая. Сегодня мой сын Иван с Натальей впервые в жизни, в 11 лет, отправился за границу, в ФРГ.

23–28 мая. Был на Празднике славянской письменности и культуры в Великом Новгороде. Ехал в составе делегации Союза писателей. Перед отъездом на вокзал заехал за Толей Заболоцким и его постояльцами – В.И. Беловым и В.П. Астафьевым. Они уже были готовы к отъезду: Василий Иванович искал бархоточку, чтобы подновить свои штиблеты, а Виктор Петрович допивал свой посошок.

– Ну, мы покажем им кузькину мать, – сказал Виктор Петрович, – чертям станет страшно.

– Да, – поддержал я, – сила едет...

– Несметная... – закончил за меня Астафьев.

У всех было приподнятое, боевое, походное настроение. Московской делегации, отправляющейся на празднества, был подан целый состав. Кругом мелькали знакомые, замечательные лица... Можно было выбирать любой вагон.

Вскоре мы с Василием Ивановичем, оставшись одни, легли по полкам. Но, приняв горизонтальное положение, принялись разговаривать. Он подарил мне свою пьесу «Князь Александр

Невский», надписал: «В память о когда-то Великом Новгороде, с пожеланием мужества». Рассказывал о своём полуторачасовом общении с М.С. Горбачёвым, об откровенных своих речах, о разладе, распаде в искусстве и идеологии, о вредности деятельности А. Яковлева, понавнедрявшего всюду своих ставленников.

– И каково ваше ощущение от этой встречи? Есть надежда?

– Нет, – ответил Василий Иванович. – Когда начинали беседу, Горбачёв сказал: «Я буду с Вами абсолютно откровенен...» «Разве можно политику быть абсолютно откровенным?» – спросил я.

По поводу А. Яковлева Горбачёв сказал:

– Это вы, наверное, из-за той статьи в газете (русофобская статья А. Яковлева о русской культуре)?

– Нет, – ответил Василий Иванович, – я о том, что делается сейчас в «Московских новостях», в «Неделе», «Огоньке»...

Виктора Петровича в соседнем купе окружили, выставили бутылочку. Утром, часов в пять, слышался его хохот.

Я долго не мог уснуть, воодушевленный мыслями о том, что на моих глазах совершается исторически важное в судьбе России событие. В Великий Новгород, на великий праздник движется золотой эшелон российских творцов: Белов, Астафьев, Распутин, Залыгин, Проскурин, Бондарев, Бондарчук, Крупин, Шипунов, Клыков, Юрий Кузнецов... Сотни замечательных писателей, художников, музыкантов, учёных сойдутся в Новгороде на первое и столь мощное российское духовное вече.

«А если враг пустит этот поезд под откос, – думалось мне. – Мину подложат..?» Утром задал этот вопрос одному из организаторов. Он отшутился: «А мы заложников взяли...»

Прошествовал с Беловым и Астафьевым через два вагона к Распутину и Крупину. Радушное рукопожатие. Заглянул в купе к С.Ф. Бондарчуку, показал ему фотографию его внучки Марии.

– Микола... – сказал Сергей Фёдорович. – А почему ты так мало снимаешься? Тебе нужно сниматься, а то тебя забудут... – Он улыбнулся и добавил: – хотя нет, «Лермонтова» они тебе не забудут никогда...

Поезд остановился. За окнами масса народу в русских одеяниях, оркестр... – Праздник! Хотел побежать в свой вагон через

перрон, выскочил – а тут и девушки с хлебом-солью. Поцеловал хлеб, отщипнул, макнул в соль и с наслаждением вкусил.

Гостей рассортировали по автобусам, расселили по разным гостиницам, турбазам, кемпингам... Меня определили в кемпинг на 12-м километре. Соединились с Андреем Поздняевым, с которым потом и не разлучались всё новгородское вече. Забросили с ним вещи в кемпинг, чтобы ни разу там не ночевать.

Первую ночь провели с вологодцами на турбазе, в 30 километрах от Новгорода. Пригласил нас туда Анатолий Ехалов, редактор «Вологодского комсомольца», которого я наконец-то повстречал и принял в сердце с первого взгляда. Мал ростом, тщедушен, а глаза горят огнем. Ум и мудрость выказывает через речь. Суждения весомые, основательные. В очах душа говорит, а душа – светлая. На турбазе воздух сосновый, пряный, густой, как духи природы. Я и не нюхивал такого в жизни. Попарились в баньке.

Но это вечером, а днём было грандиозное шествие по городу – открытие праздника. Многотысячная масса гостей и жителей города мощной колонной пошла к кремлю. Впереди духовенство во главе с митрополитами Питиримом и Алексием, обкомовцами и выдающимися деятелями культуры России. Когда эта плотная масса втекала на горбатый подвесной мост, и я как раз находился в центре моста, а митрополиты во главе колонны уже спускались на берег, меня качнуло в сторону, будто устал, ноги не держат. Сначала и не понял, в чём дело. Наконец догадался, да и рядом кто-то крикнул: «Стойте! Назад! Мост качается!» Арьергард попятился назад, люди на мосту рассосредоточились, а я с товарищами двинулся вперед.

А в кремле гуляние в русских одеждах, пение. Хор гремит: «Вставайте, люди русские...» На площади речи митрополитов, Бондарева и девушки-доярки из-под Вологды, по имени Надя. Она так спела,что Питирим пригласил её в Москву на празднование 1000-летия Крещения Руси. На площадь я не попал. И слышал речи уже по радио в машине, направляясь к вологодцам на испарение грехов телесных.

На вторую ночь поехали на турбазу на озеро Ильмень. То самое, легендарное, воспетое в былинах. Приехали, чтобы уж до отъезда не покидать этого места, где все эти дни жил, не угасая,

костёр праздника.

Накануне побывали на конференции, послушали речи Юрия Бондарева, академика Н.И. Толстого (внука Льва Николаевича) о Кирилле и Мефодии, о крещении Руси и древнерусской письменности. На сцене В.Г. Распутин, Э.Ф. Володин. Когда выступал митрополит Питирим со словом о Евангелии, С.Ф. Бондарчук с видеокамерой пробрался из своего ряда к трибуне и снимал речь, словно вгиковец.

А вечером на Ильмень-озере, куда мы добрались почти без сил, начался импровизированный концерт-гуляние с песнями и плясками под звёздным небом. И я впервые в жизни, на 42-м своём году, топотал вместе со всеми русский танец и удовольствие получал, не изведанное ранее. У церкви Вознесения Богородицы, первой половины XIII века, три женщины, одна постарше и две молодые, читали на древнерусском языке «Слово о полку Игореве», причём не по лихачевскому переводу со списка XVI века, а с оригинала – XII века! Зрелище было не только красивое, но и духовно возвышенное, чистое как слеза, как родник для нас, страждущих, пробившийся сквозь восемь столетий, для укрепления душ наших, для возрождения их к осознанному служению Отечеству, которое мы начинаем обретать. И снова песни замечательного ансамбля «Живая вода» семьи Нечаевых.

И на следующую ночь снова веселилось наше Ильмень-озеро: ещё мощнее и многоголоснее. И пел гусляр у костра на берегу: пел былину о Садко. Сюда съехались лучшие голоса России: уралочка Елена Сапогова, москвички Таня Синицына и Таня Петрова и даже Ольга Бузина, которая исполняла в «Лермонтове» «тему матери». Её я увидел на замечательном вечере «Нашего современника» в библиотеке, не сразу узнал, а узнав, обнял как родную и пригласил гулять на Ильмень.

А вечер был в библиотеке грандиозный.

Я пришёл туда из Софийского собора, с концерта патриаршего хора. Завершив концерт, хористы, продолжая петь, шеренгой по двое выходили на улицу. Народ, воодушевлённый вечером, ринулся за хором. Казалось, поведи сейчас хористы народ в бой – люди пошли бы за ними с радостью в сердце. Любопытная деталь: перед началом концерта сотрудница исполкома, пригласившая

нас с Андреем Поздняевым, опоздала на 10 минут, и мы вынуждены были топтаться у входа. Появился распорядитель, бойкий, чернявенький, похожий на чёртика, прячущий рожки и хвостик под одеждами. Сходу узнал меня:

– А, Бурляев?! – В его глазах мелькнула сложная гамма холодных чувств.

Он не распорядился пропустить нас, но предложил ожидать. Когда по окончании концерта люди выходили в узкие двери храма, «чёртик» стоял у выхода и с ироничными репликами вершителя бала выпроваживал людей, каждого прощупывая цепким гаденьким взглядом.

Выйдя из храма, узнали, что в библиотеке – вечер «Нашего современника» и туда только что приехал Астафьев, которого я видел днём в его номере, в компании крепко хмельного Виктора Коротаева, Вали Курбатова, Толи Заболоцкого и трёх дам. Виктор Петрович прихлёбывал по 50 грам наравне с Коротаевым, был, как обычно, говорлив и открыт. Дамы скоро ушли, увели Коротаева на отдых. Пришёл организатор Новгородского вече писатель Балашов, ответственный секретарь Новгородской писательской организации. Виктор Петрович сказал: «Писание само по себе уже вымысел, неправда. А кино ложь втройне. Пусть извинит меня Коля. Я вот видел его «Лермонтова»... Фильм прекрасный, замечательный, всё так, но мой Лермонтов – другой...» Честные речи честного человека. Конечно, его Лермонтов – другой, но В.П. с уважением отнесся к моему Лермонтову. Принял его как художник.

Мы расстались с Виктором Петровичем, с тем чтобы он лёг немного поспать. И вот он, спустя четыре часа, доставлен на вечер в библиотеку. Я пробрался через библиотечные стеллажи к дверям и вышел в переполненный, залитый светом зал с небольшой сценкой, заполненной сотрудниками «Нашего современника». Астафьев сидел за столом с левого края, и я, не видя свободного места, опустился прямо на пол, перед первым рядом, у ног Астафьева, в полутора метрах от него.

Поэт-прозаик, донской казак Куликов, выступая, сказал:

– Я не видел фильм «Лермонтов», о котором так много писали. Завтра в 19 часов он идёт в кинотеатре «Родина», и я непременно пойду и приглашаю всех желающих. Здесь находится режиссёр

этого фильма, замечательный актёр и режиссёр Николай Бурляев. Я прошу его подняться...

Я поднялся, поклонился сцене, залу и поднял над головою две соединённые в пожатии руки.

Наконец выступил Астафьев. Речь его была замечательна. Я впервые слышал его выступление очно – подлинно писательскую речь: спокойную, по-русски красивую, стройную, миротворческую, в отличие от почти поголовных боевых кличей ораторов-бойцов.

– Что же мы всё друг с другом боремся? – говорил Астафьев. – Все мы полу-писатели полупоэты...

В этот вечер Виктору Петровичу стало плохо с сердцем, его возили в больницу, сделали укол.

После официальных мероприятий ночью на Ильмень-озере нас, человек 30, бесплатно покормили ужином. Потом в клубе импровизированный концерт открыла Ольга Бузина, за ней спела Таня Петрова, потом Елена Сапогова, потом Т. Синицына. Над песнями, особенно колыбельными, исполненными Еленой Сапоговой, я то и дело готов был плакать от тоскливой радости сердца, обретавшего светлое звучание Родины.

На следующий день в холле гостиницы встретил В.Г. Распутина с чемоданом, собирающегося уезжать.

Подошёл к нему:

– Я давно хочу показать вам свой фильм...

– Так это вы?! – С Распутина спала едва заметная пелена. – Я не узнал вас...

– Когда вы будете в Москве?

– Я буду 20 июня. Я всё помню... Я позвоню вам.

А вечером состоялся грандиозный литературный вечер. Первое слово ведущий П. Проскурин предоставил Распутину. Я впервые слышал его. Несмотря на эмоциональные сбои, на своеобразное заикание, это была речь большого художника-патриота. Вслед за ним выступил его друг, вятский самородок В. Крупин. Одной из самых

интересных, колоритных речей была речь писателя В. Личутина. В этом небольшом рыжем мужичонке сразу можно было увидеть незаурядную личность.

А ночью на Ильмень-озере размах гуляний удесятерился численностью гостей. От этого праздник, возможно, утратил интимность, но приобрёл новое мощное качество. Ансамблей, певцов, литераторов, желающих занять внимание, было предостаточно. Игры, пляски, гармонь, гусли, гитара, трещотки, костёр, хороводы... Залетала на огонёк пара ведьм с клубящимися душонками и низменными порывами, но так же внезапно и исчезала.

На следующий, заключительный, день я сдал свой билет на самолет. Так не хотелось уезжать! Массовые гуляния в Музее деревянного зодчества под открытым небом. И взрослые и дети в народных костюмах. Лотошники, торговцы мелочовкой. На всех углах песни, игры, пляски. Партиями по 50 человек запускали в деревянную церковь. Зашёл, а на балконе – патриарший хор. Тишина... Солнце в дымных оконцах... ожидание в бревенчатых стенах и – «Аве, Мария!» И снова слёзы радости.

А потом, сидя на лужайке перед деревянной сценой, среди красивых молоденьких девушек с чистыми русскими лицами, смотрел заключительный концерт: с хором, рожечниками, ансамблями, чтением «Слова о полку Игореве». И заключительное слово Залыгина.

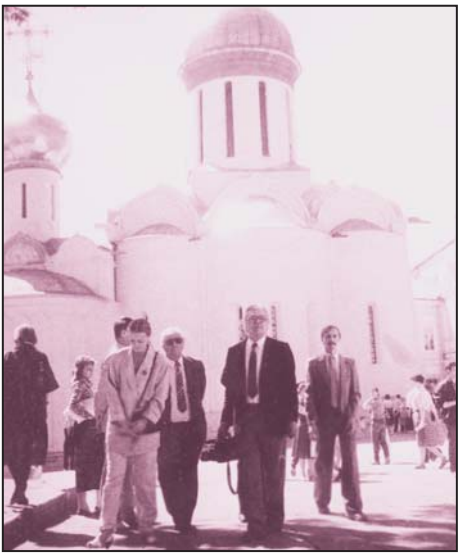
Поплавали по Ильмень-озеру на лодке, окунулся, в чём мать родила, в воду холодную. В автобус к писателям – и на вокзал.

Обратно ехал в купе с Виктором Петровичем Астафьевым и Толей Заболоцким. Виктор Петрович изрядно устал, тяжело дышал, плавился в жаре, пил лимонад. К нам в купе всё время приходили люди. Рядом пела песни «Живая вода». Я подошёл к внуку Толстого, поблагодарил его за интересную речь на конференции. Сговорились осенью показать ему фильм. Только окончили общаться – идёт внук Некрасова. Бросился ко мне. Попросил снять фильм о Некрасове, обещал помочь.

Утром я сказал Астафьеву о том, что он не должен пить, должен беречь себя, ибо он нужен народу. Работать-то некому. Он согласился, сказал, что не будет пить, что он, собственно, не пил никогда: ни в юности, ни на войне...

Из «золотого эшелона», прибывшего в Москву, выломила тысячная гвардия славян с Новгородского вече и потекла десантом в столицу. Идя по перрону, сладко было сознавать себя частицей этого мощного потока.

Завёз Астафьева к Толе домой. Но через несколько часов снова приехал за ними, чтобы двинуться на открытие памятника Сергию Радонежскому. По дороге захватили Сергея Смирнова, купили цветы и трёхлитровую банку фанты. В Радонеж приехали, едва не опоздав на снятие покрывала. Народу, милиции – тьма. Решительно направился к памятнику, прошёл людей, оцепление. Кто-то из милиционеров взял было меня за руку, я оглянулся. В толпе раздалось: «Это Бурляев!» – и меня не посмели задержать. Обнял, поздравил Славу Клыкова. Он пригласил меня к себе вечером на банкет. Я чувствовал себя здесь как на своём празднике. Ведь совсем недавно я с риском для себя прорывался сюда сквозь милицейские кордоны. И вот мы победили!



С.Ф. Бондарчук пригласил нас с Астафьевым в Троице-Сергиеву лавру, и на двух машинах мы тронулись туда. В сопровождении представителя администрации совершили экскурсию по лавре. Приложились к мощам Сергия Радонежского, поставили свечи Божией Матери, осмотрели музей академии, усыпальницу патриархов...

Вечером – банкет на 100 человек в мастерской Клыкова. Вёл сам Слава, по очереди предоставляя слово Астафьеву, Проскурину, Бондарчуку, Личутину, мне...

Я подошёл к Личутину за его стол. Он рванулся навстречу с распахнутым сердцем:

– Я хотел с вами поговорить!

– И я тоже хотел, – вторил я. – Вы прекрасно выступали в Новгороде.

– Я смотрел весь вечер на вас в зал... Как вы слушали!.. Вот, думаю, родственная душа...

– Вы видели «Лермонтова»?

– Нет, но много слышал...

– Я не читал ваших книг, но хочу их почитать...

– Я вам отправлю.

Мы обменялись адресами и телефонами. Прощаясь, обнялись, поцеловались: я его в щеку, а он – по малости своего роста – в шею. Спустя несколько дней сговорились поехать к нему в деревню под Рязань, где он купил дом. Сказано – сделано.

3 июня. Сидим с Володей Личутиным у него на веранде, где он обычно спит с женой Евдокией на полу, на сене, под пологом. Говорим с ним второй день напролёт.

– У меня такое ощущение, что я слаб и немощен в способностях выразить истину. Живу дураком малограмотным. Ленивый. Работать надо, а я топчусь на месте.

– Вот и я о себе так же думаю, – ответил Володя.

Я продолжал:

– Ты-то хоть к земле был близок, в деревне рос, а я городской, асфальтовый...

Пожил я у него дней пять, как из родника испил водицы живой. И сам-то Володя словно родничок: речью своей, умом, образом, разговором, покоем насторожённым, несуетностью бойкой. Он – на пороге нового труда: хочет в XVII век заглянуть. Время подоспевает, назревает в душе плод, томит. Невмоготу мужику. Да и мне таково же...

Спал в самом просторном месте светлицы, на почётном ложе – под царским, марлевым пологом. Ходили на озеро купаться. Открывал окресты, которые вскорости пришлось переоткрывать-перечитывать в личутинском «Любостае». Жена его Евдокия обихаживала нас радушно, приветливо, спокойно, сама словно героиня мужниных творений.

26 июня. Важнейшее, может быть, эпохальное выступление В.Г. Распутина, транслировавшееся по ЦТ на всю страну. Манифест национального возрождения. Честно, ясно, прямо, не лукавя, не витийствуя, называя вещи своими именами. Он первый из первых в Отечестве нашем, бесстрашно заслоняющий собою вражескую амбразуру.

9 августа. Справил своё 42-летие у отца с матерью за городом. На следующий день купил новую машину. Сын счастлив, я тоже. Вчера совершил на ней рейс Москва – Псков: за 10 часов пролетел 800 километров. Хороша машина! Перед отъездом отправил перепечатанную набело статью «Искать в себе и в мире совершенство» в «Искусство кино», «Ветеран», «Наш современник». Послал письмо в Турцию с предложением постановки фильма «Жизнь Иисуса Христа».

Вчера, летя на своей машине по шоссе, я испытывал забытое чувство – радости и тревоги, устремлённости вперед, в неизведанное. На восемнадцатом году в семье – разрыв. Нет слов описать. Снова дорога. Снова в одиночестве. Судьба вернула меня себе самому. Что ж?! Вперёд!

13–14 августа. Был в гостях у старого своего псковского друга Валентина Курбатова. 20 лет назад меня познакомил с ним в Пскове Савва Ямщиков. В мае этого года мы вновь встретились в Новгороде. За эти годы Валентин стал одним из лучших литературных критиков России. Два тёплых вечера провели мы в его доме. Жена кормила нас борщом и пельменями, а мы беседовали о высоких и непростых материях нашей сегодняшней жизни. У Валентина вышла книжка о В.П. Астафьеве. Сейчас он пишет о Распутине и готовит к изданию грандиозную серию о гигантах русской философской мысли с иллюстрациями замечательного художника Селиверстова: Серафим Саровский, Флоренский, Фёдоров, Соловьёв, Леонтьев, Гоголь, Достоевский, Фет, Толстой, Блок, Бахтин, Лосев и ещё десяток российских исполинов духа и мысли. Труды более половины из них мне неизвестны. Обокрал нас наш век. Поделился с Валентином своим замыслом фильма о жизни Иисуса Христа.

Ездил в Печорский монастырь. Всё там по-прежнему, только нет уже отца Алипия. Висят его шесть икон Богоматери – свидетельство о художественном даре покойного архимандрита. Купил настольную лампу, икону Николая Чудотворца, послушал колокольный звон, совершаемый четырьмя монахами. Спросил у них, как найти отца Зенона, первого иконописца сегодняшней церкви. Увидеться не удалось.

15 августа. На один день слетал в Минск на пробы к Виктору Турову. Поговорил с ним и Добролюбовым, завязал отношения на будущее. Добролюбов сказал, что услуги Турции со стороны «Беларусьфильма» вполне возможны.

26 августа. Пять дней назад с Валентином Курбатовым махнули из Пскова к Пушкину – в Михайловское. На 42-м году жизни свершилось это эпохальное событие, долгожданное поклонение духовной Мекке России. Начали с визита к хранителю этих мест – С.С. Гейченко. Валентин уверенно распахнул дверь в дом хранителя пушкинского гнезда, и пред нами за длинным столом с самоваром, за чаепитием предстал этот легендарный однорукий старец. Приходу нашему обрадовался, немедленно стал угощать чаем, огурцами, карельским хлебом, пирогами и прочей снедью. На фото из «Лермонтова» мгновенно изрёк: «Это на уровне высокой живописи». Уединившись с Валентином в кабинете, он, видимо, был проинформирован Валентином обо мне подробнее, так как через три минуты я был приглашён туда и задарен подарками – печатными трудами Гейченко и куском ганнибалового дерева, недавно погибшего в бурю. Я рискнул показать ему свою пробу на Пушкина.

– А что?! – сходу сказал он. – Что-то есть! А глаза, глаза-то – похожи. И руки...

Я спросил его, возможен ли в принципе фильм о Пушкине. Он сказал, что многие брались за это и... отступали. Но это не только возможно, но обязательно будет. Он поделился своей мечтой «оживления» экскурсий, явлением перед публикой Пушкина: актёра, загримированного под Александра Сергеевича. Вот он прошёл в глубине дома... Вот он танцует с Кёрн...

– С моими орлами, не имеющими актёрского образования, каши не сваришь.

Валентин попросил его выдать нам разовый пропуск на проезд по Михайловскому и Петровскому, и Гейченко мгновенно подписал эту очередную реликвию. Фотопробу мою он оставил себе. Прощались тепло. Я молча прижал его руку к своему сердцу, желая ему добра.

Увиденное в заповедниках-музеях было грандиозно. Работу Гейченко провёл гигантскую и талантливую: усадьбы и парки, пруды и мосты, аллеи и постройки – создают величественную пушкинскую симфонию. Помолчал над могилой Пушкина у храма и под сводами церкви, где стоял гроб с телом всего каких-то 150 лет назад. Ощутил Пушкина и мёртвым, и живым: забавлявшимся с тригорскими красавицами, залезавшим во все окна их дома. С этих пор поэт стал ещё более ощутим для меня и реален.

По завершении экскурсии попарились в баньке художника-пушкиниста Энгеля, имеющего здесь дачу. Лучшая баня в России! Она стоит в святом месте Отечества. Распарившись, вышел в поле, по которому любил скакать Пушкин, и ветер приятно остужал мой разгоряченный торс. Практически получено первое компетентное благословение на воплощение Пушкина на экране. От самого Гейченко.

29 августа. Почти неделю был в Москве, отпраздновали Машенькин год. Распалась связь времён. Нужно привыкать к новому положению моей жизни. Впрочем, всё это я уже проходил, всё не ново. Заметил начало вытеснения из семейной обители: со стен исчезают фотографии и плакаты. Ивана подкупают дорогими подарками – велосипедом. И он осекается в разговоре со мной, повествуя о «совместной поездке» в Ленинград.

7 сентября. Псков. Съездили в Милётово, посмотрели храм XV века с почти утраченными фресками уровня Дионисиевских в Ферапонтово. Уже 7 лет их спасает Адольф Николаевич Овчинников, снимает с фресок кальки, восстанавливает. За эти годы некоторые фрески уже пропали совсем и существуют лишь в овчинниковских копиях на кальке. Отец Николай, 25-летний дьякон,

ввёл нас в дом отца Александра, также молодого священника, который совершил обряд освящения моей машины: ночью, в саду его домика. Он надел облачение, кадил, кропил, подарил мне в машину иконку Почаевской Богоматери. Дал мне книги с толкованием Евангелия. Возил нас в Старый Изборск, дважды устраивал щедрые ужины в нашу честь. А позавчера был на моём вечере в ДК строителей, где показали «Лермонтова». Были в зале и мои старые псковские друзья: Валентин Курбатов, Всеволод Петрович Смирнов, Александр Иванович Селивёрстов – стоматолог, поставивший мне 20 лет назад коронку, стоящую до сего дня. Попалась мне в руки брошюрка о таинстве церковной исповеди, приведшая меня в душевное смятение, ибо грешу я и не спешу к исповеди, очищению, раскаянию и праведной жизни.

В номере моём красиво: иконы, лик Спасителя с туринской плащаницы, лампада, календарь к 1000-летию Крещения, Библия, хорошие книги, цветы... По псковскому телевидению прошло интервью, в котором я успел высказаться о недопустимости передачи полякам на реставрацию храмов города. Отклики на это заявление не замедлили сказаться благодарными гражданами Пскова. Прошла и первая половина интервью по псковскому радио, вскоре будет окончание. Начали на радио запись «Ивана Вольнова», записали первую главу и прервались. Сегодня корреспондент «Псковской правды» прочитала мне свою статью обо мне, тоже приличную.

12 сентября. Вчера с отцом Николаем и тремя сотрудниками киногруппы поехали на моей машине в Печоры. Благословенный, духовно существенный для моей судьбы день. Я много слышал о монахе Зеноне, первом иконописце Русской Церкви, расписавшем Данилов монастырь и печорские храмы. В прошлый приезд в Печоры мне не удалось увидеть его. В этот раз отец Николай сходил к отцу Зенону на Святую Гору, где иконописец живёт в деревянном домике. Вернулся и сказал, что Зенон может принять меня одного. Через знакомый мне хозяйственный двор монастыря прошли, взобрались на Святую Гору. Зенон, сидя в кресле, беседовал с монахом. При нашем появлении его собеседник удалился. Я подошёл под благословение. Молодой монах в

чёрном облачении, лет сорока, добро приветствовал меня. Беседа сложилась сразу: спокойно, просто, о самом существенном. Этот человек полностью располагал к доверию.

Спустя 20 минут Зенон, несмотря на простуду, решил лично провести нас в Святые пещеры. Однажды я уже бывал здесь, но нынешнее посещение стало духовно важным приближением к единственно правому пути. Зенон открывал ниши, в которых в сложенных до потолка гробах покоились останки 11 тысяч Господних слуг, погребённых в пещерах за три столетия. Зенон приподнимал крышки-колоды самодельных гробов, показывал истлевшие останки. Зрелище тленно-величественное: черепа, кости, ткани, превратившиеся в чёрный прах. Не было ни страха, ни могильного отвращения, – были покой, душевная благость и сосредоточение. В Святых пещерах нет запаха тления – факт удивительный.

Посетил я и усыпальницу своего первого духовника отца Алипия. Зенон осветил фонариком край его гроба. Я склонился на колено, постоял в раздумье у последнего приюта того, кто так хорошо был мне известен своими щедрыми застольями, беседами, подарками, кто сберегал в своей картинной галерее – «Третьяковке» – шедевры живописи. Отец Алипий ничего не унёс с собой – всё осталось в яви. Вот его бренные останки. А где его бессмертная душа?

Никогда прежде я так полно не отдавался душевным молениям Спасителю, Богоматери и всем святым, погребённым в лавре, о благословении моего предстоящего труда. Впервые я ощутил душою, что изменение моего образа жизни – неотвратимо.

Зенон вёл нас по тёмным ходам пещер, идя впереди с фонариком в руках. У каждого из нас в руке трепетали свечные огоньки. То прямо в глубине хода, то в проулке справа в глубине виднелись цветные огоньки лампадок. По выходе из пещер Зенон попросил молодого весёлого инока провести нас в Никольскую церковь. Алтарь, расписанный Зеноном, был великолепен и по искусству, и по красоте. Он большой художник, недаром почитаемый первым иконописцем современной Руси. И в этом храме молитвенное состояние духа было празднично-печально, как перед великим свершением в преддверии запредельной Тайны. Припав к

чудотворной иконе Святителя Николая, я просил о помощи. В завершении один поднялся на Святую гору к Зенону. Более часа мы просидели в его келье, беседуя о сокровенном и земном.

Я спросил:

– Нужен ли сегодня фильм о Спасителе? Возможен ли в принципе подобный фильм?

– Нужен, – был его ответ.

Я сказал, что этот труд потребует от меня коренного изменения жизни и что я изменю её. Спросил разрешения приехать ещё раз на более длительное время, на причастие и исповедь. И получил согласие. Зенон подарил мне икону Святителя Николая (на литье), масло для всех гостей, фотографии отца Алипия и монастыря.

15 сентября. Заехав из Пскова в Москву за Иваном, отпраздновав 13 сентября его 12-летие, мы с ним вылетели в Краснодар на съёмки фильма «Сувенир для прокурора». Сейчас, засыпая в гостиничном номере, он спросил меня:

– Пап, а когда ты домой-то приедешь? Когда закончатся твои съёмки?

– Это будет не скоро, – ответил я после долгого молчания.

22 сентября. Вчера возвратился в Псков и сразу же с В. Курбатовым на моей освящённой машине-«белухе» полетели в Пушкинские горы поклониться поэту и передать в дар музею часть из «Лермонтова» с пушкинскими сценами. Семёна Степановича Гейченко застали врасплох. Он пригласил нас зайти на чаепитие к 17 часам. За два часа объездили Тригорское и Петровское, побродили по заповедным аллеям. День как по заказу – золотоосенний: листва шумит под ветром... солнышко... косяк журавлей поспешает в тёплые края... лошадь валяется-кувыркается в поле... Музейщики ропщут на старика Гейченко, не желающего покидать своё место под солнцем.

Два часа чаёвничали у Семёна Степановича. Он снова был на коне, рассказывал о былых днях России, о своём заключении, злоключениях и российском императоре, о лошадях и доносчиках, о Кирове и о своём детстве. Жена его, видимо, слыша это уже

в который раз, покинула стол, а возвратившись, переводила разговор на околотеатральные темы: Эфрос – Любимов...

19 сентября. В ДК «Серп и Молот» посмотрел документальный фильм «Под благодатным покровом»: двухчасовое эпическое повествование Бориса Карпова о тысячелетии Русской Православной Церкви, о русской истории и праведниках-страстотерпцах. Более важного события в нашей сегодняшней культурной и духовной жизни я не знаю. После сеанса обнял Карпова крепко и поцеловал: «Какой же вы молодец!»

30 сентября. «Так дни бегут, печали умножая...» Виктор Туров утвердил меня. Эх, жизнь моя цыганская: 27-го вечером – ужин во Пскове, 28-го утром – завтрак в Латвии (Даугавпилс), обед в Литве (Зарасай).

1 октября. Псков. Показал отцу Зенону «Лермонтова». По окончании просмотра он сказал:

– Я присоединяюсь к сказанному вам хорошими писателями... Фильм замечательный... Без лишней воды, сконцентрированный на самом главном в каждом кадре. Я тоже стараюсь так работать... С максимальной концентрацией.

Отвёз отца Зенона на службу в храм, вручив ему на прощание новый альбом и попросив написать его мнение о фильме. Он сказал:

– Много, видимо, не надо?

– Почему? Чем больше, тем лучше.

«Фильм впечатляет ясностью композиции, наполненностью и оставляет ощущение света. Одобрительные отзывы наших выдающихся писателей должны ободрить автора, дать силы для мужественного перенесения тех нападок, которым подвергся фильм со стороны предвзятой критики. У произведения искусства, как и у

людей, разные судьбы. Но если художнику удалось своим творчеством приобщить других к Красоте – его произведения проживут века. Фильм приобщает к духовной Красоте. Игумен Зенон. 4 октября 88. Псков».

Потом мы долго беседовали, сидя в кремлёвском соборе перед расписываемым отцом Зеноном алтарём, уже почти полностью завершённым иконостасом. На нас смотрели прекрасные лики Спасителя, Богоматери, апостолов... Мы говорили о вере и заблуждениях теологов (типа Блаватской), о неправоте Н.К. Рериха, отступившего от христианства, о единственном пути ко спасению в служении Христу... Договорились, что в декабре я приеду в Печоры – поработать над грядущей темой...

ЭПИЛОГ

4 января 2011 года. Со дня создания «Лермонтова» минуло четверть века! Фильм продолжает жить и бороться за душу Михаила Юрьевича и души своих зрителей. Словно дорогое вино, фильм выдерживается, набирает во времени духовную силу, и не только не устаревает, но обретает новое качество. С ещё большей силой сегодня зазвучали эпизоды братоубийственного кавказского сражения на реке Валерик, ещё актуальнее звучит ныне тема любви к Родине, подвига во славу России, бесстрашия и бескорыстия...

Тысячи просмотров состоялись по всей планете за протекшие 25 лет. На сотнях из них мне удалось присутствовалть лично: в десятках городов России (от Петропавловска-Камчатского до Калининграда, от Санкт-Петербурга до Севастополя), в Белоруссии, Украине, Грузии, Казахстане, Латвии, Сербии, Черногории, Болгарии, Северной и Южной Америке, Австралии, Вьетнаме, Турции, Австрии, Великобритании, Китае, Финляндии, Греции, Польше, Чехии, Словакии, Венгрии, Германии, Франции...

Реакция во всех просмотровых залах мира – единая: слёзы, просветление, благодарность... После каждого показа люди, стоя, приветствуют «Лермонтова» аплодисментами: так было четверть века назад, в 1986 году, на первом просмотре в Пензе, так было и спустя четверть столетия – в 2010 году в Вене, Зальцбурге, Бра-

тиславе, Москве, Петербурге... Невероятно, но фильм приняли те, кому, казалось бы, сложнее всего угодить, – все лермонтоведы страны, специалисты по мировой литературе, выдающиеся писатели, учёные, музыканты, художники, педагоги... Из тысячи отзывов, записанных в открытые для каждого зрителя альбомы, отрицательных только пять, и те – анонимные. Статистика подтверждает, что фильм не пожелали принять всего – 0,005%.

«...В СЕБЕ ОДНОМ НАШЁЛ СПАСЕНЬЕ ЦЕЛОМУ НАРОДУ»

К 175-летию М. Ю. Лермонтова

Михаил Юрьевич Лермонтов всегда писал то, что потом подтверждал своей жизнью. Все его творчество – предельная исповедь, абсолютная правда сердца. Правда, обретённая поэтом ценой самой жизни, «купленная кровью».

Явившись на свет Божий через два года после победы русского оружия над Наполеоном в «Москве, спаленной пожаром», Лермонтов с «младых ногтей» впитывал рассказы о ратных подвигах в войне. Воевал и его отец, и многие сородичи Столыпины, и тарханские соседи, и крепостные мужики, недавно возвратившиеся с полей брани, которым юный Лермонтов требовал от бабушки ставить новые избы.

– Да, были люди в наше время,
Не то, что нынешнее племя...

Лермонтов был привезён в тарханское имение бабушки, когда ему было полгода. Здесь прошла половина его жизни, здесь среди необозримых полей, раздольных российских просторов, среди деревенской жизни с её вековечным крестьянским укладом, обычаями, обрядами, сказками, преданиями и песнями пробуждалось его светлое бесстрашное сердце, здесь обрёл он любовь к Отечеству.

Здесь в тринадцатилетнем возрасте узнал он о казни пяти декабристов, о том, что его любимый дед-герой, генерал Д.А. Столыпин, которого декабристы прочили в состав своего правительства, внезапно и странно скончался во цвете лет той страшной зимой, когда начались аресты «бунтовщиков». Здесь он постигал творения своего кумира А.С. Пушкина, открыл потрясшего его поэта-бунтаря Байрона...

Нет, я не Байрон, я другой.
Ещё неведомый избранник,
Как он гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Здесь, в Тарханах, напитавшись соками родной земли, духовной красотой и мощью народа, созрело сердце поэта, пропевшее однажды:

А вольность мне гнездо свила,
Как мир необъятное...

Вольность, воля – ключ к пониманию творчества и жизни М.Ю. Лермонтова. «За дело общее, быть может, я паду...» – эти провидческие слова поэт написал, когда ему было всего шестнадцать лет.

Ещё не знаешь ты, кто я.
Утешься. Нет, не мирной доле,
Но битвам, родине и воле
Обречена судьба моя...

Пафос патриотического служения, самопожертвование во имя Отчизны освящают многие поэтические произведения Лермонтова.

О взгляни приветно в час разлуки
На того, кто с гордою душой
Не боится ни людей, ни муки,
Кто умрёт за честь страны родной.

Гений Лермонтова был способен даже увидеть сам миг своей смерти, пережить его многократно и не один раз описать то, чему суждено будет с ним случиться.

Скажи им, что навылет в грудь
Я пулей ранен был.

Лермонтов предвидел даже то, что жизнь его будет пресечена на Кавказе.

В полдневный жар в долине Дагестана
С свищом в груди лежал недвижим я;
Глубокая ещё дымилась рана,
По капле кровь точилася моя.
Лежал один я на песке долины;
Уступы скал теснилися кругом,
И солнце жгло их жёлтые вершины
И жгло меня—но спал я мёртвым сном...

Не к самому ли Лермонтову относится его бесстрашная ода «Смерть Поэта», положившая начало его восхождению на литературную Голгофу России, ставшая поводом для нескончаемой опалы, ссылок и, наконец, подлого убийства?

Знание Лермонтовым своей жизни и смерти поражает, отвага, бесстрашное служение истине и Отечеству при понимании неотвратимости своей гибели на этом пути восхищает, окрыляет сердца потомков, вызывает преклонение перед жизненным подвигом великого поэта. Впрочем, у кого преклонение, а у кого и ненависть, клевету.

Я предузнал мой жребий, мой конец,
И грусти ранняя во мне печать;
И как я мучусь, знает лишь Творец;
Но равнодушный мир не должен знать.
И не забыт умру я. Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне...

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревущих вод
И под туманным небом...

Можно ещё и ещё приводить примеры провидения Лермонтовым своей трагической гибели, как, впрочем, и множество поэтических примеров бесстрашия поэта перед своей «казнью».

Напрасна врагов ядовитая злоба.
Рассудит нас Бог и преданья людей;
Хоть розны судьбою, мы боремся оба
За счастье и славу отчизны своей.
Пускай я погибну... близ сумрака гроба
Не ведая страха, не зная цепей.

История России богата именами патриотов. М.Ю. Лермонтов по праву стоит в первых рядах героев Отечества, совершивших христианский подвиг самопожертвования.

Уж постоим мы головою
За Родину свою!

Так написал, так и прожил Лермонтов. В 26 лет от роду, приняв мученическую смерть, он вспыхнул ярчайшей звездой на российском небосклоне, освещая и укрепляя сердца потомков своим примером.

Как ни печально, но приходится признавать определённую правоту поэта и в предвидении своей посмертной участи. «Собаке – собачья смерть», – изрекла высочайшая особа, заглушив сановную память о поэте на долгое время. Надолго, но не навсегда, ибо есть не зависимое от злой воли «чувство правды в сердце человека». «Бог и преданья людей» рассудили по-своему. Народ и время канонизировали М.Ю. Лермонтова как великого русского поэта, классика, основоположника и предтечу современной поэзии.

Тысячи раз рука Михаила Юрьевича написала слова «любить», «любовь». Это самые часто повторяемые поэтом слова, которые, по подсчётам лермонтоведов, встречаются в его поэзии более 1500 раз. Влюбленность – постоянное состояние его пламенной души.

И не могу любовь определить.
Ни эта страсть сильнейшая! –Любить
Необходимо мне; и я любил
Всем напряжением душевных сил.
Я вижу, что любить как я, порок,
И вижу, я слабей любить не мог.

Лермонтов любил свою мать, песню которой он пронес в сердце через всю жизнь, любил отца и бабушку, страдая от их разлада, любил и защищал крепостных крестьян, плативших ему ответной любовью, любил своих подлинных, увы, немногочисленных друзей. Не многих он допускал в свое сердце, и эти немногие друзья говорили и писали о нежном, трепетном, любящем сердце Михаила Юрьевича Лермонтова. С другими, недопущенными в свою душу, а таковых «в свете» было большинство, поэт мог быть совершенно другим.

Он знал, с какой миссией он явился в этот мир: «Я рождён, чтоб целый мир был зритель торжества иль гибели моей». И он мог постоять за свой поэтический дар, за свою душу, полную любви к истине, поэзии и Отечеству. От его синенных, всевидящих, проницательных глаз иные убегали, как от молний. Поэт мог бесстрашно ответить убийцам Пушкина, мог постоять за свою честь, мог даже ребенком броситься с ножом на человека, истязавшего дворового мальчика, мог дать отпор своим духовным антиподам, но никогда агрессивные начала не были сутью Лермонтова, как то хотели подчас преподнести иные сплетники.

Я холоден и горд; и даже злым
Толпе кажуся; но ужель она
Проникнуть в сердце дерзко мне должна?
Зачем ей знать, что в нём заключено?
Огонь иль сумрак там — ей всё равно.

Лермонтов понимал, что его любовь к Отчизне будет непонятной и странной в глазах окружавшей его «светской черни», столичных баловней, кочующих по паркетам. Ведь всё, что любит поэт, слишком «простонародно»...

...Но я люблю — за что, не знаю сам —
Её степей холодное молчанье,
Её лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек её, подобные морям...

Просёлочным путем люблю скакать в телеге,
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень;

Люблю дымок спалённой жнивы,
В степи ночующий обоз,
И на холме средь жёлтой нивы
Чету белеющих берёз.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно;
И в праздник, вечером росистым.
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.

Стихи Лермонтова – предтеча грядущей за ним деревенской лирики, предтеча Есенина, Рубцова...

Достаточно вглядеться в прижизненные портреты Лермонтова, чтобы избежать сомнений в том, что это был очень красивый человек. Разные художники писали Лермонтова в разные годы его жизни. Изображая Михаила Юрьевича и различных мундирах, все художники были едины в передаче пламенных глаз поэта. В них – высокая душа, сердечная любовь и нежность, ум и бесстрашие.

Порой говорят, что Лермонтов был завистлив. Но кому мог завидовать храбрейший офицер, любимец первых красавиц света, всегда появляющийся со своей «сотней» в красной мансуровой рубашке там, где было всего опасней? Кому мог завидовать воин-джигит, которому не было равных во владении пистолетом, саблей, конем, дважды представленный к почётному оружию – золотой сабле с надписью «За храбрость»?

Лермонтов говорил на нескольких языках, был образованнее обучавших его профессоров Московского университета. Он прекрасно пел, играл на фортепьяно и на скрипке, был удивитель-

ный математик и шахматист... Много выдающихся достоинств Лермонтова можно было бы ещё назвать, но ограничимся лишь ещё двумя – замечательный художник и великий поэт, признанный ещё при жизни преемником А.С. Пушкина.

Наибольшей тайной в лермонтоведении окутан трагический финал жизни поэта, его «казнь»... По сей день неизвестно, что же произошло «во вторник 15 июля 1841 года близ Пятигорска, у подножия горы Машук, где Лермонтов был убит выстрелом в грудь навылет».

Но зададим вопросы себе и будущим исследователям жизни Лермонтова, чью честную, бескомпромиссную работу, чьи ответы ожидает наша культура.

Вероятно, был близок к проникновению в эту тайну известный литературовед и критик Юрий Иванович Селезнёв, чья жизнь внезапно оборвалась в расцвете творчества. Он готовил книгу о Лермонтове для серии «ЖЗЛ» и поделился со мной, только что приступившим к созданию фильма о поэте, своими мыслями. Он исследовал окружение поэта, фигурирующее в лермонтоведении как «кружок шестнадцати». Эти юнцы – графы, князья, бароны, дети особо приближённых к императору отцов – неотступно следовали за Лермонтовым последние два года его жизни. Двое из них (Васильчиков и Столыпин – Монго) присутствовали при дуэли Лермонтова. И начинаются вопросы. Почему Столыпин-Монго, дважды приводивший своего родственника Мишеля Лермонтова под пули (на дуэль с Барантом и на дуэль с Мартыновым), до конца своей жизни не написал правды о смерти поэта? Почему убийце Лермонтова – Мартынову, – взятому под стражу, позволили свободную переписку с секундантами для выработки общности показаний? И почему при этом показания все равно полны противоречий, о количестве прозвучавших на дуэли выстрелов? Почему секундант Лермонтова Глебов пишет Мартынову: «Я должен же сказать, что уговаривал тебя на условия более легкие... Теперь покамест не упоминай об условии трёх выстрелов; если позже будет о том именно вопрос, тогда делать нечего: надо будет сказать всю правду»? (Лермонтовская энциклопедия. М., 1981. С. 153.) Какова подлинная роль введенного в следственную комиссию подполковника корпуса жандармов Кушиннико-

ва, «осуществлявшего но заданию Бенкендорфа секретный политический надзор»? (Там же. С. 154.) Когда и куда исчезли все документы о деятельности Кушинникова на Кавказе? Куда исчезло окончание «исповеди» Мартынова, решившего в конце жизни написать правду о том трагическом событии? Какова достоверность версии о том, что Мартынов во время церковной исповеди говорил священнику о своей невиновности?

Многие исследователи писали о том, что участники дуэли – Мартынов и секунданты – словно знали о своей грядущей безнаказанности. Это подтвердило и недавно опубликованное письмо князя Васильчикова (отца), посланное князю Васильчикову (сыну) в Пятигорск. Описав раздражение императора при упоминании о Лермонтове и слова самодержца о том, что Лермонтов не должен вернуться с Кавказа, Васильчиков-отец рекомендовал сыну и его друзьям самим управиться с неуёмным поручиком. И они «управились» сами... И не понесли никакого законного наказания; Мартынов даже не был лишен чинов и прав состояния. Помиловали и секундантов.

Дело об убийстве великого поэта России было закрыто, но открытыми и остались вопросы потомков к участникам этого преступления.

Даже при поверхностном сопоставлении истории гибели Пушкина и Лермонтова, убитых один за другим с интервалом в четыре года, видно, что к решению судеб российских пророков причастен один и тот же круг лиц. Трагедия Пушкина и Лермонтова завязана в единое хитросплетение. В двух русских гениев стреляли два друга-однополчанина Дантес и Мартынов. Пушкин был лишен жизни пистолетом, одолженным Дантесом у Баранта. Барант ровно через два года стреляет, быть может, из того же пистолета в Лермонтова и. к счастью, промахивается. Но через год Лермонтова «добивает» приятель Дантеса Мартынов. Одна и та же петербургская модная гадалка мадам Кирхгоф предсказывает гибель Пушкину, а спустя немного времени – и Лермонтову! Явно не последнюю роль сыграл в трагедиях Пушкина и Лермонтова, а ранее и Грибоедова министр иностранных дел России, масон Карл Роберт Нессельроде, приведший в итоге своей деятельности Россию к войне с Турцией. «Лермонтовская энциклопедия»

констатирует: «После дуэли Лермонтова с Э. Барантом Нессельроде был одним из противников «помилования» поэта». Жена Нессельроде – враг Пушкина. Её салон отличался снобизмом и консерватизмом.

Смерть Пушкина и смерть Лермонтова едины в своем трагическом повторении.

Погиб поэт! – невольник чести –
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!..

И к самому Лермонтову применимы стихи, адресованные им Пушкину:

Ты пел о вольности, когда
Тиран гремел, грозили казни;
Боясь лишь вечного суда
И чуждой на земле боязни...

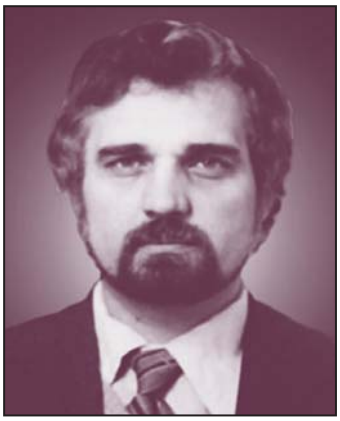
Замечательный русский философ и историк отечественной литературы Даниил Андреев писал, что Лермонтов – «огромный один из величайших у нас в XIX веке – ум».

Двадцатишестилетний Лермонтов уже стоял на пороге духовного возрождения, на пороге новых невиданных творческих откровений, готовился к написанию грандиозной трилогии из трех эпох, трех царствований российской истории. Одно за другой выходили из-под его пера жемчужины Слова, невиданные по красоте и силе, – «Мне грустно, потому что я тебя люблю», «Горные вершины спят во тьме ночной», «Наедине с тобою, брат», «Люблю Отчизну я», «Ночевала тучка золотая», «В полдневный жар в долине Дагестана», «Нет, не тебя так пылко я люблю», «Выхожу один я на дорогу», «Пророк»... Именно в это время оборвалась его жизнь...

Но и того, что успел создать гений Лермонтова, стало достаточном, чтобы он занял одно из первых мест среди великих поэтов и писателей России и мира. Учителем своим признавали

Лермонтова Толстой, Достоевский, Чехов, Горький, Бунин... На все грядущие века он пребудет для потомков не только Учителем высочайшей духовной поэзии и литературы, но и пророком, бесстрашным подвижником русского духа, преподавшим потомкам светлый пример самоотверженного служения Отечеству.

За дело общее, быть может, я паду
Иль жизнь в изгнании бесплодно проведу;
Быть может, клеветой лукавой поражённый,
Пред миром и тобой врагами униженный,
Я не снесу стыдом сплетаемый венец
И сам себе сыщу безвременный конец...
Пускай виновен я пред гордыми врагами.
Пускай отмстят; в душе, клянуся небесами,
Я не злодей, о нет, судьба, губитель мой;
Я грудью шёл вперёд, я жертвовал собой.



«Я ГРУДЬЮ ШЁЛ ВПЕРЁД. Я ЖЕРТВОВАЛ СОБОЙ...»

Юрий Иванович Селезнёв

Личность духовная осознаёт свою причастность вечной жизни мира и потому даже перед лицом смерти своего личного «я» принимает жизнь, приветствует и благословляет.

Ю.И. Селезнёв

Вновь перелистываю книгу «Достоевский» – основной памятник подвижнической жизни Юрия Ивановича Селезнёва, – вчитываюсь в цитаты, выбранные автором из творений Ф.М. Достоевского в качестве эпиграфов к главам книги:

«Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте».

«Не потеряйте жизни, берегите душу, верьте в правду. Но ищите её пристально всю жизнь, не то ужасно легко сбиться».

«В несчастии яснеет истина».

«Всякий, кто захотел истины, уже страшно силён».

«От народа спасение Руси... Берегите же народ и оберегайте сердце его».

«Лучшие люди должны объединяться».

Думаю, это смело можно назвать заповедями жизни Ю.И. Селезнёва. Выбор цитат автором всегда не случаен: избирается то, что созвучно душе. Безусловно, програмы для Юрия Ивановича и слова Н.В. Гоголя, приведённые им в статье «Созидающая память»:

«Другие дела наступают для поэзии... Как во время младенчества служила она тому, чтобы вызвать на битву народы... Так придётся ей теперь вызывать на другую, высшую битву человека – на битву уже не за временную нашу свободу, права и привилегии наши, но за душу...»

Именно за душу человека, за её чистоту и возвышение боролся Ю.И. Селезнёв. *«Поэт-воин, боец, трагически идущий навстречу катастрофам в самое пекло хаоса, ибо только собственным*

участием в борьбе можно определить, хотя бы и ценой собственной гибели, исход этой борьбы» – эти слова Юрия Ивановича о Тютчеве целиком относятся и к самому их автору.

Да, только собственным участием в борьбе можно определить её исход. Это жизненное кредо Ю.И. Селезнёва, эта магистральная мысль его бытия прозвучала в художественном фильме «Лермонтов», когда Юрия Ивановича уже не было среди нас. Они прозвучали в устах Михаила Юрьевича Лермонтова, героя последней, не воплотившейся книги Ю.И. Селезнёва. Не только рукописи, но и мысли человеческие не горят, не исчезают, но как эстафета передаются окружающим, укрепляя их сердца. Не написана книга Юрия Ивановича о Лермонтове, но многие положения предполагаемой книги, мысли, гипотезы, утверждения вошли в фильм о великом русском поэте. Я благодарю судьбу за то, что она подарила мне три встречи и десяток телефонных диалогов с Юрием Ивановичем до того, как оборвалась его жизнь, до того, как началась жизнь фильма «Лермонтов».

7 апреля 1984 года на сцене московского Дома журналистов я рассказывал о четырехлетней работе над лермонтовской темой, о желании снять фильм о великом поэте. После вечера ко мне подошёл человек и сказал, что есть такой Ю.И. Селезнёв, замечательный литературный критик и писатель, автор книги о Достоевском, создающий сейчас для «ЖЗЛ» книгу о Лермонтове, и что нам просто необходимо с ним повстречаться. Человек этот был близким приятелем Юрия Ивановича. Он при мне позвонил Ю.И. Селезнёву и так же темпераментно, как только что говорил мне о Юрии Ивановиче, стал говорить ему обо мне и заключил тем, что мы непременно должны увидеться. Так состоялось наше заочное знакомство. В этот же вечер наш настойчивый «сводник» вручил мне книгу Юрия Ивановича «Достоевский».

Книга меня ошеломила, открыла новое мощное явление в нашей литературе – талантливого писателя и мыслителя, гражданина. Духовная устремлённость к идеалу, позитивность исканий, речь без иносказаний, нравственная чистота, бесстрашное «упоение боем» – все было прекрасно в этой удивительной книге, а значит, и в её авторе. Появилось необходимое желание увидеть этого человека: душа потянулась к душе. Следом я «проглотил»

следующую книгу Ю.И. Селезнёва – «Мысль чувствующая и живая» – и открыл нового литературного критика.

Через несколько дней, в пасхальную ночь мы с приятелем Юрия Ивановича подъехали к его дому. Хозяин с нетерпением ожидал нас, стоял у окна, махал нам рукой. Мы ещё выходили из лифта, а Юрий Иванович, не дожидаясь нашего звонка, широко распахнул дверь, встречая нас на пороге. Презрение к чопорному столичному этикету, нежелание соблюдать регламент, но – жизнь по правде, по устремлению души, любовь к ближнему – вот что заключалось в этом порыве. Внутренняя мощь и душевная деликатность – на пороге нас встречал улыбающийся Юрий Иванович Селезнёв. До этого мгновения я не раз мысленно спрашивал себя: каков он, Селезнёв?.. Как часто ожидаемое не совпадает с действительным. Но тут – совпало: книги и их автор. И немудрено: ведь слово и дело было едино для этого человека.

Итак, вот он: красивый, голубоглазый, приветливый, сильный, статный витязь из народной былины. Долгое, крепкое рукопожатие... «Именно таким я вас и представлял...» – не удержался я от признания.

Сближение произошло мгновенно. Я полностью впустил Юрия Ивановича в своё сердце, хочется думать, что это было взаимно. Было видно, как доволен наш «сводник». Он тактично отошёл на второй план, не прерывал наш диалог, переводил взгляд с одного на другого. Мы говорили о многом, но доминировали две темы: Достоевский и Лермонтов. Юрий Иванович внимательно выслушал мой рассказ о работе над сценарием фильма о Лермонтове, о четырёхлетних похождениях по кругам киноинстанций, о битвах за право постановки фильма о великом поэте.

В эту пасхальную ночь зашёл разговор о Христе и христианстве, о жертве человека во имя всеобщей гармонии, о подвиге. Помню, Юрий Иванович высказал тогда интересную мысль:

– Как теперь облучают раковую опухоль, так Христос явился светлым спасительным лучом в самое пекло корысти, исчадие ада...

Кто-то задал вопрос: «Почему фарисеи не вняли спасительным речам?» Юрий Иванович рванулся из-за стола в другую комнату и через мгновение вернулся с книгой в руках; быстро нашёл интересующее его в «Евангелии от Иоанна» место, прочёл:

– «Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нём истины. Когда говорит он ложь, говорит своё, ибо он лжец и отец лжи... Вы потому не слушаете, что вы не от Бога».

(Позднее эта мысль Юрия Ивановича о «светлом луче, направленном в самое исчадие корысти», прозвучала в фильме «Лермонтов».)

Уединившись с хозяином в его кабинете, я спросил:

– В какой стадии ваша работа над Лермонтовым?

– Мне осталось прочитать совсем немного, около сорока авторов, и я начну писать. Видимо это будет через пару месяцев. Я должен знать всё, вплоть до того, какие на мундире Лермонтова были пуговицы во время встречи с Белинским... Вы читали эту книгу?

Юрий Иванович протянул мне редкую книгу Нарцова, изданную в 1914 году, исследующую род Мартынова, убийцы Лермонтова. Он обратил моё внимание на герб рода Мартыновых, на котором красовались масонские символы: три шестиконечных звезды и карающий меч в руке, протянутой из облака.

– Любопытно, – сказал Юрий Иванович, – этот герб был обнародован единственный раз в четырнадцатом году и до сего дня ни разу не печатался в наших лермонтоведческих книгах...

В тот вечер я оставил Юрию Ивановичу на прочтение мой сценарий о Лермонтове.

Вскоре состоялась наша вторая, пожалуй самая важная, встреча с Юрием Ивановичем. Он говорил о своём впечатлении от сценария, высказывал свои мысли о Лермонтове вообще, открывал новое для меня, неназойливо направлял. Теперь многие отмечают, что Юрий Иванович торопился жить, не позволял себе болтать о несущественном, но только о самом главном. Так было и в этот раз. Но вместе с этой эмоциональной устремлённостью к цели я навсегда запомню ту форму, в которой Юрий Иванович говорил со мной, сидящим перед ним автором: ни тени менторства, великодушный такт, доброжелательство, товарищество. Он говорил, я конспектировал заинтересовавшие меня мысли. Теперь глубоко сожалею, что записывал не всё. Не исключено, что Юрий Ивано-

вич в тот день щедро делился со мной материалами, собранными для своей книги. Он говорил о том, как важно снять о Лермонтове достойный фильм. Дома я расшифровал свой конспект.

Привожу запись без литературной обработки, в том виде, в каком она легла в тетрадь.

«1. Не делайте Лермонтова злым...

2. Должна отчетливее выявиться основная идея фильма: *Осознанное самопожертвование российского гения в борьбе с силами зла*.

3. Лермонтов мыслит всей Россией, Вселенной. В каждой фразе Лермонтова звучит весь мир: «*Я вдруг нашёл себя, в себе одном нашёл спасенье целому народу...*» Говоря о себе, Лермонтов говорит о целом мире.

4. «Личность начинается не с самоутверждения, но – *самоотдачи*». Слово и поступок – едины, неразделимы. На деле докажи то, что дерзнул утверждать. Миссия, подтвержденная судьбой. Пушкин не стал бы Пушкиным, не прими мученической смерти за свои убеждения. С его гибелью сотворённое им вспыхнуло, осветилось новым светом. Таков закон: *подтверди жизнью*. Его не за жену убили; за знание первопричин зла и способность противостояния злу. Какое значение имеет моя жизнь на земле, если она не послужила народу, человечеству, созиданию гармонии, по образу и подобию высшей гармонии, отзвук которой люди слышат в своих душах. Факел истины не погаснет. Пушкин нёс его за всех нас на Руси, и мы не дали его обронить. Собьют с ног меня – поднимется в России другой человек.

5. Фильм должен нестись к своему идейному исходу, финалу: от рождения Лермонтова к... Вечности!

6. Лермонтов не должен бояться смерти, он презирает её. Приближающаяся гибель не страшна ему «и нам, зрителям», он – выше смерти. «*Кто близ небес, тот не сражён земным*».

Он смеётся в глаза смерти (очевидцы отмечали, что он с улыбкой стоял под дулом пистолета). Подвиг жизни Лермонтова: самопожертвование во имя Добра, Свободы, «Правды в сердце человека». Души, *всеобщей гармонии*.

7. На мою реплику «к вам нужно приставлять охрану» Юрий Иванович печально улыбнулся и сказал: «Нужно действовать... Ведь кто-то же должен. Разве мы не у себя дома живём? Не в России?.. Неужто станем бояться? Надо спокойно делать дело сво-

ей совести. Говорить народу правду. Люди услышат и подумают: “Значит, можно её говорить и жить так, как он. Ведь он-то смог... А чем я хуже?! Скажу и я!”»

8. Нельзя впадать в назидательность. Когда Лермонтов «цитирует себя», он должен это делать с иронией: мол, «когда-то я писал...».

9. Монго-Столыпин, родственник Лермонтова, лентяй, светский лев, «Печорин, возлежащий на коврах...» Он бессознательно – или сознательно? – дважды приводил Лермонтова под пулю: на дуэли с де Барантом и Мартыновым. Согласно правилам чести, «честно» привёл М.Ю. к роковому барьеру.

После убийства Лермонтова всю жизнь хранил тайну о его смерти. Он был милостиво выпущен в отставку и столь же милостиво отпущен за границу.

«Друзья» довели Лермонтова до дуэли. «Друзья» стреляли в упор. Всё здесь тайна. И убийство Л. нужно оставить загадкой.

10. Известен факт, что горцы на Кавказе не тронули Лермонтова: они показывали на него в бою своим товарищам, чтобы не стреляли в поэта.

11. Ключ к образу Мартынова в кличке Мартышка – подражатель, кривляка, передразнивающий Лермонтова, писавший графоманские стихи и прозу на темы, которых касался в своём творчестве Лермонтов. Лермонтов – Мартынов. Моцарт и Сальери, Бог и дьявол, истина и ложь, «Я» вселенское, ответственность за грехи всего мира, вселенская совесть – и «я» мелкое, бесовское. Мартынов убивает истину и в себе, и в другом человеке.

12. Юрий Иванович аргументированно доказал, что стихи «Прощай, немытая Россия» написаны не Лермонтовым. Но несмотря на отсутствие автографа, их упорно стараются приписывать Лермонтову. (Знал бы Юрий Иванович, что через три года после его ухода из жизни московские кинокритики, роем налетевшие на едва родившийся фильм и вонзившие в него 27 ядовитых жал, задолго до выхода на экран станут упрекать фильм в отсутствии «немытой России» и издеваться над словами героев о любви к Отечеству, называя их «пасхальными» и «выспренними»!)

13. Юрий Иванович высказал интересную гипотезу по поводу компании, вертевшейся вокруг Лермонтова последние два года его жизни, именуемой лермонтоведами «кружком шестнадцати».

Он говорил, что разрабатывает эту тему, исследует нити, тянущиеся в иезуитский орден... Все «кружковцы» – юные отпрыски семейств, приближённых к императору. Что общего могло быть у Лермонтова с этой «золотой молодежью»?

В 1840 году во время высылки Лермонтова на Кавказ члены «кружка шестнадцати» покинули Петербург одновременно с поэтом. В 1841 году на время отпуска М.Ю. «шестнадцать» съехались вслед за поэтом в Петербург и окружали его в столице. Когда Лермонтова вновь выслали на Кавказ и он оказался в Пятигорске, многие «кружковцы» снова оказались подле Лермонтова. Несколько человек из их числа присутствовали при убийстве Лермонтова. Потом подтасовывали общность показаний и все как один всю жизнь сохраняли тайну о подлинных событиях у подножия Машука. Что же это за «кружок»? Может быть, это своеобразная организация по ликвидации М.Ю. Лермонтова?..

14. «Не вернусь я с Кавказа...» Лермонтов повторил это раз десять разным людям. Он знал, что не вернётся...

15. «*Если не можешь купить – убей!*» – клич тёмных сил, клеветников из шайки Нессельроде. (Нессельроде и $К^0$ – подле Пушкина, потом они же – подле Лермонтова.)

Третья и последняя встреча была кратковременной. Солнечным майским днём я заехал к Юрию Ивановичу выслушать его мнение о моей повести и стихах. Хозяин был как обычно красив и бодр; казалось, наши контакты теперь будут постоянны и долговременны, ничто не предвещало скорого прощания навсегда. Юрий Иванович говорил, что нужно освобождаться от концентрации на личных поэтических переживаниях, стремиться к осознанию себя как частицы всего народа. Снова говорил о том, что нужно жизнью своей подтверждать истинность написанного тобой. От этой встречи осталась дарственная надпись на книге «Мысль чувствующая и живая». Позволю себе привести эти дорогие для меня слова: «Николаю Бурляеву – с почтением к таланту и глубокой симпатией к человеку – на соратничество. Сердечно Юрий Селезнёв. 22.V.84».

Съёмки картины начались через несколько месяцев после смерти Юрия Ивановича, но я ощущал его постоянное, незримое

присутствие. Многие его мысли воплотились в фильме «Лермонтов». Сегодня я с радостью обнародую то, что до сих пор было известно мне одному, – фильм «Лермонтов» посвящается памяти Юрия Ивановича Селезнёва. И ещё – его памяти были посвящены и стихи. Прошу не судить строго их поэтическое достоинство, они написаны от сердца. Вполне осознанно отправной точкой явилось лермонтовское «На смерть поэта». Несмотря на то что Юрий Иванович встретил свой смертный час в четырёх стенах чужого жилья, в моём сознании он пал на поле боя, ибо каждый миг его духовного бытия был очередным Бородиным его воительницы-мысли. Он был человеком просветлённой души. Его бесстрашие рождено знанием простой истины: добрые, духовные дела человека не подлежат тлению. Они бессмертны.

Погиб России светлый воин
На поле брани с клеветой.
Навечно славы удостоен,
Свой подвиг совершив земной.

Ты был певцом души народной
Издревле мудрой, удалой,
Непобедимой и свободной...
Ты пал за честь страны родной.

Язвил чело венец терновый;
Избранник гордо шёл вперёд;
Собой пожертвовать готовый
За Свет, за Правду, за Народ.

Был чист славянскою душою,
Красив и светел скифский лик;
Пленяя ближних красотою,
В словах и деле был велик.
Пред злой ордою Русь спасая,
Под стрелы выходил звонарь:
Он сердце нёс не размышляя
На светлый Родины алтарь.

Ты весь был – Правда и Свобода;
Мог неподкупный голос твой
Стать эхом русского народа...
Но враг расправился с тобой.

Ты был предтечей перелома.
Ты шёл бесстрашно на врагов.
«Ужель хозяин в светлом доме
Бояться станет пауков?»

Помянут будешь ты любовью,
Жизнь положивший за любовь.
Ты защищал своею кровью
Поэтов праведную кровь.

Уже который год, «Лермонтова» показывают по центральным каналам Российского телевидения. Я, в отличие от моего любимого Андрея Тарковского при жизни дождался прорыва моей картины к людям через телевидение! Фильм изучают в киноакадемиях мира. Сегодня можно смело утверждать «Лермонтов» выстоял и победил! Гонители фильма потерпели полное поражение, рассеялись в прах, развеялась память о них и о их «бросанье бешенном каменьев».

Сегодня, 5 августа 2011 года, когда в честь моего 65-летия, телеканал «Культура» показал моего многострадального «Лермонтова» на весь мир, я решил поставить точку в своём дневнике, хотя можно было бы вести его и дальше, ибо «Лермонтов» продолжает свою жизнь. Продолжает дарить людям «любви и правды чистые ученья».

Уже который год «Лермонтова» показывают по центральным каналам российского телевидения: я дождался этого при жизни! Фильм изучают в киноакадемиях мира. Сегодня можно смело утверждать: «Лермонтов» выстоял и победил! Гонители фильма потерпели полное поражение, рассеялись в прах, развеялась память о них и об их «бросанье бешеном каменьев».

Сегодня я решил поставить точку в своём дневнике, хотя можно было бы вести его и дальше, ибо «Лермонтов» продолжает свою жизнь, продолжает нести людям с экрана «любви и правды чистые ученья».

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь в трёх томах 3
Сын вольности 7
Дневник кинорежиссёра 99
Часть первая. «Провозглашать я стал любви и правды чистые ученья...» 103
Часть вторая. «...В меня все ближние мои бросали бешенно каменья» 309
«...В себе одном нашёл спасенье целому народу» 444
«Я грудью шёл вперёд. Я жертвовал собой...» 454

МОЙ ЛЕРМОНТОВ

Жизнь в трёх томах. Избранные литературные произведения
I том

Бурляев Николай Петрович

Директор АНО «ОСЛН» Л.Г. Рудин
Редактор – Т.Е. Ширма
Корректор – Л.И. Смирнова
Вёрстка – А.Е. Успенский

Подписано в печать 30.09.2011. Формат 70 x 100 1/16.
Объём 29 п.л. Тираж 1500 экз. Заказ № 2326.

Издание подготовлено при участии Издательства
«Общество сохранения литературного наследия»
«ОСЛН» www.osln.ru
Москва, 109044, а/я 22; e-mail: litnas@mail.ru
Тел. (495) 589-81-33, тел./факс (499) 795-27-35
Издательство будет благодарно за отзывы на данное издание.
Почтовый адрес для писем: 109044, Москва, а/я 22;
e-mail: litnas@mail.ru

Отзывы на книгу можно выслать на e-mail: mfzolotoyvityaz@mail.ru
www.zolotoyvityaz.ru

Отпечатано в ОАО «Типография «Новости»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, 46

ISBN 978-5-902484-42-4